

Наталья
ВЕЛЕНСКАЯ

Главное —

ЛЮБИТЬ

Он выбрал самый идиотский из всех возможных способов, чтобы залечить свои душевные раны — ввязаться в спор со своим лучшим другом. Познакомиться на улице и закрутить с первой попавшейся. Повеселиться и добавить еще одну победу к своему послужному списку, чтобы вновь почувствовать вкус жизни. К несчастью, той самой «первой попавшейся» стала я. Девушка с уже изрядно раненым сердцем, и которая всеми силами противится его чарам.

Совершенно случайно я узнаю об их споре. И это значит, что о победе он может забыть — ни на какие отношения я соглашаться не буду. Вместо этого я постараюсь максимально усложнить ему жизнь. Любыми доступными мне способами! Только он почему-то твердо уверен, что за какие-то три недели я смогу изменить своё решение. А мое сердце вновь научиться верить и любить...

Главное — любить
Наталья Веленская

Глава 1

Мне всё равно будет больно, какое бы я не приняла решение.

Именно так, я ответила подругам на вопрос, хочу ли я впускать в свою жизнь Корсакова. И ведь не ошиблась. Больно действительно было, и ещё как.

Я не знаю, как далеко он готов зайти в их споре с Мереминским. Не знаю, как скоро он наиграется, утешив своё самолюбие. Но я сделаю всё, чтобы максимально усложнить ему жизнь.

Понятия не имею, с чего придётся начать. Он старше, он опытнее меня во всём... На моей стороне сейчас только знание. Знание об истинном положении вещей, полученное благодаря болтливому языку господина Мереминского. А значит, хоть в чём-то, но у меня есть преимущество.

«Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». К мужчинам эта истина тоже вполне применима. Значит, просто нужно будет изображать из себя неприступную крепость, которая абсолютно равнодушна к любым знакам внимания. И лишь иногда преднамеренно давать слабину, так сказать, чтобы усилить интерес. Но потом... Потом, в какой-нибудь самый неожиданный момент я выскажу Корсакову всё! Всё, что я думаю о нём и о его друге! И об их замечательных способах веселья. И затем вычеркну его из своей жизни, забыв, как страшный сон.

Главное — не отключать голову в его присутствии. Но с учетом того, как иногда я на него реагирую, сделать это будет ой как не просто...

Завернув за угол, я увидела знакомую чёрную машину, рядом с которой стоял Корсаков. Сердце забилось в бешеном ритме, каждым новым ударом болью отзываясь в груди. Пришлось сжать руки в кулаки, чтобы придать себе сил и уверенности. Я выдержу, я смогу. И ни одна живая душа на целом свете не узнает, что на самом деле творится у меня внутри.

Мой взгляд неспешно скользил по силуэту парня, подмечая каждую деталь. Я не хотела им любоваться, но в то же время, не могла перестать этого делать. Широкие в меру подкаченные плечи отлично подчеркивались чёрной кожаной курткой на распашку. Саша напряжённо вглядывался в сторону бара, точно я каким-то неведомым способом могла проскользнуть мимо, стоит ему только моргнуть.

— Беги. Кажется, твой Ромео уже заждался, — усмехнулся Ярик, останавливаясь рядом со мной. Я даже и не заметила, что некоторое время просто стою и гипнотизирую взглядом Сашу.

Кивнув Мереминскому, я сделала робкий шаг в сторону Александра третьего. Шаг, снова шаг. Корсаков, точно почуяв моё присутствие, обернулся. В тёмно-серых глазах я уже не видела лёгкую дымку, а лишь два тёмных омота, которые стремились проникнуть в самую душу.

— Ты уже здесь, — проговорила я, сокращая расстояние между нами.

— Да...

Саша запнулся, заметив вдали знакомый силуэт Мереминского. Будто хотел добавить что-то ещё, но в последний момент передумал.

Без лишних слов я шагнула к нему и порывисто обняла, уткнувшись лбом ему в грудь.

— Казнить нельзя, помиловать? — удивлённо проговорил Корсаков, едва заметно касаясь губами моих волос.

Я мысленно ухмыльнулась, и нацепив свою самую искреннюю и очаровательную улыбку, посмотрела ему в глаза. Помилован значит? Ну-ну. Пускай продолжает так думать и дальше. Как говорила моя бабушка, это просто мужчина, а при большом желании любого мужчину можно обвести вокруг пальца. Главное, вовремя затушить молнии, которые сверкали от гнева в моих глазах.

Я услышала, как Мереминский сзади громко присвистнул и что-то нечленораздельно пробурчал в нашу сторону. Да, после нашего недавнего разговора моё поведение выглядело максимально нелогично и глупо. Ну что ж, спишем всё на то, что я женщина.

Мир будто замедлил движение. Уличный шум растворялся в ночи. Корсаков смотрел на меня сверху вниз, улыбаясь лишь уголками губ.

— Мереминский — дурак, — решила начать я с эпичной подводки.

— Америку ты мне сейчас не открыла.

— Это я к тому, что он нам решил устроить небольшую проверку. И все его подкаты ко мне оказались липовыми. Просто чтобы вызывать твою ревность. А ты повёлся, значит, тоже не лучше, — заключила я.

— Я-то повёлся. А вот ты? — Корсаков упирается в меня своим пристальным взглядом.

— А я — нет.

— Тогда что за хрень творилась в последние дни? — сжимает чуть сильнее мои предплечья.

Повторять, что Мереминский дурак, который несколько раз умудрился всех запутать, показалось мне не самой удачной мыслью. Я тяжело вздохнула и потянула Корсакова к машине.

— А вот это уже другая история. Поехали, расскажу по дороге.

Безразличным взглядом я смотрю на проплывающие мимо дома, вывески кафе и магазинов. В машине тепло, и меня понемногу начинает клонить в сон. Но спать нельзя. Не сейчас. Тряхнув головой, отгоняю навязчивое желание сомкнуть веки, и перевожу взгляд на Корсакова. Саша спокойно вёл машину одной рукой. Вроде бы быстро, но так плавно и уверенно, что я невольно залюбовалась.

— Я удивлён, — с едва заметной улыбкой начал Александр третий, периодически задумчиво поглядывая на меня, пока мы стояли на светофоре.

— Чему?

— Как быстро поменялось твоё настроение, — усмехнулся Саша. — После всего, что случилось, я думал, лучшее на что могу рассчитывать — это переместиться в чёрный список.

— Во-первых, я обещала поговорить. А обманывать, между прочим, нехорошо, меня так в детстве учили, — на последних словах я пристально взглянула на Корсакова, но ни один мускул на его лице не дрогнул.

— А во-вторых?

— Можешь поблагодарить своего друга, он разрешил одно досадное недоразумение.

— По-моему «недоразумение» — это второе имя Мереминского, — пробурчал Саша, нахмутив брови.

Я не смогла сдержать лёгкий смешок. Если подумать, Корсаков был не так уж и далёк от истины. Ярик мастерски умел создать недоразумение из ничего. Пришлось подробно рассказать Александру третьему про его несуществующую любовницу, на которую мне сегодня раскрыли глаза. Под конец моего рассказа, я заметила, что Саша молчит и медленно перестраивается в крайний правый ряд, чтобы притормозить.

— Лиз, я правда похож на подлеца? — спрашивает Саша, чуть понижая голос. Но кажущееся на первый взгляд спокойствие и мягкость — обманчивы. Глаза начинают метать молнии. Ещё вчера, я бы возможно и испугалась его набирающей обороты ярости. Или мне стало бы стыдно за свои домыслы. Но не сейчас, когда я всё знаю. В ответ хочется хмыкнуть, но я сдерживаюсь. — Или на человека, который неконтролируемо тра***т всё, что движется? Или что ты там подумала?!

Саша резко поворачивается ко мне, окидывая меня далеко не самым восхищенным взглядом. Я понимала, что его действительно задела мои слова. Это было видно — по сжатым губам и побелевшим костяшкам пальцев, которые сжимали руль.

— Да мало ли что у вас у богатых на уме, — наигранно вздыхаю я. — Саш, не забывай, что я о тебе особо ничего не знаю. Одно свидание и несколько дней переписки не в счёт, мне этого недостаточно, чтобы узнать человека. К тому же, Ярик упомянул, как ты бессовестно увёл у него девушку...

— Бессовестно?! — Корсаков на секунду даже задохнулся от возмущения. — И ты поверила в эту чушь? погоди, ты поэтому меня морозила несколько дней?!

— Ну да-а, — невинно опускаю глаза в пол. — Саш, я никогда не изменяла, никого не уводила, и влезать в чужие отношения — для меня табу. Поэтому людей, которые так делают, я не переношу на дух. А Мереминский был... очень убедителен.

— Я сейчас вернусь и придушу его!

— Так ничего не было? Это просто была часть его проверки?

Саша закатывает глаза и тяжело вздыхает:

— Несколько лет назад нам с ним на вечеринке понравилась одна и та же девушка. Но он был пьян и... в общем, Ярика стошнило ей на туфли, когда он полез знакомиться. Как ты понимаешь, знакомство у них не заладилось.

— А ты?

— А я... вовремя подсуетился, — хитро прищурился Саша.

— Ну вот видишь, — назидательно подняла я вверх указательный палец. — Значит, всё-таки воспользовался моментом и увел у друга девушку прямо из-под носа.

— Да не было там ничего! Я весь вечер её успокаивал, побыл и нянькой, и бесплатным психологом, а она просто свинтила. И даже свой номер не оставила!

— Бедняга, — поцокала языком я после сочувственного вздоха, наполненного таким же сарказмом, как и мои слова, — Тяжело, наверное, вот так без номера остаться?

— Приятного мало, — смеётся Корсаков, впечатывая в меня взгляд.

Ага, кажется, он всё-таки считал мою скрытую аналогию с нашей первой встречей. В глазах Александра третьего плещется неприкрытое веселье и капелька чертовщинки, от которой тоже хочется улыбнуться в ответ. Но нужно держать себя в руках. Не время, не место, не то человек.

Почему сейчас мне с ним так хорошо? И почему чёрт возьми мы не могли с ним познакомиться при нормальных обстоятельствах? Почему я просто не могла ему понравиться?..

— Он мне пару раз в год этот случай точно припоминает, если не больше. Зато, как я ему всю ночь тазики таскал и как его потом выхаживал, этого он почему-то не помнит! А в итоге, я ещё и бессовестный, охренеть!

— Ладно, с этим разобрались. Но нужно прояснить ещё несколько моментов, — охлаждающе серьёзным тоном продолжаю я. Улыбка Александра третьего моментально сходит с лица. Вместо этого он находит мою ладонь и переплетает наши пальцы. Такой простой и невинный жест, но от неожиданности я смущаюсь и отворачиваюсь к окну. — Ярослав устроил эту проверку, чтобы помочь нам разобраться в своём отношении друг к другу.

— И?

— Саш, я думаю, что Мереминский поспешил с выводами, — встречаюсь глазами с его сосредоточенно напряжённым серым омутом. — Мне кажется, что здесь разбираться не с чем.

— Не с чем?..

— Саш, между нами нет, и ничего не может быть.

Глава 3

— Значит, ничего нет, — задумчиво говорит Саша. И следом резко сокращает расстояние между нами.

Я ничего не успеваю предпринять, как меня просто сгребают в охапку и нагло, но в то же время нежно целуют. Хочется возмутиться, и призвать на помощь своё благоразумие, не отвечать, не плавится под жаром его рук, но губы предательски раскрываются в ответ...

И сладко, и горько. Кому он сейчас и что хочет доказать? Что он весь такой расчудесный и прекрасный? И отлично целуется? И что такими парнями, как он, не разбрасываются?

Поцелуй обрывается также резко, как и начался. И мне стоит огромных усилий привести в порядок свои мысли и дыхание, и принять холодно-отчужденный вид.

— А ты так со всеми клиентами целуешься? Или это только для меня такой щедрый бонус включён в контракт?

А вот это уже слишком! Становиться так мерзко и противно, что ещё секунда, и я просто задохнусь от переполняющих меня эмоций.

— Да пошёл ты! — невидящим взглядом нащупываю ручку и выскакиваю из машины. Даже если я потеряю этот треклятый контракт разговаривать с собой я так не позволю!

— Лиз, стой! Лиза-а! — несётся мне вслед.

Какое-то чёртово дежавю.

Не понимаю, где я, но недалеко вижу автобусную остановку. Значит, надо идти к ней. Какой-то транспорт ещё должен ходить. И можно уехать куда глаза глядят. Главное — подальше отсюда! Но Корсаков довольно быстро догоняет меня. Приобнимает за плечи, разворачивая к себе лицом.

— Руки убери!

— Лиз, я — дурак. Прости меня, — серая дымка прожигает меня насквозь. — Почему-то рядом с тобой я становлюсь совсем другим человеком.

— Да ну?

— Да. Во мне как будто просыпается другая сущность. Кто-то очень вспыльчивый, несдержанный и ревнивый... и я пока не знаю, как его усмирить...

— Это называется раздвоение личности, и это не ко мне, а к психологу, — пытаюсь высвободиться я из кольца его рук. Но Александр третий не давал мне ни малейшей возможности.

— Прости меня.

— Ты повторяешься.

— Так ты же не сказала мне, что простила, — робко улыбнулся Саша, посмотрев мне прямо в глаза. И от этой улыбки почему-то защемило внутри.

— Это было мерзко! — злость помогает сохранять ясность рассудка и не вестись на все эти обворожительные улыбочки.

— Согласен, — Корсаков потушил взгляд. — Я не должен был так говорить, и на самом деле так не думаю.

— Зачем тогда сказал?

— Наверное, обиделся на твои слова и захотел обидеть в ответ... Идиот, что тут сказать. Лиз, мне правда очень стыдно! Я и сам от «нового» себя пребываю в небольшом шоке.

— Вот и не надо тогда со мной общаться, раз я так плохо на тебя влияю, — у меня наконец-то получается высвободиться. Уверенными шагами направляюсь в сторону остановки.

— Так ты не только плохие черты во мне пробуждаешь, — раздаётся мне вслед.

Не оборачиваться. Мне не интересно. Мне совсем не интересно!

Дохожу до остановки, плюхаюсь на лавочку и смотрю вперёд в одну точку. Как назло, мимо проезжают лишь одни автомобили и ни одного вида общественного транспорта. Будто кто-то порчу наслал на всю близлежащую округу.

— Мне кажется, что я заново учусь жить и открываю для себя новые грани жизни, — раздаётся совсем рядом над ухом. Корсаков садится рядом. — Да, совершаю ошибки. Да, веду себя порой как дурак. Зато, чувствую себя живым. И знаешь, это здорово. Я теперь совершенно не знаю, что готовит мне новый день. Например, что я буду сидеть ночью на какой-то остановке...

— Да, к такому жизнь тебя явно не готовила, — не удержавшись, хмыкнула я. Словно в подтверждение моих слов к стоявшему неподалеку мусорному баку подошёл мужчина, с виду очень смахивающий на бездомного, и усиленно начать громыхать пустыми бутылками.

— Лиз, давай пойдём в машину и попробуем продолжить разговор там. Мне кажется, здесь не самое удобное место для философии...

Разумное предложение Саши тонет в вое полицейской сирены. Молча поднимаюсь и следую к одиноко стоявшему в стороне чёрному шведскому монстру. Я слишком устала для дальнейших препирательств. А раз Корсаков вызвался сегодня побыть моим извозчиком, пускай доставляет меня до дома.

Саша также молча открывает передо мной дверь и помогает усесться.

— Лиз, может скажешь нормально, почему между нами ничего не может быть? — задаёт сразу же в лоб вопрос Корсаков, как только садится в салон. — С несуществующими парнями и мужьями мы вроде разобрались. Так что ещё?

— Эмм... потому что я не хочу? — отвечаю я, но не могу скрыть в голосе вопрошающих ноток.

Корсаков удивлённо вскидывает брови:

— Да? И почему ты не хочешь? Должна же быть какая-то причина?

— Да много причин...

— Огласи весь список сразу, пожалуйста.

«Первая причина — это ты-ы-ы». Всплыла так не кстати строчка из заезженной песни. Чёртов Николаев, вот только тебя не хватало сейчас в моей голове!

— Саш, я тебе ещё при первой встрече говорила, что я ни с кем не знакомлюсь. Я ещё не до конца отошла от прошлых отношений. И поэтому не хочу начинать ничего нового.

— Значит, есть ещё чувства? — внимательно смотрит на меня Корсаков.

— Чувства? — переспрашиваю я, скорее саму себя. К такому вопросу я не была готова. Рассказать, что было тяжёлое расставание — да. Но мои чувства к Лёшке? Даже рассуждать об этом при Корсакове для меня было дико и неправильно. Любовь к Гордееву уже давно сошла на нет, но под этим пристальным взглядом я невольно начинала сомневаться в своих собственных чувствах и ощущениях.

— Да, чувства. Знаешь, обычно, бояться пробовать новое, если чувства ещё живы. Или если в глубине души надеются, что можно что-то вернуть.

— Нет, чувств уже не осталось, — медленно отвечаю я. Перевожу взгляд на Сашу, но он

сидит с непроницаемым лицом, по которому совершенно ничего нельзя прочесть. — Но расставание далось мне довольно тяжело.

— И поэтому страшно впускать новых людей в свою жизнь?

Надо же, какие мы догадливые. Молча киваю в ответ.

— С одной стороны, я тебя понимаю. Но, скажи-ка мне, Лизавета... неужели тебе не жалко?

— Чего?

— Тратить своё время впустую вместо того, чтобы наслаждаться жизнью? Ведь если не сейчас, то когда? — философски подмечает Саша.

И следом добивает меня своим вопросом:

— Он ведь просто живёт дальше? Тот, кто разбил тебе сердце?

Мне кажется, из моих лёгких разом выбили весь воздух, и я забываю, как дышать.

— Почему ты не можешь? Просто жить дальше.

Почему он читает меня, как раскрытую книгу? Читает с лёгкостью всё то, что я так упорно зашифровывала? Возрождает из пепла сожжённые страницы. Меньше всего я сейчас ожидала попасть на сеанс психоанализа к господину Корсакову, чтобы мне вот так бесцеремонно перетряхивали самые потаённые уголки моей души.

Да, в душу я никого больше не собиралась впускать. Вполне хватило Гордеева, который сначала поселился там, а потом отломил частичку моей души и забрал с собой. Все знают такое понятие, как разбитое сердце. Но почему никто не говорит, что ещё и душа после предательства меняется необратимо? Потому что какая-то её часть просто навсегда отмирает. И на этом месте образовывается пустота.

В привычном для всех понятии Лёша меня не предавал, ведь он мне не изменял. Но как можно называть ещё поступок, когда любимый человек просто отказывается от тебя и вычёркивает из своей жизни? Выбрасывает тебя, как ненужный башмак? Как будто все годы, что мы были вместе, это чистой воды недоразумение, которое наконец-то закончилось. А без меня его жизнь стала только лучше и заиграла яркими красками...

Я сглатываю скопившуюся боль и обиду, которая никак не хотела покидать моё сердце даже спустя столько времени. Нельзя показывать свою слабость. Усилием воли я моргаю, чтобы отогнать прочь непрошенные слёзы. Он ведь специально хочет меня задеть и вывести на эмоции. Чтобы... чтобы я захотела попробовать двигаться дальше? С ним? Он сейчас, как опытный бизнес-стратег пытается отыскать для меня мотивацию?!

Пора бы уже и его немного выбить из седла. Почему это я одна тут отдуваюсь за десятерых в своём моральном дискомфорте?

— Саш, зачем тебе это?

— Что именно?

— Пытаться помочь мне жить дальше? — нервно разглаживая несуществующие складки на джинсах и поднимаю глаза на Александра третьего. — На свете миллион девушек. Зачем тебе именно я?

Корсаков не сводит с меня внимательного взгляда, будто ещё не все успел прочесть по моему лицу. Сейчас я не против побыть открытой книгой. Сиди, читай. Я всё знаю, мне больно, и не надо всех этих игр.

Ведь ещё не поздно сказать правду.

— Не стоит искать логики, там, где её нет, — наконец говорит он, разрывая мучительную тишину.

Не признался.

— Поверь, со мной тебе будет довольно сложно. Это не стоит того, — горько улыбаюсь в ответ.

— Может позволишь мне самому решать?

— А ты значит из тех, кто не привык к отказам? — саркастически поднимаю бровь, кидая короткий испепеляющий взгляд.

— Когда они необоснованны? Нет.

— Что значит не обоснованы?

— То и значит, — Корсаков легонько щёлкает меня по носу. От такой наглости я на секунду даже впадаю в ступор. — Я прекрасно вижу, что я тебе нравлюсь...

— Самомнение у тебя, конечно...

— Хорошо, давай скажем по-другому — я тебе интересен. И это факт, который глупо отрицать.

— Ладно, ты мне не противен. Признаю.

— Спасибо за крошки с барского стола, — хмыкнул Корсаков на моё заявление. — Вот про это я и говорю. Есть факты, а есть какие-то твои заморочки, сомнения. Если их убрать, поверь, всё будет не просто хорошо. Всё будет замечательно!

— Ты ни в какой секте не состоишь случайно? А то ты какой-то уж слишком жизнерадостный, — с сомнением в голосе протянула я.

— Лиза!

— Что Лиза? Корсаков, чего ты от меня хочешь?!

— Давай попробуем.

— Что?

— Быть вместе. Ты и я, — Саша вновь берет меня за руку, и я как в замедленной съёмке наблюдаю, как он переплетает наши пальцы.

Змей. Змей искуситель. Причём профессиональный! Ведь даже зная всю неприглядную правду об их пари с Мереминским, я всё равно не могла заставить своё сердце биться в привычном ритме.

— А как же мой вагон и маленькая тележка сомнений? От них так просто не избавиться, — вновь иду я на попятную. Интересно, ему самому не надоело меня уговаривать? Насколько безгранично его терпение?

— А их мы победим, — подмигивает мне Корсаков. Почему-то он полностью игнорирует тот факт, что я пытаюсь расцепить наши руки. — Ты знаешь, что нужен двадцать один день на то, чтобы внедрить в свою жизнь новую полезную привычку?

— погоди, ты сейчас на что намекаешь? Это ты что ли будешь моей полезной привычкой?!

— Почему бы и нет? — Александр третий шутливо играет бровями. — Лиз, соглашайся. Устроим, так сказать, небольшой тест-драйв. И если через три недели ты решишь, что между нами по-прежнему ничего не может быть, то...

— Ты благополучно свалишь в закат? — недоверчиво хмыкнула я.

— Ну я хотя бы попытаюсь, — смеётся в ответ Саша.

Три недели отличный срок, чтобы проучить Корсакова. Убить энное количество его нервных клеток и от души поизгаляться. Чтобы больше не повадно было спорить! Ни на кого и ни на что. Никогда.

Будущего у нас с ним нет. Ни с того начали. Без искренности и доверия ничего нельзя построить. Да и сомневаюсь, что мне удастся влюбить его в себя за это время. Я же не роковая красавица, да и не мисс Поволжья... Просто временный, проходной вариант, как сказал Мереминский.

Идея с тест-драйвом вполне рабочая. Особенно для того, чтобы провернуть мой план с мстью. Впрочем, так просто соглашаться было бы глупо. И подозрительно. Поэтому я всем своим видом показываю, что не спешу встречать идею Корсакова на «ура». И в ответ удручённо качаю головой.

— Какие-то непривлекательные условия. Саш, мне нужны гарантии.

— Гарантии чего?

— Что мой выбор и моё мнение для тебя действительно что-то значит, — чуть тише говорю я, вкладывая в голос максимальную серьёзность. — Что ты действительно не будешь настаивать и просто уйдёшь из моей жизни. Если ты готов дать мне слово, то я подумаю над твоим... тест-драйвом.

Я вижу, что Саша готов просто в ответ отшутиться, но что-то в моём взгляде заставляет его притормозить. Потемневшие, графитовые глаза прожигали меня насквозь. Но я не отводила взгляд, как бы тяжело мне сейчас не было.

— Хорошо, даю тебе слово, — медленно произносит Саша.

— Тогда я обдумаю твоё предложение, — улыбаюсь краешками губ. Саша ухмыляется и заводит машину. Боюсь даже посмотреть на часы, сколько сейчас времени. Мне кажется эта какая-то бесконечная пятница. Может быть, мы все попали в какую-то временную петлю и просто не знаем, как из неё выбраться? Слишком много событий для одного вечера.

Саша больше ничего не говорил и лишь включил на фон лёгкую спокойную музыку. Мимо проплывали огни большого города, постепенно смазываясь для меня в одно большое яркое пятно. Усталость и моральное потрясение давали о себе знать. Прикрыв глаза на долю секунды, я в следующий момент с удивлением обнаружила, что мы уже паркуемся в моем дворе.

— Итак, твой ответ? — оборачивается ко мне Саша.

— Корсаков, ты издеваешься? — моргаю я, пытаюсь вновь влиться в реальность. — Сейчас?

— А ты рассчитывала, что я тебе снова дам шанс уйти в подполье? — смеётся Александр третий. — Это оказалось довольно чревато, как мы недавно выяснили. Так да или нет?

Молчу и сосредоточенно хмурюсь. Мне не нравится это давление. Как будто меня заставляют играть по чужим правилам. Даже с этим ответом мне хотелось немного помучить Александра третьего, потрепать нервы. Но под этим пристальным искрящимся взглядом лукавых глаз было сложно гнуть свои правила игры. Обаяния Корсакову было не

занимать.

— А тебя не смущает тот факт, что мы с тобой слишком разные? — спрашиваю я, прибегая к последнему аргументу. И ведь это действительно очень важный момент. То, что я с успехом засыпаю в его дорогих авто при каждом удобном и неудобном случае не означает, что я привыкла к такому образу жизни. И что для меня вся эта богатая жизнь — норма.

— Мм, неужели? — протягивает Саша, начиная играючи накручивать прядь моих волос. Так и знала, что причёска растрепалась после их драки с Мереминским! А после нашего последнего поцелуя так тем более. — Две руки, две ноги, два глаза. Я что-то не вижу различий.

— Саш, я про социальный статус. Мы с тобой из разных миров, — убираю его руку от моего лица, заправляя непослушную прядку за ухо. — И не надо мне врать, что ты этого не замечаешь.

— Я не вижу в этом проблемы, — пожимает плечами парень. — И всё то, что у меня есть сейчас, поверь, так было далеко не всегда.

Молчу в ответ. Я ничего не знаю о нём, и его прошлом.

— Так значит, ты согласна?

Смотрю в окно и тяжело вздыхаю. Мне никогда не понять мужчин. Их одержимости непременно доказать свою правоту, их стремления к победе любой ценой, невзирая на чувства других людей. И мне действительно жаль, что весь этот пыл Корсакова, с которым он сейчас передо мной распинается, на самом деле предназначался вовсе не мне. Весь этот тест-драйв просто средство, чтобы выиграть спор.

А что потом?

Через сколько ему надоест играть, и он выкинет меня из своей жизни? Как сделал тот же Гордеев?

— Хорошо. Но это всего лишь, как ты его назвал, тест-драйв, — предупредительно поднимаю я вверх указательный палец. — Это — не отношения!

— Да понял я, понял, — смеётся в ответ Саша.

— И девушкой меня своей считать не надо, — на всякий случай окончательно ставлю все точки над «і».

— Угу. Но склонять к этому статусу мне не возбраняется, — усмехнулся Корсаков. — Значит, завтра же и начнём. И возможно, ты заберёшь свои слова назад, какие мы с тобой разные.

Вот опять этот несносный упрямец решил всё сам, даже не спросив моего мнения! Впрочем, повозмущаться мне не дали, используя старое, как мир средство — поцелуй. Нежный, какой-то невесомый волшебный поцелуй. Как будто Корсаков одновременно и боялся пройтись по грани, и при этом хотел оставить горящий след на моих губах, чтобы они точно его помнили всю ночь. И ведь они будут помнить...

Глядя на Сашу, мне было сложно представить, что во всех его словах и действиях есть двойное дно. Не знай я всей правды о споре, я была бы сейчас самой счастливой девушкой на свете. В которую вроде как были влюблены. И которая, вполне возможно, тоже была влюблена. Именно так мы с Сашей смотрелись со стороны.

Но на самом деле, всё было совсем не так.

Проспала, проспала, проспала! Я с ужасом подскакиваю с кровати, и хватаю в руки телефон. Два часа дня! Как можно столько спать? Я ведь даже не танцевала до утра в клубе!

Вместо этого я, придя домой, включила на ноуте один из моих любимых фильмов «Девчата», и проревела практически все полтора часа над романтической классикой советского кинематографа.

«Мам Вер, а разве можно спорить вот так, на живого человека?».

Можно, Тося, можно.

Кто-то на шапку спорит, кто-то на Порше. Времена меняются, аппетиты растут. Столетия сменяют друг друга, а вот человеческие пороки, такие как глупость, гордыня и упрямство, остаются неизменными.

В окно беспощадно льёт солнце, кружа тысячи пылинок по комнате. Из распахнутого окна пахнет весной. Жизнь идёт своим чередом. Вроде бы ничего не изменилось, но в то же время изменилось всё.

Касаюсь босыми ногами пола, и не спеша подхожу к огромному зеркалу. М-да, вид оставляет желать лучшего. Опухшие красные глаза, щёки на два размера больше, чем отсыпала мне изначально природа. Ну или просто ночью ко мне забегал кто-то из семейства грызунов и решил махнуть не глядя. Цвет кожи какой-то болезненно серый. А завершает картину взгляд. Я тщетно пыталась найти определение тому, что он означает. Но это был точно не взгляд девушки, которая с нетерпением и радостью ждёт вечернего свидания.

Кофе, мне определенно нужен кофе.

Краем глаза замечаю звонок от Катюхи.

— Привет, биг систер, — приветствую я. Беременность беременностью, но традицию нельзя нарушать. — Как самочувствие?

— Привет, Лизок! Ну знаешь, лучше, чем я думала. Токсикоз не мучает.

— А на солёненькое ещё не тянет?

— Не-а, — смеётся Катя, — К огурцам и рыбке я равнодушна, а вот мясо, ммм... Витя говорит, что мне пора переезжать в мясную лавку. Эх, вот опять захотелось! Я что звоню, Лизк, завтра папа прилетает.

— Они же с мамой должны были только к майским праздникам вернуться, — удивляюсь я. А ещё со вздохом отмечаю, что, как обычно, обо всех планах родители звонят сообщить Кате. Мне конечно и на работе хватает болтовни, но всё же внутри шевельнулось гаденькое чувство ревности.

— У папы конференция в одном из универов. Что-то там переигралось, как обычно, поэтому на пару дней он будет в Самаре. Хотел с тобой встретится, — сообщает сестра.

— Да ну? — вот это новость. Обычно, если папа на пару дней заскакивал домой, наше общение ограничивалось долгим телефонным разговором. С чего вдруг такая жажда семейных посиделок? Искренне надеюсь, что все живы здоровы. На всякий случай даже скрещиваю пальцы. Катюху ведь сейчас нельзя волновать, может поэтому и решил сначала сообщить мне... — Кстати, он в курсе, что скоро станет дедом?

— И он, и мама, поэтому не переживай, ничего лишнего ты не взболтнешь.

— Обрадовался? — спрашиваю я. Не могу сдержать улыбки.

— Ага. Настолько растрогался, что клятвенно обещал больше времени проводить в

Самаре. Говорит, хочет видеть, как растут его внуки, — Катюха не может сдерживать усмешки в голосе, и я её понимаю. Если единственной любовницей в жизни Корсакова был его бизнес, то сердце и жизнь Юрия Бельского навсегда было отдано физике. Даже мама всегда смеялась, что сначала он женился на физике, а потом уже на ней. Поэтому на правах второй жены довольствовалась тем, что есть, и сильно не возмущалась. Точнее совсем не возмущалась, а просто начала строить свою карьеру...

Значит, если за жизнью второго ребенка не особо получилось понаблюдать, то можно попытаться нагнать упущенное с внуками. А пока отеческий порыв любви горит ярким пламенем, сгодится и встреча с непутевым младшим отпрыском четы Бельских. Вот теперь всё встало на свои места, и я точно могу быть спокойна, что все живы здоровы.

***

Наш с Корсаковым неспешный променад по набережной как-то незаметно перетёк в беспорядочное, но довольно интересное хождение по уютным улочкам старого города. Саша действительно много знал, но не спешил грузить меня знаниями о старинной архитектуре Самары. Скорее это я его заваливала вопросами. Это был отличным способом молчать о себе, чтобы случайно не наговорить лишнего. Сближаться с Корсаковым и открывать ему душу вовсе не входило в мои планы.

Но меня быстро раскусили.

— И что ты хочешь обо мне узнать? — тяжело вздыхаю я, когда меня буквально припёрли к стенке.

— Ну неплохо бы всё, — говорит он, внимательно изучая меня. В наглости Александру третьему точно не откажешь.

Сегодня мы с ним вдвоем, не стовариваясь, нацепили джинсы и белые майки. Только я поверх своей накинула очень лёгкую ветровку, за что была отчитана при встрече, а Корсаков по традиции щеголял в своей чёрной кожаной куртке. На одно плечо он закинул вместительный рюкзак, содержимое которого оставалось для меня загадкой, а сам Саша не спешил докладывать мне, что там.

— Конкретизируй.

Тихо посмеивается. Ловит мою руку, которую я наконец соизволила достать из кармана, и переплетает наши пальцы. Улыбаюсь краешком губ на столь ловкий и наглый захват.

— Ты всегда такая строгая и лаконичная? — шутливо интересуется Корсаков.

Вообще-то только с тобой, так и подмывает сказать. Не только я странно влияла на Александра третьего. В его присутствии во мне тоже просыпались не самые приятные черты характера. Например, желание повредничать, или как любил выражаться мой дед — поерепениться. А после того, как я узнала недавно о пари, как говорится, сам бог послал максимально усложнять ему жизнь своим неангельским поведением. — У тебя, случайно, в роду юристов или военных нет?

— Случайно есть. Дед — подполковник в отставке, — отвечаю я. Вот, не зря дедулю с его любимыми словечками вспомнила.

— Ого, так ты значит воспитывалась по всей строгости устава?

— Совсем наоборот, — моя улыбка становится шире, пока я мысленно переносюсь в детские годы. И дед, и бабушка, по сути, заменили мне и Кате родителей. Просто как-то так получилось, что взрослые решили между собой, что дед перебирается в Самару, оставив службу в действующем командном составе. Они с бабушкой дали нам с Катей то, чего не смогли дать наши родители — заботу, любовь, внимание и человеческое участие. И

нормальное воспитание. Родители же спокойно занимались тем, что было им важно — наукой и карьерой. Почему-то тогда, в пять-шесть лет, это казалось таким естественным... А сейчас, оглядываясь назад, вызывает дикое недоумение. — Ещё как баловали. Правда, когда я училась в школе, дедуля пару раз пытался привить мне дисциплину, но сильного успеха не достиг. Чего ещё хочешь узнать?

— Ммм. Кофе или чай?

— Кофе.

— Собаки или кошки?

— Кошки.

— Фильм или книга?

— Сериал. Желательно смешной.

— Отдых на пляже или в горах?

— Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал, — цитирую знаменитую строчку из песни Высоцкого и останавливаюсь у покосившегося старого забора.

Уютные чистые улочки сменились по-настоящему старыми и не самыми ухоженными домами. Это тоже было исторической частью Самары, со своей атмосферой, но при этом не самым пригодным для жизни местом обитания — колонки с водой, удобства на улице, ветхие крыши домов, обваливающаяся местами кирпичная кладка.

— Без психологического допроса в духе «то или это» совсем никак нельзя обойтись?

— Можно... Но, по-моему, кто-то готов делиться информацией, только если её вытаскивают клещами, — пожимает плечами Корсаков. — Придется тебя задабривать, чтобы стала более разговорчивой. Есть у меня парочка вариантов как...

Прижимает меня к кирпичной кладке и не спеша пробует мои губы на вкус, дразнит, заставляя желать большего. Но это же не свидание! Чёрт! В голове не остается ни одной умной мысли и весь план мести летит куда-то в тартарары. Обхватываю руками шею Корсакова и понимаю, что начинаю опять плавиться от всего того, что он вытворяет. Такими темпами не то что более разговорчивой станешь, да тут родину запросто продашь!

Стоим и целуемся посреди улицы как подростки. Я даже потеряла счёт времени.

Не слишком ли много поцелуев для так называемых недоотношений?! Нужно держать дистанцию. И попытаться собрать остатки разума в кучу, чтобы не натворить ещё больших глупостей.

— А второй вариант какой был? — спрашиваю я, когда смогла найти силы оторваться от Александра третьего и восстановить сбившееся дыхание.

— Шоколадка, — хитро подмигивает Саша. Я перевожу взгляд на его рюкзак. Парень кивает, подтверждая мои догадки. — Но не будем портить аппетит, мы почти пришли.

— Может скажешь уже, куда мы идем? — спрашиваю я. Места, конечно, здесь своеобразные, да и контингент тоже... Но почему-то волнения я не испытывала. Скорее любопытство.

— Ещё немного, и всё узнаешь. И пока ты у нас добрая, я очень хочу получить честный и по возможности развернутый ответ.

— Ну валяй, пока я добрая, — саркастически хмыкаю я.

— А я ведь тебе понравился при первой встрече? Ведь так?

Глава 6

Сложно соврать или ответить односложно, когда на тебя смотрят таким сосредоточенно серьёзным, и одновременно искрящимся весельем взглядом. Чувствую, что ответ ему важен, но вся ситуация — и моя вредность и нежелание говорить о себе, и мои покрасневшие сейчас щёки, только его веселит и забавляет.

— Понравился, — откровенно отвечаю я. Хотя в этом для разнообразия можно побыть честными друг с другом. — И... даже понравился тем, как себя вёл, пока я тебя отшивала.

— А-а-а, ты про свою чудо-легенду? — смеётся Корсаков.

— Да. Я была удивлена, что тебя не смутило наличие ребенка. Это было неожиданно, — призналась я. — Ты правда так спокойно относишься к этому вопросу?

— Дети — это просто дети, а не обуза или какой-то негативный фактор. Я и сам, кстати, дитя развода.

Вот значит как? Мереминский об этом не говорил.

— Это, наверное, непросто... — пытаюсь отыскать правильные слова. Но их сложно найти, если не ощутил подобные трудности на своей шкуре.

— Вот только не надо меня жалеть, — перебивает меня Саша, улыбаясь лишь одним уголком губ, отчего улыбка выходит несколько натянутой. Отводит взгляд в сторону, погружаясь в какие-то свои мысли. — Я был уже довольно взрослым.

— Мне кажется, возраст не имеет значения. Это всё равно переворачивает жизнь с ног на голову.

— Наверное, ты права. Просто я никогда об этом не задумывался.

— Почему они расстались? — тихо спрашиваю я.

— Я думаю, всему виной неправильно расставленные приоритеты. Особенности характера, — медленно отвечает Корсаков, подбирая слова. — Накопившееся обиды. Отцу, кстати, тяжелее дался развод, потому что он прекрасно понимал, что сам же всё и разрушил. И несмотря на все свои успехи, не смог сохранить самое главное — женщину всей его жизни. Но кое-что ему всё-таки удалось сохранить...

Саша останавливается у полуразрушенной кирпичной арки, которая ведет в тихий, как будто бы забытый богом и людьми маленький дворик. Миновав арочный проем, попадаем практически в другую реальность — одноэтажные деревянные обветшалые дома с треугольной крышей, красивые резные окна, со старыми рамами. Пара окон виднеется современных, что смотрится совершенно инородно здесь, и ещё больше подчеркивает ветхость и разруху. Во дворе тихо, на веревках висит бельё, которое время от времени слегка колыхалось, подхватываемое тёплым весенним ветром. На покосившейся лавочке у дерева развалился бело-чёрный кот с невероятно пушистым хвостом.

— Привет, Платон, — Александр третий подходит к коту, и слегка треплет его за ухом. Кот довольно замурчал в ответ и выжидающе уставился на парня. — Да принёс я, принес, не смотри так на меня.

Ошарашенно наблюдаю, как Корсаков достаёт из рюкзака контейнер с нарезанными кусочками колбасы. Протягивает коту довольно увесистый кусок. Платон, крепко вцепившись зубами в свой презент, махнул нам на прощание хвостом и скрылся в кустах. Разделить с нами трапезу кот почему-то не пожелал.

Снова непонимающе смотрю на Сашу.

— Для тебя тоже кое-что есть, не переживай, — разместившись на лавочке, которая каким-то чудом ещё не рассыпалась и дожила до наших времен, Саша аккуратно стал опустошать свой рюкзак, выкладывая содержимое на деревянную поверхность.

— Колбаса?

— Ну ты ж не кошка, чтоб тебя одной колбасой кормить, — открывает несколько пластиковых контейнеров, какие-то бумажные пакеты с едой. Рядом ставит термос. Аккуратно заглядываю внутрь, замечаю что-то похожее на брускетту с ветчиной, горячие булочки с сыром... И это только то, что я успела разглядеть. В рюкзаке явно ещё что-то есть. — Присаживайся. Не самый лёгкий, не самый полезный, но вполне годный перекус. После пеших прогулок самое оно.

Осторожно, чуть задержав дыхание, сажусь на лавочку. Молюсь всем богам, чтобы она сейчас не развалилась на части под моим весом. Вот номер-то будет!

— Опять кулинарные творения от знаменитого шеф-повара? — вытираю руки влажной салфеткой и беру протянутую Корсаковым тарелку. Решаю начать с брускетты, которая так и манит меня и практически вопит, чтобы я её съела.

— Обижаешь! Всё сам, — насупился Саша.

— Сам? — брускетта замирает на полпути. — А как же три горничных, шесть кухарок и два дворецких? Куда подевались?

— Ты правда думаешь, что я не смогу приготовить несколько горячих бутербродов?!

— Можешь, наверное, — пожимаю я плечами. Помню я, что он какой-то мастер-класс у мишленовского повара проходил, но делаю вид, что данная информация совершенно испарилась из моей памяти. — Но зачем, когда есть деньги?

— Я привык к самостоятельности.

— Что и пыль вытираешь сам? — ехидно протягиваю я.

— Нет, пыль не вытираю. Для этого есть приходящая уборщица, — Корсаков замечает мою довольную физиономию, на которой буквально на лбу светится неоновая надпись «ну я же говорила». — Но будь у меня больше времени, может и сам бы убирался. Не вижу в этом ничего такого. У тебя что, пунктик на чистоте?

— Свят-свят-свят, — бурчу я с набитым ртом. Саша протягивает мне стаканчик и наливает горячего чая. — Вот на чём, я точно не была никогда помешана, так это на чистоте.

Вновь окидываю взглядом старый дворик. Тишина такая, будто здесь никто не живет. Но бельё на верёвке говорит об обратном.

— Откуда ты знаешь, как зовут кота?

— Иногда прихожу сюда, поразмышлять о вечном. Вот как-то сдружились.

— Почему именно сюда? — удивляюсь я.

— Здесь я вырос, — Саша кивает в сторону одного из домов, до которого новшества цивилизации в виде пластиковых окон и спутниковых тарелок ещё не добрались. — Мы тут жили до тех пор, пока дела отца не пошли в гору. Однокомнатная маленькая квартирка, удобства на улице, окна, из которых всегда дуло, сколько бы их не заклеивали на зиму, за водой ходили к колонке. Всё, как у всех, а может даже и в разы скромнее.

Скромнее не то слово! Искренне никогда не понимала, как можно жить без нормального водопровода и канализации. Вроде бы и центр города, но по уровню жизни у бабушки в поселке, в Подмосковье, и то всё было лучше, современнее.

— Отец, зачем-то решил сохранить квартиру. Говорит, из чувства сентиментальности, и чтобы всегда помнить свои корни, — продолжает Саша. — Я сначала не понимал, думал,

очередной его заскок. А вот в последние годы люблю сюда прийти, посидеть во дворе, собраться с мыслями. Иногда здесь, вот на этом месте приходят просто потрясающие идеи, проекты. Не знаю, почему. Может, атмосфера располагает или Платон к этому приложил лапу. Он часто тут на лавочке отирается, помогает мне генерировать идеи. Вот и приходится потом ему отдавать проценты колбасой...

Тихо смеюсь на его тираду про кота. Хорошо, наверное, Платону иметь такого бизнес-компаньона.

— А внутри часто бываешь?

— Нет, мне больше во дворе нравится сидеть, — покачал головой Саша, — Здесь какая-то своя атмосфера. А в квартире ничего и не поменялось, чего там ходить смотреть. В ней никто не жил, с тех пор как мы съехали. Отец сдавать её тоже не захотел, вот так и стоит, пустует. Соседи тут хорошие, поэтому присматривают, чтобы никто не поджёл, не напакостил. Так, что Лизок, не из таких мы уж и параллельных вселенных, как видишь...

— Сашуля, ты что ли? — раздаётся возглас на весь двор. Из соседнего дома выходит достаточно тепло, не по погоде одетая, седовласая старушка. В руках у нее трость и авоська, которых я тоже не видела уже тысячу лет. Но несмотря на трость, уверенно быстро шагает к нам.

— Здравствуйте, баб Зин, — Саша приподнимается с места, и тепло улыбаясь, подходит к бабушке. Целует её морщинистую щеку. Почтенная дама расплывается в ответ в широкой улыбке, сверкнув золотыми коронками. — Как вы?

— Да слава Богу, ещё лётаю, как видишь. Давно к нам не заглядывал. Всё дела, дела?

— Да был пару месяцев назад, мне сказали, вы всё по санаториям разъезжаете...

— Кто? Таисья Петровна что ли? У неё язык как помело. Всем всё расскажет, — ворчит соседка, — А сама от зависти давится, что ей санаторий выбить не удалось. А что за красавица с тобой? Невесту что ли привел знакомиться?

Неожиданный переход к моей персоне заставил меня вздрогнуть, и опустить глаза в пол, делая вид, что я с интересом рассматриваю свои кеды.

— Это, баб Зин, моя девушка Лиза, — Корсаков в отличие от меня не тушует. И совсем не замечает моего возмущенного взгляда. Ведь договаривались же! Слава богу, хоть версию с невестой опроверг. Вот любят же старые бабки всех подряд женить без суда и следствия! Я поприветствовала женщину, но не стала подходить и мешать их разговору. — Показываю ей, так сказать, родные пенаты.

— Тю-ю-ю, нашел чем удивлять девушку. Лучше бы ты свои нынешние хоромы показал, толку было бы больше, — изрекает баба Зина с видом «я знаю, что говорю, я жизнь прожила».

— Всему своё время, — скользнул по мне обжигающим взглядом Александр третий, а я почему-то зарделась, как школьница и вновь опустила взгляд.

Так, никаких «всему своё время», обойдется! Пусть даже и не мечтает! Со всеми этими откровениями о прошлом я совсем расслабилась и потеряла бдительность.

Корсаков открывался мне совершенно с другой стороны. И это сбивало с толку.

— Лизок, пойдём чайку попьём, — заговорщически подмигивает мне Фара. Блокирую компьютер и делаю пометки в блокноте, чтобы не забыть, кому я хотела написать по поводу макета.

Беру из ящика свою кружку и послушно следую за Сафиным, зная, что он всё равно не отстанет со своим любопытством. А если и хочет узнать что-то о Корсакове и наших с ним непростых взаимоотношениях, пускай лучше спрашивает без лишних ушей.

Вообще Фариду надо памятник за терпение ставить. Я была искренне уверена, что он ещё на выходных пристанет с вопросами о нас с Сашей, но друг просто поинтересовался, нормально ли я добралась. Стоит ли его просить особо не распространяться о том, что было в пятницу, или это бессмысленно? Если Корсаков планирует периодически объявляться в моей жизни на протяжении этих трёх недель, то шила в мешке всё равно не утаишь.

Фара аккуратно прикрывает дверь в нашу небольшую кухоньку. Такое себе конечно место для разговоров по душам, в любой момент каждый из редакции может прийти погреть еду и уши. Но, наверное, информация не самая конфиденциальная.

Включаю электрический чайник, и поворачиваюсь к Сафину, скрестив руки на груди.

— Ну и? К чему такая таинственность?

— Лиз, помнишь, ты пару раз писала для колонки в журнале? — спрашивает главный редактор. — Девушка, которая её вела, увольняется. Руководству в Питере понравилось, как ты её замещала, поэтому они предварительно одобрили твою кандидатуру. Если ты, конечно, не против ещё больше писать для журнала. Что скажешь?

А что тут можно сказать? Да, да, тысячу раз да! Это же просто фантастика — вести свою колонку. А ведь у меня даже образования профильного нет! Да я о таком могла только мечтать!

Теперь помимо обзоров для Сафина нужно будет два раза в месяц писать свои размышления на актуальные житейские темы. Ответственности станет в разы выше. Это Фаре я могла помочь на добровольных началах, а когда был большой завал могла и отказаться. С колонкой же такое не прокатит. Это не просто обзор для самарского журнала, который рассчитан чисто на местную публику. Колонка выходит по всем городам, где издается журнал.

— Фар, спасибо, спасибо, спасибо! — кидаюсь к другу и заключаю его в крепкие объятия.

— Так, ещё немного и ты меня раздавишь, — смущённо бубнит главред. Смеюсь и послушно ослабляю хватку.

— Спасибо, что замолвил словечко и дал этот шанс! Ты себе представить не можешь, как мне это важно, — от переизбытка чувств прижимаю руки к груди.

— Ну а как иначе, подруга, — видно, что Сафин несколько ошарашен моей эмоциональностью и признательностью, но моя благодарность была ему приятна. — В течение двух месяцев в СПб будут отслеживать отклик аудитории. Так что дерзай. Но я уверен, что у тебя всё получится.

— А доплачивать за статьи будут? — спохватилась я.

— Нет, об оплате речи не было, — Фара в ту же секунду резко помрачнел, сообщая мне эту немаловажную деталь.

— Ой, да и чёрт с ним, даже если не будут платить! — махнула я рукой. Деньги — это не главное. Чтобы поехать в Италию вполне хватит и премии «Продажник года», ну и ещё несколько месяцев чутка подкопить. А тут целая колонка! Моя!

Сафин облегчённо вздохнул.

— Сможешь накидать колонку к майскому номеру?

Я только успела кивнуть в ответ, как нашу душевную беседу прервала Оксанка, которой срочно понадобился её обезжиренный йогурт.

— Видели, какой Ланке букет принесли? — сообщила она последние новости.

Мы с Фарой удивлённо переглянулись.

Букет и правда оказался шикарным. И занял почётное место в той кривой страшной вазе, в которой недавно красовался мой букет от Корсакова.

— И где вы таких ухажеров находите, мне интересно? — спросила Ксюша, директор журнала, заглянув к нам на пару минут, чтобы повздыхать над красотой цветов.

Лана с довольной улыбкой печатала что-то на компьютере, или усиленно делала вид, не желая отвечать на вопрос Косицыной. С любопытством перевожу взгляд с огромного букета, разместившегося на окне, на нашу местную Барби. Что-то в ней поменялось, но не могу понять, что именно. Как будто появилась какая-то мягкость и загадочность во взгляде, жестах. Неужели любовь так сильно меняет человека?

— А ты мнетак и не рассказала, кто тебе тогда букет подарил, — негромко говорит Настёна, облокотившись на мой рабочий стол. — И вообще, у меня такое ощущение, что здесь явно что-то происходит. Что-то важное и интересное, а я почему-то не в курсе!

— Что у нее такого важного происходит, я не знаю, — ухмыляюсь я, кивая в сторону Зубковой. — А вот я ни с кем не встречаюсь, поэтому рассказывать особо и нечего.

Настёна окинула меня недоверчивым взглядом, но промолчала.

Тест драйв отношений — это ведь не серьёзные отношения. И это не мои слова, а Александра третьего. Поэтому прости, Ипатова, но без обид.

Достаю из ящика несколько старых экземпляров журнала, в которых были напечатаны мои колонки, когда я замещала предыдущего автора блога. Аккуратно кладу их в сумочку. Хочу показать отцу и заодно поделиться радостной новостью о моих маленьких победах на журналистском поприще. Мы договорились сегодня увидеться в обед. Благо универ, в котором ему предстояло выступить с лекциями, находился не так далеко от моей работы. Единственное нормальное место, где можно поговорить, тот самый любимый Настюхой ресторан «Sun Shine». Но сегодня я собиралась посетить это жутко пафосное и дорогое место без неё.

— Уже убегаешь? — разочарованно протягивает Настя. — А я думала мы вместе пообедаем...

— Прости, у меня личная встреча, — улыбаюсь я. Достаю из сумочки зеркало, оцениваю свой внешний вид, надо ли поправить макияж. Отец не так часто меня видит, поэтому хочется выглядеть хорошо, как с иголочки.

— С тем самым, с кем ты не встречаешься? — недоверчиво хмыкает подруга, раздраженно откидывает назад свою светлую копну волос. Похоже Настюха реально решила немного подуться на мою скрытность. Хотя в данном случае обижаться на меня бессмысленно.

— Нет, с папой, — отвечаю я.

Ипатова смерила меня взглядом полным хитрости и подозрения.

— Да, конечно, — закатывает глаза она.

— Он на пару дней приехал в город, надо ловить момент, — я зачем-то начинаю оправдываться. Чёрт, да не хочется мне, чтобы Ипатова надумала себе непонятно что! Кроме Фары она была одним единственным человеком, с кем мне было комфортно и приятно общаться на работе. — Если не веришь, пошли со мной, я вас познакомлю.

— Нет, спасибо. В другой раз познакомишь, — протягивает подруга, всем своим видом показывая, что на этот раз моя скрытность сходит мне с рук, но её терпение не безгранично. Наверное, надо всё-таки с ней будет поговорить на днях и как-то обтекаемо рассказать, что моя жизнь резко стала напоминать какой-то идиотский сериал. В одну из главных ролей в котором по глупой случайности затесался Корсаков. Иначе, когда Ипатова узнает, то будет ядерный взрыв, не меньше. Настюха у нас дама импульсивная и вспыльчивая. Но даже несмотря на это — она то небольшое человеческое, что есть в нашем террариуме. А таких людей надо ценить.

В очередной раз смотрю на часы и едва заметно морщусь. Папа опаздывает. Как всегда, в своём репертуаре. Я не знаю, что у него внутри за механизм, который исправно подсказывает, когда нужно прийти на лекцию и во сколько нужно ехать в аэропорт, но на семейные встречи он опаздывает всегда.

Тяжело вздыхаю и наконец замечаю среди посетителей папу, который громко здоровался с персоналом ресторана. Заприметив меня у окна, он бодро направился в мою сторону. Мне кажется, папа разгадал секрет вечной молодости. На его лице по-прежнему не единой морщины, а волосы ещё не тронуты сединой. Кому скажешь, что он уже разменял шестой десяток — не поверят.

Одет он тоже достаточно современно для своего возраста: светло-бежевая рубашка в мелкую полоску, джинсы и пиджак с закатанными рукавами. Тёмная пышная шевелюра зачесана назад, как по последней моде.

— Лизо-о-о-нчик, — протягивает моё имя папа, и я снова ощущаю себя маленькой девочкой со смешными косичками, которая очень рада, что папа наконец приехал из командировки. Отец широко улыбается и заключает меня в крепкие объятия. — Всё краше и краше! От женихов, наверное, отбоя нет?

— Ну пап...

Каждый раз одна и та же шарманка, которая безбожно меня вгоняет в краску. Ничего не меняется. Я смущённо краснею и одергиваю подол своего синего платья-рубашки.

Папа в курсе, что мы уже полгода как расстались с Лёшкой. Но искренне считает, что, если я при встрече не лью крокодильи слёзы, значит жизнь продолжается, и у меня всё прекрасно.

Присаживаемся за столик, начинаем изучать меню. Отец мимоходом рассказывает, как ездил в том месяце к бабушке с дедушкой. О том как обрадовался новости, что он сам скоро станет дедом, и как чуть не спойл на радостях половину научной команды в университете.

— А ты в ближайшем будущем не надумала составить компанию сестре? — хитро подмигивает папа.

Я в ужасе округляю глаза и залпом опрокидываю стакан воды, который любезно принёс нам официант.

— Пап, ну какие дети?! Ты же знаешь, сколько я сейчас работаю, и чего хочу достичь...

— Работа — это конечно прекрасно, не спорю. Но Марго в твои годы, как раз Катюней забеременела, а потом успела и тебя родить. И какую карьеру сделала! Так что, было бы желание...

Вдох выдох, считаю до десяти и так по кругу. Отпустило с третьей попытки. Как у них всё просто! Родить-то родили, карьеру построили, а вот тот факт, кто на самом деле растил нас все эти годы, почему-то уплывает из виду.

— Да и от кого мне рожать, пап? — закатываю глаза я. Нет, в самом деле, не от Корсакова же? Бред!

— Так уж прям никого и нет на примете? — удивлённо вскидывает бровь Юрий Вениаминович. Тихо посмеивается, как будто давно уже раскусил меня и не верит в мою показную скромность.

— Нету. Зато я в том году завоевала звание лучшего продавца. И в этом году премия,

можно сказать, тоже у меня в кармане!

— И в кого это вы такие работящие уродились? — хмыкает в ответ папа. А то он не догадывается. Вон половина ответа сидит прямо у меня перед глазами. А вторая, сейчас, скорее всего, гордо вышагивает по делам где-нибудь в районе Таймс-сквер.

Отец переходит на тему науки, и я опять еле заметно вздыхаю. Если он сел на своего любимого конька, то это надолго. Хвала небесам, еду нам принесли достаточно быстро! Я мало, что понимаю в физике, но усиленно старалась вникнуть в то, что он говорит, и не потерять нить разговора. Самое главное, чтобы он ничего не спросил такого, на что нельзя ответить банальной или обтекаемо размытой фразой. А то ещё обидится до глубины души! В этом папа был как настоящий ребенок — он правда искренне не понимал, почему его любимая игрушка может быть кому-то неинтересна.

Я усиленно угадаю в ответ, и периодически в нужном месте вставляю «да ты что-о-о». Кидаю незаметно взгляд на часы. Если папа продолжит в том же духе, то мою сегодняшнюю новость я не успею рассказать. Обед у меня не резиновый.

— Кстати! — вклиниваюсь я в чудом возникшую паузу. Иногда мне жалко студентов, которым приходится слушать господина Бельского. Мне кажется, дай ему волю, он бы сутками напролёт их не выпускал из аудитории и рассказывал, рассказывал, рассказывал... — У меня есть отличная новость!

Отец несколько опешил от резкой смены темы, но с интересом наблюдал, как я начинаю копошиться в своей сумке и через несколько мгновений извлекаю оттуда парочку журналов. Протягиваю их ему с хитрой улыбкой.

— Что это?

— Листай, листай. Там на предпоследней странице увидишь знакомую фамилию.

Отец театрально смачивает указательный палец слюной и старательно начинает перелистывать страницы до конца. Хотя мог бы просто начать с обратной стороны. Наверное, хочет посмотреть, что за издание такое, где его дочь, днюет и ночует.

— Это ты написала? — задает риторический вопрос Бельский-старший. — Молодец какая!

— Да, и теперь буду вести колонку на постоянной основе, — гордо вскидываю голову я.

— Ого! И это правда кто-то читает? — удивлённо спрашивает папа, а я понимаю, что моя улыбка до ушей начинает медленно сходить на нет. В его голосе нет издёвки или сарказма, он правда не понимает. И от этого не менее обидно. Конечно, журналистская деятельность — это не писать научные трактаты по физике. Её можно особо и не воспринимать всерьёз.

Впрочем, как и меня.

— Да, читают, — сухо отвечаю я. Уже жалею, что поделилась. Хотела рассказать, как мне это важно. Что это первый по-настоящему значимый шаг на пути к моей журналистской деятельности, но понимаю, что это бессмысленно. Он просто не поймёт.

— Ничего себе. Тогда поздравляю, доча, — Юрий Вениаминович явно немного растерян, но вновь одаривает меня своей фирменной широкой улыбкой. Она должна была немного разрядить обстановку, но почему-то мне не становится легче. Я смотрю на него и вроде бы радуюсь, что мы наконец, увиделись... Но всё равно не могу прогнать мысль, что порой самые близкие люди максимально далеки от нас. Как будто мы вращаемся на совершенно разных орбитах, и никогда ни при каких обстоятельствах не пересечёмся, и не сможем понять друг друга до конца.

На что я надеялась? Что мне уделят чуть больше своего драгоценного времени, чем обычно? Что это достойный повод? Пожалуй, тогда я точно ошиблась с мечтой. Или с семьей. Это уж как посмотреть.

И ведь понимаю, что он не со зла. И совсем не хочет меня обидеть, даже сейчас, когда вновь начинает рассказывать про свои конференции и научные труды. И от этого становится ещё паршивее. Отец уже отложил журналы на самый край стола, от чего они смотрелись там, как забытый ненужный хлам, который по ошибке зачем-то оставили на столе предыдущие посетители.

— И поэтому ректор попросил меня приехать, ну и конечно же я не мог отказать...

Точно посторонний зритель продолжаю наблюдать, как увлечённо отец рассказывает что-то о сегодняшнем мероприятии. Он даже не замечает, как задевает рукой один из журналов, и тот с тихим шелестом падает вниз. Равнодушно смотрю на его полёт. Перевожу взгляд на отца и понимаю, что если сейчас опять промолчу, то меня просто разорвет изнутри. Но нельзя же вот так сразу за пять минут вывалить на человека все скопившиеся обиды. Так с чего же начать? С чего?..

— Пап, а почему вы с мамой всё-таки вместе? — в очередной раз резко я меняю тему. Но на этот раз выбор был настолько неожиданный, что Бельский-старший замирает с вилкой в руках, забывая донести её до пункта назначения.

Глава 9

Ну а что? Вполне себе резонный вопрос, который я наконец-то созрела задать к своим двадцати двум годам. Семья у нас, мягко говоря, была нетипичная. И родительской поддержки мне всегда не хватало несмотря на всё то, что старались дать нам с Катей бабушка и дедушка.

— Это очень странный вопрос, — кашлянул отец, с удивлением взирая на меня. Кажется ещё немного и он будет готов потрогать мне лоб, проверяя нет ли у меня жара.

— Почему? Вы ведь много лет практически не живёте вместе, постоянно в командировках, — упрямо гну я свою линию.

— А это так важно? Жить вместе двадцать четыре на семь на одной территории?

Юрий Вениаминович явно сбит с толку.

— Не знаю, пап, это ты мне скажи. Всё-таки это у тебя за плечами многолетний опыт супружеской жизни, — усмехаюсь я, медленно крутя в руке хрустальный бокал. Задумчиво наблюдаю как остатки воды переливаются по его граням.

— Для нас с Марго нет никакой проблемы в расстоянии. Тем более в наш век высоких технологий. Я даже сейчас могу тебе рассказать, как прошёл её вчерашний день, и в чём сегодня она была одета на ланче, — я невольно округляю глаза от услышанного. Почему-то мне никогда не приходила в голову мысль, что родители настолько тесно общаются. — А на тех выходных я летал к ней. Погуляли по Центральному парку. Много шутили, смеялись... она зачем-то меня на лошадях этих дурацких уговорила покататься.

Я не смогла сдержать улыбки, услышав историю про катание на лошадях. Мама в своём репертуаре.

— Лизок, и к чему все эти вопросы? Это ведь не просто так?

— Хочу... разобраться в природе любви, — задумчиво протягиваю я. Кажется, разговор зашёл совершенно не туда. И самые острые вопросы я так никогда и не решусь задать. — Есть ли она вообще эта любовь? И живёт ли она больше трех лет?

— Конечно да! — с непоколебимой уверенностью заверяет папа. И следом подвергает меня в лёгкий шок, проявляя чудеса невероятной проницательности и эмпатии. — Доча, если у вас не срослось с Лёшей, это вовсе не значит, что на свете нет любви. Или у неё есть какой-то определённый срок годности. Это всё-таки не йогурт в магазине, который ты выбираешь вслепую! Я знаю, что однажды ты обязательно встретишь своего человека. И вы будете творить с ним свою реальность, и сами решать, что для вас будет правильно. Даже если все вокруг будут считать иначе.

— Па, да ты у меня оказывается романтик, — смеюсь я. Но его слова что-то глубоко задели у меня внутри.

— Это будет наш с тобой секрет, — подмигивает Юрий Бельский.

А я всё-таки решила задать ещё один вопрос:

— И ты никогда ни о чём не жалел? Что все сложилось именно так?

— Ни одного дня, — честно признался папа. Даже ни секунды не раздумывая. В его системе координат речь шла исключительно о маме. И неверное об их маленькой нетипичной семье, в которой нам с Катей особо не было места...

Продолжать разговор было бессмысленно. Обед подходил концу, как и мои силы, чтобы сохранять спокойный доброжелательный вид. Когда на самом деле внутри меня бушевала

буря. В очередной раз посчитав до десяти и обратно, я поднялась и попрощалась с отцом, напоследок чмокнув его в щёку. Так было правильно. А весь свой негатив я могу выплеснуть потом подальше и от родных, и от десятка посторонних глаз.

Разомкнув объятия, я наткнулась взглядом на только что вошедшую в ресторан Ипатову. Не знаю, что сейчас подумала Настёна, но в её глазах промелькнуло и недоумение, и какое-то презрение. А ещё чётко прослеживалась обида, точно я обманула её ожидания.

Боже, неужели она действительно подумала, что папа мой тот самый таинственный поклонник, который прислал цветы? Если это так, то Ипатова явно не в себе! И её ждёт от меня большой подзатыльник!

Настя резко меняет траекторию и идёт к самому дальнему столику. Лишь бы не проходить рядом со мной.

В груди поднимается раздражение, но я лишь закатываю глаза и направляюсь к выходу. С Ипатовой будем разбираться потом. В голову приходит запоздалая мысль, что мои журналы так и остались лежать на полу в ресторане. А зная папу с его рассеянностью, вряд ли он заметит их и решит мне потом вернуть.

Ну и плевать. Да кому нужны эти жалкие статейки? Кто это всё вообще читает...

Я понимала, что снова завожусь. Но обжигающей ярости в моей груди не дал разрастись телефонный звонок.

И что за смертник решил меня сейчас побеспокоить? Достав из сумки разрывающийся гаджет, я увидела на экране знакомый номер. Корсаков.

Вот только тебя мне сейчас не хватало, иуда, для полного счастья!

— Да! — гаркнула я в трубку, сходя вниз по ступеням. Кажется, даже голуби, невозмутимо восседавшие неподалёку, на всякий случай решили смыться подальше от моего грозного вида.

— Привет. Не поверишь, я тоже безумно рад тебя слышать.

— Ты по делу или как? — стукнуть бы его за этот до неприличия довольный голос. Только пока ещё не изобрели способ, как можно силой мысли покалечить собеседника на другом конце провода. Между прочим, серьёзное упущение.

— Да так... хотел поинтересоваться, как твои дела?

Нет, он точно смертник!

— Как мои дела? Нормально мои дела! Просто замечательно! — буркнула я в трубку, злобно отстукивая каблуками в сторону офиса.

— Что-то я не пойму по голосу. Это ты мне о делах рассказываешь или решила проклясть до седьмого колена? — пытается разрядить обстановку Саша. — Лиз, кто тебя так расстроил?

— Кто меня расстроил? Жизнь, Саша, жизнь!

— Так, спокойно. На работе что-то произошло или у этой жизни есть имя? — слышу по голосу, что Корсаков немного напрягся. Не любит женские истерики? Ну что ж, сейчас он получит колоссальное удовольствие от нашего с ним общения в формате тест-драйв!

И я, захлебываясь эмоциями, вываливаю на него всё. И новость о предложении Фары, и о встрече с отцом и о его безразличии. И зачем-то даже пару случаев из детства приплела.

Прохожие на улицы предусмотрительно обходили меня стороной, видимо боясь попасть мне под руку. Саша слушал молча, не перебивая. И я ему была благодарна за эту возможность высказываться.

— Ты ещё здесь? — осторожно уточнила я, подходя к главному входу в наш офисный

центр.

— Да. Какие у тебя планы после работы?

Он вообще меня слушал?

— Саш, а ты мне ничего сказать не хочешь? Я что сейчас десять минут с пустотой общалась? — мне много не надо, чтобы вспыхнуть.

— Хочу. Попросить тебя подняться в офис, выпить водички и просто выдохнуть. А вечером я заберу тебя и поздравлю, как следует с твоим повышением. И если у тебя будет желание, с радостью готов обсудить тему отцов и детей. Поверь, мне есть что сказать по этому вопросу.

— А сейчас?..

— Я уже должен выдвигаться на объект.

— Понятно.

Работа, работа, работа. Александр третий в своём репертуаре. Хотя что там говорил Мереминский? То, как Корсаков ушёл с головой в работу в последние годы, для него нетипично. Что же с тобой произошло, Саша, что ты так изменился? И зачем же ты выбрал такой странный способ, как спор, чтобы вернуть назад свою прошлую жизнь?

— Так что у тебя по планам?

— Подруги пригласили посидеть немного, отметить, — признаюсь я. Валька и Аринка действительно были искренне рады моей новости и предложили собраться. Поэтому после работы мы договорились, что я приеду к ним.

— Готов уступить тебя, но не больше, чем на два часа.

— Саша! — командирские замашки Корсакова скоро доведут меня до белого каления.

— Максимум три. Но в твоих же интересах не задерживаться, — усмехается Корсаков.

— Это ещё почему?

— Узнаешь, — загадочно отвечает Александр третий. — Кидай мне адрес, откуда я могу тебя забрать.

— Ты там уже был. Это дом, где живёт Аринка. Может помнишь её по клубу...

— О боги. Лиз, тогда постарайся обойтись без приключений, пожалуйста. Пока я не приеду.

Кажется, наш тест-драйв уже с треском провалился. Потому что кто-то предъявляет невыполнимые требования к моим друзьям. Чтобы Сёмина обошлась без приключений? Да где это вообще видано?

Но вопреки моим ожиданиям вечер прошел вполне себе тихо мирно. С ЗОЖа я правда сорвалась, когда на балконе пересказывала подругам разговор с папой. Едкий дым, как всегда, помогал утихомирить нервы. Есть совершенно не хотелось. Роллы я лениво поковыряла, к торту практически не притронулась. Зато девчонки заставили меня выпить бокал игристого, чтобы отпраздновать моё новое назначение. И сказали много приятных слов: очень просто, по-своему, но от души. От переизбытка чувств у меня едва не навернулись на глаза слёзы. Иногда друзья становятся твоей самой настоящей семьей. Поэтому не нужно роптать на судьбу и винить её в какой-то несправедливости. И сейчас, сидя с подругами на балконе, я в полной мере ощущала, что я на своём месте. Ощущала поддержку, тепло и участие. И это было бесценно.

Аринка вся светилась от счастья. Разговор периодически сворачивал на того самого блондина из клуба. В Самаре ему предстояло прожить несколько месяцев для того, чтобы наладить работу нового отдела в одном из местных филиалов компании. Из того, что успела узнать о нём Сёмина, ей пока все нравилось. И она даже не знала к чему прикопаться, что в целом, было для неё нетипично.

— Представляете, он сказал, что хочет летом вместе со мной поехать в Волгоград, — поделилась Аринка, в очередной раз улыбнувшись каким-то своим приятным воспоминанием. И нам с Валькой хотелось улыбаться в ответ, видя такую довольную Сёмину. — Познакомить меня с друзьями и родителями. И с вами хочет познакомиться. Господи, неужели мне наконец-то попался нормальный мужик без всяких закидонов?

— Значит, у вас всё серьезно? — осторожно интересуется Валька. Аринка радостно подтверждает наши догадки, хотя её довольная мордашка говорит красноречивее любых слов.

Что будет, когда командировка Дмитрия подойдет к концу, уточнять мы не стали. Не хотелось, чтобы лёгкое облачко грусти портило солнечный небосклон. Пока нам было достаточно, что командировка предполагалась длительная. Ну а дальше Аринка сама разберется, что ей делать с такими отношениями — поддерживать ли их на расстоянии или перебираться в Волгоград.

Через два с половиной часа наших девичьих посиделок объявился Корсаков. Пришлось кратко вводить подруг в историю наших недоотношений.

— Бельская, и ты весь вечер молчала?? — возмущенно ахнула Сёмина. Я лишь потупила в ответ глаза.

Про историю со спором я тоже решила пока не говорить. Очень уж хотелось познакомить их лично с Корсаковым в спокойной дружеской обстановке. Чтобы подруги посмотрели на наше общение своим непредвзятым взглядом и вынесли свой безжалостный вердикт.

Я не понимала, зачем врать Мереминскому о споре и о прошлом Корсакова. Но всё же что-то в поведении Саши меня смущало. И шло вразрез всему тому, что я о нём знала. Внутренний голос уже ни один раз нащёптывал мне, что в этой истории не всё чисто. А возможно, это моё глупое сердце никак не хотело мириться с неприглядной правдой, потому что в отличие от всех других мужчин, Корсаков меня действительно зацепил...

— Мне кажется, ей просто не удалось сегодня вставить и слова, — хмыкнула Валька.

— Да что тут рассказывать, — пожимаю я плечами. — У нас по-прежнему ничего не понятно.

— Что тут непонятного? Мужик тебя изо всех сил окучивает. Даже согласился сплясать под дудочку твоих тараканов, — смеётся Сёмина. — Три недели будет всеми способами добиваться твоей благосклонности. Красота же!

Я её воодушевления не разделяла. Да и на грядку я вроде бы тоже не смахивала, чтобы радоваться так называемому «окучиванию».

Саша вновь стоял, опираясь на капот своей машины. Даже на расстоянии от него веяло уверенностью, собранностью. По этому человеку было понятно, что он привык к власти, привык управлять людьми и брать на себя ответственность, принимать нелёгкие решения. Это читалось и в развороте плеч, и в небольшой складке у брови, и в прямом открытом взгляде. А вот по губам Саши скользила хитрая, шальная и какая-то мальчишеская улыбка, зажигающая вокруг искорки веселья.

Какой же ты на самом деле Корсаков? И чего мне будет стоить узнать тебя ближе?

— П-привет, — проговорила я, чуть запинаясь.

М-да, ну только заплетающегося языка мне сейчас не хватало! Или я пьянею от одного его присутствия?

— Кто-то уже начал активно отмечать, — усмехается Александр третий на мгновение накрывая мои губы своими. — Привет.

Саша углубляет поцелуй, а я понимаю, что ноги меня совсем отказываются держать. Впрочем, в их услугах я особо и не нуждалась, после таких-то поцелуев. Какие ноги, если ты чувствуешь, что за спиной начинают вырастать крылья... Но Корсаков слегка отстраняется, и это волшебное чувство пропадает, растворяясь в весенней ночи.

— Пойдём, — тянет меня за руку парень. А я краем глаза замечаю, как из окна на балконе второго этажа торчат две знакомые физиономии. Аринка без зазрения совести задирает большой палец вверх. Грожу ей в ответ кулаком. Любопытные физиономии поспешно скрываются в окне. Мне остается в ответ только хмыкнуть. Было бы удивительно, если подруги не воспользовались моментом и не заценили наше приветствие с Корсаковым.

В машине будто уже по традиции меня ждали цветы. Очень яркий, я бы даже сказала сочный букет, который при всём желании у меня рука не поднимется выкинуть. Хотя первые букеты Корсакова, после разговора с Яриком о той самой несуществующей любовнице, я безжалостно выкинула в мусорку.

А следом Саша протянул мне длинный бархатный футляр тёмно-синего цвета. Мои брови удивлённо поползли вверх. Очень надеюсь, что там не лежит какое-то баснословно дорогое украшение. Которое мне потом придётся вернуть после этих трех недель... Точнее швырнуть в лицо Корсакову вперемешку с проклятьями. Очень сомневаюсь, что мы расстанемся с ним на позитивной ноте.

— Открывай, открывай, — улыбается Саша, кивая на футляр.

Аккуратно подцепляю ногтями края и вижу металлический блеск. Ручка! Мне кажется, я даже шумно выдохнула.

— Ух ты! — искренне радуюсь я. Также, наверное, дорогая, но не настолько, чтобы потом меня мучила совесть, если решу оставить её себе. Аккуратно провожу рукой по содержимому футляра. Серебряный корпус красиво переливался на свету. Саша действительно угадал с подарком — это одновременно памятная, красивая и практичная вещь. А эту известную фирму я бы себе в жизни не купила с моей-то зарплатой!

— Чтобы записывать гениальные идеи для своих текстов, — пояснил Корсаков.

Смущённо улыбаюсь и тянусь к Корсакову, чтобы чмокнуть его в щёку.

— Спасибо.

— И всё? — наигранно возмущается Саша.

Моя попытка обойтись целомудренным поцелуем потерпела позорное поражение. Тяжело вздыхаю и тянусь к его губам. Оставляю нежный поцелуй, слегка провожу подушечкой большого пальца по щеке, поглаживая, едва прикасаясь к лёгкой щетине. Даже щетина Корсакову идёт. Чёрт, да ему всё идет! Подвисяю, глядя в эти серые бездонные глаза, которые близко-близко, и вновь готовы утащить меня за собой в свой омут.

— Большое спасибо, — говорю я, всё ещё касаясь слегка губами.

— Вот так намного лучше, — смеётся Саша и прижимает меня к своей груди. Быстрый стук сердца почему-то наоборот успокаивает и вводит меня в расслабленное состояние. Просто отпустить мысли, просто не думать ни о чём плохом... — Но это ещё не всё.

— Не всё? — переспрашиваю я.

— Впереди ещё сюрприз, — подмигивает Саша. — И нам лучше поспешить.

Я не стала выпытывать, что за сюрприз, и включила режим ожидания. Всё-таки одного у Корсакова не отнять — в сюрпризах он явно был мастер.

«Ну поухаживал бы Санька за ней, он это умеет, порадовал девочку».

Так некстати всплывшие в мозгу слова Мереминского добавили нотку грусти к этому чудесному вечеру. Сюрприз — практически всегда беспроектный вариант, чтобы завоевать благосклонность девушки. Тем более, тут сама судьба подсунула Корсакову в руки удачные карты: и повод поздравить есть, и поддержку можно оказать после неприятного разговора с отцом. Судя по всему, Александр третий не стал упускать такой шанс.

Ну что ж, можно ведь просто насладиться тем, что мне приготовили. Главное, не отключать голову, и не забывать об истинном мотиве со стороны Саши...

Наконец, мы завернули на парковку Центрального парка. Всмотриваясь в непроглядную темень, которую едва освещал тусклый свет фонарей, я ощутила лёгкое замешательство. Что нам делать ночью в тёмном парке? Нет, Корсаков на маньяка, конечно, не тянул от слова «совсем». Но кто ж их этих маньяков знает? Я всё-таки по ним докторскую не защищала.

— Я прямо чувствую, как ты сейчас напряглась, — засмеялся Корсаков. И от этого беззаботного смеха всё мое волнение куда-то улетучилось.

— Вот как?

— Ты дышать стала по-другому. Волнуешься?

— А стоило бы? — не удержалась я от сарказма. Как будто меня каждую ночь привозят на прогулку в тёмный парк! Да ещё и без объяснения причин.

Вместо ответа Саша заглушил мотор и ловко выскочил из машины. Особого страха почему-то не испытывала. Но вот треснуть Корсакова хотелось невероятно за эту его напускную таинственность.

Саша захватил из багажника увесистый баул и бодро зашагал вглубь парка.

— А там что? Лопата?

— Лиз, ты портишь весь романтический настрой.

— Ну извини-и-и-те, — протягиваю я. — И долго нам ещё идти?

— Почти пришли.

Завернув куда-то в сторону, я увидела огороженную площадку и невысокого мужчину в отдалении.

— Здравствуйте, Александр, — поприветствовал он Корсакова. Пока мужчины обменивались рукопожатиями, я старалась оглядеться вокруг. На земле располагались два бесформенных нечто... и небольшой столик. Подойдя поближе, я увидела, что две бесформенные кучи это не что иное, как огромные кресло-мешки. Сзади что-то вспыхнуло, и я невольно зажмурилась от яркого света. Оглянувшись, я с удивлением обнаружила ожившее полотно экранного проектора.

— Это что... кино под открытым небом? — ахнула я.

— Да, но только для нас двоих, — Корсаков обнял меня сзади за талию, разместив голову на моем плече. — Нам с тобой выпала честь первыми открыть сезон.

Ага, на несколько недель раньше положенного. Для просмотра фильмов под открытым небом, конечно, было рановато. Обычно сеансы начинались не раньше мая.

Оторвавшись от меня, Саша наконец-то продемонстрировал содержимое своего баула. Лопаты там действительно не оказалось. Зато там были тёплые вещи и плед, в которые меня заботливо укутали. Саша разместил на столике попкорн, термос с чаем и небольшую коробку, в которой, наверное, располагались какие-то вкусняшки.

В кресло-мешке сидеть было непривычно, но вполне удобно, а свитер Корсакова окутывал меня теплом и лёгким ароматом его парфюма. Он так приятно сочетался с ароматом весенней ночи и горячего чёрного чая с бергамотом, что этот букет из запахов навсегда остался в моей памяти, как одно из самых ярких воспоминаний об этом вечере.

— Мне кажется, ты хочешь меня откормить, — пробурчала я, доставая из коробки какую-то штуку похожую на киш. Но тут же заглушила всё свое недовольство восхищенным мычанием. До чего же вкусно! Мягкий тягучий сыр, лосось, брокколи... божественно!

— А ты каждый день полноценно завтракаешь, обедаешь и ужинаешь? — интересуется Корсаков.

Врать не хотелось. Питаюсь я действительно, как придётся. То завтрак пропущу, то обед плавно перетекает у меня в ужин, если в течение дня запланировано слишком много встреч. И ещё не стоит забывать про кофе, который я могу хлестать цистернами. Поэтому я лишь отрицательно покачала головой.

— Тогда имею полное право тебя откармливать.

Вот опять он включает свои командирские замашки! Хотя ладно, пускай кормит. Жалко мне что ли? Главное, чтобы не на убой.

Саша удобно разместился на своём кресле, которое стояло практически вплотную к моему. Отчего казалось, что это одно огромное кресло. Протянув мне стакан с чаем, Саша ловко юркнул ко мне под плед.

— Я думала, ты и для себя взял тёплые вещи.

— Зачем? С тобой рядом всегда тепло.

Корсаков протянул меня к себе, и мне ничего не осталось как положить голову ему на плечо. Странно было сидеть вот так одним, в опустевшем парке, практически в крошечной темноте, освещаемой лишь светом экрана. Парень, который нам всё настроил для кинопросмотра, куда-то уже незаметно ретировался.

Мне было слишком хорошо. До щемящего чувства где-то в области сердца. Я не должна была поддаваться нахлынувшим эмоциям, но ничего не могла с собой поделать. Потому что это было неправильно... Наверное, я просто устала. День сегодня был насыщенный и тяжёлый. Вот потому хитрый план Корсакова возымел такой эффект — сейчас рядом с ним мне было по-настоящему тепло и уютно. Мне не хотелось думать ни о чем плохом. Вместо этого я хотела просто насладиться моментом. Даже если это всё не всерьёз, можно ведь ненадолго обмануть себя? Да, потом будет ещё более выныривать в реальность, знаю. Но если позволить себе всего лишь чуть-чуть...

— Надеюсь с фильмом я угадал, — прошептал мне на ухо Корсаков, и щёлкнул пультом.

Жар дыхания, тепло его рук запускали лёгкую дрожь по моему телу. Мне казалось, что моё сердце застучало в тысячу раз сильнее, и каждый новый удар становится достоянием всей округи. Какой фильм, если присутствие Корсакова полностью туманит мой разум?

Но я не смогла остаться равнодушной к этому киношедевр. Я узнала фильм по первым же кадрам. Издав радостный вопль, я кинулась душить в объятиях Сашу, каким-то чудом всё-таки умудрившись не ошпарить его чаем.

Римские каникулы. Он запомнил!

Когда Саша вновь нашел мои губы, и притянул к себе, в моей голове не осталось ни одной мысли. И только один навязчивый вопрос сумел проникнуть в мой поплывшее сознание: чёрт, ну почему нельзя, чтобы так было всегда?

Как вы уже поняли, несмотря на все свои сомнения Лиза обычная девушка, которой сложно оставаться равнодушной к вниманию Корсакова. Поэтому придерживаться своего изначального плана ей будет довольно непросто...

Воспоминания о прошедшем вечере заставляли меня ехать на работу с глупой улыбкой на лице. И её никак не удавалось стереть. Даже предстоящая летучка не могла испортить мне настроение.

Я в очередной раз поймала себя на мысли, что совершенно не могу воспринимать Корсакова, как своего клиента или как серьёзного руководителя крупной компании. Может, потому что рядом со мной он совершенно другой? Такой простой, земной парень. Правда который с лёгкостью может организовать личный кинопоказ под открытым небом... Но даже если бы мы просто несколько часов просидели на лавочке, целуясь и разговаривая о всякой ерунде, уверена, мне точно понравилось. Было в Корсакове что-то такое, что притягивало и заставляло жадно ловить каждое его слово, краснеть от пылких комплиментов и безуспешно пытаться утихомирить зашкаливающий пульс от его прикосновений: то лёгких и нежных, то страстных, толкающих перейти все возможные грани. Но Саша не переходил, да и я как могла, держалась. Я помнила про эти чёртовы три недели. И истинные причины тест-драйва отношений. Это не могло не отрезвлять.

Но это не мешало получать удовольствие.

Да и вообще должны же быть хоть какие-то плюсы во всём том цирке, что так негаданно нежданно ворвался в мою жизнь? Да, вчера я действительно дала слабину. Но стыдно мне почему-то не было. Главное — сильно не отклоняться от той стратегии, которую я себе наметила.

Сегодня я как никогда чувствую особое очарование весны. Распахиваю настежь куртку, вдыхаю полной грудью тёплый весенний воздух. До начала рабочего дня оставалось немного времени, поэтому я не спеша, двигалась к офису.

Мое приподнятое настроение явно располагало к тому, чтобы витать в облаках. Поэтому, когда я услышала до боли знакомый голос, я едва не потеряла равновесие и не грохнулась у входа с самой высокой ступеньки.

— Лиз, мы можем поговорить? Пожалуйста.

Да нет же, бред... Этого просто не может быть! Я смотрю на возвышающегося над мной Гордеева и не нахожу слов. Ни чтобы возмутился, ни чтобы согласиться, ни чтобы его послать.

На меня напало какое-то оцепенение. И всё, что я могла делать, это судорожно сжимать ремешок своей сумочки и удивленно хлопать глазами. Как будто это могло помочь прогнать призрак из прошлого. Но, разумеется, призрак так просто не собирался исчезать.

— Пожалуйста, — вновь повторил Лёша. Аккуратно подхватывает меня под руку и ведёт за собой. А я лишь как сомнамбула послушно иду за ним.

Я миллион раз представляла наш первый адекватный разговор после расставания. Первую встречу. Мои фантазии с треском разбились о суровую реальность жизни. И первая встреча на набережной была какой-то странной и скомканной (а присутствие другой бабы не располагало к общению), и разговор по смс об интернет-провайдере казался бессмысленным. И вот сейчас, я как рыба, выброшенная на берег, только и могла, что вымучивать из себя отчаянные попытки глотнуть воздуха. А слова просто не шли с языка.

А собственно какого чёрта?!

— Ты удалил мой номер из контактных лиц в договоре? — наконец нахожу силы

прервать я оцепенение и резко вырываю руку из-под пальцев Гордеева

— Что? А, да, конечно, — Лёша явно нервничает и смущённо опускает взгляд. — Лиз, я здесь не из-за договора.

Мы уходим чуть в сторону, и я отворачиваюсь от выхода, молясь всем богам, чтобы не встретить никого из коллег. Лишние вопросы мне ни к чему. Повернуться спиной, конечно, такая себе маскировка, но всё же лучше, чем ничего.

— И зачем же? — недоуменно выгибаю бровь.

— Лиз, я так больше не могу...

Гордеев смущенно замолкает, безжалостно взъерошивает себе волосы обеими руками. Скорее по привычке, потому что шевелюру ему недавно обкромсали для новой стрижки. Но с этими мхатовскими паузами пора заканчивать.

— Как так?

— Без тебя, — глухо отзывается Леша и поднимает на меня взгляд полный боли.

Серьёзно?! Изнутри меня прорывается раздражение и злость. На него, на себя, на судьбу. Мне не нужен сейчас этот взгляд побитой собаки! Быть может тогда, много месяцев назад, я мечтала об этих словах. Но сейчас единственное моё желание было поскорее закончить этот разговор и уйти. Забыть всё, как самое большое недоразумение. Почему это случилось именно тогда, когда мне уже не надо?! Почему, человек, который столько лет был для меня самым любимым, сейчас вызывает лишь одно желание — поскорее отвязаться?

Ярость обжигала дотла изнутри, я судорожно вздохнула. Наверное, на моём лице отразилось всё то, что я сейчас чувствовала. Потому что Гордеев решил сменить тактику жалости, и пуститься в отчаянные убеждения:

— Это все было ошибкой, понимаешь? Лиз, нам нельзя было расставаться! Нельзя, слышишь!

— Лёш...

— Нет, погоди! Лиз, без тебя всё не то! Каждый грёбанный день — это какая-то пытка. Лиз, они все не ты: не та улыбка, не тот голос, не тот смех! Я правда искал и пытался забыть, но каждый раз я понимал, что нет...

Лёша запинаясь, сквозь быструю речь я слышу сбившееся напряжённое дыхание, будто за ним кто-то гонится. Или будто он боится, что стоит ему замолкнуть хоть на секунду, я тут же растворюсь в воздухе как видение.

Не спорю, сейчас бы мне этого очень хотелось.

— Избавь меня, пожалуйста, от подробностей своих походов! — вскинула я руки в защитном жесте вперёд, будто это и правда поможет остановить поток бессмысленных оправданий. Гордеев не умеет извиняться, даже сейчас он говорит совсем не те слова, которые могут что-то затронуть в моей душе. А только те, что делают больно. Зачем мне знать, как он пытался устраивать свою личную жизнь? Может ещё точное число скажет, сколько их там было после меня, «не тех» баб, пока он не прозрел?!

— Нет, ты не поняла. Никого нет, никого не надо, — Леша подходит ближе и кладёт руки мне плечи. Я чувствую его дыхание совсем рядом, но не поднимаю глаза. Не хочу встречаться с ним взглядом. — Мне нужна только ты...

— Лёш, хватит!

— Дай мне ещё один шанс. Лиз, пожалуйста, — касается аккуратно пальцами моего подбородка, приподнимает его, заставляя посмотреть в глаза. Слишком близко. Аромат его кожи и парфюма, такой родной и знакомый. Но в то же время такой чужой... как осколок

воспоминания, которое уже не ранит, но способен вызвать фантомную боль.

Я с силой зажмуриваю глаза, пытаюсь отгородить себя, выстроить хоть какую-то стену для своего личного пространства. Но Лёша понимает это по-своему и начинает меня целовать.

Губы помнят, тело помнит. Но сердце не заходится в бешеном ритме. Ему всё равно, оно стучит ровно и глухо. И лишь душа болезненно сжалась в комок, изо всех сил пытаюсь противостоять уже знакомым разрушительным чарам. Она помнит, что тот самый кусок души, что выдран с мясом, пока ещё ничем и никем не заполнен. А повторение подобного закончится ещё более плачевно. Мозг, чуть замешкавшись наконец-то отдаёт команду, что это всё неправильно, и нужно заканчивать. Душа и сердце безмерно ему благодарны и молча аплодируют.

С огромным усилием я отталкиваю от себя Лёшу и отступаю назад.

— Никогда так больше не делай!!

Внутри у меня буря ощущений, но ни одно из них не подходит под состояние влюблённой счастливой девушки. Зато я чувствую, как меня переполняет до краёв чувство злости и какой-то гадливости. И огромное чувство вины перед Сашей! Чёрт, вот только этого мне сейчас не хватало!

— Я не могу тебе этого обещать, особенно когда ты рядом, — Лёша разводит руки и качает головой. — Лиз, давай вечером спокойно увидимся и просто поговорим? Нам есть что друг другу сказать, поверь...

— Да нечего мне тебе сказать! — выхожу я из себя. — Может и было когда-то, но всё это уже не важно!

— Лиз, если остались чувства, то это ещё не конец. И всё можно исправить...

— Да какие на хрен чувства, Гордеев?! — я уже перехожу на крик и мне плевать на людей вокруг.

— Я люблю тебя! — орёт в ответ Лёша. Будто криком можно доказать всю глубину его любви ко мне. — И не говори, что ты ничего не чувствуешь! Я понимаю, да ты обижена на меня, и злишься. Да, я виноват, я охренеть как виноват перед тобой! Но твой поцелуй говорит о многом...

— Ты с ума сошел?! Ты сам меня поцеловал!

— Просто дай мне шанс. Лиз, просто дай нам шанс! — Гордеев будто совсем не слышит, что я ему говорю.

Лёша делает шаг в мою сторону, а я невольно вжимаюсь в стенку. Отступить больше некуда. Но если он опять сейчас полезет с поцелуями, я его ударю!

— Не подходи! — яростно шепчу я и мотаю головой. — Я не знаю, какая муха тебя сегодня укусила, Гордеев. Ты жил без меня всё это время, значит, проживёшь и дальше.

— Нет...

— Да, Лёша! Мне надо идти работать!

На хорошей ноте расстаться не получится. Он просто не хочет меня слышать. Пускай это и будет некрасиво, но я без сожалений разворачиваюсь и ухожу, унося с собой в груди напряжение и ярость.

— Это всё из-за него, да? Из-за этого мажора? — доносится мне вслед. — Ты поэтому даже не хочешь меня выслушать?

Я останавливаюсь, как вкопанная. Корсаков не мажор. Он величина покрупнее, и более самостоятельная, но Лёшка этого конечно же не знает. Он может судить так только по

внешним атрибутам, таким как молодость, крутая тачка и дорогие букеты, которые дарил мне Саша. Если он видел нас вместе... Но как чёрт возьми он вообще узнал о наличии в моей жизни персоны Александра третьего?!

— Ты следишь за мной?! — я резко оборачиваюсь и впечатываю в Гордеева взгляд пылающей ненавистью. Но взгляд бывшего не лучше. Любовью сейчас там и не пахнет.

— Лиз, я не сталкер, — уже более спокойным тоном отвечает Гордеев, усмирив своих внутренних демонов. — Я несколько раз искал случай подойти поговорить с глазу на глаз, но ты была занята... кем-то другим.

В его устах это звучало так обидно и мерзко, что мне захотелось пойти поскорее умыться.

— Больше не ищи со мной встречи, — холодно отзываюсь я. Никаких оправданий и объяснений! Гордеев потерял всякое право что-либо от меня требовать.

— Он тобой наиграется и бросит, вот увидишь, — усмехается Лёша. Желание смыть с себя всю грязь этого разговора усиливается во сто крат.

Я знаю, что у нас с Корсаковым всё не всерьёз. Только слышать эту неприглядную правду от Гордеева было выше моих сил. Но я собираю волю в кулак, и нацепив на себя самую обворожительно язвительную улыбку, молча оставляю Гордеева. Пускай думает, что меня это абсолютно не колышет.

— Потом ты поймёшь... — доносится мне вслед, но я уже захожу в холл и захлопываю дверь.

Надеюсь, и в своё прошлое тоже. Навсегда.

Весь рабочий день я ходила, как пришибленная. Мысли стремительно разбегались во все стороны, и мне никак не удавалось ни на чем сосредоточиться. Коваленко ни раз мне делала замечания, призывая быть более внимательной. Но её слова летели куда-то в пустоту, мимо меня.

Наверное, и взгляд у меня был дикий. Потому что в ответ на меня смотрели не менее странно. Даже улыбчивая хохотушка Ника и то как-то напряжённо поглядывала на меня во время обеда.

Я еле-еле дотянула до вечера, чтобы наконец-то остаться наедине со своими мыслями. Потому что от пережитого утром меня разрывало на части. Почему Лёша явился именно сейчас? Неужели это просто такая жестокая шутка судьбы — давать нам желаемое, когда это совсем уже не нужно?

Ещё полгода назад я бы кинулась к нему в объятия и всё простила, даже не раздумывая. Запратав гордость куда подальше и забыв про все свои принципы. Ведь он признал свою ошибку, признал, что любит меня, и хотел начать всё заново... Но сейчас мне этого было не нужно. Уже не нужно.

То, что Гордеев какое-то время следил за мной, просто не укладывалось в моей голове. Значит, Лёша знает, где я теперь живу? И видел меня с Сашей? Получается, чувство ревности у Гордеева разыграло настолько сильно, что он наконец решился сделать шаг. Но поговорить со мной при Александре третьем всё-таки кишка оказалась тонка. Трус! Какой же он всё-таки трус!

Телефонный звонок заставил меня вздрогнуть. На экране моего гаджета высветился номер Корсакова. Записанный у меня по уже устоявшейся традиции как Александр третий.

— Привет, — говорит Корсаков, а я бессознательно почувствовала его улыбку. Неужели по голосу действительно можно определить, улыбается человек или нет? Не знаю, были ли исследования на этот счёт. Но я готова была дать голову на отсечение — Саша прямо в этот момент улыбался.

— Привет, Саш, — я не могу скрыть нервное напряжение в голосе. И боюсь, что Корсаков всё поймет без лишних слов.

А совесть моя была нечиста.

— Выходи гулять.

— Чего? В смысле?!

— Я во дворе. Могу покричать тебе под окном, как в детстве, — засмеялся Саша.

— Давай всё-таки не будем развлекать соседей, — усмехнулась я.

Ни о какой встрече мы не договаривались. Появление Корсакова стало для меня полной неожиданностью, но было очень даже кстати. Сейчас мне действительно нужно было вырваться из этих четырёх стен, убежать от своих тяжёлых мыслей.

Наряжаться я не стала. Как была в легинсах и короткой футболке, так и вышла, правда предварительно натянув на себя толстовку с глубоким капюшоном. Кеды, волосы собраны в пучок, отсутствие макияжа — ну просто дива! Безумный взгляд, который я поймала у себя в зеркале, дополнял картину. Но раз Саша решил неожиданно нагрянуть, то пускай лицезрит меня такой, какая я есть, без прикрас.

При встрече я не смогла его поцеловать. Вместо этого я ловко опутала Сашу своими

объятиями и подставила щёку вместо губ. Это было максимально глупо, но я ничего не могла с собой поделать. Он не был моим парнем, мы ничего друг другу не должны. Но я испытывала дикое чувство вины, как будто реально изменила, ответив на поцелуй Лёши...

Ну вот спрашивается, какого чёрта?! Сам Корсаков откровенностью не блещет, те же истинные причины своего интереса ко мне очень умело маскирует под симпатию. Почему я должна распахивать перед ним душу и выкладывать всю правду-матку?

Но правда жгла изнутри, заставляя больше молчать, чем включаться в разговор.

Красные всполохи заката растекались по горизонту. Мы не спеша шли по набережной, держась за руки. Тёплый весенний ветер игриво путался в моих волосах, которые так и норовили вылезти из собранного на затылке пучка. А я больше смотрела на потемневшую Волгу, чем на Сашу. Моё взвинченное состояние он конечно заметил, но изо всех сил старался меня отвлечь.

— Может расскажешь уже, что произошло? — не выдержал Саша, останавливаясь и разворачивая меня к себе. Я внутренне вся сжимаюсь и хочу сбежать от этого обжигающего меня взгляда, так легко проникающего в каждую клеточку души.

— Ничего не произошло, — пожимаю я плечами.

— Ну я же не слепой.

— Просто плохое настроение, — говорю я вслух притянутую за уши мадагаскарского слона полуправду. — Я же говорила, со мной бывает непросто. Но... я никого не держу.

Я аккуратно освобождаюсь из объятий и продолжаю идти вперёд. Саша задумчиво двигается следом.

— Это я уже понял.

— Уже жалеешь, что ввязался в этот тест-драйв? — стараюсь поддеть его я.

— Пытаюсь подстроиться под ритм, — усмехается Корсаков, засовывая руки в карманы.

Недоумённо гляжу на него, молча требуя пояснений и Саша всё-таки продолжает:

— У нас с тобой вечно шаг вперёд, два назад. Только я думаю, что ты немного оттаиваешь и начинаешь мне доверять, как что-то происходит, и мы вновь слетаем к заводским настройкам.

Сейчас улыбка Саши выглядит какой-то печально отрешенной. Задумчивый взгляд вдаль не оставляет сомнений, что мои флюиды отвратительного настроения перекинулись и на него. Да и плевать. И почему он вообще завёл эту тему с доверием? Как говорится, чья бы корова мычала.

Мобильный в моём кармане разрывает гнетущую тишину своим оповещением. Притормаживаю и мельком просматриваю от кого пришло сообщение. Александр первый! А ему-то что нужно от меня сегодня?! Он же вообще не жаловал меня общением в последнее время.

Тяжело вздыхаю и убираю телефон в карман. Потом отвечаю. Возможно, даже не сегодня.

— Первый это фамилия? — раздаётся рядом голос Саши. Поднимаю глаза и сразу же натываюсь на потемневший взгляд, под стать пасмурному свинцовому небу. И когда это он успел подобраться так близко?

— Кличка, — хмыкаю я в ответ. О двух других порядковых номерах я решила благоразумно умолчать. — Тебе не говорили, что нехорошо подсматривать в чужие телефоны?

— А я с детства не отличался примерным поведением, — голос Корсакова звучит низко, глухо, заставляя моё сердце пропустить очередной удар. — Лиз, мне стоит начать

беспокоиться?

— Об этом? — криво усмехаюсь я, хлопая себя по карману. — Об этом точно нет.

Корсаков резко притягивает меня к себе и жёстко, как-то по-собственнически жадно начинает меня целовать, заставляя мою грудную клетку вновь отдаться рваному сердечному ритму. Зарывается рукой мне в волосы, рассыпая их плечам и еле слышно выдыхает мне в губы:

— У меня для тебя плохая новость.

— Какая?

— Я собственник. Я чёртов ревнивый собственник, — хрипло отвечает он, прожигая меня взглядом насквозь. И почему-то я чувствую, что это не просто слова. За этим стоит нечто большее. Возможно, какая-то своя, незаживающая рана.

Моя совесть вновь истошно завопила где-то глубоко внутри.

Но ведь для него это просто спор...

Мы друг другу никто. А всё что происходит это просто иллюзия, игра. Если повторять эту мантру почаще, возможно мне станет чуточку легче.

— Да-а, Бельская, весёлая у тебя жизнь, — протянула Ипатова, аккуратно вгрызаясь в круассан. Мне кажется, так аккуратно и женственно есть умеет только Настюха. И при этом не просыпать на себя ни одной крошки.

Я же уже испачкала и руки, и физиономию, как последний свин. Со вздохом тянусь за влажными салфетками в сумочку. Сегодня мы с Настей решили зарыть топор войны. У нас у обеих были встречи в старом городе практически на соседних улицах. А как говорил небезызвестный Матроскин, совместный труд, он объединяет.

Как только мы разместились на заднем сидении машины, я протянула ей свой мобильный, на котором открыла фотографию с отцом. Это был выпускной в третьем классе. Я на фото ещё мелкая и смешная с большими щеками, а вот папа практически не изменился. Поэтому версию со старым хахалем Ипатовой пришлось моментально отвергнуть.

— Он у тебя к косметологу что ли ходит? — прищурилась Настя. — Или ему Киану Ривз секрет вечной молодости рассказал? Офигеть! Я бы тоже не отказалась вот так вообще не стареть.

— Насть, это генетика. Против неё не попрёшь, — смеюсь я.

— На тебе надеюсь, генетика не отдохнула?

— Вот лет через десять и узнаем.

Мы договорились с Ипатовой ненадолго сбежать после деловых встреч от нашего водителя Тёмыча и где-нибудь перекусить.

После истории об отце и повышении на журналистском поприще, а также небольшой лекции от Ипатовой какого хрена я согласилась писать за бесплатно, я довольно обтекаемо и без подробностей сообщила ей о наличии в моей жизни Корсакова. Естественно, не называя, что это Корсаков, и не упоминая об их споре с Яром. Информацию надо давать дозированно. Ну или хотя бы подготовить человека, перед тем как вывалить на него главную ошеломительную новость. А пока с неё хватит и рассказа о нашем так называемом тест-драйве отношений.

К тому же, на новость о Гордееве Настюха отреагировала довольно бурно:

— Лёшу — гони в шею! Даже не думай с ним разговаривать, когда он в следующий раз к тебе зайвится!

Да я и в этот раз не сильно горела желанием с ним общаться!

— Насть, я поставила точку!

— Солнце мое, это ты так думаешь. А на самом деле, просто молча ушла, давая ему надежду. Признайся, Лизок, что в глубине души, тебе безумно приятно, что он за тобой теперь бегаёт, и ты хочешь продолжения?

— Ипатова!

— Я двадцать лет уже Ипатова, и что? — отмахнулась Настёна от моего грозного рыка. — Конечно, женская месть ещё и не на то способна... Но всё-таки сосредоточься-ка ты лучше на своём богате. Гордеев — пройденный этап. Постарайся в следующий раз донести до него это более конкретно. А лучше просто пошли на три буквы!

Я тяжело вздохнула. Как бы я не хотела признать, возможно, в словах Насти есть резон. Наверное, гадкое чувство мести во мне всё-таки присутствовало. В это почему-то верилось охотнее, чем в мои ещё не до конца остывшие чувства. Но месть местью, а голова на плечах у

меня была. И мысли в ней были правильные: никакого повторения мне не надо. В моей жизни пока есть место только одному цирку — тот, что под предводительством товарища Корсакова. На два гастролирующих состава я не подписывалась.

***

«Как там твои дела сердешные?» — интересуюсь я у Санька.

После того как он всё-таки завоевал свою даму сердца благодаря моим подсказкам, Александр второй не пропал. К моему глубочайшему удивлению, он также стабильно писал пару раз в неделю. Правда уже без предьяв, что я разбиваю ему сердце. Зато у него появилась новая фишка — рассказывать истории про своих многочисленных друзей, аккуратно (а иногда и не очень) подводя к тому, что мне обязательно нужно познакомиться с каким-нибудь его «офигенным чуваком». Санёк даже был готов лично «впрячься» и организовать знакомство. Только я его душевные порывы не разделяла от слова «совсем», и отнекивалась, как могла.

«Да бл**... не спрашивай»

«Так. Только не говори, что вы уже расстались?!»

«Пока нет. Но кто-то капнул, что она мне изменяет»

«Что?! Доказательства есть?»

«Да в том, то и дело, Лизк. Как в плохом анекдоте. Пришла смска от доброго анонима. А я тупанул и спросил её в лоб. Типа правда или нет».

«Ты нормальный?» — мне очень сильно хотелось прикрыть глаза рукой и долго-долго разочарованно качать головой, изумляясь глубине человеческой глупости.

«Ну судя по всему нет».

«И как Римма отнеслась к твоим подозрениям?»

«Ахах! А ты как думаешь? Послала. Теперь не разговаривает».

Я как могла, постаралась подбодрить Александра второго в его непростой ситуации, пока ехала до работы. Хотя тут всё было ясно, как божий день — сам виноват. И сам же теперь будет разгребать последствия своих слов. И если я правильно поняла по его рассказам характер Риммы — долго и упорно. Я бы на месте девушки тоже обиделась на Санька. Особенно, если она вообще ни причём, и это всё дело рук каких-то злопыхателей.

Размышляя над всем этим, я не заметила, как добралась до стен родного офиса. А внутри меня ждал приятный сюрприз — новое рабочее кресло. Чёрное, с матовым блеском ручек и корпуса. Уже собранное и манящее меня в свои объятия, обещающее надежную поддержку и опору моей спине, и само собой невероятный комфорт пятой точке.

— Ого! — радостно воскликнула я, подходя к своему столу. — Не ожидала, что их так быстро доставят.

— Ксюшка потом расскажет, чего ей это стоило, — смеется Татьяна, откидываясь назад в своем новеньком кресле. — Там история такая, что можно фильм снимать.

Да, давненько у нас не царило такое единодушие в офисе. Всё-таки новые удобные кресла была не только моя давняя мечта. Даже Лана сидит с улыбкой на лице, а не с недовольно надутыми губами, как обычно. Хотя кто её знает, в последнее время она не ходит, а летает. Вот что значит у человека начались нормальные романтические отношения.

Закидываю сумку на стол, и с предвкушением наслаждения плюхаюсь на кресло. Но то, что произошло в следующую секунду, не ожидал никто, и уж тем более я.

Где-то на задворках сознания, успела промелькнуть мысль, что я услышала какой-то то ли щелчок, то ли треск. Но мне было сложно анализировать источник шума, так как мои две

ноги взмыли в воздух. А я резко оказалась на полу, больно ударившись поясницей и неудачно отлетев головой в стену.

От удара перед глазами запрыгали мушки, погружая в чёрное месиво и пытаюсь утащить меня за собой. Я сопротивлялась, слыша где-то далеко гул взволнованных голосов.

Кажется, из соседней комнаты выскочили Фара и Ника.

— Ладно хоть обошлось и не виском в батарею! — почему-то проорала рядом Оксана. Или это так играет со мной и с моим звуковым восприятием затуманенное сознание? — Вы видели там какой крюк торчит?!

Чувствую беспокойный бубнеж Фары, и то, как он бережно и аккуратно поднимает меня. Хочется сказать, что я вообще-то тяжёлая, и уж точно тяжелее его. Но здравый смысл побеждает, подсказывая, что помощь в принятии вертикального положения мне действительно не помешает.

— Я в порядке, — выдавливаю из себя. Кажется, наш офис-менеджер Натали суёт мне в руки стакан с водой, а затем зачем-то начинает обтирать мне лицо мокрым носовым платком.

— Проверьте все свои кресла! — командным голосом громко отдаёт распоряжение Косицына, и по её голосу я слышу напряжение, досаду и настоящий страх. — Я ему руки повырываю и в жопу засуну! Проверьте, чтобы у всех все гайки и болты были закручены! Ещё не хватало нам травм на рабочем месте!

Интересно, а кто вообще собирал эти кресла? Тайну чуть позже мне раскрыла Коваленко. Как оказалось, это был один из сотрудников офисного центра, этакий мастер на все руки (хотя после случившегося — звание конечно сомнительное) — и сборщик, и грузчик, и уборщик. Но почему чёрт возьми его умения закончились именно на моём кресле? Где справедливость? Их вообще нам заменили лишь благодаря внушительной сумме в контракте с «Корсаром»!

— И как мне теперь работать? — интересуюсь я у руководителей, прерывая всеобщий галдеж. — Стоя?

Коваленко тяжело вздыхает. Запасных кресел нет, только стулья, неудобные и ушатанные, на которых мы едва высиживаем во время летучки. А уж сидеть на таком стуле целый день... Возможно те же мысли посетили и Таню. Или она действительно за меня перепугалась. Потому что неожиданно для всех она решает отправить меня домой подлечиться и прийти в себя.

Я искренне не понимала, что именно мне нужно лечить! Чувствовала я себя нормально. Да, на голове здоровая шишка, и спина побаливает в районе копчика. Никаких встреч у меня сегодня, как назло, не было, подруги работали, поэтому вытащить прогуляться я тоже никого не могла. Пришлось заняться домашней уборкой, которую я всё время почему-то откладывала.

Включить на полную громкость музыку, нацепить на себя старую растянутую майку и потёртые шорты, пританцовывать вместе со шваброй в руке и подпевать любимым композициям — в этом был особенный кайф. Тем более, что энергии в первой половине дня у меня было хоть отбавляй. За всеми своими танцевальными па вперемешку с активным маханием тряпкой, я не сразу услышала трель мобильного.

Корсаков. Ну кто бы сомневался!

— Да, — громко проговорила я в трубку, стараясь перекричать музыку и одновременно

приближаясь к колонке, чтобы убавить громкость.

— Привет... Не понял, это что за дискотека посреди дня? — в голосе Саши царило искреннее изумление.

— Я сегодня прогульщик поневоле.

Пришлось посвятить Александра третьего какое замечательное выдалось у меня утро. И чем я занимаюсь в данный момент.

— Я сейчас приеду.

— Зачем?

— Нужно отвести тебя в травмпункт, — сурово проговорил Александр третий. Я почему-то сразу же почувствовала себя провинившейся школьницей, хотя ещё ничего и не сделала.

— Чего?!

— У тебя может быть сотрясение, — Корсаков был непреклонен и судя по звукам на заднем фоне, уже покидал кабинет. Он что серьёзно сейчас ко мне собрался приехать?! А сотрясение точно у меня нужно проверять? — Лиз, у вас в офисе адекватные люди работают или как? Первым делом нужно было показать тебя врачу!

— Саш, у меня на голове шишка. Это не смертельно!

— Вот пускай врач это и подтвердит.

— Не надо ко мне приезжать!

— Не обсуждается, — отчеканил Саша. — Лиз, начинай собираться и ради бога — прекрати убираться, это не самое лучшее занятие для человека с возможным сотрясением. Я буду через двадцать минут.

Через двадцать минут? Он на вертолете ко мне собрался лететь? Или на реактивной метле? Я опять захотела проорать в трубку, что не надо ко мне приезжать и не надо везти меня ни в какой в травмпункт. Но товарищ Корсаков, не попрощавшись, отключился. Для человека не являющимся официально моим парнем он слишком много на себя берёт! И с этими командирскими замашками нужно что-то делать! Вот хоть сейчас звони деду и проси мастер-класс по работе над дисциплиной. У него в части все, как шёлковые ходили, пускай поделится опытом.

Почему мой план устроить весёлую жизнь Корсакову пока работает в обратную сторону и весёлую жизнь устраивают мне? Не хочу я в травмпункт! Я вообще больницы не перевариваю! Если ему так надо тащить меня к врачам, то поеду прямо так — в шортах и майке. И швабру захвачу! Пускай тогда меня ещё и психологу покажет, раз такой сердобольный!

Корсаков мой внешний вид оценил. Без грамма сарказма. Протяжный вздох и голодный взгляд на мои излишне оголённые ноги в коротких шортах — всё было в наличии. Как будто он длинных ног ни разу в жизни не видел, тоже мне Робинзон Крузо на необитаемом острове нашёлся! Только лицезреть столь прекрасное зрелище ни себе ни другим людям он не позволил, и отправил меня переодеваться. Ещё и швабру конфисковал. Вот настоящий оккупант, по-другому и не скажешь — припёрся без разрешения, ещё и свои порядки тут наводит!

Никакого сотрясения у меня не нашли. КТ, МРТ, измерение давления, анализ крови — дяденьки и тётеньки в белых халатах с вежливой улыбочкой и заискивающим взглядом делали со мной всё.

— Ещё можешь в поликлинику меня сдать, на опыты, — злобно прошипела я Корсакову, между обследованиями. Саша в ответ лишь коротко хохотнул, прикрыв губы костяшками пальцев.

Из частной клиники я уходила злая как чёрт. Даже попрощалась с администратором сквозь сомкнутые зубы. А уж благодарить Корсакова за проявленную заботу и щедрость и вовсе было выше моих сил. Хотя по-хорошему, наверное, стоило...

— Есть планы на завтрашний вечер? — интересуется Саша, полностью игнорируя пар из моих ушей и сверкающий гневом взгляд.

— Да, не брать трубки, — на полном серьёзе заявила я, скрещивая руки на груди. — Это, как оказалось, может привести к самым непредсказуемым последствиям.

Ага, например спустить в трубу два с лишним часа твоей жизни.

Мы стоим на ступеньках частной клиники. Саша, точно пуленепробиваемый, смотрит на меня сверху вниз и улыбается. А мне то ли хочется подпрыгнуть и вцепиться ему в волосы, чтобы хоть как-то вывести из себя, то ли поцеловать. Зараза!

— Ярик приглашает завтра к себе на вечеринку.

— Завтра? — опешила я. — Что ещё за вечеринка?

— По случаю его переезда в новую квартиру.

Вот значит как? Мереминский, оказывается, прикупил себе жильё. Почему-то этот шаг для меня всегда ассоциировался с настоящей взрослой жизнью. А ведь Ярик вообще не производил впечатления серьёзного взрослого человека, даже несмотря на свою высокую должность в холдинге.

Саша на днях рассказал, что с они Яром всё-таки прояснили все свои недавние разногласия. И даже один раз увиделись, как в старые добрые времена. По словам Корсакова, у Мереминского появилась новая пассия, и тот с головой ушёл в пучину страстей. Что для него было вполне нормально, так как Ярик был человек влюбчивый. Впрочем, Саша не страдал от отсутствия друга по вполне известным причинам — изо всех сил пытался над выполнением условий спора. Или как говорила Сёмина, «окучивал» мою неотразимую персону.

— А пораньше нельзя было сказать о вечеринке? — возмутилась я. Приглашение на вечеринку, на которой соберутся такие же богатенькие буратины, как Корсаков означает только одно — большой головняк мне сегодня вечером обеспечен. Без всяких сотрясений мозга. — Надо еще подарок же покупать, и я понятие не имею, в чём нужно идти...

— Так он только сейчас о ней написал, — засмеялся Корсаков и притянул меня к себе, обнимая за талию и сверкая при этом самой хитрой улыбкой на свете. — Это же Ярик. Он из ничего всегда может организовать три вещи: проблему, вечеринку и пиар-компанию.

— Именно в таком порядке?

— Именно в таком.

— Так, а ты чего такой довольный? — подозрительно прищуриваюсь я.

— А почему мне не быть довольным? Мы идём на вечеринку вместе, и ты даже не стала отпираться.

Чёрт! Кажется, меня сейчас очень ловко обвели вокруг пальца. За всеми этими возмущениями по поводу даты я совсем забыла для приличия немного поломаться и попить кровь Александра третьего.

— Мы идём туда не как пара, — я смирила Сашу взглядом строгой училки и высвободилась из объятий. — И как свою девушку меня представлять там не надо. Поэтому можешь убирать с лица свою довольную ухмылочку.

— Не могу, — усмехается Саша. — Мы ведь идём на вечеринку вместе.

Надо выкинуть какой-нибудь номер на вечеринке, ей-богу! Просто противозаконно ходить с такой довольной физиономией, как сейчас у Александра третьего! Впрочем, детальную проработку своего номера я решила оставить на потом. Потому что передо мной, как для каждой представительницы прекрасного пола, стояла задача вселенского масштаба — выбрать в чём же все-таки пойти на вечеринку?

Как минимум нужно было решить для себя: выглядеть красиво и соответствующе статусу спутника. Или, наоборот, нацепить на себя нечто невообразимое и вогнать Корсакова в краску, тем самым приступив к первой паре стадии плана мести. А потом еще и приправить все это каким-нибудь странным поведением на самой вечеринке. Могу прикинуться глупой как пробка. Или начать флиртовать направо и налево. Сомневаюсь, что Корсаков оценит такое поведение. С ревностью у него явно проблемы, и я искренне сочувствую его настоящей девушке, если уж он так в наших недоотношениях выходит из себя...

Однако при мысли о следующей девушке Корсакова на душе стало как-то гадко.

Какая интересно она будет? Очередная фигуристая фотомодель? Или уверенная в себе бизнес-леди с холодной лощённой внешностью? После разговора с Яриком я конечно же залезла и посмотрела фото Шакуровой. Если бы на экране ноутбука можно было бы протереть дырку, я бы протёрла, пересматривая её фотографии бесчисленное количество раз. Она действительно была длинноногой красавицей с роскошной копной светлых волос. Даже Лана рядом с ней смотрелась бы простушкой.

В очередной раз проштудировав свой шкаф, я с сожалением подумала, что с первым вариантом вряд ли что-то получится. Чтобы соответствовать Корсакову, нужно иметь в наличии красивое дорогое платье, и быть фотомоделью. Красивое дорогое платье у меня имелось только одно, то самое которое подарила мама, и я его уже надевала. А внешностью фотомодели я похвастаться не могла.

Значит, оставался второй вариант. А что в моем шкафу есть такого шокирующего?

Поиски также не увенчались успехом. Вкус в одежде у меня был довольно стандартный, никаких страз и перьев в наличии не было. Было только одно чёрное платье в длине мини. Практически на грани с откровенным мини, в котором лучше стоять или передвигаться пингвиньими шагами, чтобы не дай бог не сверкнуть пятой точкой. Ну что ж, пожалуй,

остановлю свой выбор на нём. Провокация, так провокация. Тоже вполне себе рабочий вариант позлить Корсакова.

Как оказалось, те самые новые дома местных богачей, которые отлично виднелись из окон моего подъезда, так как почти полностью загораживали вид — это и есть новое пристанище Мереминского. До его дома вполне можно было дойти пешком, но Саша, увидев мой чудо образ тусовщицы на максималках — длина мини и босоножки на устойчивых, но довольно высоких каблуках, идею не заценил.

— С каких пор ты обленился ходить пешком? — с сарказмом поинтересовалась я.

Корсаков скользнул взглядом по тонким бретелям моего платья, слегка задержав взгляд на ложбинке груди, после чего резко отвернулся и оглушил меня двигателем мотора. Мне стало смешно.

— Не хочу, чтобы вся местная публика облапала глазами мою девушку, — ответил он, когда машина резко стартовала с места. На четырёхколёсном друге просто так в соседний двор было не заехать из-за дорожных знаков. И теперь нам приходилось ползти до Московского шоссе, чтобы развернуться и заехать в двор с другой стороны, что я считала полнейшим идиотизмом. Дойти пешком было бы гораздо проще. Плюс не тратить потом время на парковку, с которой у нас в городе вечные проблемы.

— Я не твоя девушка, — закатила глаза я.

— Ты не замёрзнешь так? — поинтересовался Саша, полностью игнорируя мою реплику. — Я могу дать тебе свою куртку...

— Мереминский, что прикупил хату на северном полюсе? — хмыкнула я в ответ. — Если тебе не нравится, как я выгляжу, просто верни меня обратно домой! И езжай один.

— Лиз, ты порой на пустом месте делаешь какие-то очень странные выводы, — покачал головой Корсаков и неожиданно положил руку мне на бедро, там, где кончалась ткань платья. Жар от горячих пальцев в одно мгновение заставил меня вспыхнуть. — Мне всё нравится.

Так куда дели весь кислород? Почему мне так сложно сделать нормальный вдох?

— Но если кто-то начнёт откровенно капать слюной в твою сторону, то боюсь я не сдержусь и устрою Мереминскому незабываемое новоселье, — добавил Саша, на секунду одарив меня своей наглой улыбкой.

Ревность Корсакова — это отдельный вид искусства. Сердце стучало, как ненормальное, безжалостно разгоняя кровь по моим венам и разливая жар по всему телу. Стараясь изобразить невозмутимость, я хмыкнула и убрала руку Корсакова с моего бедра. Надеюсь, что он не заметит лёгкую дрожь моих пальцев. Присутствие рядом Александра третьего пьянило и запускало во мне какой-то нескончаемый фейерверк эмоций. Особенно когда мы находились так близко в замкнутом пространстве.

— Постарайся держать себя в руках, Саша, — в моих словах сквозили суровые нотки. Мне правда не хотелось становиться причиной очередных разборок и портить вечер Ярику. — Если ты забыл, то я вынуждена тебе напомнить — мы с тобой не встречаемся. Глупо ревновать человека, если он тебе ничего не обещал.

— Лиз, для ревности не важны никакие статусы и договорённости. Она просто возникает и отравляет каждую твою мысль. И заставляет творить дичь, — голос Корсакова звучал как-то глухо. — Это что-то иррациональное, не поддающееся контролю. И, к сожалению... я не могу тебе пообещать, что смогу полностью справиться с этим дурацким

чувством.

Мы наконец-то въехали в недавно отстроенный двор, миновали шлагбаум и стали спускаться в подземный паркинг.

— Ревность — это недоверие! — зачем-то ляпнула я самое банальное и высокопарное, что только можно было придумать. Сама-то я не очень доверяла Саше и довольно часто это ему демонстрировала.

Александр третий припарковался на одно из свободных мест и заглушил мотор. Сегодня он снова был на другой машине, пронзительно синего цвета, но марку я не успела рассмотреть.

— Согласен, но мы как раз над этим упорно работаем, — Александр третий наклонился к моему лицу и аккуратно, с какой-то нежностью убрал выбившуюся прядь волос мне за ухо. Сердце внезапно пропустило удар. — Мне вот недавно пришло очень любопытное сообщение от анонима, но я ему не поверил.

— Какое? — спросила я вмиг пересохшими губами. Зревшее внутри подозрение паническими волнами растекалось по всему телу, и формировалось в одну единственную мысль. Ту, из-за которой я так и не смогла заглушить до конца свою совесть.

— Что моя девушка мне изменяет, — спокойно ответил Корсаков, глядя мне прямо в глаза. Так и не убрав руку от моего лица он нежно коснулся пальцами моей щеки, превращая невинную ласку в настоящую пытку.

— У тебя же нет девушки, — хохотнула я, искренне надеясь, что мой смех не прозвучал натужно и фальшиво.

— Официально нет, — кивнул Саша. — Но у меня есть ты. Лиз, ты точно мне ничего не хочешь рассказать?

Хотела ли я что-то рассказать? Какой интересный вопрос! Моя совесть уже была готова выбежать с транспарантом, на котором чёрным по белому написано, что произошло между мной и Лёшей. Но вместе с этим память злодейски нащёптывала все подробности спора, о которых мне сообщил Ярик. Я просто проходной вариант, которому отведён небольшой эпизод в жизни Корсакова. На самом деле никаких чувств и эмоций он ко мне не испытывает, так максимум азарт и спортивный интерес. Значит переживать особо не стоит. А ещё у него был какой-то неприятный момент в прошлом, связанный с бывшей. И, судя по всему, настолько болезненный, что даже болтливый Мереминский не рискнул сообщать мне подробности...

Я посмотрела в его лучистые серые глаза и поняла, что не могу сказать правду. Нет, я не боюсь его потерять. Меньше, чем через три недели наши дорожки всё равно разойдутся.

Но боялась ли я его ранить? Возможно. Или я просто решила повременить до окончания этого чёртова тест-драйва, чтобы одним махом признаться и в том, что я была в курсе спора, и заодно рассказать об этом инциденте. Чтобы сделать в ответ также больно, как было мне, когда узнала правду от Ярика.

Я уже окончательно запуталась в собственных мыслях и чувствах. Но единственное чувство, в котором я отдавала себе отчёт — это было неконтролируемое чувство вины. Но какого чёрта?! Я не ждала Гордеева и его признаний в любви, я не вернулась к нему, и целовать его я тоже не хотела. Да и видеть его в обозримом будущем я тоже не жажду. Какие ко мне могут быть претензии?

И кто же всё-таки меня сдал?

— Корсаков, если я говорила, что не хочу серьёзных отношений ни с тобой, ни с кем-то ещё, то в чём логика мне тебе изменять? — удивлённо выгибаю я бровь. Не отвожу взгляда, но в груди начинает невыносимо печь от дикой смеси адреналина, страха и бессильной ярости. Кто-то очень сильно хочет испортить мне жизнь, и готов для этого даже пойти на грязную игру. — Кто же такой неотразимый, что я вдруг решила забить на все свои принципы? Бред Питт что ли нарисовался?

— А ты значит у нас фанатеешь от блондинов? — усмехается Саша, но глаза у него по-прежнему серьёзные и сосредоточенные.

Я могла бы сказать, что в моей жизни был всего один блондин, это Гордеев, и ничем хорошим это не кончилось, но вовремя прикусила себе язык. В данной ситуации лишний раз вспоминать Лёшу мне не хотелось.

— Я не делю людей по цвету волос, Саш. И тебе не советую.

— Я так и знал, что это чья-то злая шутка, — пробормотал Корсаков, заметно расслабляясь и целуя меня в висок. — Вопрос только в том, кому одновременно известен тот факт, что мы вмес... общаемся то есть, — запнулся Саша, но не смог скрыть ухмылки по поводу нашего «общения», — И мой личный номер.

— Этот номер знает ограниченный круг лиц? — удивилась я.

— Да, и это делает ситуацию ещё более странной.

Я нахмурилась, пытаюсь собрать в кучу разбегающиеся мысли. Сначала Саньку приходит подобная смска, теперь вот Корсакову. Не удивлюсь, если и Александр первый получил подобное послание, хотя сейчас не состоит ни в каких отношениях. Нужно будет написать

ему, как только выдастся свободная минутка. Но в его ответе я практически не сомневалась. Получается, недоброжелателя надо искать среди моего круга знакомых?

— Эй, ты сказала, что не хочешь серьёзных отношений, — Саша с хитрой улыбкой приподнял меня за подбородок. — Это уже прогресс.

— Кхм, это еще почему?

— Ещё пару дней назад ты не хотела никаких отношений, — засмеялся Саша, неожиданно прижимая меня к груди и по-дурацки поцеловав мой кончик носа. — Я рад, что сейчас ты не столь категорична.

— То есть ты будешь не против свободных отношений? — прищурилась я. Его самодовольство и беспочвенное веселье я совсем не разделяла. — И совсем не обидишься, скажем... если мне от тебя будет нужен только секс?

Я заметила, как плечи Саши начали сотрясаться от беззвучного смеха, а потом он не выдержал и рассмеялся в голос над моим вопросом, откинув голову назад. Между прочим, стало обидно!

— Только секс значит? Лиз, у нас было с десяток возможностей перевернуть отношения в другую плоскость, — заметил Корсаков, саркастически приподнимая один уголок губ вверх. — Что же тебе мешало получить желаемое?

Ах значит так! Адреналин, который еще не до конца растворился в моей крови, решил сыграть со мной злую шутку. Мозг ушел в спящий режим, и на его место пришло дикое желание отыграться за этот снисходительно насмешливый тон. Эмоции — плохой советчик. Я вроде бы это всегда помнила, но почему-то в этот момент столь мудрая мысль абсолютно никак не отзывалась в моей душе.

— Да, действительно? Столько времени потеряно зря, — пробормотала я, резко забираясь на колени Корсакова.

Обхватываю руками шею и впиваюсь в него жадным поцелуем вперемешку с яростью и раздражением. Платье предательски задралось вверх, но мне было плевать. Впрочем, как и на последствия. Внутри было чёткое ощущение того, что Саша сможет вовремя остановиться несмотря ни на что.

— Лиз, что ты..., - только и успевает произнести Саша мне в губы, пользуясь моей секундной заминкой. Но я снова возобновляю свою атаку.

От шеи я спустилась ниже, проведя руками по плечам и почувствовав, как напрягся Саша — сильные крепкие мышцы под моими пальцами будто стали каменными. Но мне было этого мало, углубив поцелуй, когда языки отдались какому-то своему безумному танцу, я проникла руками под его майку, аккуратно проведя ладонью по его груди, туда, где зашкаливал пульс, который я могла ощущать буквально на кончиках пальцев.

Хваленая выдержка Корсакова давала сбой, Саша захватил инициативу и привлек меня к себе еще ближе, безжалостно сминая подол платья и касаясь тонкой ткани белья под ним. Другая рука собственнически продолжала исследовать мою грудь, чуть сжимая ее, вырывая из меня протяжный стон. Саша переключается на мою шею, прокладывая дорожку из поцелуев до самой ключицы. Я забываю, как дышать, и уже мой бешеный пульс перестает быть для него секретом. Я полностью растворяюсь в этих ярких эмоциях, потрясённая откликом своего тела, которое плавилось в умелых руках Корсакова.

Но полностью отдавать инициативу я не хотела. Прикусив его губу, я ловко переместилась к шее, целуя каждый доступный мне миллиметр кожи, вновь забираюсь под его майку и провожу ногтем большого пальца по кубикам пресса. Очерчиваю полоску волос,

убегающую вниз к ремню брюк. Её мне пока не доводилось видеть, без майки Саша при мне ещё не щеголял...

— Ты что делаешь? — хрипло отзывается Корсаков. И клянусь, его голос сейчас — самое сексуальное, что я слышала в своей жизни.

— А ты как думаешь? — шепчу я в ухо, опалая горячим дыханием.

— Нет, — говорит Корсаков, перехватывая мою руку, и слегка отстраняясь от меня. Смотрит на меня каким-то поплывшим опьянённым взглядом, а я стараюсь скрыть внутреннее ликование. Мне нравилось своё ощущение власти над этим мужчиной. Именно мужчиной, не парнем. Потому что несколько мгновений назад, я действительно ощутила в полной мере, какого это, когда ты находишься в руках сильного опытного мужчины. Который умеет быть и нежным, и напористым, сумасшедшим и... способным сказать «нет», чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Хотя, проведя рукой по своим опухшим губам, мне было трудно согласиться, что ситуация всё-таки не вышла из-под контроля. Ну разве что совсем чуть-чуть.

— Нет, — уже более твердо говорит Саша. Я недовольно заерзала у него на коленях, о чём тут же пожалела и смущенно потупила свой взгляд. — Лиз, садись на свое место.

— Почему? — наигранно удивленно хлопаю глазами я, но всё же вновь забираюсь на пассажирское сиденье. — Для здоровья полезно. И все были бы только в плюсе — тест-драйв этот дурацкий могли бы свернуть.

— Издеваешься, да? — резко поворачивается ко мне Саша. Всполохи ярости едва заметны в его потемневших глазах, но я понимаю, что стоит немного перегнуть палку со своим весельем, и на меня обрушится настоящая огненная лавина.

— Есть немного, — безмятежно отзываюсь я, поправляя платье. — Но мне правда интересно. Мне кажется, любой мужчина был бы рад такому предложению. Что не так?

— Я — не любой, Лиз, — отчеканил Корсаков, смерив меня убийственным взглядом. Выдержать его действительно было сложно, поэтому я решила осмотреть пустующий паркинг.

Но ведь пустует он не всегда, здесь же бывают и люди. С ума сойти, неужели я действительно могла бы полностью отдаться моменту, если бы Саша меня не остановил? Но почему он всё-таки это сделал? Секс на парковке не в его правилах? Или это так некстати проснувшийся в нём рыцарский дух? Правда я сомневаюсь, что его надолго хватит на одни лишь просмотры фильмов в тёмном парке под луной.

— У тебя были такие отношения? И тебе не понравилось? — делаю я вероятнее всего глупое предположение. Ну какому мужику в здравом уме и твёрдой памяти могут не понравиться отношения без обязательств? Но это помогает разрядить обстановку.

— Были. И нравилось, и не нравилось, — усмехается в ответ Саша. — Дело не в этом.

— А в чём?

— Я хочу всё, а не только секс, Лиз. С тобой я хочу всё. Чёрт, да неужели по мне не видно?! — восклицает Саша, в его голосе сквозило искреннее непонимание с примесью раздражения. Пальцы сзади руль до побелевшим костяшек. Кажется, я всё-таки смогла его разозлить. — А я привык получать всё, что хочу, и не соглашаться на меньшее.

— Вот как... — задумчиво протянула я, возвращаясь мыслями к спору с Мереминским.

Всегда добиваться желаемого — это похвально. Но стал бы он добиваться моего расположения без этого чёртова спора? Или просто прошел бы мимо, не удостоив вниманием?

— То есть в оставшиеся две с лишним недели пощады не ждать? — усмехаюсь я, стараясь скрыть за улыбкой скопившуюся горечь. И усталость от того, что не могу получить ответы на давно мучающие меня вопросы.

— И не рассчитывай, — улыбнулся в ответ Корсаков, оставляя лёгкий нежный поцелуй на моих губах. — Кажется, мы бессовестно сильно опаздываем к Ярику.

Мы заходим в лифт, который должен отвести нас на самый верхний этаж. Я уже предвкушаю, какой оттуда открывается вид. Пытаюсь собрать в одну кучу разбегающиеся мысли, но это непросто после таких поцелуев. Да и последующий разговор с Александром третьим не принес облегчения, а ещё больше меня запутал. Как будто между нами осталась некая недосказанность.

Смахиваю несуществующие пылинки с плеча Корсакова и пытливно заглядываю в глаза:

— Я правда тебя не понимаю.

И это было справедливо не только по отношению к недавнему безумству в машине. Истинного отношения ко мне Александра третьего я тоже не понимала.

— Я не хочу, чтобы ты кому-то что-то доказывала, — Корсаков перехватывает мои руки, крепко сжимая ладони. И снова этот дымчатый взгляд проникает куда-то в область сердца, согревая своей теплотой. — Даже самой себе.

М-да. Если я ни черта не понимала Корсакова, то он порой читал меня, как открытую книгу. И мне это не нравилось.

Двери лифта медленно отъехали в сторону. Саша переплёл наши пальцы и потянул меня за руку, чтобы вывести на просторную лестничную площадку. Всего две квартиры на этаже в разных крылах здания, с ума сойти! Красивый мраморный пол, по которому стучали мои каблукы, причудливо выложенный рисунок мрамором на стенах — какая-то абстракция с чёткими геометрическими линиями. Да, неплохо устроился Мереминский.

— Готова? — шепнул мне на ухо Саша, перед тем как распахнуть входную дверь.

— Помни, о чём мы договаривались, — я сурово посмотрела на Корсакова, взывая к его совести. — Мы — не встречаемся.

Саша в ответ лишь тихо засмеялся, одной рукой приобнимая меня за талию, когда мы вошли внутрь.

Мои глаза не сразу привыкли к окутавшему нас полумраку. Огромное помещение с барным островом в отдалении, танцовщицы в каких-то экзотических, странных нарядах извивались на круглых подиумах. Кирпичную кладку в стиле лофт освещали небольшие неоновые надписи, но я не могла разобрать, что на них было написано. В углу я даже заприметила диджея, но музыка пока играла больше для фона и атмосферы. Никто из гостей не танцевал, в основном все распределились по компаниям — одна часть захватили бар, другая оккупировали мягкие диваны и кресла, а третьи стояли и потягивали коктейли. Ещё несколько человек находились на открытой веранде.

Какие-то из Сашиних знакомых, проходя мимо нас, пожимали ему руки или перекидывались парой слов. На меня смотрели с интересом, но, к счастью, никаких вопросов не задавали, и просто шли дальше, растворяясь в потоке гостей.

— Детка, ты просто космос! — орёт рядом знакомый голос. Я почувствовала, как рука Саша моментально напряглась. Корсаков сильнее прижал меня к себе, а я сфокусировала взгляд на маячившем впереди недоразумении. Том самом, что орал мне в клубе про сиськи. В этот раз он их тоже вниманием не обделил. Идея с открытым платьем уже не казалась мне такой уж удачной. И как он так быстро меня узнал?! — Корс, познакомь нас уже наконец-то.

Высокий, поджарый, с копной тёмных, отдающих в рыжину волос и маслянистыми глазами, цвет которых я с трудом могла разглядеть. От парня за версту несло безграничной

наглостью и самоуверенностью.

— Глаза поднял, слюни подобрал с пола и двинул в сторону бара, — голос Саши звучал низко, с лёгкой хрипотцой и нотками стали, которые непрозрачно намекали, что слушание крайне нежелательно для стоящего рядом парня. — Игнат, я не шучу.

— Тяжёлый случай, — пробормотал тот, что больше мне известен как Спок и любитель буферов и добавил в сторону в кулак что-то нецензурное.

— Ты весь вечер будешь, как сторожевой пёс, всех от меня отгонять? — рассмеялась я, пытаюсь снять напряжение. Чёрт, мы всё-таки сюда отдохнуть и повеселиться пришли, а Корсаков решил сразу же активировать режим «Отелло».

— Таких, как Игнат, без тормозов, надо сразу ставить на место, — Саша решил немного пройтись по квартире. Вероятно, чтобы отыскать Мереминского. — Или посылать куда подальше, чтобы сохранить нервные клетки себе и окружающим.

— Нормального ты мнения о своих друзьях, — хмыкнула я.

— Он не друг, а знакомый. Друг у меня теперь только один — Ярик. А вот кстати и он. Как говорится, помяни чёрта...

— Вот это поворот! — вопит громко Ярик, от чего все присутствующие здесь гости сразу же сосредотачивают свое внимание на наших скромных персонах. Мереминский подлетает к нам, крепко жмёт руку Саше, хлопая его по плечу. И заключает меня в объятия на несколько секунд, ровно столько, чтобы показать своё радушие и при этом не получить по шапке от лучшего друга. По крайней мере, злобного огня в глазах Корсакова по отношению к Яру, я не заметила. Зато он очень внимательно каким-то трудночитаемым взглядом смотрел в этот момент на меня. — Сань, ты бы хоть предупредил, что будешь с такой прекрасной дамой. Я парочку отморозков бы без приглашения оставил и вообще...

— Ты был не в курсе, что я приду?! — возмутилась я.

— Этот тип теперь безбожно темнит насчёт своей личной жизни!

— Кто бы говорил, — пробурчал в ответ сзади Саша, размещая руки у меня на плечах, будто демонстрируя всем окружающим «это — моё». Для полноты картины не хватало только гавкнуть, и от одной мысли об этом мне захотелось рассмеяться.

— Ну не скажи. Я вот как раз сегодня планировал тебя с ней познакомить. Вы, ребятки, будете очень удивлены, — Ярик сверкает глазами и говорит чуть громче обычного. У меня есть подозрение, что он уже слегка выпил. Впрочем, впереди были майские праздники, и человек имел полное право расслабиться так, как считает нужным.

— Санчо-о-о, — раздалось где-то в отдалении громкие возгласы вперемешку с топотом ног. Какие-то здоровые детины пробирались к нам, расталкивая толпу во все стороны.

Выглядели они все примерно одинаково — высокие, крепко сложенные, смахивающие на постоянных посетителей тренажёрного зала. Подробнее рассмотреть их внешность я не успела, потому что мое внимание привлекли предметы, которые они держали в руках: какое-то красное полотно ткани, зажжённые благовония и огромная корзина с лепестками.

— Что за... — не успел проговорить Корсаков, заметно напрягаясь при виде своих знакомых.

— Отмена!! Мужики, отмена! — заорал Ярик, отчаянно размахивая руками.

Но эти здоровые лоси его не услышали. Или не хотели слышать, потому что со всех ног неслись в сторону нас с Корсаковым. Оценив обстановку, Саша быстро отодвинул меня в сторону, готовый принять весь удар на себя. Но парни вовсе и не думали в него врезаться, а лишь окружили, периодически переговариваясь между собой странными фразами и не

сдерживая пьяных смешков.

— Вы чего устроили? — хмуро поинтересовался Саша, отмахиваясь от одного из знакомых, который прямо перед его носом решил помахать ему дымящимися благовониями. — Мэл, убери, на хер от меня эту штуку!

— Мы тебя просвещать будем! — сообщил тот самый Мэл слегка заплетающимся языком и громко икнул. — То есть посвящать...

— В монахи, чувак. В тибетские, — заржал тот, который держал в руках огромную красную тряпку.

— Костян, стой! — кинулся к нему Ярик, пытаясь вырвать из рук ткань, которой оказалось так много, что она была свёрнута в несколько слоев. — Вы слепые что ли?! Сашка с девушкой пришел.

— Вы совсем охренели?! — взревел Саша, а меня начинало дико веселить всё происходящее. Мне кажется, я никогда не видела такого ошарашенного и сбитого с толку Корсакова. Всё, что он мог сейчас делать, это просто стоять и материть всё вокруг. И конечно же в первую очередь Мереминского, как главного зачинщика. Как я поняла, всё происходящее было его рук дело. И судя по всему, его не в первый раз осеняли столь гениальные идеи.

— Да мы и её посвятим! Нам не жалко, — хохотнул темноволосый парень, который держал корзинку с лепестками в руках.

— Точняк! — заорал Мэл.

Костян и темноволосый парень, как по команде, решили одновременно броситься ко мне, но огромный кусок ткани повалился на пол и рассыпался длинной волной. В которой и запутались ноги владельца корзины. Почему-то с громким визгом, которого я никак не ожидала услышать от такого сурового детины, он повалился на пол, осыпая все вокруг не только проклятиями, но и цветочными лепестками. А ещё умудрился сбить с ног Костяна, который падая, захватил с собой и Сашу.

— НЕ СНИМАТЬ! — орёт во всю глотку Ярик, мгновенно трезвея и подбегая к одной из кучек гостей, которые уже по команде достали свои телефоны. Вот это профессионализм — даже под градусом не забывать о своих обязанностях следить за имиджем генерального директора!

Ор, мат, возня, безуспешные попытки вырваться из огромного куска ткани — это зрелище достойно того, чтобы быть запечатленным на видео. Но Яр каким-то чудом смог и пресечь попытки заснять эту бурлящую тестостероном кучу-малу и выхватить из рук Мэла дымящиеся благовонии, с которыми он зачем-то носился вокруг копошащихся на полу друзей. Ярик передал палочки бармену и следом забрался в это беспрерывно извергающее отменную брань месиво. Чтобы в несколько заходов извлечь каждого пострадавшего.

Я уже откровенно хохотала в голос, да и не я одна. И не могла остановиться, даже когда наконец-то Ярик извлек отчаянно матерящегося Сашу.

— Весело тебе? — поворачивается ко мне Корсаков. Из его ушей ещё валит пар, но при взгляде на меня, черты лица немного расслабились. Надеюсь, это хороший знак, и мы обойдемся без серьёзного мордобоя.

— Очень, — вновь захихикала я.

— Яр, свою квоту на следующий месяц я выполнил. С меня пока хватит этих клоунов!

— Мужик, да ты чё! Ну не рассчитали немного, — смеётся Костян, всё ещё сидя на полу и частично укутавшись в красный атлас.

С тяжёлым вздохом Александр третий махнул на них рукой, мол дураки, что с них взять, и потащил меня на веранду.

— Что еще за квота? — интересуюсь я, осторожно дотрагиваясь до своих щёк. Кажется, после такого веселья они у меня ещё долго будут болеть.

— Не поверишь, но это снова придумка Мереминского, — усмехается Саша, подводя меня к перилам. Прохладный ветер приветливо распахивает свои объятия, заставляя кожу покрыться мурашками. Вид, как я и предполагала, оказался шикарным — красно-фиолетовые перья облаков опускающиеся на крыши города, а впереди в отдалении вид на центральный парк и Волгу. — Он обозначил норму, сколько совместных дружеских сборищ и мероприятий я должен обязательно посещать в месяц, чтобы «совсем уж не свихнуться из-за своей работы».

Я тихо смеюсь. Очень даже в духе Мереминского.

— По-моему, это отличная задумка.

— Да, как видишь, я в полном восторге.

Краем глаза наблюдаю за отчаянно пытающегося пригладить свою шевелюру Корсакова. Смешной он такой сейчас, взъерошенный и слегка помятый. Саша подходит ко мне сзади и обнимает за талию, а я невольно откидываюсь назад на его грудь.

— Лиз, я могу принести плед, — Корсаков заключает меня в объятия, и от него, конечно же, не ускользает тот факт, что я слегка подмёрзла на ветру.

— С тобой не холодно, — усмехаюсь я. Саша действительно был, горячий как печка.

На другом конце веранды стояла небольшая компания, но я постаралась не обращать на них внимание, и не заикливаться на том, кто что подумает. Просто хотелось насладиться этим моментом и сохранить его на память. Когда еще мне удастся очутиться в столь романтической обстановке с прекрасным видом, и мужчиной, который пробуждает во мне невероятную градацию чувств и эмоций? Неважно, что будет дальше. Но почему-то я уверена, что такого, как Саша, в моей жизни точно больше не будет...

— Ко-о-о-рс, — хихикаю я, вспоминая дурацкое прозвище, по которому обращались к Александру третьему его друзья. — Вам что по пятнадцать лет?!

— Молчи, женщина, — смеётся Саша, немного смущаясь и прижимая меня к себе ближе.

— А вот вы где, голубки! — раздаётся рядом голос Яра. Мне хочется закатить глаза, длинный язык Мереминского — это определенно та самая причина, из-за которой его однажды кто-нибудь пристрелит.

Чувствую, Саша тоже не в восторге, что Ярик так быстро нарушил наше уединение. Не выпуская меня из объятий, он поворачивается к Мереминскому вместе со мной, а я благодарю всех богов, что в данный момент у меня есть точка опоры. Я ещё ничего не выпила на этой треклятой вечеринке, а мне уже мерещится какая-то чертовщина! Ведь то, что я вижу сейчас, не поддаётся никакому разумному объяснению.

— Ну что ж, вот я и наконец-то могу официально представить свою девушку. Старик, я уверен, ты меня полностью поймешь, почему я совсем ушёл с радаров в последнее время. Сань, прошу любить и никогда не жаловать — Лана. Ланусь, а этот оболтус мой лучший друг, как ты уже поняла... Ну а с Лизой ты и так знакома.

Да, передо мной стояла Зубкова. Собственной неповторимой персоной. А Ярик приобнимал её за талию и смотрел каким-то бесконечно нежным взглядом.

О х р е н е т ь! Остановите землю, я сойду.

— Конечно. Мы же как-никак коллеги, — кивает Лана, выйдя из лёгкого оцепенения.

— Рад знакомству, — говорит Саша.

Я постаралась навесить на лицо свою самую обворожительную улыбку, но внутренне была натянута как струна.

— Взаимно, — хлопает своими длинными опахалами вместо человеческих ресниц Светуля. А я мысленно хочу каждую из них повырывать к чёртовой матери. — Мы пересекались не так давно на вечеринке у Павловых, может быть, помнишь...

— Да я туда на пару минут забежал, — усмехается Саша, перебивая словесный поток нескончаемо льющейся патоки, которая сквозила в каждом слове Зубковой. И как она так умеет интонировать голосом? И к чему вообще это всё? На Ярика бы своего внимание обратила, коза! — Чтобы проверить наличие... кое-кого.

И так внимательно зыркнул на меня, не оставив у присутствующих никаких сомнений, кого именно он там искал. Да уж, в разведке Корсакову делать нечего.

— Надо будет ещё раз поблагодарить Павлова, что запряг меня организовать ему пати, — смеётся Ярик, приобнимая сзади Лану и утыкаясь подбородком в её макушку. — И за эту удивительную счастливую случайность. Мы ведь вообще могли и не пересечься. Лана, тогда не хотела идти на вечеринку, представляете?

— Да, меня уговорила знакомая, — улыбнулась блондинка. А мне захотелось закатить глаза до самых звёзд, начинающих уже понемногу мерцать на небосводе. Серьёзно? Не хотела идти на вечеринку? Несите попкорн — я сейчас буду лицезреть игру величайшей актрисы всех времён и народов! Врёт, и не краснеет!

— Я же говорю, это судьба, — Ярик игриво чмокнул в шею свою даму. Версия с судьбой у Мереминского похоже один из его любимых приёмчиков.

Я была вынуждена признать — они неплохо смотрелись вместе. Как будто главные герои популярного сериала. Красивые, молодые, влюбленные. Ну уж он так точно. Лана вроде бы тоже ходила в последние дни, как каравелла по зелёным волнам. Но почему-то я не чувствовала от неё сильных искр в сторону Мереминского. Да она в сторону Корсакова и то больше флюидов сейчас расточала!

Выглядела Зубкова, как и полагалось некоронованной королеве, эффектно: обтягивающее мини-платье с объёмными рукавами небесно-голубого цвета под стать её глазам, высокие серебристые босоножки, украшенные россыпью страз, довольно активный макияж, который только подчёркивал её кукольную внешность.

Саша и Яр съезжают на свои отвлечённые темы, а я могу немного перевести дух и проанализировать ситуацию. Попала я по-крупному. Теперь все в офисе точно узнают, что я более тесно общаюсь с Корсаковым, чем положено менеджеру по продажам. Удивительно, что Мереминский до сих пор не поставил Лану в известность о столь занимательном факте. Может зря я так на него думаю, и не такой уж он и болтун?

Звонок телефона Корсакова заставляет меня вздрогнуть и вынырнуть из своих мыслей. Разомкнув объятия, Саша заглядывает в гаджет и со вздохом отстраняется. А мне сразу становится холодно и неуютно под взглядом Зубковой.

— Прости, мне нужно ответить, — извиняется Саша, робко касаясь моей руки. Будто догадываясь, что перед коллегой я не одобрю излишнее проявление чувств.

— Конечно, — понимающе улыбаюсь я. Корсаков и дела понятия неразделимые.

— Девочки, может выпьете чего-нибудь? — засуетился Ярик, вспоминая обязанности радушного хозяина.

Я молча киваю. После столь чудесной встречи мне позарез нужно выпить!

— Да. Малыш, можно мне пинаколаду, пожалуйста? — Лана легонько касается губами щеки Ярослава и одаривает его смущённой улыбкой. Будто боится напрягать его своей просьбой. Тоже мне ангел во плоти! Я вновь едва сдерживаю себя, чтобы не фыркнуть.

— Стакан Джека со льдом, — глухо отзываюсь я, озвучивая свой заказ. Да-а, потрясающий контраст получился. Но я на роль ангела и не претендую. А после того, как мне предстоит провести несколько долгих мучительных мгновений рядом со Светой, старина Джек будет именно то, что поможет переварить весь впрыснутый в меня яд.

— Только не на голодный желудок, — качает головой Корсаков.

— Не переживай, папочка, там целый стол с закусками, — одновременно подначивает и успокаивает друга Ярик.

— Возьми несколько вариантов на свой вкус, пожалуйста, — мне не хочется оставаться наедине с Ланой, но деваться некуда. Почему-то у меня такое ощущение, будто Ярик в упор не видит нашего истинного отношения друг к другу. И потому считает чуть ли ни своим долгом оставить нас с ней пообщаться вдвоём.

А вот Корсаков оказался более проницательным.

— Держись, я постараюсь побыстрее вернуться, — шепнул он мне на ухо, перед тем как покинуть веранду вместе с Мереминским.

Возникла предсказуемо неловкая пауза. Я не спеша последовала к перилам ограждения и демонстративно повернулась спиной к Лане. Оправдываться я не хотела. Говорить банальные фразы по типу «как неожиданно тебя здесь увидеть» тоже.

— Это многое объясняет, — встаёт рядом со мной Лана, но смотрит вперёд, вдаль.

— Ты о чём? — досадливо морщит лоб я, впрочем, в глубине души прекрасно понимая, куда она клонит.

— О контракте, — усмехается Зубкова, поправляя свои объёмные рукава. — У меня было два варианта. Один невероятнее другого. В итоге я поставила на то, что ты гениальный продажник. А ты, оказывается, наконец-то решила заняться своей личной жизнью.

Это первый откровенный разговор с Зубковой за всё время моей работы в журнале. И мне было довольно дико видеть её без привычных ужимок и хлопаний ресницами. Рядом со мной будто стоял совершенно другой человек. Холодная циничная стерва, которую я не знала, и которая, откровенно говоря, меня пугала.

— Порой то, как некоторые вещи выглядят со стороны, не имеет совершенно никакого отношения к действительности, — зачем-то завуалированно пытаюсь оправдаться я. Хочется отхлестать себя по щекам, но вместо этого, я лишь сильнее сжимаю свой клатч. Чтобы хоть как-то справиться со рвущимся наружу волнением.

— То есть ты не будешь доказывать мне, что ты гениальный продажник? — подкинула Зубкова очередную порцию яда. Будто опытный манипулятор она знала, как давить на слабые места, пытаясь вызвать во мне чувство вины, что премию «Продажник года» я получу незаслуженно. И к моему сожалению, ей это отлично удавалось.

— Зачем? — я постаралась вложить в свой голос максимум равнодушия и холодности.

— Да, ты права. Победителей ведь не судят, — Зубкова специально интонацией подчеркнула слово «победителей», а у меня по спине побежали мурашки и вовсе не от

холода.

Неужели её так сильно задела моя победа в минувшем году? И что премию лучшего продажника за контракт с «Корсаром» тоже присудят мне? В редакции Лана всегда держалась спокойно невозмутимо, когда речь заходила об этой теме. Дружелюбием, конечно, она не фонтанировала, но и никакой зависти или злости в мой адрес открыто не демонстрировала. Почему же сейчас она решила приспустить маску?

— Ты молодец, — решила продолжить свой монолог Зубкова, не дождавшись от меня никакой ответной реакции на свои слова. — Я боялась, что рано или поздно ты остановишь свой выбор на каком-нибудь жалком Берестневе.

А против него она что имеет? Да, я тоже в фан клуб владельца частной стоматологической клиники не входила, но и жалким я бы его не назвала. Ни как мужчину, ни как клиента.

— Не скучаете? — рядом неожиданно материализовался довольный Мереминский, который в одной руке держал поднос с бокалами и лёгкими закусками, а на вторую перекинул плед.

Недалеко от нас освободились плетёные кресла и столик, на который Яр сразу же решил разместить угощения.

— Ланусь, там Жека с Зулей подъехали, очень соскучились и хотят, чтобы я немедленно тебя привёл. Лиз, пойдём я вас тоже познакомлю?

— Я пока здесь перекушу и подожду Сашу, — буркнула я.

Светулёк не удержалась и одарила меня своей хитрой ухмылочкой, когда услышала из моих уст имя Саши. Но Яр ничего не заметил.

— О-о-о Зулька! — радостно воскликнула Зубкова, вновь становясь восторженной куклой Барби. Подхватив свой коктейль с подноса, она грациозно упорхнула прочь с веранды. Ярик восхищенно рассмеялся ей вслед.

— Скажи ведь, она чудо?

— Э-эм кхм, — я сделала вид, что закашлялась при первом глотке янтарного напитка. Я надеюсь, он меня не заставит петь дифирамбы Зубковой?

— Так, говори, что не так, — Ярослав вмиг становится серьёзным.

— Всё так, — машу рукой я. Моё мнение — это моё мнение. И мои разборки с Ланой Ярика никак не касаются. Не хватало ещё портить настроение хозяину вечеринки. — Не могу сказать, что мы с ней близки на работе, поэтому я несколько в шоке от того, что вы вместе. Но если ты счастлив, то я за тебя рада.

— Спасибо, — выдыхает облегчённо Мереминский, порывисто заключая меня в объятия. — Я уверен, придёт время, и вы сможете узнать друг друга получше. Говорят, свидания вчетвером бывают довольно душевными.

Да боже упаси! Хорошо, что Ярик сейчас не видит моего выражения лица.

— Бери плед, если замёрзла, — наконец отпускает меня парень и указывает рукой на кресло. — И не скучай!

А я может и рада бы поскучать. Руками обнимаю бокал с янтарной жидкостью, как будто единственный оплот спокойствия и надёжности в этом мире. Надо всё-таки закинуть в себя что-нибудь из закусок, которые принес Мереминский. Не хотелось бы захмелеть раньше времени.

— Обидно, не правда ли? — раздаётся рядом знакомый голос. Которого я будь моя воля век бы не слышала.

Поднимаю глаза к небесам с неммым вопросом: а может хватит уже неприятностей для одного вечера? Но небеса, конечно же, молчат.

Слегка покачиваясь на каблуках, то ли подгоняемая ветром, то ли выпитыми коктейлями, ко мне царственной походкой шла Марина. Та самая личная помощница Корсакова. В длинном платье цвета глубокой ночи с огромным вырезом на бедре и открытой спиной, она почему-то сейчас казалась ещё более худой, чем я помнила её по офису. Даже болезненно изможденной, с остро торчащими ключицами и лопатками. Казалось, ещё чуть-чуть и она вся просто переломится. Так что версию с ветром я бы сразу отвергать не стала. Марина обогнула столик и села рядом со мной. До меня донесся запах дорогих сладких духов и алкоголя. Кажется, блондинка была конкретно под градусом.

— Я тебя не понимаю, — спокойно отвечаю я. Ведь именно так себя надо вести с пьяными и с психами? Не помню, кстати, чтобы мы в офисе переходили на «ты», но сейчас как-то было не до соблюдения приличий.

— Не прикидывайся дурочкой, — скривилась Марина. С собой она прихватила бокал скотча, и увидев аналогичный напиток в моих руках, одарила меня пьяной улыбкой. — Так и знала, что вкусы у нас с тобой совпадают. Твоё здоровье, Лизавета!

Марина залпом осушила бокал и даже не поморщилась. Сказать, что я была под впечатлением, это ничего не сказать. Однако долго восхищаться её неожиданными талантами у меня не получилось, в голове продолжали крутиться её последние слова, рождая тысячу догадок, которые были одна хуже другой. Что она имела в виду? Неужели под вкусами она подразумевала Корсакова? Какие отношения их связывают на самом деле? Внутри разрасталось гадкое чувство ревности, которое я никак не могла погасить. Она ведь очень красивая, с идеальной фигурой, не исключено, что тоже бывшая фотомодель, как и Шакурова. И работают они с ним бок о бок изо дня в день... Вполне возможно, что когда-то между ними что-то и было.

О самой Марине я практически ничего не знала. Только видела, как она пару раз мило общалась с Ярославом в офисе. Возможно, они хорошие приятели, раз она оказалась в списке приглашённых на новоселье. Но что на самом деле её связывает с Сашей? Ведь не просто так она меня невлюбила?

— И в мыслях не было, — пожимаю я плечами, аккуратно подцепив канapé. Есть под сверкающим ненавистью взглядом было непросто. Но я медленно и старательно пережёвывала каждый кусочек, равномерно делая вдох и выдох, и отсчитывая секунды до прихода Саши. Куда он провалился там? В другое измерение?!

— Хорошие милые девочки, если копнуть поглубже, в девяти случаях из десяти оказываются отъявленными суками. — Марина откидывается на кресло и изящно перекидывает ногу на ногу. — Утоли мое любопытство, так почему же всё-таки Корсаков? Выбрала того, кто побогаче? Или соперница оказалась не по зубам?

А можно мне переводчика прислать сюда, пожалуйста? Что она несёт? Неужели её ненависть основана исключительно на том, что я, по ее мнению, встречаюсь с Сашей только из-за денег? Да даже если и так — какое ей дело? И о какой сопернице идёт речь?

— Мне кажется, тебе больше не стоит сегодня пить, — сочувственно покачала головой я.

— А мне кажется, что ты совсем забыла свое место, — парировала девушка тихим полным презрения и клокочущий ярости голосом. — Менеджер по продажам рекламы

журнала «ГородОК». Советую сосредоточиться на выполнении своих прямых обязанностей, а не оказании дополнительных услуг.

Нет, ну что за человек? Как она умудряется в состоянии алкогольного опьянения так чётко и грамотно формулировать столь сложные фразы? Да мне трезвой чтобы так выразиться нужно будет постараться. Вот и верь после этого в стереотипы, что все блондинки — дуры. Однако, в своих выводах о моём истинном отношении к Саше, Марина конкретно ошиблась. Подозрения были неприятными, а тон, которым они были произнесены вызвали во мне стойкое ощущение, что на меня вылили помойное ведро. Захотелось срочно пойти и умыться. А заодно и вымыть с мылом рот этой ненормальной, чтобы больше и не думала произносить такие вещи вслух! Но что-то подобное я как раз и ожидала. И вероятно, такое отношение я буду не раз встречать в свой адрес, как только информация о нашем общении с Сашей станет достоянием общественности...

— О я смотрю ты уже утепилась, — наконец-то раздаётся рядом голос Александра третьего. Мне кажется, я в жизни никого не была так рада видеть, как его! Не скрывая своего счастливого вздоха, я обернулась к нему. Корсаков держал в руке ещё один плед, который следом предложил Марине.

— Не надо, обойдусь, — отмахнулась блондинка. Не слишком любезно для подчиненной. Но Сашу её слова ничуть не покоробили.

— Мариш, ты точно в порядке? — я вижу его сочувственно заботливый взгляд в сторону помощницы и у меня начинает земля уходить из-под ног. Да что происходит?! Какого чёрта он так с ней любезничает, ничуть не смущаясь меня между прочим! — Может всё-таки поедешь домой?

— Ну что ты, Саш. Видеть счастливые влюбленные лица присутствующих, доставляет мне огромное удовольствие.

Марина резко встает с плетёного кресла, и усмехаясь, удаляется с веранды. А я понимаю, что так и сижу, вцепившись в подлокотники, не в силах сдвинуться с места.

— Не обиделась? — Корсаков присаживается рядом на корточки, перехватывая мои холодные ладони. Поочередно целует тыльную сторону каждой из них, выводя меня из оцепенения этой неожиданной нежной лаской.

— На что?

— На меня, что я так надолго ушёл, на Марину. Её порой заносит, — горько усмехается Саша, на секунду кидая взгляд на дверь веранды.

— Да уж, я заметила, — ехидно отвечаю я. И всё? Он серьёзно думает, что фразы «её иногда заносит» мне будет достаточно? И я сразу же всё пойму и проникнусь сочувствием к этой subtilной стерве?

— Руки совсем холодные, — бурчит Саша, качая головой. И следом сжимает мои ладони, поочередно целуя и согревая своим горячим дыханием.

А меня вдруг наполняет такая нежность, что становится тесно в груди. И это щемящее чувство, не имея возможности быть выраженным в полной мере во всей своей чистоте и искренности, заставляет меня сделать судорожный вздох в отчаянных поисках кислорода. Мне было совершенно плевать в этот момент и на Лану, и на дуреющего от влюбленности Ярика, и на злюку Марину. На сплетников, и завистников, на весь мир.

И рук замерзших бережным дыханием.

Согрей и стань моим очарованием![1]

В голове неожиданно всплыла эта старая песня. Мне безумно захотелось сейчас пропеть

столь созвучные этому трепетному моменту строчки. Но я лишь смущенно улыбнулась, склонив голову к Саше близко-близко, растворяясь в его дымчатом взгляде. И смешно потёрлась кончиком своего носа об его.

— Ещё и нос отморозила. Так все, идём в тепло, Лиз, — ворчит Саша, возвращая мне улыбку. Помогает мне подняться и плотнее закутывает в плед.

— Я что теперь всю вечеринку в пледе торчать буду? — бурчу я.

— Отличная идея, мне нравится, — смеётся Корсаков, поднимая вверх большой палец. А я лишь в ответ закатываю глаза. Ну кто бы сомневался, что он точно оценит такую трансформацию моего наряда!

Про Марину мы больше не говорили. Но когда мы стояли и общались небольшой компанией у бара, и я буквально затылком чувствовала чей-то тяжёлый пристальный взгляд. Который пробирал насквозь, запуская по телу холодную нервную дрожь. Не выдержав, я обернулась. И совершенно не удивилась, увидев Марину. Только вот встретившись с ней взглядом, я была несколько сбита с толку, потому что за презрением и злостью, я смогла рассмотреть ещё и неприкрытую боль.

Остаток вечера на удивление прошел классно, что несколько сгладило мои впечатления после общения с двумя ненормальными блондинками. Все свои невысказанные вопросы Александру третьему я решила задать на выходных, и самое главное — уже на свежую, абсолютно трезвую голову. Да и стоило ли углубляться в эту тему и показывать, что мне не всё равно? Это было бы нормально, будь я действительно девушкой Саши. Но для той, которая собиралась навсегда исчезнуть из его жизни спустя несколько недель, это было по меньшей мере странно.

Однако, мой план оказался под большой угрозой. Потому что на майских праздниках неожиданно пропал сам Корсаков.

[1] «Холодно», группа «Кукрыниксы».

Не увидев с утра ни сообщения, и не получив к обеду ни одного звонка от Саши, я немного удивилась. Первая я никогда ему не писала, из принципа. Не потому, что считала, что мол не женское это дело, а просто из вредности. Конечно, мне было любопытно, куда он пропал, но я не стала нагнетать и поддаваться панике, а вместо этого занялась любимыми делами — поспала до обеда, вкусно позавтракала в двенадцать дня, понежилась в ванне с пеной, окончательно смыв себя все неприятные моменты вчерашней вечеринки, и даже подготовила материал для своей уже второй официальной колонки в журнале. А весточки от Саши все не было.

Позвонили родители. Мама, вывалив на меня кучу новостей и расспросив о каких-то дурацких неважных вещах, сообщила, что оставила мне небольшой подарок у Катюхи. Вечером у них с папой были какие-то дела, а уже завтра утром они вылетали в Москву к деду и бабушке. Как-то так получалось, что в планы старших Бельских совершенно не входила встреча со мной. На мой вопрос, почему меня не позвали к сестре, мама с удивлением ответила, что прекрасно знает, как я ненавижу вставать рано с утра в свой законный выходной. На столь нелепое оправдание я даже не нашлась, что ответить. Да и говорить, что ради общих посиделок я разочек могла и встать пораньше, не имело никакого смысла.

От разговора моё настроение заметно подпортилось, поэтому я с раздражением отшвырнула на диван телефон, даже не заботясь о траектории его падения. Сегодня этот гаджет работал совершенно не так, как следовало. Идиотские звонки он зачем-то принимал, а оповещать о входящем от нужного абонента совсем не спешил. К моему изумлению, отсутствие Саши ощущалось. И довольно сильно.

Пересмотрев все последние серии любимых сериалов, до которых у меня всё никак не доходили руки, я вновь с надеждой покрутила в руках телефон. Причин для волнения не было, я уверена, случись что-то меня непременно поставил бы в известность Ярик. Но всё же почему Корсаков молчит? Писать самой и требовать отчёта о том, как он проводил время в этот день и почему скрылся с радаров, для меня было странно. Официально мы друг другу никто.

И всё же — я скучала.

Завтра Саша собирался потащить меня в кино на какую-то премьеру. Значит, к вечеру он должен был выйти на связь. Но что делать, если не выйдет? Писать Мереминскому? Или это означает, что тест-драйв провален раньше времени и от меня решили избавиться таким максимально тупым способом? Вроде бы никаких предпосылок к этому не было, но чем чёрт не шутит. Таких любопытных личностей, как Корсаков я ещё не встречала, и предсказать истинные мотивы его поведения мне было сложно. А может просто сбылись предсказания Ярика, и Корсаков, как обычно, ушёл с головой в работу, забив на личную жизнь? Или просто наигрался и решил сосредоточиться на ком-то более интересном?..

Заснула я с трудом, терзаемая сомнениями и весенним теплом, которое обрушилось на город палящими лучами солнца и духотой, не спадающей даже к ночи. Сны были тревожные и сумбурные, и потому вполне ожидаемо, что проснулась я без настроения. Едва разлепив глаза, и взяв в руки мобильный, я подскочила на месте. В мессенджере висело одно неп прочитанное сообщение от Саши, которое пришло буквально несколько минут назад. Вот это у меня чуйка сработала! Как будто знала, когда именно надо было проснуться.

«Привет»

Одно короткое слово, заставило меня просить.

«Привет. У тебя все нормально?» Нет, я не убиваюсь тут по нему. Вполне обычный вежливый вопрос. Человеческий интерес, в конце концов, я же не изверг какой-то!

«Не совсем. Тут такое...»

Саша что-то усиленно набирал в следующем сообщении. От нетерпения я не знала, куда себя деть. Через пять минут я не выдержала и поплелась в душ. Но никакого сообщения дальше не последовало, а Саша был не в сети.

Да что за чертовщина?!

Прогулка с Сёминой помогла на время разгрузить голову, но тревожное чувство начинало нарастать. Может что-то действительно случилось? Пока я ехала обратно домой виртуозно сама себя накрутила — в голову лезли всякие нехорошие мысли, да и песни в плейлисте выпадали как на подбор одна грустнее другой. Выйдя из маршрутки, я решила наплевать на гордость и всё-таки набрать Сашу. Но в ответ послушала длинные заунывные гудки.

Чувствую, наш поход в кино сегодня накрылся медным тазом.

Ну что ж, полтора дня молчания достаточно веская причина, чтобы набрать Ярику и поинтересоваться судьбой Александра третьего? Надеюсь, я не буду выглядеть влюбленной навязчивой дурочкой?

Ярик тоже не сразу взял трубку, а ту информацию, что он будто нехотя мне сообщил, никак не прояснила картину, что на самом деле происходит:

— Лиз, с ним всё хорошо. Просто там кое-что произошло... он потом объявится и расскажет.

В этот раз словоохотливостью Мереминский не отличался. Более того, мне показалось, будто ему как-то неловко и неудобно было со мной говорить. Или он не горел желанием сообщать истинную причину, почему пропал Саша? Разговор не принес мне ожидаемого облегчения, вместо этого я ещё больше стала себя накручивать.

Такое резкое равнодушие и игнор сбивали с толку. Я не хотела верить в слова Ярика, которые предшествовали их спору, но кажется, они оказались пророческими... Главная любовь в жизни Корсакова — это его работа. И с этим ничего нельзя поделать. А мне значит так и не удалось его зацепить настолько, чтобы вырвать себе лидерство в жизни Александра третьего. И даже этот чёртов спор не помог удержать его интерес...

Возможно, это и правда конец. Нашему общению и этому дурацкому тест-драйву. Пускай и мой план отомстить за их спор с Яриком провалился по полной программе, но в целом можно сказать, из этой ситуации я вышла без особых потерь. Да немножко пострадала гордость и самолюбие, но ничего, я переживу. Он ещё не смог настолько глубоко пробраться ко мне под кожу, и ещё не так глубоко окопался в области сердца. Как там говорил Саша, для искоренения привычки нужен двадцать один день? Ну что ж, проверим.

Потушив сигарету, я твёрдо решила, что на сегодня хватит. В минувшие дни, в особенно нервные минуты, моя рука раз за разом тянулась к пачке. И потому свою норму я уже заметно превысила. Возвращаться в квартиру не хотелось — знакомые стены не приносили привычного успокоения, идти гулять на улицу тоже не было желания. Недолго думая, я решила почитать на балконе. Не самое моё привычное занятие, так как книгу в руки я беру редко — всё время находятся дела поважнее и поинтереснее. Но сейчас это было именно то, что нужно — погрузиться с головой в другой мир, отдаться всем сердцем чужим переживаниям, чтобы заглушить собственные чувства и эмоции.

Я притащила на балкон старенькое, но довольно удобное кресло и забралась туда с ногами. Многие балконы в сталинках стояли незастекленными. Зимой это служило поводом для тесного и плодотворного взаимодействия с лопатой после каждого обильного снегопада, а летом в хорошую погоду дарило истинное наслаждение: вот так сесть, расслабиться и отдохнуть.

Была, конечно же, и обратная сторона медали. На один из соседних балконов вышел мужик в посеревшей от жизни растянутой майке и с бутылочкой пива в руке. Потянулся, почесал пузо, а увидев меня, отсалютовал в мою сторону бутылкой. Я молча кивнула и уткнулась в книгу. Надеюсь, с разговорами не пристанет.

История завладела мной с первых страниц настолько, что я не сразу поняла, как стемнело. И что за звук раздаётся рядом с моим балконом. Сосед этот что ли опять вышел и барагозит? Внимательно оглядев пол, я заметила несколько камешков. Может мальчишки на крышу залезли и балуются? И чёрт с ним, даже если случайно в меня попадут. Сильного вреда от этого мне вряд ли будет, но вдруг сами ребята упадут и покалечатся?

Вскочив с кресла, я задрала голову вверх, пытаюсь рассмотреть нарушителей моего спокойствия. Но очередной камешек неожиданно прилетел в стену рядом с балконом не сверху, а снизу. Сердце отчаянно забило от осенившей меня догадки. Ну потому что кто ещё мог заниматься такими глупостями перед моим окном?!

Я перегнулась через перила и увидела внизу Корсакова.

Как же я была рада его видеть в этот момент и как же сильно хотела прибить!

Саша стоял в уже привычной для него чёрной майке и джинсах, задрал голову вверх и сжимая что-то в руке. Наверное, те самые камешки. И где он столько их набрал? Песочницу что ли ограбил?

— Корсаков, какого чёрта?.. — проорала я, забыв о том, что время-то уже близилось к недетскому. И соседи нашего общения точно не одобрят.

— Проговорила что-то. Светлый ангел,

Во мраке над моею головой...[1]

Громкий, глубокий, отлично поставленный бархатистый голос вещал на всю округу. Как назло, то ли двор уже опустел, то ли соседям приспичило послушать нашу беседу — но тишина стояла отменная. И я отлично слышала каждое слово.

— Саш, ты себе голову камнем случайно не пришиб, пока кидал? — проорала я в ответ, перебивая парня. Какого чёрта он решил на ночь глядя пообщаться стихами?

— ... Ты решишь, как крылатый вестник неба

Вверху, на недоступной высоте,

Что он несёт? Это же... Нет, не может быть! Он что собрался мне всего Шекспир сейчас пересказать?!

— ... Над изумленной толпой народа,

Которая следит за ним с земли....

— Саш, хватит!

— ... Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.

Взгляни с балкона дружелюбней вниз

И это будет мне...

— Корсаков, перестань устраивать средневековый балаган и поднимайся!! — не выдержала я.

— Да, пускай ещё потрендит, чё те жалко что ли? — раздаётся сбоку голос того самого соседа. — Красиво же. Лю-ю-ю-ськ, иди послушай!

— Чё ты разорался на всю округу?! — голова соседки на мгновение показалась в дверях и тут же оповестила о своём недовольстве наш двор.

— Да ты смари-и тут какая любо-о-о-вь...

Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет!

— Я сколько раз говорила, дверь закрывай за собой, дубина! Комаров напустил!

С огромным грохотом женщина всё же решила самостоятельно закрыть за собой дверь и покинула наше странное общество, так и не удостоив своим восхищением.

— А ты точнопустишь? — на смену балагуру рифмоплету наконец-то пришел обычный Корсаков, которому правда было глубоко плевать на существенное пополнение в рядах публики и на их неуместные реплики.

— Живо поднимайся!!

— ... Святая ночь, святая ночь! А вдруг

Все это сон? Так непомерно счастье,

Так сказочно и чудно это все!

Корсаков пропел напоследок эти слова и в припрыжку бросился к подъезду. А я поспешила поскорее открыть домофон, чтобы пресечь любые попытки возобновление спектакля.

Вот ведь дурак!

Всё мое меланхоличное настроение, как ветром сдуло. Зато явились и злость, и раздражение, и обида, и непонимание. Сейчас мне кто-то точно ответит за все мои убитые нервные клетки, которые я потратила в эти два дня!

Вдох выдох, вдох выдох. Может со скалкой встретить этого провинившегося Ромео?

[1] «Ромео и Джульетта», Уильям Шекспир. Перевод Бориса Пастернака

Корсаков ворвался в мою квартиру подобно урагану, едва только я решилась распахнуть дверь. Выглядел он неважно. Это было заметно даже при тусклом свете лампы в коридоре — изрядно отросшая щетина, залёгшие глубокие тени под покрасневшими глазами. И вся моя злость как-то вдруг сдулась, точно воздушный шарик.

Но даже такой взъерошенный, небритый и усталый Корсаков всё равно не растратил свою привлекательность и харизму, а от его бешеной энергетики мой в целом просторный широкий коридор вдруг сузился до размеров спичечной коробки.

Сейчас, я как никогда понимала, почему он так много добился к своим годам, и почему столь успешно руководит компанией отца. Внутренняя сила и уверенность, которая исходила от Саши, казалось, была неотъемлемой частью его самого. Её не нужно было как-то специально демонстрировать или показывать, она просто незримо ощущалась. А вот я рядом с ним чувствовала себя маленькой, наивной девочкой, которая ничего не знает о жизни. И которая изо всех сил сейчас пыталась не смотреть на него снизу вверх, стоя в своих смешных мохнатых тапочках.

— Лиз, дай мне всё объяснить, пожалуйста? — с порога заявил Александр третий, заставляя меня слегка попятиться назад.

— Стихами? — не могла удержаться от ехидства я. Удивительно, но когда я его подначивала, то ощущала, что мы с ним были на равных.

— Боюсь, на стихи меня уже не хватит, — покачал головой Саша.

— Давай продолжим в квартире? А то чувствую те, кто не досмотрели первый акт на улице, с радостью дослушают его на лестничной клетке, — усмехаюсь я, делая большой шаг вглубь коридора, и тем самым давая возможность беспрепятственно проникнуть Корсакову в мою квартиру.

Это какой-то бред. Он у меня дома. Так негаданно неожиданно. Когда ещё пару часов назад, я искренне была уверена, что наша история подошла к концу...

Прохожу на кухню, мимоходом оглядывая свое отражение в огромном настенном зеркале — между прочим, гордость этой квартиры — тёмного цвета, резное, старинное. Отражение меня не радует, и я едва сдерживаюсь от недовольного цоканья языком. К приему гостей я не была готова от слова «совсем», и мои пижамные шорты и топик на тонких бретельках были тому подтверждение. Ещё и тапки эти дурацкие, будь они неладны!

— Чай, кофе...

— Я бы потанцевал, но боюсь, и на это меня не хватит, — пытается хохмить Саша, но я вижу, какая усталость сквозит в каждом его движении.

Молчу, ожидая, когда же наконец он приступит к своим объяснениям. С нетерпением наблюдаю, как Корсаков медленно подходит к окну.

— У тебя тут здорово, — Саша окинул взглядом мою небольшую кухню, освещённую лишь настенным бра, что безусловно добавляло этим стенам уюта. И ещё капельку романтики.

Кухня мне моя действительно нравилась — белая плитка, широкий деревянный подоконник, на котором колыхались длинные бежевые шторы, коллекция красивых чашек, которые изящно разместились на открытой полке. Ничего дорогого, ничего выдающегося, даже плита здесь была газовая, капризная, к которой я не сразу смогла найти подход при

готовке, но мне было не стыдно показать это место. Даже такому как Корсаков.

— Выглядишь неважно, — констатируя я факт, опираясь на край кухонной столешницы.

— Это да. Но как говорить «спасибо, что живой». Я был уверен, что ты меня на пороге не пустишь, тем более так... без букета и вообще...

— Без подкупа, значит, — у меня невольно вырывается смешок. — Бриллиантовое кольцо там, новый айфон и далее по списку? Без этого обычно не прощали?

— Ну...

Мне кажется, я попала не в бровь, а в глаз. Потому что, наверное, впервые увидела лёгкое смущение на физиономии Александра третьего.

— Хорошего же ты обо мне мнения, Александр, — серьёзно проговорила я, скрещивая руки на груди и чуть насупив взгляд. Искренне надеюсь убрать из него всё смешинки. Кажется, Корсакова слегка пробрало.

Похоже, он общался раньше исключительно с такими же истеричками, как Марина, и выводы о женщинах поэтому делает соответствующие.

— Лиз, — в считанные секунды Саша оказывается рядом, и прижимает меня к себе, утыкаясь губами мне в макушку. — Прости, что так и не отправил сообщение.

— Какое?

— В котором я объяснял, что случилось, и почему я вынужден мотаться по всей области. Оно тупо осталось висеть в черновиках. Я потом, когда понял это, хотел набрать и всё объяснить, но то одно, то другое... Прости.

Поднимаю на него взгляд. Вроде бы не врёт — смотрит честно, открыто. Да и весь его внешний вид лишний раз только подтверждает его слова.

Все также обнимая меня, Саша рассказывает о неприятном инциденте, который произошёл на одном из объектов. Халатность и попустительство руководителей одного из департаментов холдинга привели к плачевным последствиям — травме четырех рабочих, и приостановке всего строительства. Но Корсаков благодарил небеса, что всё обошлось без смертельного исхода.

За последние два дня Саша спал около трех часов, потому что пытался максимально быстро все разрулить, без ещё большего ущерба срокам, которые и так конкретно просели, и самое главное — сделать всё необходимое для пострадавших и их семей.

— И что ты, получается, сам поехал к рабочим...

— Да.

— Но... мне кажется, в таких случаях все вопросы решает пиар-служба. Разве нет?

— Обычно подобную работу выполняют помощники, замы или натасканные Мереминским люди, которые ловко умеют «замять» дело, — кивает Саша. — Но не в этом случае. Это моя ошибка привела к серьёзным последствиям.

— Саш, здесь нет твоей вины. Не ты ведь воровал и экономил на материалах, а потом заметал следы!

— Слово «вина» мне кажется в таких случаях звучит не очень уместно, — горько усмехается Александр третий. — Как будто можно просто извиниться и тем самым всё исправить. Это моя ошибка. Я нанял не того человека и допустил его к управлению. Это я не смог разглядеть вовремя, что творится в том департаменте. И значит то, что произошло — целиком и полностью моя ответственность.

Я лишь молча кивнула, ошарашенная серьёзностью его слов и невольно ощущая бремя той самой ответственности. Корсаков рассказал, что помимо встречи с семьями рабочих, в

эти дни он также пытался найти все возможные дыры в работе того самого бедового департамента. Чтобы избежать повторения истории в будущем. До окончательного наведения порядка, конечно, предстояло ещё очень многое разгрести, но самое основное он постарался решить по горячим следам. И потому начало майских праздников для компании выдалось особенно жарким.

Сохраненное в черновиках сообщение мне зачем-то тоже продемонстрировали. Хотя после такого подробного рассказа, не верить Корсакову о причинах его отсутствия, я не могла. Получалось, что меня действительно променяли на работу... только вот причина была и правда серьёзная. С одной стороны, Мереминский оказался прав в своих предположениях, но с другой стороны — Саша ведь пришёл и извинился. Это ведь должно что-то значить, ведь так?

— Я вот только одного не пойму. Ты зачем под балкон пришёл мне орать? — я решила напоследок расставить все точки над «і».

— Так ты несколько часов мне на звонки и смс не отвечала. Я уж подумал всё...

— И пришёл подмазываться Шекспиром, — дурачась ткнула я под ребра Сашу. Эх, вот до сих пор жалею, что не догадалась его монолог на видео снять. В голове правда тут же всплыл орущий «НЕ СНИМАТЬ!» Мереминский, отчего мне безумно захотелось рассмеяться.

— Не подмазываться, а порадовать любителя Шекспира. И изо всех сил постараться загладить вину. Кстати, у нас впереди ещё два дня праздников... — загадочно улыбнулся Саша, оставляя на губах еле заметный поцелуй, но всё равно немного царапая свой щетиной. Не больно, а скорее щекотно. И непривычно. И вообще сегодняшний Корсаков для меня непривычный. И его слова и мысли, и те поступки, о которых он рассказал, и ответственность, что он взял на себя. Всё это совершенно сбивало с толку.

— И что? Иди лучше отоспись, — смеюсь я, вырываясь из объятий. — Мне кажется, это сейчас для тебя первостепенная необходимость.

— А ты?

— А что я? Не бойся, уж как-нибудь переживу без твоего несравненного общества пару дней.

Саша как-то странно на меня посмотрел, но я вошла в раж и решила сыграть роль равнодушной саркастичной девицы до самого конца:

— Если хочешь, могу пообещать не ходить в клуб. Так что, Корсаков, спи спокойно, — звучало как-то двусмысленно и коряво, но я всё равно ободряюще похлопала его по плечу. Правда, видя, что шуточки мои, остаются без должного признания, решила сгладить неловкую паузу лёгким поцелуем. И тут же отстранилась.

Знаем мы до чего этот приглушенный свет, романтическая обстановка, нежные касания и неторопливые поцелуи доводят. От греха подальше я довольно быстро сопровождала Корсакова на выход.

Чёрт! О своих делах он рассказал всё и даже больше, чем надо, но вот откуда он «Ромео и Джульетту» наизусть знает, так и не поведал. Теперь я точно не усну от любопытства!

Корсаков не переставал удивлять меня раз за разом. Интересно, чего ещё о нём я не знаю?

— Поверить не могу, что согласилась на это безумие, — бурчу я, пока Саша, довольно насвистывая, ведет меня за руку к себе в кабинет.

Официально — я у Мереминского на очередном обсуждении совместного конкурса с «Корсаром». Таковую версию мне пришлось озвучить Коваленко, чтобы отлучиться на пару часов для встречи с Сашей.

Все майские праздники я с ужасом представляла, как войду к нам в офис, и тут же попаду под раздачу всего бабского коллектива. Я не сомневалась, что Лана не забудет рассказать о нашей замечательной встрече на вечеринке и о том, какие нерабочие отношения меня связывают с одним из моих главных клиентов. Для меня это было вполне закономерным развитием событий. Рано или поздно, это должно было произойти. То, что меня сразу не сдал Фара, уже было чудом. Но любому везению рано или поздно приходит конец.

Но к моему глубочайшему удивлению, Лана меня не сдала. И только лишь заметно ухмыльнулась, когда я сообщала Тане о предстоящем посещении офиса «АКВИРС». Почему она выбрала тактику молчания стало для меня настоящей загадкой.

Коваленко отпустила меня без каких-либо вопросов. Для неё в работе желание ключевого клиента являлось приоритетом номер один. А с учётом, сколько сейчас денег приносил нам «Корсар» я была удивлена, что Таня меня с караваем и частушками туда не отправила.

Пообедать вместе и пообщаться пару часов было спонтанным решением Саши, которое он мне озвучил прямо с утра. Помимо улаживания того самого инцидента на стройке, Корсакову предстояло готовиться к какому-то форуму, и еще несколько важных встреч до позднего вечера — и так несколько дней кряду. А значит, на личную жизнь совершенно не оставалось времени. Если только ночью. Но ночью, я, как и полагалось приличной девушке, предпочитала спать в своей кровати, и увидеться со мной было нельзя. О том, как приличной девушке уже осточертело спать одной в своей кровати, пожалуй, скромно опустим детали...

Но несовпадение наших с Сашей расписаний было, как говорится, на лицо. Хотя я не могла не признать очевидный факт — несмотря на свою колоссальную занятость Корсаков изо всех сил старался больше не пропадать с радаров и уделять мне каждую свободную минуту. То ли чувствовал вину за первомайские выходные, то ли вопреки заверениям Мереминского всё-таки старался не уходить с головой в работу и не забивать на личную жизнь (то, что его личная жизнь сводилась к эксперименту с одной несговорчивой особой, это так, мелочи). Но Александра третьего действительно сложно было сейчас в чём-то упрекнуть.

Помимо этого чёртова спора.

— А что тут такого? Алиби мы тебе обеспечили, — заговорщически подмигивает мне Саша.

— Это не меняет того факта, что я прогуливаю работу.

— Тс-с, — Александр третий шутливо прикладывает палец к моим губам, заставляя замолкнуть. И на несколько мгновений притягивает ближе к себе. — У стен тоже есть уши. Пойдем, а то скоро все остынет.

— Опять итальянская кухня?

— Нет, обычная домашняя еда собственного приготовления. Первое, второе...

— И компот? — я не смогла удержаться от смешка.

— Нет, компот не сварил. Будут соки и морс, чай, кофе на выбор.

— Ты что, правда умеешь готовить? — ошарашенно спрашиваю я. Нет, горячие бутерброды, которые он взял на прогулку, ещё куда ни шло. Но суп...

— Немного умею, — пожимает плечами Корсаков, вновь приобнимая меня за талию и направляя в сторону своей приёмной. — Чего тебя так удивляет?

Чего меня удивляет? Он серьёзно? Силы небесные, я хочу это видеть! Как сам товарищ Корсаков с голым торсом в небрежно повязанном фартуке помешивает суп, шинкует зелень для салата... Так всё, отставить фантазии!

И вообще — он готовил для меня! Для меня! Один только этот факт заставляет меня мысленно воспарить к небесам от счастья, довольно дрыгая ножками. Из мужчин за всю мою жизнь для меня готовил только дедушка. Кажется, это была манная каша, и я ещё тогда ходила в садик.

Интересно, если Корсаков для фальшивых отношений так старается, что же он будет готов сделать ради своей любимой девушки? Заботы, оригинальности и романтики ему, конечно, не занимать.

— Пока не увижу вживую не поверю, — пробурчала я, но глаза мои смеялись. — У тебя там точно целый штат припрятан прислуги, я уверена.

— Ага, и дворецкий. Ты что-то подобное уже говорила, — кивает Корсаков. — Надеюсь, скоро сможешь увидеть меня на кухне, в деле. Так что начинай составлять список, чего бы ты хотела попробовать в моем исполнении.

Список? Вот это он зря сказал. Поесть я люблю. Как запрягу его с десятков блюд кулинировать для моей неотразимой персоны, посмотрим потом, долго ли он так довольно улыбаться будет и насвистывать. Да и в его исполнении я бы много, что хотела попробовать, и я совсем не о еде... Чёрт! Права была Сёмина, и для здоровья длительное воздержание действительно вредно. Для правильного функционирования мозга так точно!

Мы наконец-то дошли до его приёмной, в которой восседала цербер Марина. Лицезреть её постную физиономию мне совсем не хотелось. Подозреваю, что ей мою тоже. А ещё нужно срочно помолиться всем богам, чтобы она не подавала нам с Корсаковым суп! Я по дурости сегодня приехала на работу в молочно-белом платье, которому совсем не к лицу будет вылитый борщ. Или что там наготовил Саша.

По традиции, он озвучивает Марине просьбу не беспокоить нас во время обеда. Её «Да, Александр Романович», звучит так, будто она изо всех сил сдерживается, чтобы не психануть. И заодно не перегрызть мне горло. Потому что красноречивый взгляд был направлен именно на меня. Почему он этого не замечает? Почему она может безнаказанно рычать на своего начальника и его гостью?

Что за привилегии ей выделили в неограниченном количестве и за какие такие заслуги? Все эти вопросы жгли мне язык, но я не знала, стоило ли их задавать Александру третьему. А что, если ответ мне не понравится?

Господи, о чём я только думаю! Распереживалась так, будто я действительно боюсь потерять Корсакова. А это не так! Я ещё не увязла с головой в этих недоотношениях, и пока ещё могу адекватно мыслить. Значит, вполне можно и спросить: какого чёрта позволяет себе его секретарша?! Главное переформулировать вопрос так, чтобы не казаться ревнивой дурой.

Журнальный столик был красиво сервирован на двоих: тарелки, приборы, изящные бокалы, живые цветы, сверкающим на солнце кувшины с напитками. И будто бы и весь остальной минималистичный кабинет тоже ожил, стал уютнее. Солнечная погода и настроение Корсакова дополняли эту идеальную картину.

— Надеюсь, стол ты накрывал сам? — протянула я, впрочем, без особой надежды.

— А что? — кажется, Саша немного напрягся.

— Ну-у-у мало ли. Знаешь, как-то не хочется, чтобы твой секретарь плюнула мне в суп, — присаживаюсь я на диван и аккуратно пододвигаю к себе тарелку.

— С чего бы ей это делать? — брови Корсакова удивленно ползут вверх. Эй, а на вопрос он мне отвечать собирается? Мне что-то реально боязно притрагиваться к еде.

— Саш, я не слепая и прекрасно могу понять отношение людей к себе. Кто относится по-доброму, с симпатией как Ярик. Или кто еле сдерживает себя, чтобы не нахамить...

— Как Марина, — подсказывает Корсаков. Присаживаться рядом он не спешит. Стоит и смотрит на меня сверху вниз, скрестив руки на груди.

— Как Марина, — соглашаюсь я. — Лично мне ни жарко ни холодно, нравлюсь я ей или нет. Но если она так с другими твоими клиентами или партнёрами будет себя вести? Это как минимум не профессионально! Вообще не удивлюсь, если её по блату сюда взяли.

Это первое, что приходит на ум, глядя на Марину. Да, всему виной стереотипы, и я, признаться, тоже была им несколько подвержена. Не знаю, насколько у этой стервы развиты умственные способности, и хорошо ли она справляется со своей работой, но выглядела она действительно так, будто получила это место через постель.

Я очень постаралась выключить истерично ревнивые нотки, но до конца этого сделать мне так и не удалось. Со стороны мы, наверное, смотрелись довольно забавно, как слон и моська — я сижу тут на диване, взирая на огромного стоящего надо мной Корсакова, и пытаюсь учить его жизни. Что хорошо, что плохо, и как должны работать его сотрудники.

— Да ты права, — вздохнул Саша. — Марину действительно взяли на это место по блату. По очень большому блату. И она далеко не чужой для меня человек.

К плохим новостям никогда нельзя быть абсолютно готовым. Ты можешь сколько угодно рассуждать, какой будет твоя реакция, пытаться предвидеть свои чувства. И потому смело надеешься, что сможешь обуздать их. Или сможешь приказать сердцу стойко выдержать любой удар. Но это самообман. Всегда есть один самый первый миг, когда все внутренние увещевания, внутренний аутотренинг, вся твоя выдержка летит в трубу.

Я знала, что с этой Мариной всё не просто так.

«Не чужой для меня человек». Почему он так открыто об этом говорит? Так бессовестно прямо смотрит мне в глаза?!

Нужно было что-то ответить, но я не придумала ничего лучше, чем заглушить ком обиды, ложкой супа. Вкуса, которого я совершенно не ощутила. Сейчас я настолько была оглушена этой новостью, что совершенно не осознавала, что поглощала. С таким же успехом я могла есть размоченный в воде картон.

— Вот как, — наконец-то смогла проговорить я.

— И это не то, о чём ты подумала, — Саша наконец соизволил разместиться рядом, откинув одну руку на спинку дивана. Устроился с удобствами, чтобы пристально наблюдать за тем, как я поглощаю его кулинарное творение.

Интересно, это как он определил? Неужели у меня настолько красноречивый взгляд? На всякий случай, я решила опустить глаза, внимательно разглядывая содержимое тарелки.

— И что же я такого подумала?

— Как обычно, самый плохой вариант, — усмехнулся Корсаков.

— Так это вроде бы твоя прерогатива. Или мы наконец-то нашли то, в чём действительно похожи?

— Просто признайся, что ты ревнуешь.

— Я?! — от возмущения я чуть не задохнулась. И как же хорошо, что в этот момент не успела донести ложку до рта. — Мне кажется, ты себе льстишь, Корсаков!

— Когда ты смущаешься и пытаешься это скрыть, то начинаешь фамильничать, — уже откровенно веселиться Александр третий, придвигаясь ко мне вплотную и кладя голову мне на плечо. И так озорно, по-мальчишески заглядывает мне в глаза, что на долю секунды я даже забываю из-за чего злилась. — Просто признай, это же не больно.

— Если признаю, ты отстанешь и дашь мне нормально поесть?

Саша в ответ кивнул и выжидающе посмотрел на меня. Серьёзно? А больше ему ничего не надо?

— Знаешь, я передумала. На сегодня обойдемся без дополнительного раздувания твоего и так огромного самомнения, — беру в руки салфетки, и промокнув губы, отшвыриваю их на стол. — Поэтому, пойду пообедаю в более спокойной обстановке.

Приподнимаюсь с дивана, мысленно отдавая во власть праведного гнева. Но Корсаков тут же тянет меня за руку обратно, и я падаю в его объятия.

— Лиз, не кипятись и не делай поспешных выводов. Марина — крестница моего отца.

— Что?! — кажется я восклицаю на несколько децибелов больше, чем положено приличиями. Так вот он какой на самом деле блат?!

— А еще дочка одного из сооснователей холдинга, — добавляет Корсаков, явно забавляясь моей реакцией. Лицо у меня и правда вытянулось от удивления и никак не хотело

возвращаться к привычному состоянию. — Вишняков — старый друг моего отца. Маринка можно сказать выросла на моих глазах. Она мне как сестра. А ещё один из моих близких друзей. И именно поэтому между нами никогда ничего не было, и быть не может.

— Но... почему она секретарь? — если она действительно дочка одного из партнеров холдинга, неужели для неё не нашли более подходящую и солидную должность?

— Личный ассистент, — поправил меня Корсаков. — Потому что однажды пришла к нам в компанию на практику... И оказалась одной из немногих, кто смог справиться с тяжёлым характером моего отца. Точнее говоря, она единственная, кто не сбежал от него. А до этого ассистенты менялись, чуть ли ни раз в квартал. Мне она, можно сказать, досталась в наследство. И нам комфортно работать вместе. А ещё, в отличие от Мереминского она отлично умеет соблюдать субординацию. И в рабочее время я для неё не какой-то там Санька, а Александр Романович.

— Неужели её до сих пор устраивает должность ассистента? Ведь она же уже давно закончила универ, как я поняла? — я не заметила, как Саша прижал меня к себе. И продолжил свой рассказ, легонько перебирая пальцами прядки моих волос.

— Да, она на пару лет старше тебя, — подтвердил Корсаков. На его губах появилась хитрая улыбка, и я была уверена, что неспроста. — Сейчас Марина совмещает должность ассистента и часть обязанностей помощника финансового директора.

— То есть потом она займёт кресло финансового директора?

— Здесь в ближайшее время — вряд ли. Но её давно ждут в Московском филиале, там есть подходящая должность, которая соответствует её навыкам и опыту. Только вот есть одна загвоздка.

— Какая?

— Мереминский.

— Э-эм. А он тут причём? Он что против её перевода?

— Она против. Не хочет его оставлять, — с многозначительно хитрой улыбкой сообщает мне Саша. И то, что до меня доходит, просто разрывает мне мозг на тысячу осколков.

— Да ла-а-а-дно! — подскочила я. — Она и Ярик?

Так значит все эти их разговорчики и смех в коридоре не просто так? И эти её слова на вечеринке...

— Они не вместе, и никогда не были, — остудил мой пыл Корсаков. — Но Ярик её первая, и единственная любовь.

О! Теперь у меня однозначно, многое встает на свои места!

— Так вот почему она на меня взъелась! — ору я, позабыв о том, что госпожа Вишнякова сидит за дверью.

— Ну за это стоит благодарить Мереминского и его медвежью услугу с проверкой на ревность, — смеётся Корсаков.

— Но между нами ведь ничего не было! Мне даже от его знаков внимания было не по себе, — призналась я. Замечаю, как от моих слов Саша ещё больше заулыбался и стал похож на довольного жизнью котяру. Кажется, эго Корсакова всё-таки немного почесали за ушком. — За что ей меня ненавидеть-то? И вообще, он сейчас с Ланой. Вот пусть на неё направит все свои потоки ненависти!

— Лана — не так проста и наивна, как кажется. Но Маринка, её всерьёз не воспринимает, и уж точно, не воспринимает как угрозу... А вот тебя почему-то восприняла.

— Бред какой-то! И что значит, я теперь для неё враг?

— Не драматизируй, ты её просто бесишь, — смеётся Корсаков. А вот мне совсем не смешно! — Чуть больше, чем та же Лана. Но Маринку вообще раздражают любые женщины замеченные рядом с Мереминским.

— Но она же видит, что я общаюсь с тобой! А с Яриком нас ничего кроме этого конкурса и Ланы не связывает! В чем смысл тогда со мной так себя вести? — непонимающе уставилась я на Сашу. Какая-то явная несостыковка. Марина точно была не в восторге от нашего близкого знакомства с Корсаковым. На вечеринке она это максимально понятно постаралась до меня донести. Неужели выиграло братско-сестринское чувство заботы? Я что действительно произвожу впечатление девицы, которая охотится за деньгами?

— А вот этого я не знаю. Ваша женская логика для меня тёмный лес — бурчит Саша, и следом нежно касается губами у моего виска. Даже такая невинная ласка разливает тепло по всему моему телу и помогает на миг отвлечься от текущих проблем. — Чем-то ты ей не нравишься, но я думаю, это всё временно.

— Да ну? Ты так в этом уверен? — такое пофигистичное отношение Корсакова вновь вызывает во мне приступ раздражения и злости. Поэтому я скидываю его руки и разворачиваюсь к Саше. — Мне кажется, ты слишком беспечно к этому относишься. Ревнивая женщина способна на многое.

— Если тебе будет легче, то я с ней поговорю, — тяжело вздыхает Корсаков. — Но в Маринке я уверен. Она может не одобрять мой выбор, но как-то вредить тебе точно не будет.

Поговорит? Будь мы по-настоящему вместе, такой разговор был бы очень даже уместен. Но мы ведь не вместе...

— Не стоит, — я решаю вновь приступить к еде. — Твой выбор может поменяться спустя несколько недель.

— Ты думаешь? — Корсаков смерил меня странным взглядом, который мне сложно было разгадать.

— Всякое может быть, — пожимаю я плечами. — Ты мне лучше, скажи: неужели Ярик совсем равнодушен к её чарам? Вы ведь вместе росли. Или скажешь, что она ему тоже как сестра?

— Нет. Мереминский — идиот.

Ага. Кажется, я нашла залог стабильности в этом мире.

— Потому что вбил себе в голову, что недостоин Маринки, — тяжело вздыхает Корсаков. И по его красноречивому взгляду я с легкостью могу понять всё, что он думает о поведении своего друга. В кое-то веки книга под названием «Александр Корсаков» приоткрылась и для меня, простой смертной.

— Ярик не производит впечатления человека с низкой самооценкой, — с сомнением покачала головой я.

— С другими девушками да, — соглашается со мной Корсаков. — Но во всём, что касается Маришки, его клинит. И у него есть много вопросов к самому себе, чтобы соответствовать такой девушке, как она. И в первую очередь, финансовый вопрос.

— Ярик из небогатой семьи? — удивительно спрашиваю я. После слов о папе Вишняковой, который был одним из совладельцев холдинга, я подумала, что и у Ярика родители из этой же среды. Не зря же они все друзья детства. К тому же, Мереминский производил куда большее впечатление мажора, чем тот же Корсаков.

— Совсем нет. Да это и не важно. Ни мне, ни Маринке. Только вот Ярику почему-то

сложно поверить, что Маришке глубоко плевать на его счёт в банке.

Дочка совладельца холдинга и парень из небогатой семьи? В целом, я могу понять причину его комплексов. Мне бы тоже было не по себе от такого контраста. Хотя почему было бы? Мне и сейчас не супер комфортно, а я ведь даже официально не встречаюсь с Корсаковым. Но Ярик сам довольно много успел достигнуть к своим годам, ту же квартиру вон какую прикупил. Странно, что он настолько себя обесценивает и не верит в собственные силы.

— Может она всем своим поведением показывает, что ей в первую очередь важны деньги, — не удержалась я от шпильки в адрес госпожи Вишняковой. Как говорится, у кого что болит... не просто так же она меня в корысти обвиняла.

— Нет. И когда ты её узнаешь получше, то поймёшь, что она совсем не такая, — Александр третий наконец-то тоже присоединяется к нашей трапезе. — Лиз, я рассказал тебе это всё, чтобы ты ничего не надумывала и не накручивала себя. Но в компании друзей это тема табу. Так у нас исторически сложилось. Просто хочу, чтобы ты знала.

— А сами они что никогда не обсуждали свои отношения? Мне показалось, что Ярик с Мариной хорошие друзья...

— Вот поэтому и не обсуждали, — усмехается Корсаков. — Знаешь, порой мне кажется, что они оба живут в каком-то своем выдуманном мире и предпочитают не замечать правды. А я вижу ситуацию с двух сторон, и иногда мне хочется просто взять и стукнуть их лбами, чтобы они наконец разобрались уже во всем.

— Так почему бы и нет? Это же решит проблему.

— Я не имею привычки вмешиваться в личную жизнь своих друзей, — категорично заявил Саша, замирая над своей тарелкой. И от его неожиданно сурового тона меня слегка пробрало. — Даже из лучших побуждений, как Мереминский.

— Н-да, то, как он решил нам помочь, будет сложно забыть и переплюнуть, — смеюсь я, стараясь разрядить обстановку.

— Вот-вот. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Я с этим полностью согласен. Они взрослые люди, и когда-нибудь разберутся сами. К пенсии, уж точно.

Остаток обеда к теме лавстори Ярика и Марины мы больше не возвращаемся. Для меня по-прежнему в этой истории много неясных моментов. Но всё же знать, что коготки Вишняковой нацелены исключительно на сердце Ярослава, было настоящим облегчением. И хотя доверием к ней я так и не прониклась, но то, что рассказал Саша, не могло не вызвать у меня толику искреннего сочувствия.

Какого это видеть изо дня в день, что твой любимый человек флиртует с каждой встречной? Знать, сколько женщин прошло через его постель? И насколько больно осознавать, что он всё-таки сумел остановиться и обуздать свою натуру, чтобы найти своё счастье в серьёзных отношениях. Но только не с тобой...

Я не знаю, кто придумал работать в те несколько дней между первыми майскими праздниками и вторыми, но тот человек явно ничего не смыслил в загадочной русской душе. Многие встречи переносились на вторую часть мая. А те клиенты, что остались в городе и пытались заниматься делами, приступали к этому с неохотой. И потому всё решалось максимально вяло и неторопливо. Если бы не наша вёрстка номера, то мы в редакции могли все дружно помереть со скуки.

Единственный в городе, кто пахал не покладая рук, ног и иных частей тела, судя по всему, был Корсаков. Однако и у него появился просвет в расписании, который он тут же решил восполнить кулинарным вечером. Да-да, тем самым который он мне недавно пообещал.

Четверг, вечер, у него дома.

Эти слова набатом отдавались у меня в голове. Как я вообще на это согласилась?! Любопытство увидеть готовящего для меня блюда Корсакова пересилило все остальные сомнения. Хотя перед тем, как сесть в машину к Саше, я чувствовала, что от нервов меня немного потряхивает.

А ещё он впервые приехал за мной на работу. Ради такого случая я вылетела из офиса самая первая. Глупо, конечно, надеяться, что о нашем общении никто никогда не узнает. Но если есть шанс поиграть в прятки от коллег до окончания нашего тест-драйва, почему бы и нет? Фара пообещал меня не сдавать. Лана... возможно её попросил молчать Мереминский, заботясь о репутации владельца крупной компании. Оставалось не так уж много продержаться. И мысленно я скрестила пальцы, пока шла по парковке в поисках машины Корсакова. Определить её местонахождение без владельца рядом, было, как всегда, для меня невыполнимой миссией.

Господи, если у него такой огромный автопарк, чего он в этот свой Порше вцепился? Уж мог бы подарить машину Мереминскому просто так. Одной тачкой больше, одной меньше...

Корсаков стоял, облокотившись на капот, в чёрных очках «авиаторах», потёртых джинсах и белоснежный футболке поло. Ну прямо герой-любовник, сошедший с экрана типичного голливудского фильма. Я едва удержалась, чтобы не рассмеяться от такого идиотского сравнения. И всё-таки даже такой расслабленный вид ему очень даже шёл.

— Ты что не из офиса? — вместо приветствия спрашиваю я, после того как герой не моего голливудского романа оставил долгий чувственный поцелуй на моих губах. Вопрос был далеко не праздный. Для Саша это был очень необычный дресс-код для рабочего дня.

— Нет, сегодня я позволил себе уйти пораньше.

Саша заботливо распахивает дверь, помогая мне усесться в его низкую, спортивную ярко-синюю машину.

— Ого! Эта сенсация завтра попадёт на первую полосу, — смеюсь я, пристегивая ремень. И расслабленно выдыхаю, видя, как Саша выруливает с парковки. На сегодня пронесло. — Всё-таки решил перейти на тёмную сторону бездельников и лодырей?

— Вообще-то я дома делами занимался.

— Если ты сейчас скажешь, что работал из дома, то загубишь всю сенсацию.

— Нет... Убирался, — говорит Саша, чуть смущённо.

— Да ладно?! — смеюсь я. Я каждый раз не могу поверить в то, что Корсаков может как обычный смертный носиться по квартире, махая тряпкой для уборки.

— И кое-что нужно было закупить для сегодняшнего ужина, — Александр третий лишь закатывает глаза и слегка поджимает губы на моё откровенное веселье по поводу его уборки.

При слове «ужин», мой желудок предательски издал громкое урчание.

— Голодная?

— Ну так...

Не признаваться же, что хочу съесть слона и мне его изысканная готовка будет сейчас, как самая настоящая пытка. И в кулинарном, и в эстетическом смысле. Это когда можно только смотреть и облизываться.

— Кое-что я уже приготовил, чтобы ты смогла «заморить червячка», — с улыбкой произносит Саша. И это пока что лучшая новость за этот вечер.

— Спаситель! — со смехом порывисто приобнимаю Александра третьего, пока мы остановились на светофоре.

Как я и предполагала, Корсаков жил в одной из новостроек недалеко от Волги. Современное новое здание, которое в отличие от многих своих собратьев отличалось красивым стильным фасадом. И какой-то продуманностью, которая отражалась в каждом квадратном метре, начиная от въезда в придворовую территорию и заканчивая удобным просторным лифтом, оснащённость которого непрозрачно намекала на статус этого жилого комплекса. А ещё фразу «недалеко от Волги» нужно было воспринимать буквально, потому что дом действительно стоял у реки. И я уже предвкушала, какой божественный вид должен открываться из окон Сашиной квартиры.

Ещё не ступив за порог квартиры, я поймала себя на мысли, что это место очень подходит Саше. Такое же современное, продуманное до мелочей и одновременно с этим надёжное, внушительное.

— Поверить не могу, что ты здесь, — прошептал мне на ухо Корсаков, опаяя чувствительную кожу в области шеи своим горячим дыханием, и медленно оставляя дорожку из поцелуев.

Я тоже, Саша, я тоже.

Прикрываю глаза, не в силах противостоять захватившим меня эмоциям и ощущениям. Как же приятно было находиться сейчас в его объятиях. Утыкаюсь головой в грудь Александра третьего и обнимаю его за талию. Жаль, что нельзя навсегда остаться в этом моменте. Когда сладкая ложь так похожа на правду, которая совершенно не ранит, и только манит окунуться с головой в это безумие...

Двери лифта наконец-то распахиваются. Каким-то очень замудрённым по форме ключом, Корсаков открывает дверь своей квартиры и пропускает меня вперёд. Я вижу огромную прихожую, утопающую в лучах солнца, которые будто обволакивали своим светом каждый находившийся здесь предмет.

Очень много воздуха и света. Несмотря на явный минимализм, прихожая не казалась пустой или необжитой. Она спокойно приглашала зайти и узнать поближе это жилище.

— Чувствуй себя как дома, — Саша обнял меня сзади и оставил на щеке лёгкий невесомый поцелуй.

Осмотр квартиры, квадратных метров которой с лихвой бы хватило, чтобы уместить с десяток моих скромных однушек, я решила оставить на потом. Уж больно хотелось есть. Да и невозможно было устоять перед этими потрясающими запахами, которые доносились с кухни.

А ещё я знала, что и сама не смогу удержаться, чтобы не помочь Корсакову в стряпне. Зная свою природную способность за считанные секунды перепачкаться с ног до головы, я припасла для себя комплект домашней одежды. Новенький, довольно милый, и главное — скромный, чтобы недвусмысленно заявить о своей позиции — никакого «продолжения банкета» Корсакову сегодня не светит. Саша тоже сменил свой образ голливудского мачо на вполне обычные свободные серые домашние брюки с заниженной талией и белую футболку. Не удивлюсь, если к концу вечера на ней не будет ни единого пятнышка.

Домашний расслабленный вид Корсакова — это особенное эстетическое наслаждение, на которое хотелось зализывать, разглядывая каждый сантиметр его подтянутого спортивного тела. Что, собственно, я себе иногда и позволяла делать, попутно заливаясь краской. Сердце тоже отжигало — при каждой его улыбке и горящем взгляде, направленном в мою сторону, оно заходило в какой-то неистово страстной румбе, так и порываясь сломить мне грудную клетку. Нет, таких, как Корсаков нужно запрещать на уровне Минздрава! Чтобы впечатлительные особы, вроде меня, знали: излишне тесное общение с подобным субъектом чревато для здоровья и нервных клеток.

Как и ожидалось, кухня в этой квартире была просто огромная. Настоящий рай для истинного кулинара — отдельная большая зона с кухонным островом, на котором как в зарубежных фильмах, располагалась мойка, стильная барная стойка, над которой находился подвесной держатель для бокалов и фужеров. Я такие только в барах и ресторанах вживую видела! В отдалении у большого панорамного окна располагалась обеденная зона с круглым столом и мягкими стульями необычной формы. Выглядели они несколько непривычно, но оказались довольно удобными. Там мы и разместились «заморить червячка» перед трудами праведными. Только вот в определении Корсаков сильно покривил душой, так как уже успел приготовить полноценный ужин из нескольких аппетитных блюд.

Увидев заваленный яствами стол, я даже присвистнула.

— А готовить ты тогда, что будешь?

— Это ты мне сейчас скажешь, — перед моим носом оказалась плетёная хлебная корзинка со свернутыми внутри бумажками. — Вытягивай.

Значит, кто-то решил довериться судьбе? Хотя, собственно, чего это я удивляюсь? Я же ему свой список блюд так и не составила. Если честно, просто я не ожидала, что приглашение на кулинарный ужин последует так скоро.

— Сколько бумажек?

— Без разницы. Сколько сможешь схватить за раз, — усмехнулся Корсаков.

— Дай угадаю, всё это наготовила приходящая кухарка, а на бумажках какие-то супер простые блюда, с которыми справится даже ребёнок? — подначила я Корсакова, кивая на уставленный блюдами стол. — Я тебя раскусила, мм?

— Вытягивай давай, — со смехом рычит в ответ Саша.

Запускаю пятерню в корзинку с бумажками и вытягиваю сразу три.

— Так, что у нас тут? Телятина алла Валдостана, кекс с персиками, амаретти и мёдом, и Канаццо, оно же сицилийское овощное рагу с баклажанами, — прочитала я вслух развёрнутые бумажки. То ли Корсаков решил меня порадовать, зная мою страсть ко всему итальянскому, то ли я каким-то волшебным образом умудрилась вытащить рецепты своей любимой кухни. — Неплохо, неплохо. Саш, а у нас точно есть всё необходимое для готовки? Возможно, какие-то блюда требуют сезонных овощей...

— Всё есть, не переживай.

— Только не говори, что доставили прямиком из Италии, — с подозрением кошусь на него я. Какие-то из рецептов я действительно знала. И мне было чертовски любопытно, где он, например, откопал плоды лагенарии[1] для рагу? Или мы её заменим на нашу обычную тыкву? И вообще — сколько же он продуктов закупил для каждого из рецептов?!

— Не буду, — смеётся Корсаков, а мои подозрения только усиливаются. — Давай уже есть.

Дважды меня просить не пришлось. Уже после сметенных до последней крошки блюд, я с удивлением обнаруживаю, что мы с Сашей очень мило по-домашнему сидим за столом. Да, не без романтических элементов — сервировка снова не подкачала и вид на Волгу в закатных лучах тоже радовал. И всё же, если посмотреть на нас со стороны, я видела какую-то идеалистическую, запредельную для моего понимания картину. Это было... странно. И это меня пугало. До ужаса пугало. Пугало так, что рука невольно вновь потянулась к бокалу вина. Пара глотков обожгли мне горло своим бархатистым, ягодным вкусом, но не помогли снять напряжение.

К такому нельзя привыкать. Нельзя! Иначе потом будет чертовски больно.

— Так, приступаем! — хлопнула в ладоши я, подскакивая с места. Нужно было прогнать тяжёлые мысли любым возможным способом. — Кстати, ты что планируешь всё, что мы сейчас наготовим есть на ночь глядя?

— Мы?

— Я буду на подхвате, — подмигнула я. — Можешь прогонять своего дворецкого. Он нам сегодня не понадобится, отвечаю.

Саша встаёт из-за стола и, смеясь, привлекает меня за талию к себе:

— Когда ж у тебя из головы выветрятся эти дурные представления о том, как я живу?

— Никанор Иванович!! Идите домой, я о нём позабочусь! — истошно завопила я в ответ в сторону коридора.

Корсаков со смехом перекидывает меня на плечо, и не обращая внимание на мои визги и жалкие попытки выбраться, вышагивает через всю кухню. Чтобы потом усадить меня за один из барных стульев.

— Всё, ты наказана!

— За что-о? — со смехом протяжно ною я.

— Вот подумаешь над своим поведением и поймёшь, — ухмыляется Корсаков и достает фардук. — Первое блюдо я готовлю один, и это не обсуждается.

— Какие мы грозные, — закатываю я глаза. — Будешь комментировать все свои действия, как в кулинарном шоу?

— Если ты хочешь, — пожимает плечами Корсаков.

— Так, а что мы со всем этим потом делать будем? — вновь спрашиваю я. — Боюсь, у меня в животе больше нет места. Даже для сладкого.

М-да, не надо было всё-таки вытягивать так много бумажек!

— Попробуешь немного. Так сказать, убедишься, что всё это съедобно и возьмёшь с собой домой, — выдвигает в целом разумное решение Корсаков.

Где-то на горизонте вновь замаячила довольная Сёмина с плакатом про мирового мужика.

— А ты? Как-то нечестно получается, готовил-готовил, а сам в итоге останешься с пустым холодильником.

— Не переживай, завтра Никанор Иванович оформит доставку продуктов, личная кухарка приготовит еду, и не даст мне бедному несчастному и безрукому помереть с голоду, — смеётся Корсаков. А моя рука автоматически тянется к персикам, что сложены рядом со мной на барной стойке, чтобы запульнуть снарядом в этого весельчака.

То, что происходило на кухне было нельзя назвать иначе, чем волшебство. Потому что наблюдать Корсакова в домашней одежде, ловко управляющимся с несколькими видами овощей, специй и трав, точно выверенными движениями разрезающего мясо на идеально ровные кусочки, и конечно же постоянно перемешивающим что-то на сковородах, было поистине чарующее зрелище.

Долго в наказании я не просидела. Весь процесс настолько меня захватил, что оставаться на месте было просто невозможно. Мне было жизненно необходимо стать частью этого волшебства. К тому же у Корсакова была высококачественная кухонная утварь, так что готовить было одно удовольствие.

Да, теперь я верила на все сто процентов, что Корсаков умеет готовить. И более того — может делать это на уровне профи. У меня до сих пор рот не может закрыться от удивления, как быстро и красиво он порезал на идеально ровные кубики баклажаны и картофель, как мелко нашинковал базилик. Я реально будто бы попала в настоящее кулинарное шоу, или стала участницей эксклюзивного мастер-класса, который проводится специально для меня.

Конечно же я не могла не попросить показать мне несколько кулинарных приёмов. Корсаков отлично всё объяснял. Но то, что он обнимал меня сзади, утыкаясь подбородком в моё плечо и периодически обжигая своим горячим дыханием шею, нисколько не способствовало моему статусу успешной ученицы. Но я не расстраивалась, потому что забавные комментарии Александра третьего и его удивительная манера напевать песенки про все свои манипуляции с готовкой, заставляли меня непрестанно смеяться.

— Я так рад, что ты сейчас здесь со мной, — неожиданно проговорил Корсаков изменившимся голосом. Таким более приглушённым и низким, разительно отличающимся от того, каким он напевал совсем недавно весёлые песенки. А у меня перехватывает дыхание.

Саша аккуратно убирает из моих рук нож, медленно разворачивает к себе, чтобы сразу же впиться мне в губы требовательным, настойчивым поцелуем.

[1] Легенария — растение из семейства тыквенных.

Шаг, ещё шаг. Саша, не выпуская меня из объятий, заставляет отступать назад, подальше от горячей плиты. Через несколько мгновений я упираюсь спиной в стену, ощущая её приятную прохладу, а на контрасте жар от рук Корсакова, которые исследовали моё тело.

Так сладко и так... мало. Телефонный звонок, который так некстати раздался в прихожей, вырывает нас из этого безумия. Саша, тихо выругавшись себе под нос и оставив на моих губах лёгкий поцелуй-извинение, вышел из кухни.

Наверное, кто-то там на небесах решил, что нечего пропадать таким вкусностям. Мясо уже было почти готово, оставалось только периодически помешивать рагу, чтобы не дать ему пригореть. Но если бы мы увлеклись ещё на несколько минут, то чувствую, вместо овощного сицилийского рагу, нас ждало бы малосъедобное подгоревшее месиво.

На всякий случай убавляю огонь на сковороде-гриль, на которой жарилось мясо. Непонятно, насколько по времени затянется разговор Корсакова.

Дотрагиваюсь пальцами до своих горящих губ и не могу сдержать улыбки. Как же сложно рядом с Корсаковым не терять остатки здравого смысла. Особенно, когда так целуют...

Нет, всё-таки нужно включать голову! Иначе весь мой план проучить Корсакова полетит к чёртовой матери!

Саша возвращается спустя пару минут, мрачнее тучи.

— Что-то случилось? — осторожно спрашиваю я. Корсаков вновь прибавляет температуру на плите, и переворачивает кусочки телятины. Похоже, внешний вид панировочной корочки его пока не очень удовлетворил.

— Случилось... не критично, но мне нужно будет подключиться по скайпу, — хмуро отзывается Саша. — Лиз, извини, пожалуйста, что порчу вечер.

— Тяжело быть большим боссом, да? — усмехаюсь я, обхватывая лицо Саши своими ладонями и заглядываю ему в глаза. Вижу сквозь серую дымку скопившееся раздражение и усталость. Что-то мне подсказывает, что подобные звонки не редкость для вечеров Корсакова.

— Сам виноват, нужно было отключить телефон, — бурчит Саша. Перехватывает мою правую руку и нежно целует костяшки моих пальцев, и далее спускаясь ниже, туда, где бьётся пульс. — Подождёшь? Можешь пока какой-нибудь фильм посмотреть или просто поваляться на диване.

— Без проблем, — склоняюсь ближе к его лицу, шутливо чмокнув в кончик носа. — Иди, работай.

Я постаралась скрыть в голосе лёгкое разочарование. На самом деле отпустить Сашу мне совсем не хотелось.

— Тут всё готово, — Саша ещё раз перемешивает рагу и выключает обе конфорки. — К кексу тогда чуть позже приступим.

— Ага, — киваю я. По мне так и мясо с рагу было вполне достаточно, чтобы убедиться в кулинарных способностях Корсакова. Сомневаюсь, что после разговора по скайпу, у него будет настроение и силы вновь для меня готовить.

Саша берёт меня за руку и проводит вглубь квартиры, в одну из комнат, которая была полностью отведена под домашний кинотеатр.

— Что хочешь посмотреть?

Я выхватываю пульт из рук Александра третьего и плюхаюсь на огромный мягкий диван.

— Ещё не решила. Ты не переживай, я разберусь.

— Точно? — с сомнением протягивает Корсаков.

И чего он так напрягся-то? Как будто не пульт мне дал в руки, а обезьяне вручил гранату, и уже жалеет о своём поспешном действии. Мне стало смешно:

— Если нет, то пойду от скуки дегустировать мясо с рагу. Иди уже!

Корсаков напоследок быстро сжимает меня в объятиях, нежно целует. И всё же находит в себе силы удалиться и оставить свою технику на растерзание женских рук.

Ничего смотреть не хотелось, но я запустила приложение и нашла какую-то недавно вышедшую комедию, с неплохим рейтингом. Смысла углубляться в фильм не было, если Корсаков в скором времени вернётся со своей скайп-конференции. Зато можно было спокойно полежать и отдохнуть. Диван был довольно удобный, с огромными мягкими подушками по периметру. Поэтому с удовольствием растянулась во весь рост, подложив под голову одну из подушек. Боже, какое блаженство! Если через пять минут Александр третий не соизволит явиться, то выносить меня из квартиры он будет только вместе с этим диваном.

Спокойные тёмные оттенки, в которых была выполнена комната, успокаивали и расслабляли. А вот мерцание огромного экрана наоборот начинало раздражать. Уставшие за день глаза просили пощады и на пару мгновений закрыть веки, чтобы погрузиться в спасительную тьму. Что я и сделала. И неожиданно провалилась в сон.

Кажется, небеса меня всё-таки услышали. Потому что впервые за многие месяцы в кровати я находилась не одна. Именно такие мысли пришли в моё едва проснувшееся сознание, когда я ощутила жар от лежащего рядом со мной тела, и тяжесть широкой мужской руки, покоящейся у меня на животе.

Вот только кровать была не моя.

И комната была не моя.

И вообще: где я?!

От шока я моментально распахиваю глаза, оборачиваюсь и натываюсь на довольную физиономию Александра третьего. Который лежал на боку, подпирая голову одной рукой и смотрел на спящую меня.

— Доброе утро, — улыбается Саша, оставляя на моих губах нежный, неторопливый поцелуй.

— Доброе... Саш, но какого чёрта я делаю в твоей спальне? — спрашиваю я, лишь только удалось отстраниться от парня.

Ладно хоть мы с ним оба лежали в одежде, да и ноги у меня прикрыты лёгким пледом. Потому что меня немного пугал провал в моей памяти о событиях текущей ночи.

— Я...заработался. А ты пока ждала, уснула. Прости, Лиз, — Саша утыкается лбом мне в ключицу и тяжело вздыхает.

Заработался он! Тоже мне папа Карло на максималках! Вот, с одной стороны, хочется повернуть на него и обидеться. Или вообще закатить скандал. Но с другой стороны... я ведь наконец-то отоспалась за все свои бессонные ночи. И чувствовала себя как никогда отдохнувшей и готовой к новым великим подвигам. Я вообще не помню, когда я в последний раз так сладко и крепко спала! Вон, даже не почувствовала во сне смену локации.

— Са-а-а-ш.

— Мм?

— А где мой завтрак в постель? — интересуюсь я с хитрой улыбочкой.

— Сейчас всё будет, — подсказывает с кровати Корсаков. Я была не голодная, просто решила немного его погонять за вчерашний косяк. Впрочем, Александр третий был и рад стараться. — Ты что обычно на завтрак ешь?

— Эм-м кофе, с булочкой. Или шоколадкой.

— Это разве еда?! — возмущается Саша, упирая руки в бока.

— Ничего не знаю! Мне нужны неправильные углеводы! Без них мой мозг отказывается работать.

— Так, Лиз, давай ты пока поешь нормальную человеческую еду, а на десерт я тебе приготовлю кекс, который вчера мы не успели сделать.

— У тебя что дома нигде не завалилось ни одной шоколадки?! — с ужасом спрашиваю я. — Какой кекс? Нам же ещё на работу...

— Время семь утра. Успеем.

Ну я-то да, я же работаю с десяти. А вот товарищ Корсаков, что решил записаться на прогульщики? Я знала, что рабочий день в их компании начинался чуть раньше. Следую за Александром третьим на кухню и вновь устраиваюсь на барном стуле. Подпираю локтями стойку, удобно уместив нижнюю часть лица на ладонях — идеальная поза, чтобы наблюдать

за Сашей.

За какие-то считанные мгновения передо мной поставили тарелку с кашей, омлет, горячие бутерброды, сыр и фрукты. Какой-то мини вариант шведского стола, честное слово. Ладно хоть Корсаков мой привычный утренний кофе всё-таки сделал. А то бы желудок точно ушёл в бессознанку с непривычки.

— Я это есть не буду, — сморщила нос я, кивая на овсянку.

Рядом приземлились баночки с мёдом, сухофруктами и орешками.

— Просто попробуй, — усмехнулся Александр третий, приступая тем временем к готовке кекса. — Не заставляй меня кормить тебя с ложки, как маленькую.

Я недовольно высунула язык, и всё-таки зачерпнула одну ложку каши. Ладно, если подумать, пахнет она не так противно, как выглядит.

Я довольно быстро умяла завтрак, и хитро скормив Корсакову с ложки половину своей овсянки, решила тоже присоединиться к готовке кекса. Саша поставил на фон какую-то бодрую зажигательную музыку и процесс пошёл ещё веселее.

Однозначно заявляю, что готовить вместе и дурачиться — невероятно поднимает настроение. А ещё периодически прерываться на поцелуи. К тому моменту, как Саша перелил тесто в форму, настроение у меня стало совсем шальным. Скажи мне кто раньше, что я могу быть такой бодрой и довольной жизнью с утра пораньше, и я первая бы сдала этого человека в психушку.

Откусив одну из миндальных печенек, я уселась на кухонный остров, болтая ногами и слегка подтанцовывая верхней частью тела.

— Мне нравится такое утро, — Саша захлопывает духовку и подходит ближе, окидывая меня голодным взглядом, от которого мои щёки сразу же предательски запылали. — Нужно будет обязательно повторить.

— Мечтать не вредно, — смеюсь я и пытаюсь немного сбавить накал страстей, зачерпываю горсть из пачки стоящей рядом муки и кидаю её в Корсакова. Впрочем, Саша тоже в долгу не остался, поэтому совсем скоро я с визгом стряхивала со своих плеч муку.

Корсаков притягивает меня к себе оставляя на губах глубокий, неторопливый и чувственный поцелуй. Обхватываю его ногами, прижимаясь сильнее и запускаю пальцы под тонкую ткань его футболки. Вот этот предмет одежды здесь определённо лишний! И это последняя чётко сформулированная мысль, которую смог выдать мой поплывший мозг.

Саша углубляет поцелуй, скольжу руками по его спине и сквозь своё равное дыхание чувствую, как бешено ускоряется пульс. Отклоняю голову назад, чтобы следом ощутить на своей шеи обжигающую дорожку из поцелуев, которая медленно уходила вниз, туда, где оголялась кожа, к вырезу на моей футболке.

Не могу сдержать лёгкий стон. И где-то на задворках сознания, понимаю, что этот завтрак может закончиться совершенно не так, как я изначально думала...

— Александр! Объясни мне, с каких пор ты взял моду выключать утром телефон! — неожиданно раздался рядом недовольный рык, перекрывающий громкую музыку. Я в ужасе отстраняюсь от Саши и неудачно взмахнув рукой, сбиваю на пол пачку муки. Сквозь поднявшуюся пелену мучной пыли я вижу очень сердитого мужчину в дорогом деловом костюме. — И чем чёрт побери вы здесь занимаетесь?!

Впервые я вижу, что Корсаков в ауте. Стоит столбом и не меньше моего ошарашенно смотрит на визитера.

— Эм... кексом, — пытаюсь выдавить из себя что-то членораздельное, чувствуя, что

пауза как-то затягивается. Ой, кажется, лучше бы я молчала!

— Чем?! — снова зарычал грозный дядька, который, как я сейчас разглядела, был подозрительно похож на Корсакова. О боги! Неужели меня ждёт знакомство с родителями?

Вот такое небезынтересное развитие событий явно не входило в мои утренние планы!

Саша издаёт какой-то полувздых-полухрюк, и поднимет глаза к потолку.

— Это не то, что вы подумали! — отчаянно замахала руками я и ткнула пальцем в духовку. — Мы кекс готовили, вот он! Скоро можно будет попробовать...

— Я давал тебе ключ на случай крайней необходимости, — Саша наконец перестал изображать памятник самому себе. И от тихой злости, которая сквозила в его тоне, мне захотелось спрятаться.

— Трубки надо брать! Булки он печёт тут! Нашёл время! — Корсаков-старший воинственно скрестил руки на груди и виноватым отнюдь не выглядел. — О чём ты думаешь вообще? Хотя нет, не отвечай! Я и так уже понял. В три встреча с Протасовым! В три! У вас конь не валялся!

Кажется, Корсаков-старший в принципе не умел общаться спокойным голосом. Каждую свою фразу он буквально выкрикивал в нашу сторону. Ладно хоть Саша слегка загородил меня от взгляда нашего излишне эмоционального гостя, будто оказывая невидимую поддержку и защищая от направленного на нас потока недовольства.

— Я давал тебе ключ на случай крайней необходимости, — упрямо повторил Саша. — Встреча с Протасовым к этой категории не относится.

— У вас ничего не готово!..

— Всё, что надо мы сделали.

— Последние правки...

— Вчера до глубокой ночи переделывали проект и презентацию.

— Александр! Ты меня не слышишь! — Корсаков-старший стал нервно мерить шагами кухню. А я бы вот поспорила с его заявлением. Слышали его не только мы с Сашей, но и вся округа. — Ему надо по-другому представить данные, он человек старой закалки! Он не уступит...

— А больше ему ничего не надо?! — не выдержал Саша. — Ламбаду может перед ним станцевать?! Это не твоя проблема. Я разберусь. Сам.

— Разберётся он!.. — Корсаков старший нечленораздельно буркнул в сторону окончания фразы, уставившись в окно. Я от напряжения заёрзала на кухонном острове. Возможно, всему виной нервы, но сидеть на нём стало максимально неудобно. Но и слезть я боялась, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание.

— Когда ты прилетел? — хмуро поинтересовался Александр третий. Интересно, он вообще собирается представлять нас друг другу или как? Не то чтобы я горела желанием, но всё же... Признаться честно, все эти рыки и грозный голос действительно наводили на меня ужас. Вот только, почему-то пришла на ум поговорка, что та собака, которая громче всех лает, обычно никогда не укусит.

— Рано утром, — отвечает отец Саши и резко обернувшись, упирается в меня своим острым, как бритва взглядом. — Познакомить нас не хочешь?

— Не особо, но придётся, — кажется Саша вдохновился манерой общения своего родителя бурчать что-то нечленораздельно в сторону. Ну ладно хоть не орать каждое

предложение, и на этом спасибо. — Лиз, познакомься, мой отец — Роман Викторович Корсаков. Папа, это — моя девушка Лиза.

Что-то во взгляде Александра третьего мне отчаянно сигнализировало не опровергать эту версию.

— Здравствуйте, — попыталась улыбнуться я, наконец-то слезая на пол.

— Вот как, — крикнул Корсаков-старший. — Интересно... кхм. Девушка, значит.

— Роман Викторович, вы, наверное, голодный с дороги, — я с радостью была готова чем-то занять руки, чтобы сгладить неловкий разговор. — Может быть, позавтракаете?

— Ваши кексы, булки, хлопья и прочую бурду себе оставьте, — махнул нетерпеливо рукой Роман Викторович. — На завтрак мне нужно что-то посытнее! Что за привычка заливать молоком сухомятку и называть это едой?! Я вообще не понимаю, какой приём пищи может обойтись без мяса!..

Интересно, а он на любую тему так рассуждает с позиции «всё не так и не то»?

— Так у нас есть и мясо, и рагу...

«У нас» это конечно сильно сказано, квартира-то была Сашина, а я тут так мимо пробегала. Но раз тот соизволил представить меня, как свою девушку, то сам виноват. Назвался груздем — полезай в кузов, значит придётся не выходить из образа.

Вместо ответа Корсаков старший уселся за стол и выжидательно посмотрел в нашу сторону. А в моей голове сразу же завертелась фраза «пошевеливайтесь, холопы!».

Переглянувшись с Сашей, я направилась к холодильнику, причём настолько уверенно, что со стороны наверное и не скажешь, будто я на этой кухне нахожусь второй раз в жизни. Всех моих познаний конечно же не хватило, чтобы поухаживать за нагрывшим родственником, но Александр третий отлично работал в команде — доставил необходимые тарелки и приборы и ставил еду в микроволновку.

Аккуратно поставив рядом с Романом Викторовичем наши с Сашей вчерашние кулинарные шедевры, я наконец-то смогла его подробнее рассмотреть. Урвала момент, пока он не орал и с подозрением разглядывал содержимое тарелки. Вот он Корсаков через двадцать лет, собственной персоной. Такие же тёмные густые волосы, только с чуть посеребрёнными висками, дымчато-серые глаза, волевой подбородок. Лоб правда изрезан морщинами, и тяжёлая складка залегла между бровей и в уголках губ. Но с учётом, как много Роман Викторович хмурится, это было не удивительно.

Александр третий, скрестив руки на груди, стоял рядом с окном. Поддерживать разговор с отцом он не спешил.

— Попробуйте, это очень вкусно, — бодро отозвалась я, кивая на тарелку. — Мы вчера с Сашей готовили по итальянским рецептам, это сицилийское овощное рагу, телятина ала Валдостана...

— А нормальной еды в этом доме нет?! — взревел Корсаков-старший, кидая приборы на стол. — Обязательно надо питаться, как эти макаронники?!

Да что не так-то? Я непонимающе захлопала глазами и посмотрела на Сашу. Но увидела на его лице только безграничную усталость от всего происходящего. Да и меня саму его отец тоже начинал напрягать со своими недовольными криками.

— Папа, ты всегда можешь заказать себе еду из ресторана, — спокойно отметил Саша, подходя ко мне и успокаивающе положив руки мне на плечи. — И позавтракать у себя дома.

— Нормальную еду надо есть! Котлеты, картошка, борщ в конце концов! Сложно что ли сварить?! — продолжал возмущаться Роман Викторович, но при этом на удивление начал

есть. И даже не морщился.

— Знаете, а я вот супы не очень люблю варить, — зачем-то призналась я. Ну а что? Я ведь всё равно не настоящая девушка Корсакова, могу и почудить немного. — Да и они у меня не особо получаются...

И это я ещё молчу какие отвратительные сырники обычно у меня выходят. Самая настоящая моя ахиллесова пята. Вечно то пережарю, то не дожарю.

— Борщ должен уметь готовить каждый! — отрезал отец Саши. — Вкусный, сытный, наваристый! И мяса чтобы побольше. Вы что детей планируете вашей сицилийской отравой кормить?!

— Так, ну знаешь ли...

— Да мы пока вообще детей не планируем... — засмеялась я, с улыбкой наблюдая за тем, как перекосило Сашу.

— Ах ну да, этот же в любовь и брак у нас не верит, — ехидно засмеялся Корсаков старший и метнул в Сашу хитрый взгляд. Мне сейчас вот тоже очень хотелось посмотреть на Александра третьего. Неужели правда он такой ярый противник марша Мендельсона? И откуда такой цинизм насчет любви? Так сильно ему эта Шакурова насолила? — А что Лизавета ещё не в курсе? Хе-хе, смотрит-то как удивленно. Что ещё не все наши семейные тайны вытряс на всеобщее обозрение?

Что ещё за семейные тайны? Про брак и будущее у нас действительно разговоров не было, про любовь и подавно. Да и к чему они, если наш уговор с Корсаковым был рассчитан на три недели тест-драйва? И то весь этот цирк был затеян исключительно из-за спора. Как-то смешно было думать о чём-то серьёзном в этой ситуации. Да и я в отличие от Аринки никогда не ставила себе целью обязательно выйти замуж в ближайшее время, поэтому особого повода для грусти у меня не было. А любовь... пускай лучше проходит стороной, учитывая нашу с Корсаковым историю знакомства.

Саша едва заметно сжал мне плечи. Возможно, какие-то объяснения от него последуют потом, когда его отец соизволит покинуть наше общество.

— Кхе, м-да... Мы с его матерью изрядно подпортили Александру мнение о семейных узах, да сынок? — продолжил потешаться Корсаков-старший, накидываясь на телятину. И судя по скорости, с которой он уплетал блюда, тут не только Сёминой, тут мне ничего не светит, чтобы увести домой.

— Вам может кофе, чая? — на автомате рассеянно спрашиваю я, наблюдая как отец Саши с аппетитом уплетал так ненавистные ему итальянские блюда.

— Чай чёрный, три ложки сахара, как обычно, — кивнул в сторону сына Роман Викторович.

— Обойдётся одной, — пробурчал Саша, отходя к чайнику, чтобы приготовить напиток. — Ты забыл, что тебе врач говорил?

— Заботливый тут нашёлся, понимаешь ли! Ну что, Лизавета, борщи ты значит варить не любишь и не умеешь. Чего ещё можешь интересного о себе рассказать? — неожиданно переключился на меня Корсаков-старший, и от его тона захотелось внутренне подобраться, выпрямить спину и отрапортовать по-военному всю информацию.

Александр третий с грохотом поставил стакан на столешницу:

— Пап! А можно как-то повежливее утолять своё любопытство?

— Саш, да всё нормально... А что вы хотите узнать?

— Где ж ты такую умницу-красавицу нашёл, а? — старший Корсаков проигнорировал

мой вопрос и почему-то обратился сквозь меня к Саше. По тону было совершенно непонятно, про умницу-красавицу — это он с одобрением или с издёвкой?

«На улице», — чуть было не ляпнула я, но вовремя спохватилась. Звучало ничуть не лучше, чем занятие кексом. Хотя это и было правдой, познакомились мы действительно на улице. Пускай и благодаря спору. Но спросили Сашу, вот он пускай и выкручивается.

— Мы с Лизой познакомились на улице.

— Кхм, да ну? Интересно, интересно... Что решил внести разнообразие в свою жизнь? Поумнел, да? Кончились весёлые деньки! Вечеринки, модные дефиле со всякими шала...

— Ты что-то ещё хотел узнать? Спрашивай, — прерывает его Саша, вновь с грохотом ставя чашку с чаем на стол.

— И сколько же вам лет, Лизавета?

— Двадцать два.

— Ясно. Молодо зелено... Учишься, работаешь?

— Работаю. Менеджером по продажам рекламы, — с улыбкой отвечаю я, догадываясь что и эта информация не придется по душе отцу Александра третьего. Саша вновь занимает место охранника рядом со мной и приобнимает меня за плечи.

— Втюхиваешь значит рекламу? — усмехается мужчина, ожидаемо одаривая меня не самым тёплым взглядом.

— Нет, сейчас пользуются популярностью другой вид продаж.

— Она тебе при встрече что-то втюхала? — интересуется отец у Саши, полностью игнорируя мой ответ. А я не могу сдержать улыбки. Втюхала, ага. Историю о несуществующем ребенке и разводе.

— Нет, — лаконично ответил Саша, но довольно сурово. Меня так и подмывало обернуться и посмотреть на него, как он переносит этот перекрестный допрос. По прерывистому дыханию и напряжённым пальцам я могла лишь догадываться, что не слишком легко.

— Профессия, скажу я вам, никуда не годится для молодой девушки. Все это купи-продай, тьфу... А родители твои куда смотрят? Им твоя профессия нравится?

— У Лизы абсолютно нормальная профессия. Она — лучший менеджер в рекламном журнале и не вижу смысла обсуждать, кто что думает по этому поводу, — вступился Александр третий, полагая что подобные расспросы меня расстроят. А мне почему-то стало смешно. Есть у меня такое подозрение, что Корсаков-старший неплохо бы спелся с моими родными. Они, конечно, открыто меня не критиковали, но порой ворчали и о выбранной мной специальности историка, да и о текущей работе.

— Родители не в восторге, дед с бабушкой тоже. Но они рады, что я хотя бы не пошла работать по специальности и, как они говорят, «не считаю теперь копейки».

— А по специальности ты...

— Историк.

— Мда-а-а, — протянул Корсаков-старший. — Интересный...выбор. Боюсь спросить даже на чём он основан!

— Ну как говорил Цицерон, история — лучший учитель жизни, — усмехаюсь я, вспоминая одну из расхожих фраз, которыми нас снабжала куратор на курсе. Мол, запомните и отвечайте подобными фразами с максимально умным видом на всякие дурацкие вопросы. И вот надо же — пригодилось.

— Кхе, мда-а однако..., - задумчиво пробормотал Роман Викторович, поглаживая

подбородок. Я опять никак не могла определить доволен ли он моими ответами, пребывает в шоке или сейчас нас ждет второй акт грозного ора. Возможно, допрос бы и продолжался дальше, но взглянув на часы на руке, Корсаков явно решил изменить свои планы. — Ну что ж, думаю, пора и честь знать!

С этими словами он выпивает залпом свой чай и резко встает со стула.

— Я тебя провожу, — кивает Саша, слегка поглаживая меня по плечу. И я воспринимаю это, как знак, что лучше остаться на месте.

И я в целом была этому рада. Нервное напряжение болезненно растеклось по всем мышцам, и я не уверена, что смогла бы достойно доковылять до прихожей перед взором Романа Викторовича. Этот разговор с Корсаковым-старшим отнял у меня больше сил, чем я думала. А вот сам Александр третий, вроде был не так уж и зол, как казалось вначале. В его глазах отчетливо видны всполохи веселья, которые ему никак не удавалось скрыть. Наверное, со стороны наш разговор с Романом Викторовичем смотрелся несколько комично. Или просто он рад, что отец наконец-то сваливает.

— До свидания! — я всё-таки приподнимаюсь из-за стола, но лишь, чтобы проводить взглядом удаляющуюся широкоплечую спину отца Саши.

— До скорой встречи, Елизавета, — обернулся напоследок мужчина и проворчал куда-то в сторону. — Если этот охламон, конечно, ничего не испортит!

А я опять не смогла сдержать улыбки от этой манеры. Ворчал Корсаков старший максимально громко, посвящая всех вокруг в свои мысли. И уж точно не испытывая никакого смущения или стеснения по этому поводу.

— Специально нашел себе похожую на Софу, да? — раздался уже удаляющийся голос.

— Глупости не говори, пап. Это абсолютно два разных человека, — ответ Саши звучит глуше, но я напрягаю слух и стараюсь расслышать каждое слово. Что еще за Софа?! И почему я на неё похожа по мнению Сашиного отца?

— Много ты понимаешь! А, впрочем, когда уедет в Италию к своим макаронникам, тогда по-другому запоёшь... Всё к этому и идет, а ты и не чешешься! Надеюсь, объявишься в офисе хоть к обеду? Хотя какой тебе Протасов, если ты тут кексы печёшь! Работничек!

Громко хлопнула дверь, оповещая о том, что Роман Викторович покинул наше общество, особенно не нуждаясь в ответах на свои вопросы. На плохо гнущихся ногах, я медленно дохожу до прихожей и замечаю Сашу, задумчиво крутящего в руках телефон.

— И кто такая эта Софа?

Чёрт! Почему простой вопрос звучит одновременно и как какая-то предьява и как монолог заслуженной ревнивицы Российской Федерации?

— Моя мама, — усмехается Корсаков, и быстро напечатав что-то в своём гаджете. Поднимает взгляд от экрана и с лёгким прищуром смотрит на ошарашенную меня. Мама? Он серьёзно? — Кажется, кекс тебе придется взять с собой на работу. Если мы не выйдем через десять минут, то ты точно опоздаешь.

— За десять минут не обещаю собраться, но за пятнадцать-двадцать, возможно... А ты разве не должен быть уже в офисе?

— Я должен отвести тебя на работу, — Саша обнимает меня и оставляет едва заметный поцелуй на моих губах. Касаясь своим лбом моего, нежно смотрит мне прямо в глаза. — И извиниться за это представление от папы. А всё остальное подождет.

— Значит, решил сделать короткий рабочий день ещё более коротким? — улыбаюсь я, сильнее прижимаясь к Саше, удобно расположив голову на его груди. Вообще не представляю, как можно будет сегодня настроить себя на рабочий лад после такого утра. Саша смеётся и кивает в ответ. — А насчёт твоего отца... по-моему было весело.

— Обхохочешься. Надо бы отобрать у него запасной ключ.

— Знаешь, такое эпичное знакомство я бы не променяла и на десять кексов.

Заставляю себя вырваться из тёплых объятий и направляюсь в ванную.

М-да лучше не смотреть на себя в зеркало и на свой внешний вид, чтобы не расстраиваться. И так понятно, что перед Корсаковым-старшим я предстояла, мягко говоря, в не самом лучшем свете. Но готова поспорить, знакомство вышло запоминающимся для всех участвующих в нём сторон.

Дождаться окончания рабочего дня было какой-то пыткой. Причём не только для меня, но и для всей нашей редакции. После обеда даже Татьяна перестала изображать бурную деятельность, и весь рабочий процесс свёлся к пустой болтовне. Я в общем обсуждении не участвовала, смакуя ощущения от сегодняшнего утра. И переваривая информацию, которую мне сообщил Саше о своей маме, пока вёз меня в офис.

Как оказалось, она была у него профессиональный повар. Возможно, кулинарные способности могут передаваться по наследству. Хотя Саша и утверждал, что сам он не умеет профессионально готовить, а только способен повторить вкусный рецепт, а самостоятельно — лишь очень ограниченный перечень блюд, в его показную скромность верилось с трудом. Как по мне, вчерашние блюда и кекс только подтверждали его высокую степень мастерства. Кекс, кстати, на работе умяли за считанные секунды. И особенно его нахваливал Фара, будучи главным сладкоежкой в нашем журнале.

Не могла я не спросить и про макаронников. И тут меня ждал огромный сюрприз. После развода с Сашиним отцом, Софья Сергеевна какое-то время работала в Италии, под руководством известного шеф-повара Федерико Алонсо, который в скором времени стал её вторым мужем. А ещё они совместно открыли ресторан во Флоренции, который даже удостоился мишленовской звезды.

— погоди, это не тот самый мишленовский повар, у которого ты проходил мастер-класс? — осенило меня.

Саша смерил меня каким-то странным взглядом, и кивнул.

— Ну да. Мама хотела, чтобы я наладил контакт с Федерико, — я не могла не заметить, что Саша слегка скривился при упоминании отчима.

— Получилось?

— Так... Более-менее.

— Погоди, а то, что все итальянцы маменькины сынки ты говорил, это тебе Федерико рассказал?

— Ага, так он мне и признался, что до сих пор держится за мамину юбку, — смеётся Александр третий. — Не поверишь, но мне вполне хватило общения с его матерью. Старая грымза. Не ожидала, что на старости лет обзаведется русской невесткой, об которую придется обломать свои оставшиеся зубы.

Саша действительно очень тепло и с любовью говорил о своей маме. А мне стало любопытно — чем же я по мнению его отца так похожа на эту удивительно талантливую женщину? Уж явно не умением варить борщ! Впрочем, расспросить об этом подробнее я планировала вечером. Саша написал, что презентация прошла быстро и успешно, вопреки всем прогнозам отца и даже его попытке вмешаться во время встречи, когда тот нагрязнул в конференц-зал. А это значит, что Корсаков вновь успевал забрать меня с работы. С учётом предпраздничных пробок, я была рада этому факту. Трястись в пробке в переполненной маршрутке и умирать от духоты, мне не очень хотелось. Наверное, это всё пагубное влияние Александра третьего и его буржуйских наклонностей!

Сегодня мы всем нашим небольшим коллективом выходим с работы вовремя (то, что наш директор Ксюша по традиции свалила на два часа раньше не считается). А я так вообще первая дохожу до парковки. Но Саша пока нет.

От скуки решаю проверить соцсети, и ответить Вальке с Аринкой. У девочек много вопросов о вчерашнем вечере, но я держу интригу. Потому что о знакомстве с Романом Викторовичем мне хочется рассказать им вживую, описывая в красках.

— Привет, зай... — раздаётся рядом голос из прошлого, и я от неожиданности чуть не роняю телефон на асфальт.

Опять?! Неужели до Гордеева действительно ничего не дошло? Я была не сильно убедительна в нашу предыдущую встречу? Чёрт бы побрал Ипатову и её предсказания! Накаркала, как пить дать, накаркала!

Злобно, до побелевших костяшек пальцев сжимаю в руке телефон. Дожили! Когда-то родной и близкий человек теперь не вызывает ничего кроме раздражения! Вот почему ему именно сейчас надо было сюда припереться, когда каждая секунда приближает нас к катастрофе? К очень вспылчивой катастрофе, имя которой Александр третий.

— Лёш, я же просила не называть меня заей! — идиотское прозвище, которое он мне дал ещё в университетские времена сейчас неприятно резало слух. Зачем я вообще тогда на него согласилась? Хотела быть как все? Мимишности, забавные прозвища, ласковые слова — это ведь те самые обязательные атрибуты для типичной влюбленной парочки?

Боже, он ведь даже не соизволил придумать ничего оригинального! Почему меня раньше это так не злило? Ходила довольная... дура, одним словом!

— Лиз, прости. Я хотел вчера поговорить, но... тебя не было дома, — Гордеев стоит передо мной с глазами побитой собаки. А сам он какой-то помятый и поникший. И будь во мне хотя бы капля былых чувств, я бы сейчас точно чувствовала себя виноватой. Но сейчас я слышу в его голосе едва уловимые обвинительные нотки и начинаю закипать сильнее.

— Гордеев, ты что всё-таки решил податься в сталкеры? Серьёзно? — прожигаю я его взглядом, невольно делая шаг назад, подальше от него, как будто это поможет убежать от проблем.

Мне не нравится то, что я читаю в его глазах. Это какая-то новая степень отчаяния. На одном из тренингов нам рассказывали, что тот продажник, который пребывает в вечном страхе и цепляется за каждую сделку, как за последнюю, обречён на провал. Потому что покупатель чувствует «голод» продавца, и на подсознательном уровне не захочет иметь с ним никаких дел. Вот и я сейчас хотела лишь одного — как можно быстрее отвязаться от Лёши.

И к гадалке не ходи, и так ясно, что у нашего представления точно будут свидетели. Я знаю, что Фара паркует здесь свою машину, и, значит, совсем скоро почтит нас своими присутствием. А ведь есть ещё Корсаков, который мчит сюда на всех парах. Нужно срочно выпроваживать Гордеева!левой пяткой чую, что промедление подобно смерти. Для одной белобрысой морды уж точно!

— Просто дай мне шанс всё объяснить, — Лёша поднимает свои хрустальные глаза цвета весеннего неба. Перед этим взглядом мне всегда было сложно устоять, а сейчас, когда в нём плескалась неприкрытая боль, сдержаться было в разы сложнее. — Это очень, очень важно! Просто давай прогуляемся, поговорим спокойно. Лиз, неужели я так много прошу?!

— Нет, — я активно мотаю головой. Время разговоров давно ушло. Единственное, что вызывало моё любопытство, это какая муха укусила Лёшу, что он вдруг решил активизироваться? Но эта информация точно не стоит того, чтобы давать какую-либо надежду и соглашаться на прогулку.

— Я так вчера тебя ждал, — Лёша резко делает шаг вперед, обхватывая мое лицо руками и заглядывая прямо в глаза. Не знаю, что он хочет разглядеть, но я отчаянно пытаюсь скинуть его руки и отойти в сторону. — До самой ночи...

— Лёш, отпусти меня.

— Лиз, я не верю, что ты действительно смогла всё забыть! Всё, что было между нами! Как мы вместе смотрели фильмы под пледом, и в середине ты обязательно засыпала, или как я к тебе приехал летом на раскопки в поля, как мы тогда ночью искали на небе созвездия. А помнишь, как мы пили шампанское на полу, среди коробок после переезда... — быстро, на одном дыхании перечисляет Лёша, будто боится забыть или сбиться с заранее заготовленной речи. Или что я его перебую и не захочу слушать. Гладит меня по лицу, нежно проводя

пальцем по скуле и вдоль небольшой россыпи веснушек, которые он всегда так любил. Помню, как раньше он брал моё лицо в ладони, целовал и приветствовал каждую веснушку, а я в ответ смеялась и пыталась вырваться из объятий...

Воспоминания накатывают, оседая тяжёлым комом в горле. Но сейчас эта его отчаянная ласка похожа для меня на ненавистные тиски. Слова рожают болезненные воспоминания. Светлая грусть медленно растворяется, уступая место злости. Да, было столько прекрасных моментов. И как можно было всё так бездарно разрушить!

Лёше плевать на мое сопротивление. В его глазах полыхает какое-то неистовое безумие, которое не скрыть за показной нежностью. На секунду мне даже становится страшно, будто я вижу перед собой какого-то незнакомца, а не человека которого любила долгие годы. А любила ли?

Я никак не могу выбраться и начинаю задыхаться от бессильного гнева.

— Ты пересмотрел сериалов? Лёш, я ничего не забыла. Я отпустила. Тебя, прошлое, я двигаюсь дальше! Услышь ты меня наконец!

— Я не верю, — качает головой Гордеев. И впивается в меня отчаянным поцелуем.

И ведь он так делал ни раз, когда мы были вместе. Почему-то именно сейчас картинки пазла очень умело складываются у меня в голове, оживляя прошлое. Все шероховатости в отношениях мы преодолевали с лёгкостью, если этого хотел сам Лёша. Стоило просто меня поцеловать, поговорить со мной своим тихим ласковым голосом, и проблемы отступали куда-то в сторону. Не решались, а просто забывались. Чары всегда работали безотказно. Всегда, но только не сейчас.

Этот поцелуй уже не был для меня полной неожиданностью, как в нашу первую встречу. Я не отвечаю, и лишь усиленно пытаюсь скинуть его руки, которые крепко сжимают меня в объятиях. Это какое-то безумие! Я не понимала, откуда у Лёши появилась такая сила, и почему я так бессмысленно барахтаюсь на одном месте.

В отчаянии я даже замычала, протестуя, что язык Гордеев пытался сломить все преграды и проникнуть в мой рот. Стало мерзко и противно. Это не мой Лёша, это безумец, который перешёл все границы! Мне ничего не оставалось, как со всей силы прикусить зубами ему губу, до крови. И это немного помогло ослабить хватку.

Громкий визг шин заставил нас одновременно вздрогнуть и обернуться. Как будто, кто-то резко ударил по газам и сразу же остановился. Обрадовавшись, что внимание Гордеева переключилось с меня на какого-то лихача, я отскочила от него, как ошпаренная.

Но резкий звук мотора заставил и меня вновь посмотреть на парковку и в ужасе прижать руку к своим губам. На этот раз я без труда узнала машину Корсакова. Который смотрел на меня сквозь лобовое стекло своего шведского монстра. Пристально, злобно, с презрением.

Нас разделяло достаточно большое расстояние. Но то ли разыгравшиеся нервы сыграли злую шутку с моим сознанием, то ли под влиянием стресса все органы чувств, и в том числе зрение усилилось во мне во сто крат — казалось, я могла отследить по его лицу каждую меняющуюся эмоцию. Какой-то злобный звериный прищур и губы, искривленные в горькой усмешке.

Он всё видел.

И он всё не так понял! Совершенно не так!

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, глаза в глаза. Я не могу пошевелиться и лишь отчаянно мотаю головой, будто это поможет понять Саше, что всё увиденное здесь —

одна большая ошибка.

Мне хотелось кричать, что я всё могу объяснить, но эти слова казались мне пафосными и нелепыми. Они застревали болью в горле, так и не вырвавшись наружу, и угасали во мне, как и надежда, что Корсаков меня выслушает.

Саша бьёт по газам, и на бешеной скорости, которая явно опасна и для него, и для всех окружающих, покидает парковку. И этот рёв мотора отзывается в моем сердце яркой вспышкой боли, точно по нему проехали пару раз колесами.

Уехал. Вот и всё.

Я перевожу взгляд на Лёшу и понимаю, что он без труда сложил два плюс два, и доволен получившимся результатом. По этой самодовольной ухмылке, что растекалась по его губам, было ясно, что владельца авто он признал.

Поплывшим взглядом, сотрясаясь от клокочущей внутри меня злости, я обвожу взглядом парковку, и как в замедленной съёмке вижу обеспокоенного Фару, который застал только самый конец разыгравшейся сцены. А в отдалении сбоку — Лану, и вышедшего ей навстречу из машины Мереминского.

Зубкова переводит взгляд с меня на Лёшу, и разочарованно качает головой.

В отчаяние сжимаю кулаки и разворачиваюсь к Гордееву.

— Ты это специально, да?!

— Лиз, ты чего...

— Специально всё подстроил, да?! — ору я, не обращая внимание на невольных свидетелей. — Именно сейчас тебе нужно было прийти и всё испортить?

— Я приходил вчера, но...

— Что так плохо живётся, зная, что я по тебе не страдаю? Да, Лёш?! Ты где был все те месяцы, что я с ума сходила и по кусочкам себя собирала?! Где? Развлекался? Самооценку себе поднимал? — меня начинает трясти, и я обхватываю себя руками, стараясь хотя бы сохранить равновесие. Просто стоять на месте сейчас стоило мне каких-то нечеловеческих усилий. Мне то ли хотелось кинуться на землю, и колотить ногами, то ли вцепиться в Гордеева и расцарапать ему морду. — Следил да, нашла ли я тебе замену? Поэтому сразу же объявился?

— Всё не так! — уже орёт в ответ Лёша, явно ошарашенный моим неожиданным выпадом в его адрес. Хватает меня за плечи и встряхивает. — Ты ничего не знаешь! Чем я сейчас живу, что происходит...

— И знать не хочу! Оставь меня в покое! — в отчаянии толкаю его кулаками в грудь с такой силой, что Гордеев даже слегка качнулся.

— Лизуль, но...

— Просто исчезни! Просто дай мне жить! — продолжаю колотить по его груди кулаками, будто это поможет вдолбить Гордееву в голову, что у нас с ним действительно всё закончилось.

— С ним что ли? — Лёша перехватывает мои руки и с силой сжимает запястья. Глаза полыхают гневом. — С тем, кто даже не вышел из машины, увидев, как его девушку кто-то целует? Кто просто трусливо сбежал на своей крутой тачке? Это с ним ты собралась строить новую жизнь?!

— Благодарю бога, что он не вышел из машины и не отметелил тебя так, как ты этого заслуживаешь, — злобно цежу я. Как удобно быть храбрым, когда твоей физиономии ничего не угрожает! Но в то же время слова Гордеева действительно ранят и рождают в моей голове рой неприятных мыслей.

— Лиз, да очнись ты уже наконец! Да я понимаю, деньги, статус, красивые ухаживания могут затуманить мозги. Ну не нужна ты ему, — Лёша смотрит на меня с какой-то показной жалостью, даже посмел утешительно провести рукой по моим волосам. А я руку эту ему хочу вырвать и засунуть в одно известное всем место! — Была бы нужна, не уехал. Ты мне нужна, глупенькая! Я без тебя не могу, понимаешь? А деньги — это не главное. Я ведь заработаю, много заработаю, слышишь, зай? И ждать буду, когда простишь. Столько, сколько нужно...

— Да ты больной! Больной на всю голову! — ору я. Ещё немного, и я скачусь в истерику. Нужно срочно заканчивать этот невыносимый разговор. — Нет у нас с тобой будущего, Лёш! Нет и не будет! — разворачиваюсь, не глядя ни на Фару, ни застывших вдали Лану и Ярика. И как фурия, вылетаю с парковки.

Плевать мне на всё то, что там нёс Лёша. Всё это слова, которыми он ловко может опутать, заставить поверить в любую чушь, что была ему удобна. Раньше я бы повелась, но теперь я стала умнее. Пошел он к чёрту! И глупенькой меня называть больше не надо!

Дрожащими пальцами ищу в контактах номер Александра третьего. Гудок, ещё гудок,

сбрасывает. В отчаянии набираю номер, раз за разом, пока заунывный голос автоответчика не сообщает мне, что абонент выключен или находится вне зоны действия сети.

Это нечестно! Почему я всегда давала человеку возможность высказаться и всё объяснить, а меня сразу же записали в предатели? Что я ему сделала? За что он со мной так? Неужели прав этот чёртов Гордеев — и я ему просто не нужна?! Поигрались и хватит. Ведь пока играли по его правилам, всё было нормально, но стоило только чуть задеть его самолюбие и всё? Сразу же все мосты надо жечь без оглядки?

Неужели он действительно поверил, что я могла так поступить?! Целоваться с другим, изменять? Пускай у нас с Александром третьим и нет никаких отношений, кроме этого чёртова тест-драйва, но я не тот человек, который может изменять! Это не в моей природе! Мог бы уже понять это после той ситуации с Яриком!

Неизвестность убивает. Пускай бы лучше вышел и набил морду Гордееву, наорал на меня, ругался на чём свет стоит, но только не это холодное молчание!

Не выдерживаю и печатаю сообщение:

«Саш, это не то, о чём ты подумал. Всё совсем не так. Просто дай мне объяснить»

Я уже миновала автобусную остановку, и шла пешком к своему дому мимо задыхающегося в пробках потока машин. И я задыхалась вместе с ним, размазывая мокрые дорожки слёз по щекам. Внутри с каждой секундой всё сильнее разрасталось ужасное предчувствие, что Саша больше никогда мне не ответит.

Я не помнила, как добрела до парка, как уселась на лавочку, погружаясь в какой-то собственный вакуум из обрывков мыслей и эмоций, давящего чувства в районе груди и полного непонимания всего происходящего. Вокруг кипела жизнь — влюбленные парочки гуляли, держась за руки, носились с криками дети, семьи неторопливо вели малышей к аттракционам. А я сидела и будто наблюдала себя со стороны. Потерянная, жалкая, одинокая. С размазанной тушью и опухшими губами, которые я искусала до крови.

Сообщение не прочитано.

«Я всегда давала тебе возможность высказаться. Даже если не очень хотелось слушать».

Боже, зачем я это пишу! Что за бред! И почему я готова сейчас пройтись ногами по остаткам своей гордости, но только донести до Корсакова правду?!

Правду. До человека, который с самого начала был со мной неискренним. С самого первого слова при знакомстве. Смешно.

Осенившая вдруг мысль, заставила меня резко поднять склоненную в рыданиях голову и шире распахнуть глаза. Если тест-драйв провален, значит проигран и спор. Значит, нет никакой надобности ломать комедию и притворяться моим парнем, который так сильно жаждет со мной отношения. Так может, всё что случилось — это просто отличный повод для Корсакова избавиться от меня и от моего присутствия в своей жизни?

Почему же так больно? Ведь говорила себе, что нельзя привязываться, нельзя влюбляться. Что эти три недели нужно держать дистанцию. А на деле? Боролось, боролось с собой и проиграла. И признаться даже в мыслях страшно, что чувствую на самом деле. Страшно заглянуть туда, в душу к себе, в самое сердце.

Потому что... я его люблю?

Одна только эта мысль переворачивает всё внутри, как будто в один миг наступило прозрение. Яркое, порывистое, мучительное, и в то же время прекрасное. Я люблю Сашу. Вот так по-глупому, вопреки всему. Хотя и не знаю его настоящего, а так — только те стороны, что сам разрешил посмотреть. Ни о прошлом ни разу не поговорили, ни о

будущем... Что в любовь и брак он не верит, серьёзные, между прочим, вещи, я и то от его отца узнала.

И вот о чём мы всё это время общались? Мне казалось, что обо всём на свете, а по факту — ни о чём действительно важном. Будто и не хотел ни он, ни я по-настоящему раскрывать душу. Всё игра. Только вот я заигралась и пропала... И кого на самом деле полюбила не знаю. И от этого становится как-то тошно, все скручивается внутри в один тугой болезненный узел. Складываюсь пополам, обхватывая живот обеими руками и делаю глубокий вздох.

Не произойди вся эта ситуация с Лёшей, может я так бы и делала вид, что всё у меня под контролем, и нет никаких чувств к Корсакову, а так страсть, влечение, физиология мать её! Вот только стоило осознать, что всё. Не хочет человек тебя слушать, видеть, да и бороться за тебя не хочет — и сразу его истинное место прорисовывается в твоей жизни. Какое он занимал, пусть и недолго. А теперь там будет пустота.

Что имеем не храним, потерявши — плачем...

Возвращаюсь домой самым мазохистским путем, который только можно было придумать в текущей ситуации: вдоль улицы, где мы и познакомились с Сашей. И ведь этот моцион мне предстоит совершать каждый день, возвращаясь с работы. Интересно, на какой раз меня отпустит и не будет так больно? Или эта улица навсегда станет для меня улицей призраков прошлого?

Теплилась надежда, что Корсаков всё-таки немного остыл и ждёт меня у подъезда. Но у дома сидела лишь привычная компания местной шпаны.

Сообщения висели непрочитанными. Выпив для храбрости бокал красного полусладкого, я попыталась вновь набрать номер, поклявшись себе, что это последний раз. Абонент был доступен, но трубку брать не спешил. Каждый протяжный гудок издевательски отзывался в моем уставшем затуманенном слезами и вином сознании.

«Ну что ж тест-драйв официально провален. Как я и ожидала».

Кидаю телефон на кровать. И усаживаюсь прямо на разогретую солнцем плитку на балконе, скрестив ноги по-турецки, облакачиваюсь спиной о стену. Дрожащими пальцами закуриваю очередную сигарету. Нужно просто пережить этот вечер и эту ночь. Дальше будет легче, я знаю.

Просто и здесь на балконе воспоминания рвут душу. Слишком много всего теперь в моей и жизни будет связано с ним. Все эти моменты будто незримо витают в воздухе, заставляя сердце заходиться в рваном ритме. Хотя, казалось бы, мой дом — моя крепость, но Корсаков и сюда умудрился добратся.

А дальше делать-то что? Уставший мозг добивал меня вполне логичными вопросами. Скажется ли наша ссора на совместной работе? Что будет с контрактом? Состоится ли конкурс? Будет ли по-прежнему молчать в офисе Лана? Но ведь это не главное...

Неужели я больше никогда действительно его не увижу, так как раньше? В обычной неформальной обстановке? Когда можно просто протянуть руку и коснуться? Прижаться к груди, вдыхая этот его особенный запах парфюма? Не услышу его бархатистый голос, не смогу ощутить его горячее дыхание, когда он шепчет мне какие-то глупости на ушко? Не увижу взгляда этих дымчато-серых глаз, и то, как он на меня смотрел, по-особенному, так как никто и никогда на меня не смотрел...

Даже если всё это было игрой, это было по-своему волшебно. Моя маленькая короткая сказка с печальным концом. И от того ещё больнее.

«Можешь молчать дальше сколько угодно. Ты свой выбор сделал».

Это было последнее сообщение, которое я себе позволила отправить Корсакову уже далеко за полночь. Пора взглянуть правде в глаза. Можно бесконечно биться головой о каменную стену, ей от этого ничего не будет. Но нужно подумать и о себе. И даже если Саша остынет и решит мне ответить завтра, послезавтра или через месяц — это ничего не изменит. Если нет доверия, базового доверия друг к другу, ни о каком будущем не может идти речи. Да и о чём тут вообще говорить, если всё что между нами было — один сплошной фарс. Весёлый такой, интересный. Ну может и не всё, конечно. С моей стороны чувства ведь появились. Настоящие. И что теперь с ними делать не знаю...

Хотела отвлечься и забыть одного парня, в итоге увязло по самое «не хочу» в другом. Ну что за идиотский замкнутый круг!

К чёрту это все! Мне нужна пауза. Мне нужно туда, где не будет так больно.

Бесцельно брожу по квартире как сомнамбула. Настолько тошно, что даже обычный мой способ предаться вредным привычкам, уже исчерпал себя и перестал приносить облегчение.

Решение пришло неожиданно, стоило мне просто взглянуть на одну из рамок с фотографиями. А спустя пару минут я уже бронировала билеты. В наличии оставалось буквально парочка, с не самым комфортным местом. Но впереди были майские праздники, и мне повезло, что удалось вообще хоть что-то найти.

— Привет, — выдыхаю я в трубку, стараясь придать своему голосу максимально бодрую интонацию. Будто и не было этой выкуренной пачки сигарет и многочасовых рыданий. — Не поверишь, но... я завтра приеду.

Лететь в Москву в день праздника было непросто. С расписанием творилась какая-то неразбериха, так как аэропорты изменили график работы в честь Девятого мая. На прямой рейс попасть не удалось, пришлось лететь с пересадкой и торчать в другом городе лишних четыре часа. Ещё и все места у иллюминатора были заняты. Поэтому оставалось просто нацепить наушники, закрыть глаза, поудобнее устроившись в кресле, и считать минуты до долгожданной встречи с бабушкой и дедушкой.

Если бабуля и была огорошена моим ночным звонком, то виду не подала. Убедившись, что все живы здоровы, она обсудила парочку организационных вопросов о предстоящем перелете и отключилась. Разбудить её я не боялась, Клавдия Захаровна была, как и я, по натуре больше совой, чем жаворонком. И от того, как она искренне обрадовалась моему приезду, на сердце сразу же стало легче.

Конечно, по моему излишне весёлому голосу она скорее всего догадалась, что я не просто так решила рвануть к ним с дедом. Бабушку нелегко было провести. Поэтому по приезду придётся во всём сознаться. А быть может и попросить совет, как теперь жить... Главное, случайно не посвятить в историю своих приключений деда. С него станется приехать в Самару, заявиться к Корсакову в офис и прямо там при всём честном народе отстегать его по заднице армейским ремнём. По удару за каждую мою пролитую слезинку.

После перелёта снова пересадка, и вот электричка мчит меня в Подмосковьё, небольшой коттеджный посёлок «Широкий бор», который раскинулся в живописном месте между изумрудных лесов и зеркально чистых озёр. Место уютное, ещё не испорченное цивилизацией и последствиями жизнедеятельности человека. «Тмутаракань» — тяжело вздыхали Валька с Аринкой, потому что связь в посёлке ловила через пень-колоду. А мне было всё равно. Я сюда приезжала не затем, чтобы серфить часами напролёт в интернете.

Корсаков с утра так и не объявился. Поэтому по приезду к родным, я приняла самое мудрое решение, как мне тогда казалось — заблокировала его номер. К чему мучиться неизвестностью, позвонит не позвонит? Теперь Александр третий позвонить мне не мог, потому что я сама приняла такое решение. Так в моей жизни появилась определенность, которую я же сама себе и организовала. Гениально, чёрт подери!

Бабушка и дедушка поохали-поахали, увидев меня, бледную, с опухшими глазами, осунувшуюся, уставшую и злую. То, что я, по их мнению, ещё и схуднула до неприличия, я пропустила мимо ушей. Этот пункт они озвучивали каждый раз, стоило им только меня обнять при встрече, даже если накануне я набирала пару-тройку лишних килограмм.

Дед ради моего приезда даже не остался до позднего вечера в Москве с сослуживцами, и вообще порывался встретить меня в аэропорту, но я отказалась. Мне нужно было время наедине с собой и дорогой. Это исцеляло. Да и жалко было совсем уж лишать дедушку его традиционных праздничных посиделок.

Девчонки поддерживали, как могли, на расстоянии. Валька философски заметила, что драматизировать рано, и что это ещё не конец. Я не спорила, но и не соглашалась. Про пари с Мереминским я так им и не рассказала, значит цельной картины подруги видеть не могли. А ещё я не решалась пресечь еле заметные попытки Аринки пожалеть Корсакова и его якобы разбитое сердце, хотя уж очень хотелось. Какое к чёрту разбитое сердце! Максимум у него язва открылась на фоне ущемленного эго! Но разве можно до конца вытравить романтику и

веру в любовь из госпожи Семьиной? Ещё Аринка пообещала оторвать яйца Гордееву, если он попадётся ей на глаза. Эта идея пришлась мне по душе. Я ей даже дала письменное разрешение на этот акт возмездия.

С Татьяной не сразу, но всё же удалось договориться о маленьком отпуске. Точнее о том, чтобы взять четыре дня в счёт моего отпуска по личным обстоятельствам. Коваленко осталась не в восторге, тем более что впереди была вёрстка номера. Но на удивление, макеты моих клиентов, я практически все добила ещё до праздников, важных встреч у меня не было, а конкурс с «Корсаром» мог вообще не состояться. Но о последнем я конечно же благоразумно умолчала. Таня взяла с меня слово быть на связи по рабочим вопросам, и поскорее разрешить все свои личные обстоятельства. Ну просто золото, а не начальник. Хоть и дерёт с нас за планы продаж по три шкуры...

Вечером, когда дед отправился спать, мы остались с бабушкой вдвоем на кухне. Клавдия Захаровна разлила нам чая с какими-то успокаивающими травами, подвинула тарелку с моими любимыми пирожками и без долгих экивоков приступила к расспросам:

— Ну, так и будешь молчать? Или всё-таки расскажешь, от чего ты сбежать решила? Или от кого?

Лучистый взгляд ярко-голубых глаз, обрамленный мелкой сеточкой морщин, понимающая улыбка, и тёплая ладонь, которая легла поверх моей, ободряя и приглашая поделиться наболевшим. Это именно то, что искала, чтобы заглушить разъедающую меня изнутри тоску. Разделить тяжесть своей ноши, сомнений и печали. Бабушка всегда поймёт и не осудит, я знаю.

Я тяжело вздохнула и начала свой рассказ, облегчая и душу, и сердце и не стесняясь в некоторые особенно тяжелые моменты ронять слёзы. Я ощущала себя точно чудом спасшийся утопающий, который наконец почувствовал под ногами берег. Уже одна возможность высказаться придавала мне сил. Бабушка слушала, не перебивая, лишь иногда вставляя междометия или тяжело вздыхала и качала головой.

— Лизуль, так может ты зря его заблокировала-то? Может ему просто нужно время остыть, а ты сразу вот так всё в штыки...

— А он не в штыки всё воспринял? Ни на одно сообщение не ответил! — приподнимаюсь я с бабушкиной груди, к которой она привлекла меня ещё в середине разговора, мягко глядя по голове, успокаивая. Отбрасываю с лица прилипшие от слёз пряди и упрямо сжимаю губы.

— Да я, да он... Детская это позиция, несерьёзная. На одних обидах далеко не уедешь. Вот помани моё слово, ещё объявится твой Саша! А ты его не гони, Лизок. Даже в отместку не гони, выслушай.

— Наслушалась в предыдущие разы. Хватит.

— Ох и упрямая девка ты у меня!

— Ты ещё скажи простить его за спор и по головке погладить, ба.

— Не знаю, Лизонь, — протягивает бабушка и качает головой. — Не нравится мне это. Станный какой-то спор у них. Может чего и переврал его друг? А ты свои выводы сделала и обиделась. Зачем ему так стараться-то было? Мог бы и банальными вещами завоёвывать тебя, сама говоришь всё при нем: и красивый и умный... Нет, не чисто там что-то.

— Ба, признайся, что ты просто хочешь верить, что Корсаков на самом деле хороший, — усмехаюсь я и обхватываю руками уже остывшую кружку с чаем. — Ну и поскорее сбегать меня замуж, как Катюху.

— Конечно! Не забывай, это моя прямая обязанность, как бабушки, пилить насчёт замужества и кучи деток, — смеётся Клавдия Захаровна, тряхнув своими тёмными кудрями, уже изрядно посеребрёнными сединой. Хвала небесам, но с этими обязанностями бабуля справлялась из вон рук плохо.

Не могу не рассмеяться в ответ. Да, проблема не решилась и никуда не исчезла, и возможно, последствия своего несостоявшегося романа мне придется потом очень и очень долго разгребать. Но сейчас на душе наконец наступило затишье и какое-то умиротворение. Глаза начинали слипаться, и я мелодично зевнула во весь рот.

— Фотографию-то покажешь красавца своего? — с задумчивой улыбкой спрашивает бабушка. — Хоть посмотреть, что этот Саша из себя представляет.

— Не покажу, нет у нас совместных фото. И его фото у меня нет...

И это была чистая правда, потому что рядом с Корсаковым телефон я не доставала. Ни мест не фоткала, где мы были, ни себя не просила запечатлеть на память, ни тем более делать совместные селфи. Саша кадры со мной тоже делать не спешил. Наверное, для фальшивых отношений с «проходным вариантом» лучше не оставлять никаких следов.

Сейчас я даже была рада, что никаких фото у меня и нет. Меньше терзаний. В интернете тоже ничего специально не буду искать для бабушки, чтобы лишний раз не вспоминать и не расстраиваться.

Да и никакой он не мой...

— Ну вот, а так хотелось посмотреть и помечтать, какие красивы правнуки у меня будут, — смеётся Клавдия Захаровна.

— Ба! Всё хватит уже! Пойду я лучше спать, — я наклонилась и чмокнула бабулю в её сухую щеку и поспешно ретировалась с кухни. — Спокойной!

Вместе с пожеланиями спокойной ночи мне в спину донёсся бабушкин тихий смех.

Прошло всего два дня, наполненные разговорами с родными, делами по дому и в огороде, и долгими пешими прогулками по окрестностям. А по моим ощущениям будто минула неделя. Чтение не успокаивало, я никак не могла сосредоточиться ни на одной фразе, и мысли всё время убегали ни туда. Книга с раздражением была заброшена на дно сумки. Да, книголюба из меня, как обычно, не получилось. Впрочем, скаченный сериал тоже не радовал — один из актеров отдалённо напоминал Александра третьего, а смотреть на его довольную физиономию на экране было выше моих сил. Фильмы не грузились из-за плохого интернета. Оставалась только музыка и сигареты, но с последним дела обстояли тоже не очень.

— А ну быстро выкинула эту гадость! — раздался раскатистый бас Вениамина Петровича. Дед вышагивал ко мне с лопатой в одной руке, а другой грозил кулаком. За то время, что он перебрался в Подмоскowie, он заметно лучше стал выглядеть. И даже успел слегка загореть, трудясь не покладая рук на дачном участке.

Гнев деда конечно же вызвала сигарета, зажатая у меня в зубах.

— Деда, не начинай, — закатила глаза я, убирая сигарету обратно в пачку и подхватывая в руку пустую пепельницу. Вот специально ведь ушла подальше, вглубь участка, чтобы спокойно предаться размышлениям и пагубным привычкам. Так нет же, и здесь меня нашёл, за рядами кустов малины.

— Ремня бы тебе всыпать!

— Придумай что-нибудь новенькое, эту угрозу уже забил себе папа.

— Папа твой в жизни армейского ремня в руки не брал! Нашёл чем грозить, — гаркнул дедуля. Даже спустя столько лет он не мог до конца простить папе, что тот выбрал науку, а не военное поприще. — Ещё раз застану на участке с папиросой во рту, получишь у меня, Лизавета!

— Дед, да ты и в детстве не прибегал к таким антигуманным способам. Сейчас-то чего начинать? — веселюсь я, ни капельки не испугавшись показной вспышки гнева.

— А вот надо было! Глядишь, и поумнее была бы! Тоже мне моду взяли, дымить как паровоз в гору! Девушка всё-таки, а не прапорщик!

— Ладно, ладно, дедуль, не заводись!

— Чтоб больше я на участке тебя с этой дрянью во рту не видел! И к Семёнычу на лавочку перед участком тоже можешь не ходить. Я его уже предупредил, чтобы гнал тебя в шею!

Кажется, теперь чтобы мне ступить на тропу антизожа, придется шлёпать до небольшого лесочка в конце посёлка. Но спорить было бесполезно, родных тоже можно было понять, заботятся, переживают. Да и к тому же в чужой монастырь со своим уставом ходить не положено. Раз сказали на участке нельзя, значит придётся смириться.

***

Очередной день встретил меня прекрасной погодой и полным унынием в душе. С самого утра забралась в гамак и бесцельно пялилась в небо. Писал Фара, уточнял всё ли со мной в порядке после того случая на парковке. Собрав в кулак всю свою силу воли и навыки дипломатии, я постаралась максимально корректно попросить его не поднимать больше эту тему. Писал Мереминский, но сообщения я не открывала. Из принципа.

Телефонный звонок заставил меня вздрогнуть, а сердце затрепетать в груди. А вдруг?..

Но нет, к моему глубокому разочарованию звонил один из моих клиентов — Марат Исхаков, владелец одного крутого бара в старой части города. С ним у нас общение как-то сразу легко сложилось и перешло в стадию приятельско-дружеских. А уж когда у них действительно сработала реклама и в бар просто толпами повалил народ, то я автоматически переместилась в личные менеджеры, а журнал в одну из их главных рекламных площадок. Звонка я не ждала, так как с Маратом мы, как обычно, легко согласовали макет ещё на той неделе.

— Марат? Привет.

— Лизок, удобно говорить? Привет. Я тут даже не знаю, как начать...

— Ага. Начало многообещающее, — усмехаюсь я. Голос у Исхакова вроде был спокойный, но задумчивый. Мысль, что он приостанавливает размещение рекламы я почему-то отметаю сразу. Мне кажется, такую новость он всё-таки сказал бы мне лично.

— Ты мне скажи, у тебя врагов в журнале нет случайно?

— Чего?! — резко приподнимаюсь я в гамаке, и чуть не переворачиваюсь в нём, в последний момент чудом удержав равновесие над землей.

— Да тут понимаешь, звонит мне одна особа с утра... и предлагает уходить из «ГородОК» в «Люкстайм» на уникальных и очень выгодных условиях.

— Та-а-а-к, — протягиваю я, а внутри всё холодеет. — А причем тут мои враги?

— Ну, во-первых, большую часть разговора она посвятила тому, что ты как менеджер по продажам не справляешься со своими обязанностями и могла бы сделать намного больше для моего бара. Поэтому у меня возникло ощущение, что ты ей где-то дорогу перешла, — заключил Марат.

— Всё может быть, но почему сразу враги в нашем журнале? Тут больше похоже на происки конкурентов, — и знать бы ещё, что они ему там предложили! И не поселились ли в голове Исхакова какие-либо сомнения о размещении рекламы в нашем журнале?

— Я тоже так сначала подумал, Лиз. Но тут мы переходим к «во-вторых». Помнишь о дополнениях к договору, которые мы прописали по рекламе в каждый третий номер? Она про них знает, — задумчиво протянул парень. — А ведь эта информация только в наших документах есть. Это же не общий прайс, который у вас на сайте выложен или в брендбуке. Значит, у кого-то есть доступ к ним. За своих я ручаюсь, да и зачем им сливать куда-то информацию? Какой в этом резон?

— Это да... Только тоже непонятно, а нашим-то это зачем? — вслух рассуждаю я. Ну не может же быть, чтобы в наших рядах завелась крыса! Или может? Неужели, «ГородОК» настолько сильно пошёл в гору за последний месяц, что конкуренты решили подсутиться?

— Не знаю, но может кто действительно и ведёт двойную игру, — предположил Марат, — Ещё и зуб на тебя точит. Лиз, ты присмотришь внимательно к окружению, понаблюдай. Может что и интересное всплывет.

— Хорошо... Марат, а ты уходить от нас не собрался на более выгодные условия, я надеюсь? — на всякий случай решила уточнить я.

— Нет, ты что! Девчонка та, конечно, бойкая и наглая, но далеко не всё понимает в рекламе, и во многих вещах «плавает». Да и условия какие-то сомнительные, если честно. Я тебе номерок скину, может пробьёте его, и выведете эту мадам на чистую воду. Она, кстати, то ли Верой, то ли Лерой представилась, я точно не расслышал. Лиз, будь аккуратнее правда. Я не большой знаток женской души, но там какая-то неприкрытая агрессия у неё была в

твою сторону. Значит она тебя точно знает.

— Нет у нас никаких Вер-Лер и вроде бы не было, — прокручиваю в голове всех бывших менеджеров по продажам, про которых мне рассказывали в офисе. Вера не самое распространенное имя, его бы я точно запомнила. Да и Валерия тоже. — Но ты скинь, пожалуйста, номер, поговорю с руководителем. Подумаем, что тут можно будет сделать. И... спасибо тебе большое, что рассказал.

— Да было бы за что. Ладно, добро. До связи, Лиз! — отзывается Исхаков и отключается.

А я задумчиво кручу в руке телефон. Что же я тебе такого сделала Вера-Лера? И кто ты такая на самом деле?

— Клав, давай тесто замеси для пирога. Покормить надо нашу красавицу, — говорит дед, заходя на кухню и наливая себе из кувшина компот.

Жадно опустошает бокал и продолжает:

— А то ходит злая как оса.

— Я не злая! — в опровержении своих же слов, я громко звякнула ложкой об тарелку. Не специально, просто губка для мытья посуды сорвалась с пальцев.

— Но и не добрая, — поднимает вверх указательный палец дед. — Ходишь мрачнее тучи, траву пинаешь в огороде. Думаешь, я старый, значит, слепой? И ничего не понимаю?

Старым Вениамина Петровича даже язык не поворачивался назвать — высокий, косая сажень в плечах, военная выправка, которую не испортили даже годы на пенсии в делах и заботах о доме и огороде. Янтарно карие глаза по-прежнему задорно блестят. Фигура благодаря ежедневному труду без лишних килограммов, хотя бабуля кормит вкусно, как на убой. Волосы, конечно, седые, но они такие уже давно, и ничуть не портят общего впечатления.

Никакую траву я не пинала, так однажды задумалась о своих насущных бедах и пнула кедой рядом лежащий маленький камешек. Ненадолго стало легче, но я даже не придала значения этому действию. А дед вон увидел и сделал выводы. В целом, правильные, но ему об этом знать не надо.

— Дедуль, всё в порядке. Мне пирожков хватило, честно. А то уеду от вас колобком!

— Ты мне зубы про свои лишние килограммы не заговаривай! — усмехается Вениамин Петрович. — Что опять по соплежую своему сохнешь? Или Лёха сам тебе мозги пудрит? Ты смотри, я адресок-то помню, где вы жили. Заявлюсь к твоему убогому, поговорить по-мужски.... Ну или как он там умеет.

Бабушка едва слышно хмыкнула, маскируя смех под легкий кашель. Гордеев никогда не нравился дедушке, и он этого не скрывал. И всему виной армейский вопрос. Лёшка не служил и предпочёл купить военник. Я этому факту на самом деле была очень рада. А вот дед упрямо считал, что такому человеку рядом со мной делать нечего.

— Ой, Вень, тебя там Семёныч просил зайти в обед...

— Клав, время к ночи! Ты чего раньше не сказала-то?

— Да, закрутилась я что-то. Ты сходи, может помощь какая нужна, я так и не поняла, что он хотел...

Недовольно бурча, дед отправился к соседу. По довольной физиономии бабушки я понимаю, что это был ловкий трюк. Просто Клавдия Захаровна решила переключить внимание деда с моей бедовой личной жизни.

— Спасибо, — улыбнулась я. Но тут же закатила глаза, увидев, что к тесту для пирога она всё-таки приступила.

Я, может, совсем и не против своих схуднувших щёк! А такими темпами скоро отрастет всё, как было, ещё и сверху чего-нибудь лишнего.

— Лизо-о-о-к, а ну-ка иди сюда! — раздаётся из прихожей голос деда. А я от удивления замираю с тарелкой в руке, которую сейчас протираю тряпкой. — Давай-давай! Это, кажется, по твою душу.

Вроде нигде не косячила, курить на территории участка бросила. Недоумевая, выхожу

из дома на крыльцо к деду. И забываю, как дышать.

Стою, точно приросла к месту. Только в руке сильнее сжимаю кухонное полотенце. Сейчас оно мой спасательный круг. Потому что за забором я вижу огромную белую машину Корсакова. И самого Сашу собственной персоной, который также безотрывно смотрел на меня и не двигался.

Мираж, видение, которое никак не хотело испариться. Здесь, за сотни километров от Самары. Рядом со мной, буквально в каких-то нескольких шагах. Он, такой родной, такой... Смотреть, не насмотреться. Потому что я соскучилась, господи, как же я по нему соскучилась!

— Что такое? — подходит сзади бабушка. Любопытство и её выгнало из кухни. А я понимаю, что так и не сказала до сих пор ни слова. И это парадоксальным образом намного больше сказало деду, который очень внимательно за мной наблюдал.

Корсаков наконец-то стряхивает с себя оцепенение, и на мой взгляд, излишне размеренно и медленно, выверяя каждый шаг, заходит в калитку, которую мы днём никогда не запирали на засов. Всё равно, то дедуля, то Семёныч, то ещё кто-нибудь из соседей ходили туда-сюда.

— Да вот к нашей Лизавете тут «принц» на белом коне появился...

— Дед, ну какой же это принц! — нарочно громко говорю я. Проснувшийся гнев и его подруга уязвленная гордость объединились и наконец-то запустили мой речевой процесс. — Где ты тут принцев видишь?

Медленно схожу с крыльца, не разрывая зрительного контакта с Корсаковым, который отчётливо может слышать каждое моё слово. Серые грозовые глаза, растрепанные волосы, точно их владелец ежеминутно запускал пятерню в свою шевелюру и безбожно их взъерошивал, ну и конечно, уже прилично заметная щетина. В глазах... и мольба и грусть, и радость, и боль, и надежда, и решимость. Дикий коктейль, который заставлял бежать по моим венам кровь всё сильнее и сильнее. Распалял, разжигал внутри бурю протеста. Поднимал с самой глубины души и злость, и обиду, и горечь, которые пришли на смену всепоглощающей радости первых мгновений. Явился! Прямо сюда! И как совести только хватило!

— Какой же ты принц? — усмехаюсь я, чуть склонив голову на бок и останавливаясь рядом с Александром третьим. — Может ты тогда конь? Чего прискакал сюда?!

— Привет... — говорит Корсаков хриплым голосом и замолкает.

А конь, однако, немногословен!

— И тебе не хворать! Корсаков, повторяю свой вопрос: чего припёрся?!

Дед многозначительно кашлянул где-то на заднем фоне, бабушка вздохнула и неодобрительно зацокала языком. А что такого? Меня пару дней назад вообще слушать не пожелали! Имею теперь право хамить и вить верёвки столько, сколько посчитаю нужным и любимыми изощренными способами, которые только придут в голову!

— Извиниться... и поговорить.

— Да? Как предсказуемо и банально. Только вот знаешь, совсем не интересно, — скрещиваю руки на груди и злобно, с прищуром поглядываю на застывшего Сашу. Почему-то он мне сейчас кажется даже меньше ростом. Стоит, чуть склонив голову, а руки то безвольно висят, то сжимаются в кулаки. Против воли задерживаю взгляд на его пальцах, вспоминаю какие они могут быть нежными... Приходится резко зажмурится, чтобы прогнать наваждение и ненужные сейчас воспоминания.

— Лиз, пожалуйста... Хочешь издеваться — издевайся, злись, оскорбляй. Только не гони...

— Вот спасибо за разрешение! — презрительно фыркаю я.

— Я надолго тебя не задержу. Просто объясню всё и сразу уеду. Здравствуйте, — Саша будто бы только замечает, что у нашей беседы есть два свидетеля. Я даже вижу на его лице лёгкое смущение. Подходит к крыльцу. — Меня Александр зовут, вы извините, что без приглашения. Я вот приехал... с Лизой поговорить.

Недовольно плетусь за ним следом. Но лучше уж быть рядом и в случае чего быстренько свернуть их разговор. Ещё неизвестно, что Саше вздумается сообщить моим родным!

— Вениамин Петрович и Клавдия Захаровна мы будем, — отзывается дед и жмёт руку Александру третьему. Настороженно так, взгляд суровый, подмечающий и возраст парня, и внешний вид и то, как держится Корсаков. Ну и коня белого за калиткой, наверное, заметил и сколько в нем этих самых лошадиных сил. Бабушка здороваётся, улыбается и смотрит с любопытством. Кажется, в её глазах так и читалось бегущей строкой информация о красивых правнуках. Которых, между прочим, ей не светит! От этого я ещё больше разозлилась. Захотелось даже притопнуть ногой, чтобы Корсаков не смел пускать в ход свое обаяние и очаровывать моих родных. Но, кажется, дед остался доволен рукопожатием с Сашей.

А ведь Гордеев рассказывал, что при первой встрече дед сжал ему руку чуть ли не до хруста костей! И Лёша этому был не очень рад. Ну а чего можно было ожидать от 3d-дизайнера, который в тренажёрный зал ходит через пень-колоду и ничего тяжелее компьютерной мышки не поднимал? А вот Корсаков, судя по всему, проверку прошёл, и это меня ещё больше злило.

— Александр, вы проходите в дом, я как раз чай поставила. Пирог скоро будет готов, — бабуля радушно повела рукой в сторону двери, приглашая нежданного гостя.

— Нет-нет, спасибо. Я ненадолго приехал, да и неудобно как-то, я ведь с пустыми руками...

— Ну и что бы ты нам принёс за знакомство? Цветы, коньяк, конфеты? — ухмыляется

дед. — Цветов вон у Клавы целый сад скоро свой будет, от конфет одна изжога, а коньячку я тебе и сам хорошего налью, если погостить останешься. То ли дело в хозяйстве, если помочь...

— Да я с удовольствием! — бодро отзывается Саша, немного расслабляясь, что дед с бабушкой приняли его более радушно, чем я. И, между прочим, зря! Зная деда, это очередная проверка. — Вы скажите, что нужно...

— Веня! Мальчик с дороги только, а ты его сразу в оборот взял!

— Ничего не сразу. Пускай сначала чай попьёт, побеседуем, познакомился, так сказать, поближе, потом ему фронт работ покажу.

Наша нестройная компания перемещается на кухню. Бабушка сервирует стол, я машинально ей помогаю. «Мальчик» Корсаков и мой дедуля размещаются за большим дубовым столом. Кидаю на Сашу косые взгляды и каждый раз хочу зажмуриться. Бред, бред, бред. Он не может быть сейчас здесь! Я просто сплю и это дурацкий сон, из которого я никак не могу вырваться.

— Ну-с, Александр. Вы значит, женихом будете нашей Лизке, да? — дед сразу же берёт быка за рога. А я еле сдерживаю стон полный ужаса. Издевается! Специально, целенаправленно и с огромным удовольствием! Причем в первую очередь над моей психикой, а потом уже над товарищем Корсаковым!

— Пока, нет. Но мы в процессе, — отзывается Корсаков. А я чуть пальцы себе не прищемляю кухонным ящиком, когда доставала столовые приборы. Что он несёт?! Хочет завоевать доверие деда?! Очень низкий и гадкий способ навесить лапшу на уши, заверив в своих честных намерениях и далеко идущих планах. — Пока я бы не отказался от статуса «молодой человек».

Чувствую в голосе усмешку. Поворачиваюсь и испепеляю Корсакова взглядом «даже не думай ничего взболтнуть лишнего!». Если не дурак, то поймёт.

— Да? Отказывает тебе в звании что ли наша красавица?

— Отказывает...

— А что так? Не мил ей совсем? Или за дело? Напортачил где-то?

— Верно. Напортачил...

— Так может я зря тебя пирогами тут потчевать решил? Может тебя в шею гнать надо? — голос деда неожиданно становится суровым и в одно мгновение приобретает стальные нотки. — Слушай, меня внимательно, Александр без определенного звания, если ты обидел мою внучку...

— Веня!

— Деда! — вторю я своим предупреждающим воплем бабушке. Ещё чего не хватало, чтобы дедуля спустил с лестницы Корсакова. Это моя прерогатива! — Не обижал он меня... точнее обидел, но не так, как ты думаешь. Он меня достал просто своей ревностью!

— Вот значит как, — крикнул дед, вмиг повеселев. И перевел взгляд с расстроенной меня, которую вынудили рассказать правду, и на хмурого виноватого Корсакова. Который и не думал отпираться и лишь сухо спокойно всё подтвердил, хотя и без лишних подробностей. — Ну а что... молодость, глупость, кровь кипит. Ты у меня девка видная, понятное дело. Если говорите, не обижал, тогда, Александр, рассказывай...

Пирог успел приготовиться, чай опустел в кружках и снова заботливо был долил бабушкой, а Корсакова всё донимали вопросами. Кем работает, что за компания, где учился, какая семья, где живёт, вредные привычки и многое-многое другое. Большую часть

информации я знала. Но кое-что стало для меня неожиданностью.

— Служил?

— Так точно, Вениамин Петрович. Президентский полк.

Дед многозначительно крикнул, посмотрел одобрительно на меня и начал называть Корсакову какие-то фамилии, расспрашивать подробнее. А я стояла с раскрытым ртом и таращилась на Сашу. Про архитектурный факультет я знала, а вот про службу нет! И вообще неужели такие, как Корсаков, вообще служат? Пускай даже и в таком якобы элитном месте. А как же купить военник, подобно другой золотой молодежи, и жить себе припеваючи?!

Этот человек полон сюрпризов.

Дед сел на своего любимого конька — разговоры об армии и службе, и не прекращал их даже во время осмотра участка и составления плана работ. До вечера мужчинами было решено подлатать и подкрасить крышу дома.

— Вы что ночевать его тут оставите?! — вмешалась я, которая следовала недовольная и мрачная, как тень, за дедом с Сашей и не прекращающей загадочно улыбаться бабушкой.

— Лизонь, ты что уставшего человека в ночь хочешь отправить в дорогу? — ахнула бабуля, всплеснув руками. — Столько часов сюда ехал...

— Клавдия Захаровна, всё нормально, я не хочу вас смущать. И я же не прямиком из Самары, я из дома в Москве добирался...

Ах, у него еще и жилплощадь в Москве! Специально всеми козырями перед моей родней решил сверкнуть?!

— А что думаешь я тебе работы на утро не найду? — смеётся дед. — Или уже испугался трудов, помощничек?

— Никак нет, Вениамин Петрович.

— То-то же! Комнат у нас полно гостевых, вон в мансарде тебе постелем. Только имейте в виду голубки, мириться миритесь, но чтобы в моем доме без разврата!

— Веня! Ну что ты такое говоришь, ребят смущаешь!

— Вениамин Петрович, можете быть спокойны... — начинает Корсаков, но я его перебиваю.

— Дедуль, наши отношения на стадии «держимся за руки и выносим друг другу мозг». Второй пункт, кстати, происходит намного чаще. Так что, даже не переживай!

Саша кивнул, будто в подтверждении моих слов и своей благонадежности. И смерил меня каким-то трудно читаемым взглядом.

«Работничка года» после недолгих совещаний нарядили в старую одежду моего деда, от чего вид у Корсакова стал максимально комичным. Но долго над ним смеяться, пока я качалась с книжкой в гамаке, у меня не получилось. Дед и Саша явно спелись, и помимо военной службы вовсю обсуждали строительные работы. Дедуля у меня практически сам построил дом и сейчас вовсю грезил пристроить к нему большую веранду. А ещё он мечтал о просторном гараже, который планировал начать строить уже этим летом. Корсакову, как генеральному директору строительного холдинга и архитектору, тоже было что сказать. А я смотрела на эту идиллию и тихо закипала от злости.

Если бы Саша действительно, что-то чувствовал ко мне, то его поступок был бы мне приятен. Да что говорить — я бы гордилась тем, какой мужчина рядом со мной. И была очень рада тому, как его приняли дед с бабулей. Но всё наше общение — сплошной фарс. В который я не хотела втягивать своих родных. Вот что я им скажу, когда спустя пару недель товарищ Корсаков красиво уйдет из моей грешной жизни, а?!

— Не руби с плеча, — попросила бабушка, кивая в сторону почётного трудяги вся Подмосковья. — Мальчик вон как старается.

Да уж, мальчик. Старается он, конечно, ага.

Я лишь сильнее сжала зубы и уткнулась в книгу, сюжет которой воспевал известную всем фигу.

После завершения трудов праведных от предложенной баньки Корсаков отказался. Быстро освежившись и переодевшись в свои обычные вещи, Саша поспешил ко мне. Чтобы стоять над душой и всем своим видом взывать к моей совести, жалости и человеческому состраданию. И ведь реально смог их расшевелить! Долго игнорировать его не получилось. Тяжело вздохнув, я приподнялась из гамака.

— Чёрт с тобой, пошли к пруду. Поговорим.

До пруда идти всего ничего, минуты три от силы. Но весь путь проходил в гнетущем молчании. Саша шёл рядом, но на расстоянии. Я тоже сосредоточенно смотрела под ноги, чтобы ненароком не упасть об какой-нибудь камень.

Пруд и небольшой понтон, который местные соорудили, чтобы удобнее причаливать на лодках, предсказуемо были безлюдны. Для вечно занятых дачников было не так уж жарко для купаний, а ребятня ещё училась. Солнце красиво разливалось в тихой глади воды, простирая к нам свои последние ускользящие жёлто-красные лучистые объятия. В кустах кто-то отрывисто стрекотал: то ли кузнечики, то ли первые сверчки, а шелест листвы приятно ласкал слух.

А мы всё молчали.

Собрав волю в кулак, я всё-таки отвернулась от воды и вопросительно посмотрела на Сашу. Который как оказалось всё это время внимательно смотрел на меня. И наконец решился заговорить.

— Я понимаю, что одной фразой «извини меня» сложно что-то исправить... Но сказать я это должен. Лиз, прости меня. За то, что поверил сразу в самое худшее. За то что не захотел ничего слушать и разобраться в ситуации. За то, что втянул в тебя в эту проверку отношений... и всё испортил.

— Три раза.

— Что?

— Три раза ты уже косячил и передо мной извинялся. Сейчас уже четвёртый.

— Признавать свои ошибки — это нормально. Особенно, когда не прав, — Корсакова ничуть не смутили подобные цифры.

— Да толку-то в этом? — не выдержала я. — Каждый раз у тебя появляется какой-то новый повод. Так, если подумать, у нас половину общения складывается из того, что ты передо мной извиняешься. То вспылит, то заработался, то приревновал...

— Со мной действительно бывает не просто. — соглашается Александр третий, склонив голову. — Но я работаю над собой.

— Саш, это со мной не просто! И я тебя об этом предупреждала, что так будет. — возразила я. — Но ты зачем-то решил устроить этот дурацкий тест-драйв. Завоевать моё доверие. Но как это вообще возможно, если ты сам не доверяешь мне?!

— Я хочу тебе доверять, — Корсаков подходит ближе, обхватывая меня ладонями за предплечья и с какой-то мольбой смотрит мне прямо в глаза. — Лиз, я очень хочу тебе доверять!

— Но не можешь?..

— Не могу. До конца не могу... Потому что меня уже предавали.

Слова прозвучали глухо, и будто бы тише. По сжатым губам и тяжёлому дыханию я понимаю, что Корсакову непросто в этом признаться. Но его взгляд открыт, и это значит, что могу задать любой вопрос. Он ответит.

— Это... была измена?

— Да.

— Бывшая, как я понимаю? — это не вопрос, а скорее утверждение. Слова Ярика про Шакурову теперь становятся более понятными. Ведь человека, которого так триггерит от

измены, может оправдывать только то, что рана ещё свежа.

— Да, — Александр третий кивает в ответ. — Лиз, я расскажу, чтобы закрыть эту тему раз и навсегда. Когда тебе просто изменяют, это одно. Когда тебе изменяют с твоим близким другом... это тебя меняет.

— Что?!

— Знаешь, это было как в типичном анекдоте. Когда в спешке завершаешь дела, чтобы приехать пораньше, хочешь сделать сюрприз... а сюрприз устраивают тебе, — усмехается Корсаков.

— Это же... это ведь не Мереминский был?!

— Нет конечно!

Слава богу. Но какая-то степень недоверия к Ярику у Корсакова видимо тоже появилась. Стоит лишь вспомнить их драку во время стендапа.

— У вас... всё было серьезно? Ты любил её?..

Ну что за грёбаный мазохизм? Зачем мне знать кого он там любил и как сильно страдал из-за предательства? Прикусить бы себе язык, да поздно.

— Знаешь, временами казалось, что да — может вот оно, то самое чувство. Но всё-таки нет, — Саша отрицательно мотает головой, усмехается и подходит чуть ближе. А я облегчённо выдыхаю. Значит, не любил... — Но эта ситуация задела меня сильнее, чем я думал. И общение с тобой, Лиз, это как раз очень сильно проявило. Будь это и правда настоящая любовь тогда, то вообще не представляю как бы я... В общем, может оно и к лучшему, что всё так сложилось. Не самый плохой вариант развития событий.

— К лучшему? По-твоему, лучше вообще не любить, да?

Страх боли за фасадом цинизма. Оправдания и отговорки. Всё это мне было знакомо. Я как будто наблюдала себя со стороны, видя отражение самой себя в другом человеке...

— Лиз, я не очень понимаю, как можно вообще кидаться такими словами, как «люблю». Сегодня «люблю», через два года знать друг друга не хотите, у каждого уже новая любовь. Знаешь сколько я таких повидал в своем окружении? Я понимаю, когда между людьми возникает интерес, привязанность, страсть, влечение, «деловые отношения», когда банально покупают секс взамен на те или иные блага. Но не вот эти одноразовые влюблённости.

— Так вот о чём говорил твой отец, — рассеянно пробормотала я. — Почему ты не веришь в любовь и брак...

— Отец знает мою позицию, но трактует её так, как хочет. Само понятие «любовь», мне кажется, в наши дни как-то очень сильно обесценили. Я верю в любовь, просто считаю, что не надо путать её со всем подряд. Если ты нашёл человека, с которым уверен, что хочешь строить своё будущее, тогда признавайся. Всё остальное это просто сотрясение воздуха ради удовлетворения своих интересов.

Александр третий говорил отрывисто, чётко. Каждое слово точно въедалось мне в подкорку, чтобы остаться там навсегда. Мне казалось, что таким серьёзным, как сейчас, я Сашу никогда не видела. Даже когда он рассказывал о происшествии на стройке. Здесь я снова вижу твёрдую, негибкую позицию, и даже больше — убеждение, которое стало его жизненным кредо.

— Понятно, — пробормотала я в ответ, чтобы просто заполнить паузу. Потому что ничего более вразумительного мне сейчас не приходило на ум.

— Понятно? — с досадой переспросил Корсаков, явно не понимая истинных причин

моей замкнутости. — Это всё, что ты мне можешь сказать?

— Ну... я сейчас действительно лучше стала тебя понимать.

— Лиз, у меня такое ощущение, что ты ждала от меня совсем не тех слов, что я тебе сказал, — Саша отходит от меня и задумчиво устремляет взгляд вперёд на гладь воды. Рассказ об измене ему дался непросто. Показывать свою уязвимость и слабость можно далеко не перед всеми. И по напряжённой спине Корсакова мне почему-то казалось, что он именно так себя и чувствовал, и ему это не нравилось.

А вот я его совсем не считала слабым. Более того, сейчас он как никогда был для меня более земным и человечным. Таким же, как я — кто когда-то испытал боль, но всё-таки не сломался.

Но в одном Александр третий был прав. Те слова, которые я бы хотела услышать, он мне точно не скажет. Какая к черту любовь, если я для него просто проходной вариант?..

Но, с другой стороны, зачем ему раскрывать душу и делиться такими личными вещами перед каким-то проходным вариантом? Всё это совершенно не укладывалось в моей голове в какую-то логическую картину.

— Саш, зачем ты приехал? — устало говорю я. — Ты ведь видишь, что у нас ничего не клеится. Пройдет неделя, у тебя вновь что-то произойдёт... та же работа, что-то очень важное и срочное. И будет очередной круг извинений. Чувств между нами нет, с доверием тоже все плохо. К чему этот тест-драйв? Просто чтобы разнообразить свои серые будни?!

Смотрю на него в упор, сглатываю скопившийся ком в горле. Не только Корсаков сегодня решил обнажить душу, вот и я тоже не выдержала. Сама пребываю в шоке, что все-таки решилась сказать ему всё то, что гложет меня уже столько времени. Ну или почти всё...

— Как это ничего нет? — резко поворачивается ко мне Саша. — То есть за эти недели твоё мнение совсем не изменилось? И ты не хочешь впускать меня в свою жизнь?

— Саш, мне сложно сейчас давать какие-либо оценки, — попыталась дипломатично уйти я от ответа. — Особенно, после того, что произошло там на парковке. Я понимаю теперь коренную причину, почему ты так всё воспринял... Но скажи, неужели я когда-нибудь давала тебе повод для ревности? Чтобы так сразу легко поверить в самый ужасный из всех возможных вариантов?!

— Ты — нет. Но те сообщения от анонимов наводили на определённые мысли. Поэтому там у твоего офиса, мне казалось, что картинка наконец-то сложилась. Я снова приехал в неподходящий момент, и правда всплыла наружу.

— Так это была не одна смска?!

— Нет. И я так и не понял, что это было. Я попросил проверить своих безопасников. Все номера оформлены на каких-то левых людей, никак не связанных между собой. Несколько номеров даже были зарегистрированы в Москве.

Несколько смсок. Кто-то явно задался целью уничтожить мою личную жизнь. На ум приходил только Гордеев. Вся эта ситуация на парковке в свете новой информации выглядела как настоящая постановка. Но неужели Лёша мог настолько низко пасть? А кто тогда та самая Вера-Лера, которая решила проехаться катком по моей профессиональной деятельности? Или та странная женщина и Лёша на самом деле один и тот же человек?

— Ты знаешь, кто там был на парковке? — аккуратно начала я.

— Лана рассказала Ярику, что это был твой бывший.

Вот значит как. Даже Лана косвенно поучаствовала в этих наших разборках, с ума сойти!

— Да, — киваю и морально собираю все силы, чтобы озвучить следующую фразу. — Аноним в какой-то степени был прав... потому что одним поцелуем у нас дело не ограничилось.

Напряжение, которое повисло в воздухе можно было резать ножом.

— Их было два. Два поцелуя. Лёша не так давно приходил ко мне на работу поговорить, и помириться. Я не хотела его целовать, но он сам... Понимаешь, раньше, когда мы ссорились, это был самый быстрый способ заставить меня обо всём забыть, разрулить ситуацию.

— С первого раза я так понимаю у него ничего не получилось? — чуть хрипло проговорил Саша. — Поэтому он решил пойти на второй заход?

— Я не захотела его нормально выслушать, просто не видела в этом смысла. Потому что поняла, что меня действительно отпустило, и ничего ворошить не нужно. Но возможно, всё-таки надо было пересилить себя и поговорить в тот первый раз, и тогда ничего бы этого не произошло...

Саша порывисто обнял меня и уткнулся носом в мою макушку. Я шумно выдохнула, обняв его за талию, с облегчением скидывая камень со своих плеч. Несмотря на все наши запутанные отношения, я была рада избавиться хотя бы от этой недосказанности. А ещё в его объятиях я наконец-то чувствовала себя какой-то цельной, как будто разом утихли разрывающие меня изнутри волнения и тревоги.

— Почему ты мне не рассказала, что он тебя преследует?

— Зачем? Мы ведь с тобой не встречаемся.

— Да, точно. Как же я мог забыть этот занимательный факт, — язвительно протянул Корсаков и приподнял аккуратно пальцем мой подбородок. В сером дымчатом взгляде сверкали едва уловимые молнии. — Лиз, я должен знать такие вещи. Относись ко мне, как хочешь. Плевать на обозначения и статусы. Но я должен быть о таком в курсе, чтобы тебя защитить!

— Защитить ту, с которой тебя связывает только лишь шуточный тест-драйв отношений? Которой ты не до конца доверяешь и которая не особо верит тебе? Зачем тебе это, Саш?

— Тебе не кажется, что после того, что мы сейчас друг другу рассказали, в нашем доверии наметился довольно большой прогресс? — удивлённо вскидывает брови Корсаков. А мне хочется его стукнуть. Терпеть не могу, когда отвечают вопросом на вопрос!

И ведь на самом деле, это он так мастерски уходит от ответа, хоть и не капли сейчас не соврал.

— Ну раз в доверии у нас с тобой есть прогресс, тогда ответь честно. Зачем тебе я, Саш? Есть же девушки более красивые, обаятельные, сговорчивые и покладистые в конце-то концов!

— Кто-то напрашивается на комплименты?

— Саша!

— Лиз, я тебе уже говорил — не ищи тут логики. Я и сам её не нахожу, — говорит Корсаков, тяжело вздыхая. Медленно склоняется к моему лицу, не отводя взгляд. — Если просто именно здесь и сейчас хорошо, то зачем что-то менять? Я не знаю, к чему это всё приведёт. Я не знаю, что будет завтра, пошлешь ли ты меня через несколько недель или нет. Я ничего не планирую, и просто наслаждаюсь каждой секундой. Я уже сыт по горло этими целями, планами, проектами... я просто хочу жить. Здесь и сейчас.

— Так, а я тут причем? Живи...

— Ты не поняла. Без тебя это всё не работает, — качает головой Саша, улыбаясь краешком губ. — Я попробовал, когда ты уехала, мне не понравилось. Только, когда ты рядом, всё по-настоящему хорошо.

Сердце предательски пропускает удар от каждой его фразы. Разум отчаянно вопит, чтобы я не верила, не принимала всё это всерьёз. Но как тут можно было устоять? Как?! И если это не признание в чувствах, тогда я вообще ничего не понимаю в этой жизни! Или товарищ Корсаков в принципе боится этого слова на букву «л»?

— Лиз, я не хочу врать и обещать тебе, что мы не будем ссориться. Или что я перестану косячить... хотя я и правда буду стараться. Но я точно сделаю всё, чтобы ты запомнила эти оставшиеся недели. Может быть даже чуть-чуть научилась мне доверять. И смогла сделать верный выбор, — добавил Саша с хитрой улыбкой.

— Ожидаешь моего положительного ответа, — передразнила его я типичной фразой продавца в сопроводительных письмах.

— Ага. Верю, надеюсь и жду. Очень жду, — тихо говорит Александр третий и наконец делает то, чего я так сильно ждала все эти дни. Целует меня так, что я забываю обо всём на свете.

Я потеряла счёт времени, сколько мы вот так стояли и целовались. Солнце уже давно село, с воды тянуло прохладой, а мы так и не могли оторваться друг от друга не на миг. Точно те несколько дней, что мы провели порознь стали для нас настоящей вечностью. Целовались нежно, шепча какие-то глупости, понятные только нам двоим. Страстно и напористо, заставляя внутри разгораться пламени, которое будоражило кровь и туманило разум. Ласково и трепетно, будто бы вымаливая прощение и прощая друг друга каждым касанием губ.

Счастливые часов не наблюдают, гласит известная всем поговорка. Не знаю, как Корсаков, но в тот момент я действительно плыла на волнах счастья, наплевав на время. Возвращаться в дом мне совершенно не хотелось, но было нужно.

Бабушка и дедушка ничего не сказали, увидев нас, держащимися за руки. Но в их глазах плясали смешинки, а ещё можно было легко прочесть фразу: «Ну а мы что говорили? Давно пора!».

Как дорогого и крайне полезного в хозяйстве гостя (дед ведь решил поэксплуатировать товарища архитектора ещё и завтра с утра), Александра третьего уложили в большой гостевой комнате в мансарде. А помочь разместится ему с удобствами, конечно же, поручили мне.

— Не уходи, — просит Саша, притягивая меня за руку к себе на кровать.

— Нас вообще-то предупредили, что никакого разврата, — смеюсь я, укладываясь рядом и кладя голову ему на грудь.

— Никакого разврата. Просто побудь немного рядом.

Странно вот так лежать с ним сейчас и просто молчать. Тишина, нарушаемая лишь нашим спокойным дыханием, совсем не напрягала, а была какой-то уютной, обволакивающей. Мне просто было хорошо. Слушать его биение сердца — мне кажется, этот стук я узнаю из тысячи, смотреть на наши переплетённые пальцы, и улыбаться.

— Поехали со мной в Москву, — неожиданно прерывает тишину Саша.

— У тебя какие-то дела в столице? — приподнимаюсь я и перекатываюсь на живот.

— Никаких дел. До конца недели я абсолютно свободен.

— Но...

Сказать, что я удивлена это ничего не сказать. Для меня такие люди, как Корсаков, из-за своих полномочий и сопутствующей им ответственности, не могли в полной мере позволить себе быть абсолютно свободными от дел. Первые майские праздники были тому отличным подтверждением.

— Главное моё дело на этой неделе — это ты, — улыбается Корсаков своей самой обаятельной улыбкой, которая одновременно зажигает искорки в его глазах. Трудно отвести взгляд и трудно сопротивляться. Предложи он мне сейчас отправиться с ним вместо Москвы на Северный полюс, я бы тоже согласилась.

По признанию Корсакова, он не был в отпуске чёрт знает сколько времени. И это было заметно. Несколько раз он буквально бил себя по рукам, чтобы не проверять почту — он сам себе установил лимит не более двух раз в сутки. Я лишь тихо посмеивалась, было любопытно, насколько его хватит. Мне казалось, что вся эта идиллия до первого рабочего звонка. Но Саша меня удивил — звонки по рабочему номеру были переведены на Мереминского, который держал «оборону» и на правах лучшего друга решал, стоит ли тот или иной вопрос того, чтобы беспокоить шефа. К счастью, таких вопросов не возникало.

В нашем с Сашей примирении Ярик, как и подобает крёстному фею, сыграл очень важную роль. Ведь именно он узнал у Ланы всю известную ей информации по поводу Лёшки. И именно он вправлял на место мозги Корсакову.

Вторым важным человеком в этой истории была конечно же Сёмина, которая слила Саше мои координаты. Точнее, сказала название коттеджного поселка, а дальше Корсаков уже сам наводил справки «в какие ворота ему стучаться и у какой двери стоять на коленях, вымаливая прощение». Именно так в своё оправдание заявила мне Аринка. Сердится на неё, при всём желании, у меня совершенно не получалось. Сёмина искренне и безоговорочно верила в любовь. А красивые романтические поступки считала чуть ли не главным её атрибутом.

Глядя на Сашу, который уверенно одной рукой вёл своего белого заморского коня с гордым названием Ландкрузер, мне с трудом верилось, что я не сплю. За какие-то сутки жизнь вновь крутанулась на сто восемьдесят градусов, и пока я с трудом ощущала почву под ногами после пережитых потрясений. То самое чувство, которого так избегал Корсаков, росло в моей душе. И против моей воли начинало поселять какие-то надежды на прекрасное и светлое будущее. Рефлексовать на этот счет я себе запретила. Потому что банально скатилась к самообману — не думать о том, что будет завтра. Представить, что вот именно сейчас всё по-настоящему и всерьёз. Что я проведу несколько дней с человеком, в которого влюбилась вопреки всему, и который пообещал мне сделать эти дни незабываемыми. Ведь впереди была Москва.

Я и раньше бывала в Москве. И когда приезжала к деду с бабушкой, и на школьных экскурсиях в далёком детстве, но это посещение столицы стало совершенно особенным. Во-первых, потому что у нас с Сашей не было никакого плана, чем мы займемся в оставшиеся дни нашего мини-отпуска. Во-вторых, с одеждой у меня была напряжёнка. Всё-таки одно дело валяться в гамаке и вышагивать между грядок у деда в Подмосковье, и совсем другое — гулять по столице и посещать такие места, к которым привык Корсаков. А привык он определенно к самому лучшему, про это можно было судить хотя бы по огромной квартире на Арбате, которая привела меня в какой-то неописуемый восторг. В голове не укладывалось, что кто-то мог жить так близко рядом с Кремлём!

— Выбирай, пожалуйста, места попроще, — сконфуженно попросила я Александра третьего, после того как мы закинули вещи в квартиру и отправились гулять по московским улочкам. — Я не при параде.

— Отлично. Значит, поход в Большой отменяется, — смеется Саша. — Считаю, тебе повезло. На таких мероприятиях я могу безбожно храпеть.

Я лишь рассмеялась в ответ и звонко чмокнула его в щёку. Вот умеет же он так легко разрядить обстановку!

Чёткого экскурсионного плана тоже не было, поэтому мы традиционно начали со старого Арбата, а потом осуществили мою маленькую мечту и добрались до Патриков с их потрясающей атмосферой. Не обошлось без фотки рядом со знаком «Запрещено разговаривать с незнакомцами». А когда я увидела Корсакова, стоящего рядом со знаком, мне захотелось рассмеяться в голос.

— Что-о-о? — непонимающе уставился на меня Саша.

— Не двигайся. Это надо запечатлеть, — командую я.

— Не понял.

— Ничему меня жизнь не учит, — улыбаюсь я. — Вот такого знака не помешало бы и у нас установить на Советской армии.

— Я плюс компания? — кивает Саша на знак с изображением Волонда, Коровина и кота Бегемота, и негромко смеётся.

— Ага.

— Уже жалеешь, что познакомилась? — прерывает смех Саша и выжидающе смотрит на меня.

— Не знаю. А стоит?

— Надеюсь, что нет, — отвечает Корсаков, обняв меня сзади руками за талию и притягивая к себе.

И дальше делает что-то невообразимое для меня — выхватывает мой телефон, чтобы сделать селфи. Совместное селфи! Сказать, что я была в шоке, это ничего не сказать. Почему-то на секунду даже померещилось, что вот-вот из-за угла выпрыгнет Ярик и заорет «не снимать!», сокрушаясь о подмоченной репутации генерального директора.

Побродив еще по улочкам и поужинав в каком-то уютном и, к моему огромному облегчению, совсем не пафосном ресторане, мы продолжили свое пешее знакомство со столицей. После сытной трапезы в Корсакове вдруг неожиданно проснулся господин архитектор. Он вспомнил, что совсем недалеко находится Таганка, и поэтому потащил меня

смотреть плоский дом[1].

— Вот ведь фантазия была у людей, — пробормотала я, во все глаза таращась на диковинное здание. Из-за оптической иллюзии дом действительно выглядел плоским. Как рассказал Корсаков, весь секрет состоял в том, что за правой четвертью фасада никаких квартир просто не было, а за крайними рядами окон на всех этажах располагались длинные узкие помещения, у которых стены сходились под острым углом.

— А говорят у нас в Самаре за каждый квадратный метр дерутся, чтобы муравейник построить, — ухмыляется Саша. — Дореволюционные архитекторы нас точно переплюнули.

Ноги уже изрядно гудели, но останавливаться не хотелось. Казалось, что каждый шаг будто приближал нас с Сашей друг к другу. Я узнавала Корсакова всё больше: и каким он был раздолбаем в детстве — как-то раз он даже запулил футбольным мячом в папину новую машину. И каким он был бунтарём, любившим погонять на своих спортивных тачках во времена студенчества. Бунтарём, которому он теперь не позволял выбираться наружу, и потому держал в себе за семью замками. И каким он стал серьёзным парнем, который отправился в Германию за дополнительным образованием, чтобы постичь в совершенстве азы того дела, которому он планировал посвятить всю жизнь.

— Неужели, ты никогда не мечтал заниматься чем-то другим? Помимо рисования и строительства?

— В детстве хотел быть космонавтом. Это считается?

— Ну а если серьёзно? Ты же служил в Президентском полку, — вспоминаю я. — Почему не пошёл делать военную карьеру?

— Служил я не по доброй воли, а потому что был наказан за небольшой бунт, — усмехается Корсаков. — Отец был уверен, что военная служба сделает из меня серьёзного человека.

— И он оказался прав?

— Сомневаюсь. Служба никого кардинально не меняет. А серьёзного человека из нас может сделать только жизнь... Ну или мы сами, если действительно этого захотим.

В разговорах раскрывалась и я сама, понемногу в каких-то отдельных словах и мыслях, которые я решалась озвучить вслух. И сегодня мне совсем не хотелось вредничать, даже сарказм почему-то получался какой-то добрый. Всему виной неверное была Москва.

Вёрстка очередного номера, совместный конкурс, подготовка к которому, откровенно говоря, шла со скрипом, странный недоброжелатель и чёртово пари — всё это осталось там, в Самаре. А здесь были мы, просто двое счастливых людей, наслаждающихся обществом друг друга и этими мгновениями абсолютной свободы, которые мы так спонтанно организовали в своей жизни. Без масок, без игры, без притворства. С моей стороны так точно. А Саша... хотелось бы думать, что тоже.

Захлестнувшая влюбленность делала меня очень тактильной. И если раньше, я по большей части лишь принимала все причитающиеся знаки внимания, то сейчас мне очень хотелось отдавать — тепло и ласку, заботу и внимание. Я не боялась сама тянуться за поцелуями и целовать, обнимать крепко-крепко, будто в последний раз, задыхаясь от переполнявших меня чувств. Чувств, которые не прорывались словами, застревая то ли в горле, то ли в области сердца, заставляя его болезненно сжиматься. Сердцу ведь нет никакого дела до разума, который просит не спешить и не растворять себя без остатка в другом человеке. Оно истосковалось по любви и по тому, как это здорово — просто наконец что-то чувствовать.

Мы идём, держась за руки, наслаждаясь шумом вечернего города. В Москве всё по-другому, и воздух, и люди, и ритм жизни. Я чувствую себя маленькой любопытной песчинкой, которая плывёт в этом вечно спешащем и озабоченном людском потоке. Но моя ладонь захвачена в плен сильной и крепкой ладонью Корсакова. Он рядом. Идёт, приноровившись своими длинными ногами к моему уже уставшему замедленному шагу.

Где-то вдали сверкнула молния, и следом над нами загремели небеса.

— Кажется, сейчас ливанёт, — с опаской смотрю я на резко потемневшее небо. А я даже не знаю, сколько нам идти до квартиры Александра третьего. В столице во мне просыпался географический кретинизм, и я совершенно не ориентировалась в улицах.

— Уже, — говорит Саша, в унисон огромной капле, упавшей мне на нос. — Можно вызвать такси, но нам идти пару кварталов. Поэтому у меня есть идея получше.

— Какая?

— Бежим!

[1] Речь идёт о доме № 1/2 стр 2 по ул. Таганской. В народе ему дали прозвище «Плоский дом» из-за архитектурных особенностей

Обогнать дождь не удалось. Я смеялась, бежав следом за Сашей, пока тот крепко держал меня за руку и лавировал между нескончаемым людским потоком, большая часть которого явно была не рада перспективе промокнуть под дождем. А я вот почему-то не боялась дождя. На дворе был май, а на мне тёплая ветровка Корсакова, которую он заботливо нацепил на меня после ресторана. Стоит ли переживать, что нас решил почтить своим вниманием настоящий весенний дождь?

Однако мои излишне позитивные мысли быстро сменил лёгкий дискомфорт, когда я нехило так зачерпнула кедой воды в луже и промочила ноги. Весенний дождь грозил переквалифицироваться в какой-то жуткий тропический ливень.

И всё же было во всей этой ситуации какое-то ребячество, веселье, чувство неожиданно ворвавшейся в душу эйфории.

Мы побежим по улицам Москвы,
Я догоню и дам последний шанс...[1]

— Что ты там мурлычешь? — оборачивается Корсаков. Несмотря на окружающую обстановку притормаживает, взирая на меня с любопытством.

— Песню о Москве... и не только, — слово «любовь» застрекает у меня в горле, но я, повинувшись кому-то внезапному порыву, обхватываю ладонями лицо Саши и оставляю долгий неспешный поцелуй. Есть всё-таки в этом какая-то романтика. Пускай и подпорченная мокрыми кедами.

— Наконец-то.

— Что?

— Ты перестала меня отталкивать, — задумчиво говорит Александр третий, склонившись к моему лицу и чертя большим пальцем по моим слегка опухшим зацелованным губам. — Даже не верится. Я уже стал бояться, что эту стену мне никогда не пробить.

Да какая уж тут стена. Тут грудная клетка сломлена, и в ней основательно поселилось это улыбающееся сероглазое чудо. Которое правда об этом пока не догадывается...

Угробив по дороге в очередной луже вторую кеду, мы всё-таки добрались до Арбата и нырнули в спасительное тепло подъезда. И только там я по-настоящему поняла, как замёрзла.

— Мне срочно нужен душ и горячий чай, — пробормотала я, стараясь унять дрожь. Ещё не хватало заболеть и пустить под хвост мини-отпуск. Плевать, что там будет дальше! Но так хочется, чтобы эти дни действительно запомнились. И вовсе не болезненной температурой.

— С малиной, — кивает местный Карлсон.

— А она у тебя есть? — изумляюсь я.

— Будет.

Ну да, это же Москва. Тут, наверное, не только варенье, тут и черной икры могут в бочке прикатить к порогу, были бы деньги. Показав мне мою гостевую комнату, в которой имелась в наличии даже собственная ванная, Саша вручил мне полотенце поджентельменски удалился к себе.

Квартира на Арбате по атмосфере была очень похожа на его самарскую квартиру — также много света и воздуха, спокойные оттенки, лаконичность, но всё же было в ней что-то

неуловимо знакомое. Я долго не могла понять, что именно, пока смывала с себя в душе последствия московского ливня. И неожиданная догадка заставила меня улыбнуться. Эта квартира, несмотря на явно дорогой дизайнерский ремонт и кучу всяких стильных штук напоминала мне мою съёмную сталинку. Будто бы они были кем-то вроде дальних родственников.

Завернувшись в полотенце и рассыпав по плечам влажные волосы, я решила исследовать содержимое своего чемодана. Ходить по квартире в уличных джинсах, конечно, странно, но с домашней одеждой у меня была полная катастрофа. На единственном более-менее приличном домашнем комплекте красовалось огромное пятно: прямо посередине футболки. Кажется, это было бабушкино варенье. Какого чёрта я не застирала его раньше, непонятно... Наверное, стоит предупредить Сашу, что варенье от меня лучше держать подальше, чтобы не испортить к чертям его дизайнерский ремонт.

Разложив свои немногочисленные пожитки на кровати, я удрученно взирала на них, скрестив руки на груди. Удлиненных футболок нет, домашний костюм испорчен, старые поношенные вещи, в которых я ковырялась на огороде и помогала по дому, надевать в этой квартире было бы по меньшей мере кощунством. Неужели придётся надевать уличную одежду? Не могу же я ходить в одном полотенце до самой ночи! Или можно будет немного понаглеть и ограбить гардероб Саши?

Будущая жертва ограбления аккуратно постучалась в дверь.

— Можно?

— Заходи, — со вздохом отзываюсь я.

— Варенье приехало, — говорит Саша, сначала просовывая в дверь свою голову, и оглядывая обстановку.

— Ты что реально одно варенье заказал? — удивляюсь я, мысленно выкидывая всю эту бесполезную кучу тряпья, которая лежала передо мной на кровати. Александр третий времени зря не терял и тоже принял душ — на его тёмных волосах ещё блестели капли воды. Но в отличие от меня с домашней одеждой у Корсакова всё было в порядке: серые домашние брюки и белая футболка были тому явное подтверждение.

— Ещё ужин для нас и продукты на завтра, — медленно отвечает Саша, не отводя от меня взгляд. А мне становится жарко, невыносимо жарко от того, как он на меня смотрит. И идея позволить ему войти, пока я в таком виде кажется настоящим безумием, о котором я могу потом пожалеть.

Так, нужно попробовать решить проблему с одеждой самым дипломатичным из всех возможных способов!

— Саш, я тут обнаружила, что... я совсем не при параде. Точнее, мне реально нечего надеть из домашнего. Вот тут пятно, — смущённо указываю я рукой в сторону домашнего костюма. — Можешь одолжить что-нибудь из своего?

— Да, — отвечает Саша, подходя ко мне вплотную, продолжая прожигать меня взглядом. Эй, он вообще слышал, что я сейчас попросила?

— Спасибо. Не хочу тебя смущать и расхаживать по квартире в одном полотенце, — немного нервно хохотнула я.

— Ты меня не смущаешь, — тихо отвечает Александр третий, уже непозволительно близко. Так близко, что я могу разглядеть капельки воды на его длинных ресницах, которые обрамляют серую дымку глаз.

Запускает руку мне в волосы, притягивает к себе и впивается жадным поцелуем,

который напрочь выбивает из меня все разумные мысли. Я забываю, как дышать, пока его руки скользят по моему телу, а губы прокладывают обжигающую дорожку из поцелуев по шее вниз, к ключице и ниже...

Пожалею, я точно обо всём пожалею... Хотя чёрт возьми, кого я сейчас обманываю?!

Его рука замирает на узелке, который удерживает мое полотенце.

— Лиз, если ты хочешь, чтобы я остановился, просто скажи, — хрипло говорит Саша. —

Ничего не будет, если ты не хочешь.

Я отрицательно мотаю головой.

— Я буду тогда сумасшедшей.

— Нет. Если кто и сходит сейчас с ума, то это я.

[1] «По улицам Москвы», Пара Нормальных

После этой ночи я поняла, что абсолютно не знала ни себя, ни своего тела. А уж мои познания о сексе и вовсе были довольно посредственны... Впрочем, мне с радостью преподали такой экспресс-курс, что до сих пор мир кружился перед глазами.

Сомневалась ли я, что Корсаков окажется хорошим любовником? Конечно нет, но, чтобы настолько... Внутри странным образом перемешались два противоположных желания: то ли стукнуть его за такую исключительную идеальность, то ли возблагодарить небеса, что я попала в такие умелые руки. И не только руки... Чёрт!

И снова я натываюсь на этот взгляд тяжёлый, тягучий. Который медленно скользит по моему обнажённому телу. С него, с этого взгляда, всё и началось тогда в моей комнате.

Почему-то в своих фантазиях, я представляла, что у нас всё произойдет, как обычно, под влиянием порыва, неконтролируемой страсти и желания. Стоило только вспомнить наш первый поцелуй. Но к моему удивлению, Саша решил отклониться от привычного курса.

Чувственно, нежно, неторопливо.

— Ты такая красивая, — говорит Корсаков низким голосом, который запускает тысячу мурашек по моему телу. Ловко распутывает одним движением узел и освобождает меня от ненужного предмета одежды.

Холода я не чувствовала совсем, напротив, казалось, еще немного и я стору под этим восхищенным и пылающим взглядом.

— Идеальная, — тихо шепчет Саша, проводя пальцами по окружности груди. Накрывает ладонями, слегка сжимая. Выгибаюсь к нему навстречу и не могу сдержать стоны.

Я стою перед ним абсолютно голая, с затуманенным желанием взглядом, но никакого смущения у из-за этого не было. Хотелось тоже увидеть его всего, вот также без одежды, но возмутиться разнице в нашем положении мне не дали — Саша вновь притягивает меня к себе, накрывая мои губы глубоким, неторопливым поцелуем. Бережно подхватывает меня на руки, так и не размыкая наших губ. Я просто почувствовала, как отрываюсь от земли, во всех смыслах.

Какие-то считанные мгновения и вот я уже в его комнате, на его кровати. И чувствую его руки и его губы везде на своём теле. И не верится, что может быть так. Я столько лет отвергла всю эту чушь про двух половинок одного целого, но сейчас — как иначе можно назвать то, что происходит между нами? Потому что только так вместе — идеально. Будто мы две детали, которые идеально выточены друг под друга. Какая-то магия, которая не поддается никакому логическому объяснению.

Когда сразу с лёгкостью подхватываешь ритм движений, и знаешь на каком-то подсознательном уровне, что да — вот так и нужно, чтобы было хорошо. Когда и руки, и губы открывают новые неизведанные ранее точки, уводя на беспредельную высоту. И рваное дыхание будто одно на двоих, и пульс сердца, отчаянно бьющегося в груди. Когда кричишь и шепчешь любимое имя, и чувствуешь себя самой счастливой слыша своё имя в ответ.

Нежность и неторопливость растворяется в ускоряющихся стремительных движениях, навстречу наслаждению, навстречу друг другу. Кожа к коже, сердце к сердцу. Одна общая цель — чтобы в один миг оказаться там вместе, на краю вселенной. Нашей собственной, личной вселенной. Той самой, которая открывается двоим, в момент наивысшего наслаждения.

Саша, Саша, Сашенька... Люблю тебя! И плевать на всё. Здесь и сейчас просто люблю. Так хочется шептать эти слова, уткнувшись ему лицом в грудь. Но я лишь сильнее зажмуриваюсь и прячу взгляд, утопая в его объятиях. Сейчас не время и не место. Просто меня переполняют эмоции, и ещё не до конца вернулась способность здраво мыслить.

Мне ещё никогда не было так хорошо, как с ним. И одна лишь мысль, как я раньше могла жить без него, кажется какой-то дикой, неправильной.

Судя по Корсакову, усталости он совсем не чувствует. Лишь несколько капель пота на лбу и шальной дымчатый взгляд выдают, что он совсем недавно предавался жаркой изнуряющей активности. Интересно, а у меня сейчас какой вид? Ой, да плевать! Когда он так смотрит на меня, то мой разум как по щелчку вырубается. А приятная истома вновь сменяется возбуждением, которое разливается по всему телу.

Желание вновь ощутить его так близко, как только возможно между мужчиной и женщиной становится просто невыносимым. И я тянусь к Саше сама, обхватывая его за шею и притягивая к себе в каком-то опьяняющем поцелуе, приятно ощущая тяжесть его тела.

Ещё немного и такими темпами мы пойдём на второй заход. А если часы на прикроватном столике не врут, то время уже давно перевалило за полночь.

— Мне, наверное, нужно идти... — облизывая опухшие, я бы даже сказала истерзанные губы говорю я. Ведь если мне изначально приготовили отдельную комнату, значит спать он планировал здесь один? По факту я так до сих пор ничего и не знаю о его привычках.

— Куда? — Корсаков перекачивается на бок и удивлённо смотрит на меня.

— Ну... в свою комнату, спать.

— Спать ты будешь здесь, — лёгкий, но уверенный захват рукой поперёк живота, притягивает к себе и опалает горячим дыханием шею. — Но не скоро.

Уснуть, как мне и предсказывали, удалось только под утро.

После такой ночи мне казалось, что я просто не встану с кровати. И уж точно не захочу идти ни на какие-либо пешие экскурсии. Но аппетитные запахи, которые донеслись до моего носа, слегка торчащего из-под одеяла, сделали своё дело. Глаза моментально распахнулись, тело приняло вертикальное положение, а одеяло резким движением было откинуто в сторону.

— Доброе утро, — говорит возмутитель моего спокойствия, держа в руке поднос с едой и кофе, который распространял по всей комнате умопомрачительный аромат. — В прошлый раз с завтраком в постель как-то не получилось...

— И ты решил исправиться? — усмехаюсь я, заворачивая себя обратно в одеяло. Глупо, но при свете дня, нахлынуло лёгкое смущение перед Александром третьим. Хотя чего он там не видел после этой ночи? Перевожу взгляд на Корсакова, который одет лишь в лёгкие спортивные штаны, и не стесняется щеголять с утра пораньше с голым торсом и вгонять в краску ещё не до конца проснувшихся девочек. У которых пробуждался аппетит, совершенно никак не связанный с едой. — И когда только успел?

— Ты довольно долго спала, — улыбается Саша, аккуратно ставя деревянный поднос рядом со мной. Садится рядом и оставляет на моих губах нежный поцелуй с ноткой кофе. Значит, кто-то уже успел позавтракать, пока я дрыхла. Перевожу взгляд на часы. Ничего себе! Нормальные люди уже скоро сядут обедать, а я только открыла глаза. — Я даже успел поработать.

— О боги. Саш, ты когда-нибудь устаешь, а? Мне после сегодняшней ночи не хочется вообще вылезать из постели.

— Это можно устроить, — мурлыкает Корсаков куда-то в шею, проводит медленно вниз губами, моментально запуская по моей коже тысячу мурашек.

— Саша!

— Ладно, ладно. Ешь, пока не остыло.

После активных физических нагрузок завтрак уплетается с молниеносной скоростью.

— Значит, сегодня мы с тобой домоседы? — спрашивает Корсаков.

— Ну не совсем... — задумчиво протягиваю я. Есть ещё парочка мест, которые мне хотелось бы посетить. Значит, придётся преодолевать лень и отрывать свою пятую точку от тёплой уютной постели, а свой взгляд от идеальных кубиков Александра третьего. Вот интересно, когда он успевает посещать тренажёрный зал со своим загруженным графиком работы? — Я вот давно уже мечтаю посетить Кусково[1].

— Кусково?!

Я непонимающе уставилась на него.

— Да. А что?

— Мне показалось, что я ослышался. А как же Кузнецкий?[2]

— Сдался мне твой Кузнецкий! — не удержалась и фыркнула я. Нет, он просто невыносим! Ну нельзя же всех женщин в своей жизни ровнять по таким, как эта Шакурова!

— Лиз, ты же сама говорила, что тебе нечего надеть.

— И? Нужно сразу бежать скупать весь ЦУМ? Корсаков, ты что зажал мне свою футболку? — притворно возмущаюсь я, хватаясь за сердце. — Вот такой подставы я от тебя точно не ожидала!

— Почему ты никогда ничего у меня не просишь? — Саша склоняет голову, рассматривая меня пристальным серьёзным взглядом. — За всё это время, что мы... общаемся, ты ни разу ничего не попросила у меня в подарок.

— Саш, мне достаточно того, что ты сам мне даришь, — пожимаю я плечами. — У тебя отличный вкус на цветы. И ручка, кстати, тоже очень красивая, которую ты подарил. Правда, я ещё ни разу не применила её в действии. Если честно, то просто боюсь её где-нибудь оставить...

— У меня такое ощущение, что ты даже ту ручку не хотела брать.

— Саш...

Я со вздохом опускаю взгляд вниз. Дорогие подарки для меня действительно допустимы только в настоящих серьёзных отношениях. И я ничего не могла с собой поделаться. Ипатова, знаю эту мою особенность и поступая всегда с точностью до наоборот, постоянно закатывала глаза и крутила пальцем у виска. А я просто не могла по-другому. Возможно, причина в воспитании или в моих тараканах. Но копаться в себе и что-то пытаться объяснить — затея провальная. Это гарантированно испортит нам такое чудесное утро.

Степень серьёзности наших отношений — табу. То, что произойдет по истечению двадцати одного дня — табу. О том, что будет дальше и думать не хочется. Особенно после того, как я узнала, каким на самом деле может быть Саша. Ну не могу я поверить, что все эти дни он притворялся и всё это было игрой! Я готова была дать руку на отсечение, что именно в Москве передо мной был настоящий Корсаков: искренний, весёлый и даже временами бесшабашный, внимательный, нежный, заботливый. Настоящий.

На кой чёрт мне сдались эти дорогие шмотки, когда единственное мое желание сейчас, это то, чтобы эти три недели никогда не заканчивались? И чтобы Мереминский оказался последним обманщиком, а вся эта история с пари была не больше, чем выдумка? Чтобы

Корсаков попросил быть рядом, просто так, потому что я ему нужна. Без каких-либо потайных причин и личной выгоды. Сказал те самые три заветных слова. Я тебя люблю. Три слова, которые имеют безграничную власть над людскими судьбами и сердцами. Три слова, которые могут изменить всё и развеять все сомнения и страхи.

Но я знаю, что сейчас он их не скажет. А может и никогда, кто знает...

А ведь это и есть два самых ценных подарка в нашей жизни — любовь и время. Частичка самого себя, своей души и драгоценные моменты своей жизни. С любовью у Корсакова всё глухо, со временем... напряженно. Но ведь он обещал исправиться?

— Знаешь, то, что я действительно хочу... это довольно дорого стоит, — грустно усмехаюсь я.

— Давай я сам решу, что дорого, а что нет, — поджимает губы Саша, недовольно сверкая серой дымкой глаз. Откидывается спиной на изголовье кровати и вопросительно смотрит на меня. — Может, хотя бы озвучишь вслух что это?

— Время, — тихо отвечаю я. — Твоё время.

Саша замирает, не сводя с меня пристального взгляда, выражение которого мне сложно разобрать. Но я не боюсь его и поэтому продолжаю:

— Просто чтобы ты чаще был рядом. Я понимаю, что у тебя есть обязанности и ты...

Саша одним движением руки резко отодвигает поднос и притягивает меня к себе.

— Лиз... Я постараюсь... дарить тебе такие подарки почаще.

[1] Кусково — государственный дворцово-парковый музей-заповедник, расположенный на востоке Москвы

[2] Кузнецкий мост одна из главных улиц Москвы, на которой располагаются модные бутики, магазины и рестораны.

— Готов? — спрашиваю я, улыбаясь.

Александр третий одаривает меня ответной улыбкой и беззаботно подмигивает. В голове до сих пор не укладывается, что я наконец решилась на такой важный шаг — познакомиться Корсакова со своими друзьями. В моём случае это практически равно знакомству с родителями.

Только вчера мы вернулись из столицы, а теперь, держась за руки, направляемся к подъезду Аринки и Вальки. Видеть здесь Корсакова было странно. И всё же, ощущать его рядом изо дня в день стало привычным и будто бы совершенно естественным. А ведь если подумать, мы не расставались с ним с Москвы. Вчера мне даже не дали переночевать дома, а только заехать собраться и надеть приличную одежду. В столице с этим как-то не заладилось. Кусково с Сашей мы посетили, но всё остальное время практически не покидали пределы его квартиры. А из одежды на мне максимум красовалась его футболка, которую я всё-таки по-тихому «гопанула» себе. Буду в ней спать одинокими ночами в своей квартире. Корсаков правда не хочет, чтобы я сегодня ехала к себе домой, но столько дней подряд находится вместе для людей, которые вроде как официально не встречаются — перебор по всем фронтам.

Я уже давно хотела показать Сашу своим подругам, чтобы уже наконец-то выложить им всю информацию о злосчастном пари и спросить совета. Одна голова хорошо, а три лучше. Возможно, подругам всё-таки удастся приблизиться к истине, что на самом деле произошло у Ярика и Саши, и кому из них можно верить, а кому нет. Валька у меня вообще настоящий человеческий сканер, который с лёгкостью проявляет скрытые пороки и недостатки. Да и Аринка если выключает романтическую волну в своей голове, может подмечать удивительные вещи.

Повод увидеться пришёл с совершенно неожиданной стороны: парень Вальки, Гоша вместе со своим братом открыли собственное Дизайн-бюро. У ребят за плечами было профильное образование и множество связей в сфере дизайна и строительства. И вот сейчас они наконец решились начать своё дело и самостоятельно брать проекты.

Я была очень рада за Гошу и Вальку, и конечно же, ради такого события определенно стоило приехать на денёк пораньше из столицы. Небольшая вечеринка, а точнее посиделки с друзьями в честь знаменательного события стали отличным поводом, чтобы явить друзьям Александра третьего. Сам Саша вроде бы тоже был не против знакомства.

Едва мы переступили порог квартиры, как нас атаковали привычные милые сердцу звуки — громкий лай Батона, Валькиной собаки, милого французского бульдога, бузение самой Вальки на Гошу, который в очередной раз схомячил целую палку копчёной колбасы — его любимое блюдо, которое он мог есть круглые сутки напролет.

— Гош, это было для гостей!

— Малыш, там же еще одна палка точно была, посмотри. Может где-то завалилась на полках...

— В желудке она у тебя завалилась! — рявкает в ответ Райкова. — Лапшу мне на уши не вешай! Сейчас в магазин опять пойдёшь!

— Ну пупс...

Видеть пристыженного Гошу — огромного двухметрового «шкафа», с мощной шеей и

сильными ручищами, но добрыми ласковыми глазами рядом с разъярённой миниатюрной Валькой — было забавное зрелище. Такие небольшие перепалки были в порядке вещей и никогда не перерастали в серьёзные ссоры, поэтому я лишь привычно похихикала, снимая в коридоре обувь и прошла вместе с Корсаковым в зал. Помимо брата Гоши, Вадима со своей девушкой Полей — на диване также разместились Аринка со своим блондинчиком.

Сёмина светилась от счастья и не сводила глаз со своего ненаглядного Дмитрия, и даже не сразу заметила нас с Корсаковым. Последовали приветствия, рукопожатия. Вскоре к нам присоединились Валька и Гоша с Батоном на руках. Про злосчастную колбасу все слава богу забыли. Да на столе и без неё было полно еды и закусок.

— Хорош, — шепнула мне Сёмина, хитро подмигивая. Compliment явно предназначался в адрес Корсакова. — Даже нос не задирает, нормально общается.

Саша и правда непринужденно переговаривался с мужской частью компании. Точнее с братьями, Аринкин хахаль что-то сосредоточенно напечатывал в телефоне, сидя в углу. Почему-то мне показалось, что он единственный, кто чувствовал себя здесь ни в своей тарелке.

Если честно, я и не думала, что Александр третий будет задирает нос. За всё время нашего общения он ни разу не проявлял снобизм и высокомерие, несмотря на свой статус и финансовое положение.

— О чём секретничаете? — к нам на диван подсаживается Валька.

— Аринка дала краткую характеристику Корсакову.

— Ага, десять из десяти, — смеётся Сёмина, — Хватай и беги, пока не умыкнули из-под носа!

— Куда беги?

— В ЗАГС!

Я поперхнулась мартини, которое только что щедро отхлебнула из бокала. Вот ничему меня жизнь не учит! Рядом с таким оратором, как Сёмина, лучше ничего пить.

— Сёмина, давай заканчивай уже, — я нервно одернула подол своего светло-голубого платья с одним открытым плечом. Благо погода радовала майским теплом и располагала к небольшому оголению. А ещё как оказалось, Корсакову не только мои ноги очень нравятся, но и ключицы... Небольшое открытие после Москвы.

Только знала бы Аринка про этот чёртов спор, по-другому бы запела, я уверена.

— Что Сёмина? Сёмина между прочим дело говорит! — не унималась Аринка, при этом стреляя глазками в сторону Димы. Правда тот по-прежнему продолжал что-то напряжённо писать в своём гаджете. — Хотя, наверное, сначала Валька выйдет. Считаю, первый шаг вы с Гошаном уже сделали. Свой бизнес у него теперь есть. Значит, деньги скоро рекой польются, и можно будет уже и свадьбу планировать, да?

— Арин, я не буду тебя посвящать в подробности бизнес-плана и какие кредиты были взяты для открытия этого Дизайн-бюро, — усмехается Валька, — Просто знай, что в этом плане пункта под названием «свадьба» не значится. Поэтому, выдыхай. Вон, можешь Лизку обрабатывать.

Нашу столь занимательную беседу прервал Вадик, брат Гоши, который решил достать фотик. По традиции, он у нас фотограф на всех совместных посиделках. Потому что, как оказалось, только у него для этого занятия руки растут из правильного места.

— Так, все встаём для группового фото!

— Ты ещё скажи: «встаём на фоне ковра!», — смеётся Поля, приобнимая его за плечи.

— А что хорошая идея, будет кадр в стиле ретро...

— Вадь, у нас нет ковра.

— У Сёминой есть, — вспоминаю я, что у Аринки действительно в квартире можно найти что угодно. — Можем к ней завалиться!

— А ну цыц! Все встаем к стене, там свет хороший, — командует Вадик, доставая из сумки штатив. Мы все покорно выстраиваемся у стены.

Ощущаю на своей талии знакомые горячие ладони. Кто бы мог подумать, что я уже успела соскучиться по его прикосновениям.

— Я соскучился, — будто читает мои мысли Саша и легонько целует в оголённое плечо. Но даже от такой невинной ласки меня бросает в жар.

— А по тебе и не скажешь. По-моему, вы с парнями отлично спелись.

— Толковые ребята. Я посмотрел их работы, мне понравилось.

И когда братья Мальцевы успели своё портфолио за стол притащить?

— Ещё скажи, что уже о сотрудничестве договорился.

— Очень даже может быть.

Краем глаза замечаю, что Аринкин ухажер стремительными шагами выходит из комнаты и расстроенную мордашку подруги, которая молча наблюдает за этим безобразием, слегка закусив губу.

— Срочный звонок по работе, — вздыхает Сёмина. Но по глазам вижу — она уже изрядно раздражена от нелюдимости своего Дмитрия, но держится из последних сил. Зная Сёмину, от великого скандала блондинчика отделяет всего лишь один промах.

— Иди сюда, — обнимаю её я одной рукой, чтобы хоть как-то поддержать и сгладить отсутствие этого блондинистого отщепенца. Второй рукой приобнимаю Сашу. Корсаков понимающе улыбается в ответ. Склоняю голову к его плечу и смешно утыкаюсь носом в шею, наслаждаясь ароматом.

— Насчёт три все дружно орём: с-ы-ы-ы-р! — говорит Вадик, выставляя последние настройки на фотоаппарате.

— А почему сразу «с-ы-ы-ы-р»? Ты обидишь Батона! — не соглашается Гоша. Собакен, удобно устроившись на руках Вальки, в подтверждение этих слов громко гавкнул.

— Ты хоть понимаешь какое положение примет твой рот, если ты скажешь «Бат-о-о-о-н»?

— Кто вообще придумал назвать собаку Батон? — спрашивает Полина.

— Гоша!

— Не верю. Гоша назвал бы его Колбасой!

Мы начинаем все дружно смеяться в голос, прекрасно обходясь и без коронной фразы про сыр. Оборачиваюсь к Корсакову и понимаю, что он один из тех, кто сейчас громче всех смеётся, чуть отклонив голову назад. И даже что-то шутит в ответ.

Вписался. Да, он определённо вписался в наш небольшой, но дружный коллектив. Знать бы только надолго ли...

Первый рабочий день после праздников с самого утра подхватил меня в водоворот встреч, не оставляя времени на раскачку. Вторник обещал быть не менее продуктивным. Но уйти с головой в работу мне не дал Корсаков, который решил забрать меня с очередной встречи в старом городе, чтобы немного прогуляться по набережной.

Видите ли, он соскучился! А всему виной была уже вторая ночь после Москвы, которую мы провели порознь. Хотелось бы верить, что Саша действительно скучал. Потому что я по нему — безумно. К счастью, его майка, на которой ещё хранила аромат парфюма, отлично помогала мне уснуть. Всё-таки отличная была идея «одолжить» её у товарища Корсакова.

Время обеда давно уже миновало, но лишние полчаса перед возвращением в офис я могла урвать. В работе продажником есть свои плюсы, и то, что не нужно было ежеминутно отчитываться о каждом своём шаге, было как раз одним из них.

Тепло стремительно набирало обороты, погода радовала, и было чертовски здорово просто вот так идти, есть мороженое и болтать на отвлечённые темы. Расслабиться, шутить, и отключить голову. Последнее мне было крайне нужно, потому что с возвращением в Самару меня всё больше и больше одолевали тяжёлые мысли.

Вчера вечером до меня несколько раз пытался дозвониться Гордеев. После третьей попытки и нескольких смс, мне пришлось внести его номер в чёрный список. Морально мне это далось нелегко. Всё-таки мы были не чужие друг другу люди. А когда ты так долго делишь вместе и радости, и горести, мечтаешь и строишь совместные планы — одним движением полностью убирать человека из своей жизни казалось каким-то неправильным, некрасивым поступком. Но я не знала, как ещё дать понять, что между нами больше ничего не может быть. Отболело, прошло, затёрлось в памяти.

Возможно, мне уже пора расчищать место для новых ран.

Глядя на Корсакова, с каждым днём в это верилось всё легче. Как бы я не хотела к нему привязываться, но он всё равно оставит значительный след в моей жизни. Такой недолгий, но очень яркий. А потом уйдёт. Иначе просто и не может быть. Ведь я всего лишь проходной вариант, не стоит об этом забывать. Никогда. Но как же хочется забыть...

— Ты погрустнела, — от Александра третьего каким-то непостижимым образом невозможно было скрыть любое маломальское изменение в моём настроении. Я уже не первый раз замечала, что стоило мне отвлечься на какие-то свои посторонние и не самые радостные думы, как он тут же задавал ненужные вопросы. Но не признаваться же ему, что причина моей печали — вновь некстати нагрянувший в мою жизнь бывший? Из-за которого, между прочим, мы только недавно серьёзно ругались.

Помимо звонков Леша, ко мне вчера прилетел еще один привет из прошлого — Инга Шулькевич, моя университетская подруга очень хотела со мной серьёзно поговорить, когда будет проездом в Самаре. О чём именно, подруга молчала как партизан, что только подогревало моё любопытство, но в то же время вызывало лёгкую грусть — Инга, как никто другой была в курсе нашей истории любви с Гордеевым. Правда, когда я в последний раз видела Шулькевич, мы с Лёшей ещё состояли в рядах счастливых влюбленных парочек. Но про все это рассказывать Саше мне совершенно не хотелось. И про то, что я постоянно теперь думаю о нашем с ним неминуемом расставании. Сколько там осталось дней до конца тест-драйва? Даже вспоминать не хочется...

— Не-а. Тебе показалось, — я навесила на лицо самую озорную улыбку, которую только могла из себя выдавить и заодно решила подразнить Корсакова, высунув язык, как среднестатистический обезьян. — Так что там насчёт завтра? Неужели моим тихим спокойным вечерам без твоего несравненного общества придёт конец?

— Э, я вот сейчас возьму и обижусь, — Саша притягивает меня к себе и шутливо кусает за ухо. Это так неожиданно и щекотно, что я неудачно взмахиваю рукой и роняю на асфальт своё слегка подтаявшее мороженное. Ну ладно, хоть не на платье — одно из моих любимых, которое не только отлично сидело по фигуре и подчеркивало всё, что надо, а что не надо скрывало, но и ещё полюбилось мне с первого взгляда за потрясающе благородный зелёный цвет. Саша говорил, что это цвет идеально подходит под цвет моих глаз. Испачкать это сокровище было бы по меньшей мере преступлением.

Провинившийся в этом безобразии Корсаков (нечего зубами клацать было без моего разрешения!) отправился к киоску с мороженым за новой порцией. А я уперлась руками на ограждение и подставила лицо лёгкому весеннему ветерку, долетавшему с Волги.

— Картина маслом: место встречи изменить нельзя. Да, Лизк? — раздаётся рядом знакомый голос.

— Санёк! — от удивления я успела только всплеснуть руками, и улыбнуться, как меня тут же заключили в крепкие медвежьи объятия. — Это уже становится традицией.

При первом взгляде, казалось, что Александр второй всё такой же: шумный, внушительный и чертовски самоуверенный, только куртка и ботинки на нём были из более лёгких материалов. Но стоило присмотреться к нему поближе, и я заметила грустный, потухший взгляд. Насколько мне было известно, Римма до сих пор на него дулась.

Мне очень хотелось рассказать о своих подозрениях, но я не знала, с чего начать. Даже доказательств у меня никаких не было, Корсаков сказал, что давно стёр те гадкие сообщения от анонима. Насколько Римма готова будет поверить моим голословным заявлениям?

— Ты в наши места-то не планируешь перебраться? — спрашивает Александр второй, слегка ослабляя хватку и наконец давая мне возможность нормально вздохнуть.

— Может и планирует, со временем. Ко мне, — отвечает за меня материализовавшийся из воздуха Корсаков. Нет, серьёзно, я клянусь — ещё пару секунд назад его рядом и в помине не было. С чего вдруг такая прыть?

Но стоило мне перевести взгляд на ещё не до конца разомкнувшегося объятия Санька, как сразу же всё стало понятно. Ревность родилась вперед Корсакова, однозначно. Ну или собственнические инстинкты. И с чего вдруг такое заявление про переезд? Меня вполне устраивает моя квартира! И не надо тут метить территорию поспешными и неправдоподобными заявлениями!

Я поспешно делаю шаг назад, и уже было открыла рот, чтобы возмутиться наглости товарища Корсакова, но тут же осеклась. Уж больно мне не понравился взгляд Александра третьего. Очень и очень красноречивый. Нет, уезжать, ударяя по газам, не разобравшись в ситуации он явно не планировал, а вот переехать ни возьмись откуда взявшегося типа был бы не против. Кажется, нужно срочно спасать положение.

— Не обращай внимание. Это он так шутит, — слегка толкаю я в бок Корсакова. И следом попадаю в не менее цепкое кольцо рук, которые намертво приклеились к моей талии. А между прочим, в одной из них рожок с мороженым! Но этот факт похоже кого-то мало волнует. — Саша, знакомься, это Санёк. Санёк, это — Саша. Как говорится, захочешь — не запутаешься.

За непринуждённым смехом и неуклюжей шуточкой я постаралась опустить более детальное представление. Если Александра второго я вполне могу величать другом, то как быть с Корсаковым? Статус наших отношений более чем размытый и неопределенный. Уж лучше молчать от греха подальше.

Парни обменялись крепкими рукопожатиями, но приятность встречи не отметили. Ну что ж, ладно.

— Санёк, а ты чего не на работе сегодня? — постаралась я заполнить неловкое молчание.

— Да сегодня чё-то мало заказов. Я уже домой ехал, и тут смотрю знакомое лицо...

Александр второй подрабатывал курьером, и благодаря нашему общению я была немного в курсе его графика работы и образа жизни. Санёк что-то ещё хотел добавить, но под пристальным взглядом Корсакова будто бы немного стушевался, и передумал. И это было удивительно и забавно, с учётом того в насколько разных они были весовых категориях.

— Ну я, пожалуй, пойду, не буду вам мешать, — вместо этого добавил Александр второй. — Спишемся, Лизок!

— Пока, Сань, — улыбнулась я, наблюдая его медведоподобную фигуру, стремительно удаляющуюся в сторону дороги.

Раз, два, три. Да начнется светопреставление.

— Это и есть тот самый Александр первый?

— Нет...

— Лиз, у тебя среди друзей-мужиков другие имена кроме Саши вообще встречаются?

Если я и ожидала какого-то вопроса, то явно не этого. И все скопившееся у меня напряжение вырывается в неконтролируемый громкий смех.

— Ну да. Ещё есть Фарид. Ты же его видел на стендапе.

— И всё? Н-да, не густо, — протягивает Саша.

— Ну как уж есть, — сквозь смех удаётся проговорить мне, — С Александром первым мы довольно редко теперь общаемся. А этот Санёк — Александр второй.

— Второй? Ты же говорила, что Первый — это кличка. Второй, что тоже?

— Эм-м... в каком-то смысле, — смущённо говорю я, стараясь опять не захихикать. — Это я такие клички дала. Но использую их чисто для себя, для записи в телефоне, чтобы не пугаться.

— Значит, Первый, Второй — это просто порядковый номер? — продолжает меня буравить взглядом Корсаков.

— Ну да-а. По времени знакомства. Надо же мне было как-то разделять людей, — я наконец вспоминаю о мороженом, и аккуратно выхватываю его из напряжённой руки Александра третьего. Стыдливо отвожу взгляд и полностью сосредотачиваюсь на процессе поглощения лакомства. А пауза, ну... она вполне закономерна. Мужик переваривает информацию, это нормально.

— По времени знакомства, значит, — тихо говорит Корсаков, будто бы сам для себя. — А я значит — третий?

Я киваю и издаю тяжёлый вздох. Почему такая мелочь вызывает у меня дикое смущение? Как будто размещая Корсакова под номером три, я могла ненароком его обидеть?

— Да. Саш, ты не обижайся... дело не в том, что ты как-то менее значим. Просто с тобой я познакомилась позднее, — торопливо начинаю оправдываться я, подходя ближе и

склоняя голову ему на грудь. — Мне показалось это отличной идеей. Я же не виновата, что в какой-то момент жизни у меня появилось столько знакомых Саш. Надо мной даже подружки ржали, что я магнит для Александров. А я вообще не понимала, что это за прикол такой и почему так происходит! Поэтому, когда ты подошел ко мне, я была почти на сто процентов уверена, что ты тоже Саша. Помнишь, я тогда Нострадамусом прикинулась?

— О боже, — Корсаков прикрывает глаза, но вижу, что он улыбается одними уголками губ.

— Саш, так ты не обижаешься? — робко спрашиваю я.

Вместо ответа Александр третий порывисто прижимает меня к себе, и начинает смеяться, целуя в макушку, нос, губы и вообще везде в куда только удаётся попасть.

— Саш, ты чего...

Договорить конец фразы я не успела, так как Корсаков в конце решил меня добить своим поведением. Подхватил на руки и начал кружить, громко смеясь.

— Нет, ну это надо же! — слышу я сквозь смех.

Ну да, может и не самое умное решение с моей стороны, но уж какое есть. Подумаешь, назвала мужиков по порядковому номеру! А могла бы и какие-нибудь нелепые или грубые прозвища дать. Сёмина вот, например, очень любит так развлекаться. У неё не телефонная книга, а зоопарк с помесью цирка уродов.

Мороженое в очередной раз падает у меня из рук.

— Корсаков — ты псих, — не выдерживаю и начинаю улыбаться я в ответ, уж очень заразительно смеялся Александр третий. Легонько целую его в нос.

— Ага. Счастливый псих, — кивает Саша, наконец аккуратно ставя меня на землю, но не выпуская из объятий.

Видеть Сашу таким было странно, но я не могла не признать: хохочущий сумасшедший Корсаков определённо лучше неуравновешенного ревнивца.

— Может объяснишь, что это вообще было?

— Когда-нибудь обязательно. Но не сегодня. А пока можешь попробовать догадаться, включив свои экстрасенсорные способности... Как при первой встрече.

Розыгрыш свидания на крыше с потрясающим видом на город.

Иногда в нашем журнале можно найти действительно что-то интересное. Я и знать не знала, что у нас в Самаре открыли такое место. А Лана молодец, смогла заполучить к нам уникального клиента.

Делаю репост из группы «ГородОК» в сообщения по своим девчонкам. Пускай поучаствуют. Аринка точно будет пищать от восторга, если выиграет и сможет сходить туда со своим блондинчиком, Я бы, конечно, тоже не отказалась. Но какова вероятность того, что через месяц товарищ Корсаков всё еще будет в моей жизни?..

С тяжёлым вздохом выключаю компьютер и ныряю ногами в парадно выходные туфли. Впереди важная встреча по рекламе нового баварского ресторана. И на удивление, они сами были заинтересованы в рекламе, даже не сильно придется их уламывать. Но выглядеть нужно всё равно презентабельно.

В отделе продаж какой-то шум и гам с самого утра. Оксанка не в духе и на всех бурчит, Ника напряжённо обсуждает с Таней предстоящие отгулы — оказывается, у неё впереди сессия. И не где-нибудь, а в столице.

Непроизвольно у меня вырывается ещё один тяжёлый вздох. Теперь Москва навсегда у меня будет ассоциироваться с той прогулкой под дождём и уютной квартирой на старом Арбате...

— А я и не знала, что ты в столице учишься, — раздаётся голос Ипатовой. — Ник, ты же вроде в один универ с Лизкой поступала? Или я что-то путаю?

Всегда удивлялась способности Настюхи вот так спокойно влезать в чужой разговор, будто так и должно быть. Эх, мне бы такую самооценку.

— Я перевелась в конце второго курса, — Ника нервно тряхнула своими огненно-рыжими волосами. Она явно не рада вниманию Ипатовой, и потому окинула её испепеляющим взглядом.

Забавно, а я и не знала, что Скворцова училась со мной вместе. Хотя историк экономисту такой себе товарищ, конечно... Возможно, мы с ней даже когда-нибудь и пересекались в универе. Надо будет потом её подробно расспросить, может, она помнит.

— Идём? — подходит ко мне Лана. Так получилось, что сегодня мы едем на встречи вместе. Компания не самая приятная, но куда деваться. Не располавливать же нам нашего водителя Тёмыча?

Киваю Зубковой, и подхватив сумку и папку с презентационными материалами, направляюсь за ней следом.

Нужно хотя бы пока идем до машины изобразить подобие дружеского разговора. Но с чего начать? В присутствии Зубковой у меня и раньше не особо получалось фонтанировать дружелюбием и общительностью. А уж после того, как я познакомилась с обратной стороной нашей Барби на вечеринке у Ярика, так тем более не представляю, как правильно себя вести.

Так ничего и не придумав, я просто стала спускаться вниз. Пускай, если надо, сама подбирает нам темы для разговора.

Одной из моих не самых полезных привычек было то, что я практически никогда не держусь за перила, спускаясь по лестнице. И сейчас это сыграло со мной злую шутку.

Невнятный хруст, резкая боль в ноге, и я чувствую, как начинаю терять равновесие. Внутри всё противно сжимается, сердце ухает куда-то к пяткам, а я в ужасе зажмуриваюсь, представляя своё падение и последующий удар головой о ступени. Но в этот момент Зубкова каким-то чудом успеваешь схватить меня за руку, и резко тянет на себя.

— Лиз, ты как? — вместе с Ланой мы неуклюже опускаемся на ступеньки. Зубкова из-за того, что приняла на себя роль моей опоры, а я из-за чёртовых туфель, каблук одной из них тихо мирно лежал внизу на последней ступеньке. Наши сумки и папки также валялись по всей лестнице.

— Н-н-нормально, — смогла выдавить из себя я.

А ведь на месте этого каблука могла быть я. И лишь от осознания этого внутри снова всё резко похолодело.

— Как нога? Идти можешь?

Я аккуратно пошевелила пальцами и попыталась встать на ногу. Вроде бы цела. Максимум небольшой ушиб и лёгкое растяжение.

— Могу. Только надо переобуться. Какого чёрта этот каблук отвалился, не понимаю! Я эти туфли не так давно на Новый год покупала, недешёвые между прочим! И всё нормально было...

— Правда не понимаешь? — удивлённо приподнимает идеально очерченную бровь Лана. — Запасная обувь есть?

— Д-да.

— Тогда разувайся и побудь пока здесь, я принесу твои запасные туфли. Постарайся, пожалуйста, не свалится с лестницы, я тебя очень прошу.

С этими словами местная принцесса гордо удалилась в офис, оставив меня в полном недоумении.

И что это сейчас было?!

По телу начинала расползаться противная мелкая дрожь. Верхняя ступенька, высокие каблуки... Если бы не Лана, то без производственной травмы бы точно не обошлось.

Ещё одной.

Я ведь не так давно уже летала со стула. Совпадение? Или нет?!

Зубкова возвращается, держа в руках мои повседневные босоножки. Они не очень подходят к одежде для встречи, но мне уже плевать.

И с чего вдруг такая забота? Лана и такие понятия как помощь и взаимовыручка абсолютно несовместимы. Или она делает это только из-за Ярика? И на что она намекала? Неужели моё несостоявшееся падение с лестницы было подстроено? Или у меня уже паранойя?

— Что ты имела в виду, когда сказала, что я ничего не понимаю? — всё-таки решаюсь спросить я, застёгивая босоножки.

— Лиз, вот скажи, как ты вообще стала продавником? — закатила глаза Зубкова, поднимая с лестницы свои вещи. — Иногда у меня такое ощущение, что ты абсолютно не разбираешься в людях, и дальше своего носа ничего не видишь.

Такой резкий переход к моей персоне меня озадачил, и я нашлась, что ответить. Впрочем, Лане мой ответ был и не нужен. Резко развернувшись на своих каблуках, она стала спускаться вниз, как воплощение аристократической холодности, стати и грациозности.

Вот неужели так сложно сказать всё прямо?! Если сломанный каблук не случайность, то кто это мог сделать? Кому я так сильно насолила? Единственный человек, который открыто

меня недолюбливал в офисе, сейчас спас меня от падения.

Ах да, есть ещё та самая таинственная Вера-Лера, которая трудится у конкурентов. Но не могла же она прибежать к нам в редакцию и отпилить мне каблук? Бред!

Я ничего не понимала. Но происходящее нравилось мне всё меньше и меньше.

С работы я возвращалась загруженная и совершенно разбитая. Слова Ланы не давали мне покоя. Кто мог так меня невзлюбить в редакции? И из-за чего? Неужели, всё из-за этой чертовой премии «Продажник года»?! Других объяснений у меня не находилось. Но почему именно сейчас? Я и в том году её получала. И тогда это было большим потрясением для нашего офиса продаж: какая-то выскочка, которая в журнале без году неделя, завоевала такое звание. Пускай я и работала, как проклятая. И если раньше с выбором Коваленко могли поспорить та же Лана или Оксанка, то в этом году контракт с «Корсаром» существенно изменил расстановку сил. И тягаться со мной будет сложно.

Я даже не знала кого мне подозревать! Лана? Идеальная кандидатура: и телефонные звонки мои не переводила и контракт с «Корсаром» она явно страстно мечтала получить, а вместе с ним и Корсакова, который прилагался к этому контракту... Только на кой черт ей тогда меня было спасать?! Ника? Единственный человек в нашем офисе продаж, который всегда относилась ко мне максимально доброжелательно. Мы с ней и в журнал пришли практически одновременно — сначала я, а потом уже через пару недель ее взяли вести инфоблоки с перспективой стать менеджером по продажам. Но что нам с ней было делить? Это скорее Ипатова ее недолюбливала и постоянно цеплялась к девушке из-за того, что она не ее взгляд излишне «сахарная». Но Настюха и ко мне в первые месяцы относилась с холодком, пока не узнала ближе. Как знать, может со Скворцовой у них со временем наладится общение. Саму Настюху я даже рассматривать в качестве кандидатуры предателя не хочу! Да, мы с ней уже второй год подряд боремся за звание лучшего продавца, но неужели я настолько плохо разбираюсь в людях, чтобы дружить с человеком, который в глаза тебе улыбается, а сам готов подпилить каблуки, чтобы спустить тебя с лестницы?! Оставалась Оксанка. Матросова, конечно, была ходячая язва, и при любом случае старалась меня поддеть, но она один из самых опытных работников журнала и всегда стояла за него горой. Мне было сложно представить ее в роли перебежчика, который втихаря работал на «люксачей» и вдобавок так сильно ненавидел меня...

Может рассказать обо всем Вальке с Аринкой? Но что-то не хочется их пугать. Сёмина у нас очень мнительная, ещё заставит таскать с собой монтировку, чтобы отбиваться от врагов. Или будет названивать по тридцать раз на день, проверяя жива ли я. А Валька будет себя накручивать и переживать. И вообще, они ещё от моего рассказа о пари не до конца отошли.

Впрочем, почему-то ни Райкова ни Сёмина в вину Корсакова особо не верили. Не знаю, как у него так получилось очаровать и их, и мою бабушку, но все они почему-то были уверены в его искренности по отношению ко мне. А вот Ярик Вальке заочно не понравился. По её мнению, этот «хитрый жук» далеко не так прост, как кажется. И принимать его слова о споре за чистую монету не стоит.

Короче, помогли так помогли! Понятнее не стало, но вот призрачная надежда всё-таки появилась. Пускай у нас с Сашей всё началось не как у нормальных людей, но может быть он всё-таки что-то чувствует ко мне? И я для него вовсе не проходной вариант? Как же мне хотелось в это верить...

А пока дни стремительно приближали меня к завершению нашего тест-драйва. И

значит, предстояло дать ответ. Ввязываясь ли в эту авантюру под названием серьёзные отношения с господином Корсаковым, зная наперед, что ничего по-настоящему серьёзного мне не светит. Или отказаться и добровольно самой разбить своё сердце? Чёрт, ну почему меня угораздило так попасть? Я не очень рассчитывала на то, что получится его влюбить в себя в рамках своего плана мести, но чтобы вот так самой безответно и без оглядки...

Мои размышления прервал телефонный звонок. Аринка. Я не очень любила разговаривать в общественном транспорте, но Семёиной лучше ответить с первого раза. Иначе потом несдобровать.

— Аринк, привет. Я в маршрутке...

— Ненавижу его!! Ненавижу!! — оглушает меня её вопль в трубке.

— Кого? — ахаю я, покрепче ухватившись за поручень. Насколько я помню, единственный человек, который мог довести сейчас Аринку до белого каления это её сосед, который при каждой встрече напоминает ей тот случай с каской. Неужели он её совсем допёк?

— Диму!! Он женат!! Лиз, эта сволочь — женат!

От неожиданности я едва не роняю мобильный в проход. Тысяча нецензурных слов готовы сорваться у меня с языка, но я сдерживаю себя. Как, впрочем, и порыв сорваться искать этого м...судака, чтобы свернуть ему его лживую шею. Но вместо этого я прошу остановить маршрутку на следующей остановке.

— Арин, ты дома? Я скоро буду.

— Какие выбрать? Вот эти? Или они крепкие? — спрашивает меня Сёмина у кассы супермаркета, беспорядочно тыча в табачные изделия.

— Тебе — никакие, — отрезаю я, уводя ее от кассы и взглядом извиняясь перед сотрудницей магазина за небольшую заминку. — Он того не стоит!

— А Гордеев твой стоил?! — вспыхивает Аринка.

— И он тоже, — спокойно соглашаюсь. — Просто я дура, и дала слабинку. А тебе я не позволю! Давай уж лучше стандартный набор: винишко и мороженое?

Сёмина отрицательно мотает головой, и вновь размазывает по лицу слёзы. От туши уже совсем ничего не осталось, лишь несколько подтеков у век говорят о том, что утром здесь красовался её стандартный макияж для рабочих будней. Протягиваю салфетку, но Аринка вновь качает головой. Кажется, дело плохо — если уж Сёминой совсем плевать, как она выглядит.

Хорошего действительно было мало. Потому что практически всё, что рассказывал о себе это блондинистая сволочь, оказалось ложью. Единственное, по мнению Аринки, в чём он не соврал — это место его работы. Потому что так она и вычислила его настоящую страницу в социальной сети: зашла в группу компании и обнаружила человека с идентичными именем и фамилией, только с большим количеством друзей и активными постами. А самое главное — с кучей фотографий с женой и маленьким сыном.

Теперь мне стало понятно, почему он не жаждал с нами фоткаться на память. Просто не хотел оставлять следы. Хотя конспиратор из него, конечно, такой себе. Даже не стал скрывать настоящую фамилию. Неужели он настолько держал Аринку за дурочку? И настолько был уверен в своей легенде?

Даже мне хотелось рвать и метать от такой информации. И я с трудом представляла, что сейчас чувствовала внутри Сёмина. Впрочем, свою квартиру она уже разгромила. И даже попыталась прорваться в фирму к Диме, но её не пропустила охрана на КПП.

— Надо ему шины спустить.

— Арин...

— Что?

— Если ты попадёшь на камеры видеонаблюдения, он на тебя и ментам заявить может.

— Пусть только попробует! Козёл! И я тут же передам пламенный привет его жене в личные сообщения!

Сёмина неслась обратно домой со скоростью света, и я едва за ней поспевала. Плохо, что она ничего не хотела ни есть, ни выпить. Надо всё-таки попросить Вальку заскочить в магазин после работы за набором продуктов для разбитых сердец. Это сейчас Аринка носится, как электровеник, и ей ничего не надо. А потом может резко переключиться, или наступит отходняк. Нужно быть во все оружии. Хотя... не стоит забывать про знаменитые стратегические запасы Сёминой. Возможно, у неё всего с лихвой уже есть.

— Представляешь, его сыну три годика было вначале апреля. И он сначала с ним... на празднике изображал у себя в Волгограде заботливого папочку. А спустя неделю в клубе со мной... ненавижу! Ненавижу!!

Аринка не выдерживает и сотрясается в рыданиях, пряча лицо в ладонях. Аккуратно, будто боясь спугнуть, обнимаю её дрожащие плечи и привлекаю к себе.

— Лиз, я встречалась с женатым! Я! Которая всегда ненавидела всех этих тварей, что спят с чужими мужьями, и первая была готова их закопать!!

— Арин, ну ты же не знала...

— Как так можно?! Лиз, как?? Ладно я, наивная овца сама виновата, но со своей женой, с ребёнком? Как же это все мерзко, не могу...

— Ты же знаешь, что ему это вернётся бумерангом, — говорю я, поглаживая спутанные волосы подруги, вновь начинающие немного виться.

— А мне? Мне это потом тоже вернётся, да? Господи, ну почему мне вечно попадают одни мудаки?! Может, я что-то отчебучила такое в прошлой жизни и теперь разгребаю?!

— Не придумывай ерунды, — усмехаюсь я. Сёмина выворачивается из моих рук и вновь несётся в сторону дома, подгоняемая гневом и отчаянием. — Бабушка мне всегда говорила «ничего, будет и на твоей улице праздник!».

— Ага, конечно! Бразильский карнавал ещё скажи! — фыркает Сёмина, подлетая к подъезду. — Вот где они все эти нормальные мужики, где? А нету их, Лизк! Разобрали! Едрид Мадрид, вот только тебя тут сейчас не хватало!!

С удивлением перевожу взгляд, на застывшего в дверях парня. Высокий, долговязый с тёмными волосами.

— О, гроза района! А ты сегодня в ударе, я тебя ещё в лифте услышал...

— Знаешь, что?! Пошёл в жопу! — орёт Сёмина, тыча пальцем в парня. М-да, не вовремя он решил на улицу выйти. — И ещё раз пошутишь про эту каску я тебе её туда и затолкаю! Ясно тебе?!

Под конец фразы я не знала то ли смеяться мне, то ли прятать глаза от смущения. Сёмина пулей влетела в подъезд. Долговязому осталось лишь раскрыть рот от удивления и проводить подругу изумленным взглядом.

— Не обращай внимание, — со вздохом говорю я, осторожно поднимаясь следом за Сёминой по лестнице. На этот раз предусмотрительно держась за перила. Не хватало только повторно упасть и загреметь в больницу, чтобы сделать этот день ещё более отвратительным, чем он есть сейчас. — У неё просто был тяжелый день...

— Да я уже понял, — отозвался парнишка. Глаза у него были какие-то невероятно умные, будто не по возрасту. И сейчас в них отчетливо читалась озадаченность и неподдельное человеческое сочувствие.

И почему-то мне показалось, что понял, он гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд.

— Ты неисправим, — обречённо вздыхаю я, откинувшись головой назад на плечо Корсакова, и удобно разместившись у него на коленях. Кажется, уютный романтический вечер пошёл насмарку, потому что у господина генерального директора опять форс-мажор. И если разгребать свою почту, пока я сижу на коленях, он ещё может, то вот с созвонами по скайпу мог возникнуть некоторый конфуз.

— Лизонь, я постараюсь управиться за два часа.

Ну вот как на него можно злиться, когда он смотрит таким виновато умоляющим взглядом? Ещё это детское прозвище.... Наслушался бабушку, вот теперь использует это против меня. Знает ведь, зараза, что это моментально может растопить моё сердце.

— Пойду прогуляюсь что ли.

— Может вызвать Володю? Вдруг ты захочешь куда-то поехать?

— А у нас что, такси вымерло, как вид транспорта? — хмыкаю я в ответ. Ещё чего не хватало — вызывать его личного водителя! В конце-то концов, у меня и две ноги есть. Куда надо, туда и сама дойду. И погода сегодня прекрасная для прогулок по набережной. — И вообще, Саш, я хочу немного пройтись. Вот скажи мне, как можно жить рядом с Волгой, и не ходить каждый день на пляж?

— Да что там каждый день можно делать?

— Созерцать природу, Саша! Чем я, собственно, и займусь. А твоё время пошло, — я легонько чмокнула его в губы и постучала пальцем по воображаемым часам на своём запястье.

Вечерний променад успокаивал нервы, и понемногу расставлял мысли по местам. За Аринку у меня теперь постоянно болело сердце, и от этого гнетущего состояния сложно было избавиться. Сейчас она захотела побыть одной, и поэтому мы с Валькой понимающе отошли в сторону. Просто договорились держать руку на пульсе и в случае чего подключиться — составить компанию и просто выслушать или вытянуть её куда-нибудь проветриться.

В редакции стало максимально неуютно после того несостоявшегося падения с лестницы. Теперь я подозревала всех и каждого, и пыталась отыскать хоть какие-то намёки на ненависть в отношении меня. Но Зубкова была права: я ни черта не понимала в людях, не умела читать по мимике и жестам и не могла различать какие-то особые интонации или двойное дно в словах. Я просто привыкла относиться ко всем равно и доброжелательно, особенно если человек относился также ко мне в ответ, и всякие подковёрные игры были мне чужды. Но все эти сомнения отнимали кучу нервов и сил.

— Бельская? Это ты что ли? — раздаётся рядом голос, который я уже давно не слышала.

Набережная — это какое-то заколдованное место встреч, не иначе! Оборачиваюсь и моментально расплываюсь в улыбке. Недалеко от меня стоит моя университетская подруга Инга Шулькевич, с которой в последнее время мы все никак не могли состыковаться по встрече. Первые курсы мы с ней вообще не разлей вода были. С появлением в моей жизни Гордеева, конечно, это изменилось, но даже моя бурная личная жизнь не помешала сохранить нам с Ингой по-настоящему тёплые дружеские отношения до самого окончания учебы. Правда потом наши пути немного разошлись — Ингуля поехала учиться в магистратуру в Питер. Поэтому увидеть её здесь на наших волжских берегах стало для меня

полной неожиданностью.

Она ни капли не изменилась: такие же роскошные пепельно-русые волосы, огромные голубые глазища, которые она всегда умело выделяла — жидкой подводкой и тенями, от чего взгляд становился еще более выразительным и кукольным. В стиле одежды она также верна себе — короткие платьица, чтобы выгодно подчеркнуть стройные ноги, яркие цвета.

— Ингулёк! — ору я, раскинув руки. Подбегаю к подруге и заключаю её в объятия, даже слегка приподнимая её миниатюрную фигуру от земли. — Я думала ты ещё пребываешь на берегах Невы!

— Так у мамки юбилей. Пропустить его подобно смерти, ты же знаешь. Пришлось кидаться в ноги к шефу, чтобы сбежать в родные пенаты, ещё и аккуратно между зачетами, — Шулькевич крепко обнимает меня в ответ и одаривает оценивающим взглядом. — Но я до последнего не знала, отпустит он меня или нет.

— С ума сойти, что мы все-таки смогли с тобой пересечься! — до сих пор не могу прийти в себя я, приобнимая подругу.

— Ну вот видишь, мы с тобой все никак не могли состыковать расписания, и судьба решила это сделать за нас. Та-а-а-к что-то в тебе поменялось, Лизк, не могу понять только, что. Я жажду подробностей — ты как тут вообще, а? Тебя уже сто лет не слышно, не видно!

Хотела бы я сама знать, что именно во мне поменялось, и в лучшую ли сторону. С момента нашей последней встречи столько всего произошло!

— Да тут в двух словах и не расскажешь...

— А ты давай не в двух. Пошли посидим, где-нибудь, — подмигивает подруга и хлопает по подарочному пакету. — Подарок мамке я уже купила, значит со спокойной душой могу выдохнуть и расслабиться.

По сравнению с Шулькевич и её потрясающим платьем цвета фуксии, я конечно одета как бомж: ничем не примечательные джинсовые шорты, футболка и ветровка с кедами. На приличное место мой прикид не тянет, но посидеть в летнем кафе — запросто.

— А пошли! — смеюсь я, беря её под руку. Надо потом написать Корсакову, чтобы не сильно спешил закружаться с работой. Зная нас с Ингой, в два часа мы точно со своей женской болтовней не управимся.

— Так судя по отсутствию кольца, замуж ты пока не вышла. Ну и правильно, нечего гробить свою молодость на все эти сковородки-кастрюльки! Слава богу, не охомутил тебя этот засранец Лёха. Как там он, кстати, твой ненаглядный Ляксей Батькович поживает? — иронично протягивает Шулькевич. Сколько помню, к Гордееву она всегда относилась с холодком и лёгкой иронией.

О боги! Сколько же мы с ней не общались? Получается, про наш разрыв с Лёшкой и моё чудесное весёлое время после расставания с ним Инга вообще не в курсе...

— Инг, мы с Лешей расстались. Ещё той осенью, — я невольно слегка замедляю шаг. Тема не самая приятная для меня, даже не думала, что мы начнем именно с неё. Но видимо, придется.

— Да про это я знаю. Птички на хвосте недавно принесли. Ты мне лучше скажи, это как тогда, на втором курсе? Или окончательно? — пристально смотрит на меня Шулькевич.

— Навсегда.

Слова вырвались из меня легко и осознанно. Кажется, боль прошлого наконец-то потеряла надо мной власть.

— Надеюсь, общение ты с ним поддерживать не собираешься??

Отрицательно мотаю головой. А Инга вдруг резко тормозит, услышав моё признание.

— Слава богу! — восклицает она, сжимая мою руку.

И тихо добавляет:

— Значит, теперь я точно могу всё рассказать...

Мне не нравится, то, как она на меня смотрит. Точнее смотреть за её борьбой — как она то прячет глаза, то храбро пытается не отводить от меня взгляда. Это всё не сулит ничего хорошего, однозначно.

— Что рассказать? — спрашиваю я каким-то чужим, будто бы севшим голосом. Внутри противно засосало под ложечкой. На секунду даже захотелось выдернуть руку, зажать уши и убежать как можно дальше, лишь бы не слышать всего того, что она мне скажет. — Подожди, так ты об этом хотела со мной серьезно поговорить?!

— Да. Лиз, я очень перед тобой виновата...

Я медленно и лениво размешиваю трубочкой лёд в стакане с колой, пока Инга нервно комкает салфетку в руках и пытается начать разговор. За то время, что мы шли в кафе и ожидали заказ, я передумала всякое, десять раз накрутила себя и столько же успокоила. И потому уже была готова ко всему.

Но точно не к этому.

— Я была влюблена в Гордеева. Ещё до того, как вы стали встречаться, — выпалила на одном дыхании Инга, даже слегка зажмурившись.

— Шулькевич! Мать твою за ногу! Ты реально мне полчаса делала мозг, чтобы сообщить эту сверхактуальную новость?! — ору я.

Злости не было, почему-то хотелось смеяться в голос. Ну Инга! Нашла чего стесняться! Да в Гордеева половину нашего потока были влюблены. Да и не только нашего.

— Не трогай мою маму и ее ногу, ей она ещё пригодится отплясывать на юбилее, — буркнула Инга. — Лиз, между нами никогда ничего такого не было, клянусь!

— Да верю я, верю. Нашла из-за чего извиняться. Тем более спустя столько лет!

— Так это просто начало истории, — вздохнула Шулькевич. Так, а вот это уже занятно. — Ты же помнишь, что Лёха твой в топ-пять красавчиков входил. По нему многие сохли, и даже откровенно бегали. Ну вот и я не устояла... Был лёгкий флирт и всё! Честно! Ну и он меня так аккуратно лесом послал...

— Ты поэтому на него зуб точила, когда мы встречаться начали? — усмехаюсь я.

— Ну-у осадочек остался, конечно, — нервно ведет плечом Инга. — Хотя на самого Гордеева мне уже было глубоко фиолетово, ты же помнишь мы тогда с Колькой с филфака мутить начали... Но то, что Гордеев начал встречаться именно с тобой, конечно, у меня вызвало шок. Да и не у меня одной!

— Что ж я настолько не дотягиваю до статуса девушки красавчика из топ-пять? — саркастически интересуюсь я, потягивая колу. Пока ничего нового Шулькевич мне не сказала. Да, я помню, как все шушукались и обсуждали нас. Потом ещё больше начали перемывать косточки, во время нашего непродолжительного расставания. Это закономерно, когда твоя личная жизнь была у всех на виду в универе. Просто я мысленно отгородила себя от всех стеной и ушла с головой в учёбу.

А вот после нашего окончательного расставания морально оградить себя стеной уже не хватило сил. И шушуканий, и сочувственных взоров знакомых я старалась избегать. Ну и по классике — окунулась с головой в спасительный омут работы. Настолько, что с учётом моей работоспособности, даже без контракта с «Корсаром» у меня были все шансы выйти в лучшие продажники года.

— Глупости не говори! — возмущенно бурчит Инга. — Дело не в тебе, а в твоём расчудесном Гордееве. И в том, каких девушек он всегда выбирал.

— И каких?

— Бельская, вот скажи, как всё это прошло мимо тебя, а? Я что тогда, что сейчас не понимаю. Неужели ты от природы настолько не любопытна? Там же девки на каждого «топа» собирали досье и в чатиках секретных обсуждали, кто с кем и... эх ладно, не о том сейчас речь! В общем, понятное дело, все они встречались исключительно с красотками. Но что касается Лёхи, я потом уже после того, как он меня бортанул, заметила один

занимательный факт.

— Мм?

— Получалось так, что все Лёшкины пассии были на две головы выше его по социальному статусу.

— Из богатеньких что ли?

— Ну-у-у это, мягко говоря. У одной из них мама какую-то руководящую должность в банке занимала, у второй у родителей местная ювелирная сетка, у третьей папа в мэрии трудится. Понимаешь, к чему я веду?

— Тебя волнует вопрос, как я в эти ряды затесалась? — уже откровенно веселюсь я. Не спорю, мне и самой стало любопытно. К тому же, Шулькевич, судя по всему, ответ уже известен. И значит, долго мучиться мне не придётся.

— То есть тот факт, что Гордеев с юных лет себе таким образом протаптывает дорогу к крупным капиталам тебя вообще не смущает? — удивленно приподнимает бровь подруга, даже слегка поперхнувшись своим коктейлем.

Официант наконец-то приносит нам основной заказ, и у меня есть несколько секунд, чтобы обдумать её слова.

— Инг, а тебе не кажется, что это могло быть просто совпадение? Как бы я к нему не относилась сейчас, но мозги и талант у Лёшки всегда были. Ты же помнишь, он ещё во время обучения одним из первых на курсе начал работать с японцами... А богатеньких у нас пол универа было. Само собой среди них красивые и ухоженные девчонки встречались. Что он с меня-то мог взять? Родители, конечно, нормально зарабатывают, но в деньгах мы никогда не купались. Да и после нашего расставания — чего он себе богатую дурочку не нашел и не женился на ней? Раз он такой расчётливый.

Шулькевич аккуратно кладёт на стол вилку и с каким-то сочувствием смотрит на меня.

— Так он и нашёл. Вот только папа богатой дурочки от этого был явно не в восторге, — вздыхает подруга. — Лиз, я тут узнала недавно... что Лёха спал с дочерью босса. Вот только ко двору он им не пришёлся. Не на ту лошадку Гордеев снова поставил, и выперли его с работы.

— Откуда ты знаешь?! — слова Шулькевич ударяют меня, как обухом по голове и я от неожиданности чуть не сметаю со стола стакан со своим напитком. Да нет! Не может такого быть! Чтобы Лёша...

— Не поверишь, но это мир тесен до безобразия. Есть у меня один знакомый тестировщик, Пашка. Работал вместе с Лёхой последний год в одной компании. Говорит, скандал был знатный. Выгнали его недавно без выходного пособия. Когда говоришь, вы с ним расстались?

— В октябре...

— Ну тогда точно, всё сходится. Пашка сказал, дочь шефа вначале сентября к ним стала чаще заходить в офис. Вроде как закончила учебу за границей, отдохнула летом в Европе, и пару месяцев решила в родных краях провести, подумать, чем в жизни хочет заниматься. А тут на неё любовь всей жизни нежданно нежданно в лице Гордеева свалилась.

Ну тогда точно, всё сходится.

Слова эхом раздаются у меня в голове. Так вот она, истинная причина нашего разрыва? И постоянных скандалов накануне? Меня просто... старались выжить из этих отношений? Чтобы я не выдержала, и сама своими руками добровольно всё разрушила?

А причина всего... банальная измена?!

— Хочешь сказать, что он... и со мной, и с ней?.. — с трудом могу выдавить я, обхватывая голову руками, точно это поможет собрать разбегающиеся мысли.

— Да откуда ж я знаю, Лизк! Пашка же свечку не держал, когда у них там началось. Но почему-то не удивлюсь, если да. Этот скотина способен и не на такое...

Я смотрю в одну точку, и пытаюсь отмотать все свои мысли и эмоции назад. Ведь было же весело в начале разговора. И куда всё это делось? Я ведь только недавно самодовольно утверждала самой себе, что прошлое не имеет надо мной власти. И что теперь? Любви к Гордееву больше нет, но всё равно внутри такое чувство будто меня ограбили. И заодно растоптали то немногое, чистое и светлое, что осталось от нашей истории любви.

Инга пододвигает свой стул ближе ко мне и приобнимает меня за плечи.

— Инг, если ты знала, какой он скотина, почему тогда не остановила меня? Почему позволила встречаться с ним? — перекладывать вину на подругу за свой неверный выбор не самое правильное и мудрое решение. Но всё происходящее никак не хотело укладываться у меня в голове. — И в первый раз, и тогда после расставания, когда мы сошлись снова. Инг, почему??

— Потому что я была дурой, — в огромных бездонных голубых глазах подруги застыли слёзы. На секунду я даже залюбовалась — Шулькевич умела красиво плакать. Вот и сейчас я вижу лишь два хрусталика, которые медленно превращаются в дорожки из слёз, и стекают по её щекам. И никаких вам красных пятен по лицу и размазанного макияжа. Как она так умудрялась, для меня всегда оставалось загадкой. — Я была дурой, которая поверила в настоящую любовь.

— Любовь? Да уж, Инг..., - усмехаюсь я.

— Лизк, ну вот что я могла подумать? Он променял всех этих расфуфыренных пигалиц на тебя! Что с тебя можно было взять? Дедушкину дачу в Подмоскovie? И вы действительно вместе очень классно смотрелись... Ну я тогда и подумала, что все эти мои догадки — просто хрень, которую я же и сама придумала, чтобы оправдать, почему он выбрал не меня. Я реально была за тебя рада. Ты ведь тогда вся светила от счастья!

— Да, первая любовь, она такая, — пробормотала я. Какие-то кадры из университетских времен проносятся у меня перед глазами, но будто всё это было не со мной. Точно в красивом романтическом кинофильме, события которого уже порядком истёрлись в памяти.

— Я хотела тебе рассказать, когда вы расстались. Ты ведь помнишь, что долго он не страдал и быстро переметнулся к той блондинистой сучке с экономического... Но ты ушла в себя и вообще ничего не воспринимала кроме учёбы. А потом я вообще не поняла, что произошло: Гордеев ходит, как пришибленный, и просит у тебя прощения, пытается всё вернуть. Сучка эта блондинистая кукухой от злости поехала, что её бросили, и документы даже свои забрала из универа. Можешь считать меня наивной дурой, но я тогда была уверена, что Лёшка наконец-то понял, кто ему нужен на самом деле. И никакой он не расчетливый говнюк, а просто дурак. Ну набедокурил, с кем не бывает. И если тебе было лучше с ним, чем без него — то, кто я такая, чтобы лезть и высказывать свои подозрения? Доказательств тогда у меня никаких не было!

— Так у тебя и сейчас одни догадки, — устало говорю я. — Которым я зачем-то верю...

— Доказательства у меня появились потом. И всё встало на свои места, — тихо, практически переходя на шёпот говорит подруга. — Спасибо за это твоему папе...

Шаг, еще шаг. Сердце бешено стучит, отдаваясь в висках с каждым моим тяжёлым прерывистым вздохом. Горячая волна обиды, разочарования и злости заполняет до самых краёв.

Всё, что рассказала Инга походило на какой-то сон в духе сюрреализма. Красочный и взрывающий мозг. Я не хотела в него верить. Лишь одна мысль о том, что всё это действительно было правдой, отдавала тягучей болью в области сердца. Потому что чувства там когда-то были. К тому мальчику, которым я была очарована после совместных репетиций на одном из мероприятий в универе. Куда волею случая нас обоих загнали совершенно случайно... Мальчик, который был для меня и первой любовью, и первым мужчиной, и первым серьёзным разочарованием в жизни.

Чувства истлели дотла, но то, что от них осталось? разгоралось во мне, пробуждая совершенно противоположные эмоции, которые когда-то вызывал любимый человек.

— Лиз, на курсе ты ничем не отличалась от других студентов. До тех пор, пока твой папа не приехал к нам на конференцию. Тут-то все и поняли, что ты дочка того самого Бельского. Возможно, твой отец сам во время выступления упомянул, что работает с немецким концерном, или потом кто-то о нём справки навёл. Но именно после этой конференции Лёшка и стал к тебе клинья подбивать, — Инга вновь вернулась к излюбленному занятию — нервно крутить в руках салфетку. Ко всему прочему, она решила изорвать её в клочья, будто это могло помочь сгладить хоть как-то всю ту неприглядную правду, что она безжалостно вываливала на меня. — Может японцев ему стало мало, или мало платили... или Лёха давно мечтал с немцами поработать, не знаю. Помнишь, как я была удивлена, что он у тебя чуть ли не в первый месяц рвался с твоими родителями знакомится? Ну просто мечта, а не парень. Только вот вспомни, когда Юрий Вениаминович с немцами поругался и разорвал контракт, сопоставь даты... Я думаю, ты сама тогда не в курсе была всех этих событий с концерном, а вот Гордеев узнал. И понял, что ловить ему больше нечего.

— Это опять лишь твои домыслы? — глухо отзываюсь я, всё еще упрямо пытаюсь не верить тому, что услышала.

— Я как-то у тебя в гостях пересеклась с твоим папой и решила спросить его мнение по поводу Лёшки. Юрий Вениаминович сказал, что Гордеев ему в целом понравился — приятный, умный, любознательный парень. И очень интересовался его работой с немцами, всеми деталями производства, и даже спрашивал, как можно своё портфолио им показать. Вряд ли твой папа какой-то злой умысел в этом увидел тогда. А вот то, что вы расстались с Лёшей, его опечалило. Гордеев, если хотел, мог очаровывать с первого взгляда, ты же знаешь...

— Знаю. Но что-то тут не сходится, — качаю я головой. — Зачем ему было тогда возвращаться ко мне? Зачем ему предлагать мне потом вместе жить? Этого тебе твои информаторы не поведали случайно?!

— Лиз, не злись, — Шулькевич тяжело вздыхает и обхватывает себя руками, то ли зачем-то пытаюсь согреться в этот тёплый вечер, то ли невольно пытаюсь защититься от меня и моего гнева. — Я не знаю, правда не знаю! Другого объяснения кроме того, что он прозрел и наконец-то правильно расставил приоритеты в своей жизни, у меня нет. Мне кажется, он

действительно влюбился. Любовь, говорят, меняет людей... пускай и ненадолго. Я пыталась с ним поговорить после того, как он вернулся к тебе. Ну знаешь, все эти стандартные разговоры — «обидишь ещё раз мою подругу, будешь иметь дело со мной». Я только попыталась заикнуться ему о своих подозрениях, а мне уже быстренько указали на моё место. Спокойно так, с улыбкой. А потом напомнили про нашу с ним переписку, где я флиртвала направо и налево. И которую этот сучонок в случае чего обещал тебе показать...

— Так боялась, что я узнаю? — в моём голосе сквозит ехидство вперемешку с горечью. Смотрю куда-то вперед, но не вижу ни прогуливающихся по набережной людей, ни Волги, ни заката. Всё это просто фон к какой-то перевернутой реальности. — А вроде бы говорила, что там ничего такого нет. И между вами ничего не было...

— Лиз, ты себя помнишь в те времена? Как ты боялась его потерять? Как он тебя практически ото всех отдалил. Ты даже с сестрой нормально перестала общаться, когда она попыталась глаза на твоего драгоценного Лёшу раскрыть!

Я в шоке округляю глаза.

— Не правда! Мы с Катюхой с самого детства были, как кошка с собакой. Лёша тут вообще не причём!

— Да ну? То есть опять совпадение, что ваши отношения ухудшились с сестрой, как только в твоей жизни прочно обосновался Гордеев? Забыла, как ты обиделась, что она назвала его классическим нарциссом, да? Ты даже сейчас его оправдываешь и пытаешься идеализировать!

И тут я действительно вспоминаю. Как сестра аккуратно пыталась до меня донести, что я засиделась в своих розовых очках. И что эти отношения отнюдь не идут мне на пользу. И что съезжаться жить вместе с Лёшкой так рано, было огромной ошибкой.

И как накануне Гордеев не хотел меня отпустить к ней в гости.

Опять придешь расстроенная. Я ведь знаю, что все эти чаепития на самом деле просто промывание мозгов. Как я недостойна тебя, и какой я плохой. А по мне, так она просто завидует! Всю жизнь она была в семье на первом месте, вся такая из себя успешная, а тебя задвигали в угол. Зато теперь у тебя всё в порядке с личной жизнью, а у неё что? Одна сплошная работа? Как можно вообще доверять психологу, который сам не может построить нормальные серьёзные отношения? Что она тебе может посоветовать? Тебе вот самой не смешно, Лиз?

— Но Валька и Арина же остались... — уже совсем невнятно бормочу я, с каждой секундой всё больше ощущая себя раздавленной. Эмоциями, воспоминаниями, и всей этой неожиданно всплывшей на поверхность правдой.

— Так они тебе тоже пытались поначалу что-то аккуратно говорить, но ты никого не слушала. Потом все смирились, что вы вместе. Я думаю, он их не выжал из твоей жизни, просто потому что силенок не хватило с ними тягаться, — усмехается Инга. — И компромата на них не было. Но не удивлюсь, что тоже пытался, но ты не поддавалась. Лиз, я себя не оправдываю. Прости меня, если сможешь. За то что я раньше была такой дурой... Но я не могла не рассказать тебе о том, что узнала сейчас. Я не хочу, чтобы ты снова увязла в этом болоте! И я очень рада, что судьба тебя сама избавила от этого говнюка!

Пролетаю мимо охраны с диким горящим взглядом, в тысячный раз прокручивая детали разговора с Шулькевич в своей голове. И почти не помню, как доехала до нужного этажа и забежала в квартиру Александра третьего.

— Ну наконец-то, — в прихожую выходит Саша, расплываясь в лукавой улыбке. — Я

уже хотел пойти вызволять тебя из лап болтливой сокурсницы...

— Саш, я ухожу.

Корсаков удивленно смотрит на меня и тут же переводит взгляд к часам на руке.

— Вроде бы не настолько я и задержался... Ты же мне написала, что встретила однокурсницу и придёшь позже. Что не так?

От ироничного тона мы очень быстро перешли к серьёзному и обеспокоенному.

Что не так? Да всё!

Половину моих университетских воспоминаний можно жирно перечеркнуть и сверху написать «враньё». Впрочем, человек, который стоит передо мной тоже не самых честных и искренних правил. Забавно. Судьба может у меня такая? Почему-то пять некстати вспомнились слова Зубковой, что я ни черта не умею разбираться в людях. Ну вот и плачу потом за свою непроходимую тупость.

— Мне нужно уйти.

— Куда?

— Саш, это очень важно. Я потом всё объясню, правда. Я просто пришла забрать вещи для работы. Потом после... я сразу поеду домой.

— Ты можешь сказать, что произошло? И какие у тебя срочные дела на ночь глядя? — Корсаков исполинским столбом стоит среди прихожей и загораживает мне путь. От бессилия и тщетности попыток обойти это прекрасное изваяние хочется топнуть ногой.

— Ничего, — упрямо поджимаю я губы. Саша — последний человек на этой планете, которому я хочу рассказать, что произошло.

— У меня аллергия на это типично женское «ничего», Лиз. Я не слепой и вижу, что явно что-то не так.

— Саш, мне правда очень нужно! — не выдерживаю я и перехожу на крик. — Нужно! Именно сейчас! Поехать...

— Одна ты никуда не поедешь.

Глубоко вздыхаю, пытаюсь успокоиться и прикусываю от напряжения нижнюю губу. Как же иногда бесит это его непробиваемое упрямство!

— Раз тебе так уж приспичило... Иди бери свои вещи, я сейчас быстро оденусь.

Ехать разбираться с бывшим парнем на машине моего... нынешнего? Моего любовника? Да чёрт с ними со статусами. Как ни крути, получается какой-то абсурд.

— Ладно, — угрюмо отзываюсь я. — Только пообещай, пожалуйста, ничего спрашивать. Я сама расскажу, когда буду готова...

Если когда-нибудь буду. И если наши дорожки не разойдутся до этого знаменательного дня.

Вся эта поездка — сплошное безумие. Гордеева может не быть дома. Он мог переехать в другое место. Или просто не открыть мне дверь. Звонить предупреждать его я точно не буду. Чтобы этот гад не успел приготовиться. Я просто хочу посмотреть ему в глаза и задать те самые вопросы, которые жгли меня сейчас изнутри.

Выдержке Александра третьего можно было петь дифирамбы. Потому что за всё то время, что мы ехали по знакомому до боли мне адресу, он не задал ни одного вопроса. Но всё происходящее явно не вызывало у него восторг. И я его понимала.

Мне кажется, где-то там наверху решили, что этому нашему разговору с Гордеевым суждено было состояться. Потому что и свет в окне горел, и дверь домофона открылась

прямо перед моим носом соседом-собачником, едва успела я к ней подойти. И лифт на удивление не застрял, хотя раньше делал это с завидной регулярностью.

И вот уже я вижу знакомую железную дверь.

Резким порывистым движением руки вдавливаю звонок, точно это он виноват во всех моих бедах. Гордеев не спешит открывать. Вновь нажимаю на звонок и не убираю руку, продолжая трезвонить. Пускай выныривает из своего моделирования! Хотя вряд ли он сейчас работает, если его вытурили из компании со скандалом. Теперь понятно, почему у него не было денег заплатить за интернет! Как бы там не было, пускай поднимает свою ленивую пятую точку и открывает мне дверь.

Ожидание ещё больше меня распаляло.

Наконец за дверью послышались едва уловимые шаги. Щёлкнул замок.

— Лиза? — раздаётся из-за открывающейся двери. Гордеев явно шокирован моим приходом, но пока в приятном смысле. Но это, как говорится, пока. — Ты всё-таки пришла...

Природа действительно отсыпала ему с лихвой обаяния. Я с каким-то странным любопытством разглядывала когда-то так любимые и обожаемые мной черты лица: прямой, чуть вздернутый нос, ярко-голубые глаза, светлые пряди челки, которые вечно падали на его высокий лоб. И губы в меру изящные, в меру пухлые. И улыбка по ним скользит такая застенчивая, красивая. Не меня одну она сводила с ума в универе. Гордеев ни грамма не изменился. Но всё-таки теперь он — чужой. И к его чарам у меня пожизненный иммунитет.

Я ничего не отвечаю, и не спрашиваю разрешения войти. Просто переступаю порог, с любопытством оглядывая пространство. После моего ухода из вещей не прибавилось ничего нового. И это так ясно ощущалось в какой-то звенящей холодной пустоте. Чувство незавершенности, незаполненности. Квартира тоже стала для меня чужой. А ведь, казалось бы, она должна хранить для меня столько счастливых воспоминаний... Но ничего не хранила.

— Скажи-ка мне Лёша, — мой голос на удивление звучит спокойно и ровно. И лишь проступающие нотки сарказма намекают о том, какая буря творится у меня внутри. — А обязательно было из меня дуру до самого конца делать?

— Лиз, ты о чём?..

— Знаешь, я вот все думала, гадала, ночами не спала, почему всё так у нас произошло. Как могли так быстро испортиться отношения. Работу свою винила. А ларчик просто открывался, — усмехаюсь я, скрещивая руки на груди и оглядывая фигуру Гордеева с плохо скрываемым презрением. Раздражал он меня сейчас невероятно. И майка его безразмерная с идиотскими надписями, и волосы серебром отливающие при свете люстры и округлившиеся лживые голубые глаза. — Что ты так смотришь на меня и глазами хлопаешь удивлённо? Неужели даже сейчас кишка тонка признаться в измене?!

— Да о чём ты вообще? Кто тебе такую чушь сказал?!

— Мир не без добрых людей, Лёш, — не отвожу взгляда, и с удовлетворением наблюдаю обозленный бегающий взгляд человека, которого загнали в угол. — Будешь по-прежнему отрицать, что с дочкой начальника у тебя ничего не было? И ты совсем не для этого стал чаще в офис мотаться работать?

— Лиз, ты всегда велась на провокации каких-то неадекватов! То в универе тебе в уши кто-нибудь напоёт, типа твоей любимой Шулькевич, то сестра мозги промывает, — Гордеев раздраженно ведёт плечом и зачем-то начинает перекладывать свои немногочисленные

пожитки на тумбочке с места на место, избегая моего взгляда. — Тебе не кажется, что уже пора взрослеть? Иметь собственное мнение...

— Гордеев, ты на вопрос отвечать будешь или продолжим ходить вокруг да около?! — рывкаю я так, как, наверное, не повышала голос ни разу за всё время наших отношений.

— С дочкой начальника, кхм... Меня попросили помочь... и мы с ней общались. Этого отрицать не буду! Всё остальное плод больной фантазии тех людей, которых ты зачем-то слушаешь!

— Мм хорошо помог, наверное, да? Во всех плоскостях, прям как в твоём грёбанном 3Ds max? В горизонтальной, я думаю, ты особенно хорошо постарался... помочь, — слова выходят какие-то ядовитые, с примесью обиды. Ревности нет. Но боль за ту влюбленную девочку, которой я была когда-то утаить сложно. Ведь, если разлюбил, то что ему мешало просто сказать об этом и уйти? Или если вообще не любил... Просто рассказать и пойти строить свою новую жизнь с тем, с кем хочет. Зачем было изменять за спиной, врать, и потом всё вывернуть так, чтобы я сама ушла? Я правда этого не понимала. — Только папаша её твои старания не оценил, да? Если тебя с работы выперли!

— Никто меня не выгонял, бл**ь, ясно тебе?! — Гордеев срывается на крик. — Я сам ушёл!

— Да плевать мне на твою работу, — равнодушно пожимаю плечами я, с удовольствием отмечая, что Гордеев всё-таки вышел из себя. — И если речь уж зашла об отцах... Может хоть здесь правду расскажешь. На кой чёрт ты вернулся, Лёш?! Тогда в универе? Когда ты моего отца не смог на немцев раскрутить и бросил меня из-за какой-то херни...

— Да откуда...

— Мавр сделал дело, Мавр ушёл. Какого хрена надо было меня возвращать, скажи, а? Неужели вдруг резко закончились богатые и перспективные варианты? Или в тайне надеялся наладить контакт со своими расчудесными немцами? Ты уж говори, не стесняйся. Меня сегодня сложно чем-то удивить.

— Да при чем тут работа с немцами!

— Хочешь сказать, не было такого, и я всё придумала?

— А почему я, собственно, должен оправдываться?! — взревел Леша. И от его рыка я машинально сделала шаг назад и упёрлась спиной в стену. — Что я хочу чего-то добиться в этой жизни? Что сам пробираюсь на верх и строю карьеру? Лиз, у меня нет, в отличие от тебя, знаменитого папы учёного и мамы, которая только и делает, что разъезжает по разным странам! Я сам поступил на дневное, сам работаю ещё со школы и помогаю матери! Будешь меня в этом винить, да? Ты забыла по сколько часов в день я тут вкалывал?! Это тебе не по встречам кататься, чтобы втюхать никому не нужные картинки в журнале!

Я сокрушенно качаю головой, мысленно признавая капитуляцию и полный провал своей идеи с разговором. Мне просто захотелось посмотреть ему в глаза и получить ответы: почему, зачем... Но о чём можно говорить с человеком, который тебя не слышит и извращает каждый факт? Который так и не признался в том, что в очередной раз променял меня на более удачный вариант? Мои розовые очки разбились вдребезги. Волк сбросил овечью шкуру и предстал передо мной во всей красе. Кажется, слова Катюхи про нарциссическое расстройство Гордеева, это истина в последней инстанции. К которой я в своё время не захотела прислушаться.

Господи, спасибо тебе, что я не связала свою судьбу с этим человеком! Который, оказывается, может предать и вычеркнуть из жизни в любой момент. И как хорошо, что это

произошло именно сейчас. А еще полгода назад, я белугой ревела, и ни в какую не хотела верить в поговорку «всё что не делается — к лучшему». А вон оно как получилось.

Эмоционально и душевно нас теперь не связывает ровным счетом ничего. Только и остался кредит, который он платит за свою технику. А так... совершенно чужие друг другу люди. С ума сойти, как резко буквально в один момент повернулась жизнь.

— Мда... В общем, я делаю вывод, что зря вернулся. Пару лет просто выкинул на ветер, а мог бы еще в универе какую-нибудь богатенькую дурочку окрутить, чтобы быстрее наверх залезть. К богатым и знаменитым, или куда ты там хочешь, — говорю я, стараясь подвести черту в этом нелепом разговоре. Уверенным шагом направляюсь к выходу, и уже у двери кидаю последний взгляд. Этого человека, что стоял сейчас передо мной я не знаю. Он мне противен и мерзок, и вызывает только жалость. Как, впрочем, и каждый, кто с легкостью, не раздумывая, готов променять искреннее чувство, человеческую теплоту и любовь на кучу денег. — Ну что ж, желаю тебе успехов, Лёша.

— Я тебя любил, Лиз, — доносится мне в спину. Я замираю, вцепившись в дверную ручку. — И мне было хорошо с тобой. Я всегда знал, что ты любила именно меня. Не за что-то, а просто так. Это... давало силы двигаться дальше, и никогда не сдаваться. Поэтому я тогда и вернулся. Я... я действительно тебя любил.

— Возможно, Лёш, — губы кривятся в полуулыбке полуусмешке. Признание, которое так нелегко далось сейчас Гордееву совершенно не греет мне душу, а просто ставит точку во всей нашей истории. — Только себя ты всегда любил больше.

— Всё нормально?

— Да. Поехали.

Голос какой-то механический, и звучит как будто в отдалении. Так и не скажешь, что он принадлежит мне и слова произносят мои губы. Я нахожусь в какой-то прострации, мысленно ещё там, продолжаю вести диалог с Гордеевым, думаю, что могла бы сказать по-другому.

Закрываю глаза и откидываюсь на сиденье. Ничего не надо было говорить по-другому. Всё уже сказано. Да, я не мастер вести подобные разговоры, но точка действительно поставлена.

Урок выучен. Да, горько. Да, больно. Но сейчас главное скорее оказаться дома, там мне будет легче. Там я смогу собрать себя по кусочкам, проанализировать сегодняшний вечер. Там я найду в себе силы жить дальше. И главное — найду в себе силы продолжать этот идиотский тест-драйв с Корсаковым. А быть может ну его к чёрту? Заодно и эти карты открыть... Да нет. Но это уже меня точно не хватит. Не сегодня.

Кстати, о Корсакове. Он вроде бы что-то у меня спрашивает. Фокусирую слух на его словах и от напряжения прикрываю глаза.

— И что это за срочная ночная вылазка? Где ты была?

— У бывшего, — отзываюсь я, судя по всему, ещё не собрав в кучу остатки мозгов.

— У бывшего?!

Да уж, сюрприз, Саша. Но ведь сам напросился, я силком тебя не тащила. Поэтому очень надеюсь, что Корсаков этот факт тоже вспомнит и избавит меня от своих нравочений.

— Не переживай. Вот теперь мы с ним точно поставили точку, — усмехаюсь я, и с удивлением отмечаю, что слёзы градом катятся у меня по лицу. Размазываю их по-детски, неловким движением локтя и до боли закусываю губу. Это просто реакция на стресс. Когда разбиваются розовые очки, осколки могут ранить, это нормально.

Корсаков кидает на меня суровый взгляд и следом перестраивается в крайний ряд, чтобы затормозить у обочины.

— Что он тебе сделал?!

— Ничего, — пожимаю плечами я.

— Лиза!!

— Сейчас — ничего, — упрямо вздергиваю вверх подбородок и смотрю в серую дымку глаз. Ни черта не могу понять, что за выражение скрывается за потемневшим зрачком. А так хотелось бы. Понять, узнать настоящего. Такой, какой он есть, без моих сомнений и догадок. И чтобы просто любил. Тоже такую, какая я есть. Просто так. Ведь каждый человек достоин любви? Или это не более, чем просто миф? Очередная умная цитата, почерпнутая на просторах сети или страницах книг, которая с легкостью западает в подкорку, но ничего не имеет общего с реальностью?

— Лиз, если он...

— Почему меня нельзя просто полюбить? — перебиваю я Корсакова. Или не я, а тот сгусток нервов, боли, растерянности и непонимания, что рвался наружу и почему-то обрёл голос. — Просто так полюбить? Почему?!

Обхватываю себя руками, стараясь унять нервную дрожь. Александр третий открывает рот, чтобы что-то ответить, но в последний момент останавливается и отводит взгляд. И это говорит мне гораздо больше, чем десятки утешительных слов, что он мог сейчас сказать.

— Лиз, я ...

— Молчи, Саш, — я закрываю глаза и отчаянно мотаю головой. Боже, какая я сейчас жалкая! И своей жалостью пытаюсь выбить признание из человека, который на самом деле ничего ко мне не чувствует. — Пожалуйста. Просто ничего не говори.

И ведь не спроста в моей жизни снова появились те же самые грабли, только в другом дизайне. Кажется, Катюха в очередной раз оказалась права, и мне давно пора к психологу.

Остаток пути мы проводим в молчании. И прощание выходит каким-то сухим, скомканным. Но я даже рада избавиться от присутствия Саши. Сейчас я бы хотела слышать только одного единственного человека.

Сажусь на полу прямо в прихожей, достаю телефон. Удивительно, но сестра была онлайн. А ведь они с Витей те самые скучные люди, которые предпочитали идти на боковую после десяти вечера. Вспоминаю, что у Катюхи сейчас вроде бы должен быть отпуск. Совесть немного успокаивается, и я начинаю набирать сообщение, не боясь потревожить беременную женщину.

«Не спишь?»

«Привет. Нет. Знала бы ты, что я сейчас делаю...»

«И что же?»

«Поедаю мороженное вприкуску с пирожками».

«А пирожки...?»

«С мясом, конечно».

Я невольно улыбаюсь. Про страсть Катюхи к мясным изделиям во время беременности уже можно слагать легенды.

«И куда только Виктор смотрит?»

«Витя в командировке. А у меня бессонница».

«И ночной дождь»

«Ну... одно вытекает из другого))»

«Можно я приеду?»

Пальцы набирают и отправляют сообщение раньше, чем я успеваю взвесить все за и против правильности этого решения.

«Конечно, приезжай»

Если Катюха и удивилась моему позднему визиту, то вида не подала. И вообще держалась абсолютно невозмутимо до тех самых пор, пока я не заключила её в объятия и не прошептала:

— Прости меня, — горло сдавил какой-то спазм, поэтому слова скорее походили на шёпот. Мне даже показалось, что сестрёнка не с первого раза смогла их расслышать, поэтому тяжело сглотнув и набравшись сил, я повторила ещё раз.

— Да что случилось-то, Лизк?!

— Я была у Лёши...

— О-о-о, — закатывает глаза Катерина и прижимает меня к себе, ласково перебирая пряди моих волос. — Рассказывай!

И я рассказываю. Всё, начиная от нашего знакомства. И то, что я переживала во время нашего первого расставания с Лёшей. И те моменты, о которых не была в курсе ни Валька, ни даже Инга, на глазах которой, по сути, и разворачивалась вся наша любовная драма. А ещё как-то незаметно, а быть может ловко и аккуратно направляемая вопросами сестры, рассказываю о каких-то давно забытых, но глубоко засевших в душу моментах из детства, о непонимании родителей, о том, как очень хотелось стать той самой особенной, на которую обратят внимание. И впервые открыто призналась в своей ревности к Кате и в моей непоколебимой уверенности, что сестра всё-таки более желанный и любимый ребенок, чем я.

В общем, вышло довольно сумбурно. Но не зря Катюха была дипломированным и уважаемым в своих кругах специалистом — всех тараканов распихали по полочкам, и доставали систематично в строго отведенном порядке, чтобы выявить суть проблемы.

— Ты даже себе представить не можешь, как тебе повезло, что Гордеев сам выступил инициатором вашего расставания. Обычно, ко мне приходят уже в конец замученные девушки, которые не знают, как правильно выйти из отношений с нарциссом.

— Знаешь, Катюх, вот какого-то особого счастья от свободы я тогда не ощущала. Да и сейчас... вроде как я должна радоваться и вздохнуть с облегчением. А внутри... праздника нет, фейерверки не горят.

— Дай себе время всё осмыслить.

— Да было бы чем осмысливать. У меня такое ощущение, что мой мозг пребывал в каких-то дальних странствиях долгое время. Что творила непонятно... Мысли, которые, казалось, были моими, ощущения, эмоции — всё это как будто отравлено его взглядами, его мнением, что он мне навязывал, — я тяжело вздыхаю и откидываясь головой на диван, рядом с которым я уже сижу на полу всё это время. Но мне удобно, и общаться именно так почему-то легче.

Сестра сидит в кресле, поджав под себя ноги, и прихлебывает чай. Боюсь, даже посмотреть на часы сколько сейчас времени. Но кажется, ещё немного и на улице начнёт светать.

— Я даже не знаю, а любила ли я его? Или всё это тоже самообман, и внушение с его стороны...

— Лиз, не обесценивай то, что ты чувствовала. Ни для кого нет сомнений в том, что ты действительно его любила. Проблема в том, что он так и не смог полюбить в ответ... Да он

никогда и не сможет. Ни тебя, ни кого-либо ещё. Такая у него натура. Тут остается только посочувствовать и в очередной раз порадоваться, что ваши дорожки разошлись. И уже окончательно.

— Если честно, я думала, ты его как-то больше будешь полоскать, — усмехаюсь я. — А по факту ещё немного и ты скатишься в милосердие и всепрощение. Или это профессиональная отстраненность?

— Ты просто не знаешь, какими выражениями я его крыла, пока вы встречались, — смеётся Катюха. — Можешь спросить Витю. После каждого твоего закидона и наших ссор, которые провоцировал твой ненаглядный Гордеев, я орала такими словами, что его мужики на работе могли брать у меня мастер-класс.

Я не могу сдержаться и громко смеюсь в ответ, мысленно извиняясь перед соседями. Бедный Витя. Он, наверное, тогда открыл для себя Катюху совершенно с иной стороны.

— Кать, как мне теперь жить дальше? Если я сама не понимаю, что чувствую? Что правда, а что ложь? Мое отношение к тебе, к родителям...

— Ну насчет родителей, как бы мне не печально это признавать, ты недалеко от истины, — в один миг весёлость слетает с лица сестры, и я слышу в её голосе нотки серьёзности и затаенной грусти. — И Гордеев твой... просто ловко надавливал на правильные кнопки, чтобы вызвать нужные ему эмоции. Так сказать, ворошил осиное гнездо раз за разом, чтобы ужалило посильнее, вместо того чтобы помочь тебе наладить хорошие отношения с родными. Но проблемы никто не придумывал на пустом месте, они конечно же есть.

— То есть я не зря ревновала к тебе? — закусываю губу я и опускаю взгляд.

— Лиз, у нас не самая типичная семья. И даже в моей практике я ещё не встречала того вороха проблем, что есть у нас в наличии. Самое распространенное явление — это ревность старшего ребенка к младшему. Но видишь, мы решили пойти иным путем... Родители, они действительно тебя любят. По-своему, так как могут. Как я уже потом поняла — недостаточно для тебя или для статуса образцовых родителей. И то, что нас, по сути, воспитали ба и дед — очень сильно повлияло на тебя, твоё отношение к миру, твоё доверие к людям. Но знаешь, какими бы они не были, наши родители — я благодарна им за то, что они подарили мне тебя...

Голос у Кати предательски срывается. Я наконец поднимаю на неё взгляд и вижу, что её глаза слегка увлажнились и блестели в полумраке комнаты. У неё, которой я ещё в детстве придумала погоняло Катя-кремень! Все эти признания дались ей не менее сложно, чем мне. Но они были необходимы. Настал момент, когда действительно нужно было отпустить все прошлые обиды и двигаться дальше.

— И как ни странно — подарили нормальную семью, нормальное детство. Максимально возможное нормальное, какое могло быть, когда их не было рядом, — продолжает с улыбкой Катя, смахнув непрошеную слезу. — Потому что с твоим появлением на свет узнала каково это, когда ты не один. И как это классно, когда есть бабушка и дедушка, которых ты видишь чаще, чем пару раз в год. Как это здорово просто жить в доме, в котором кому-то вообще есть до тебя дело.

Я не заметила, как Катюха переместилась на пол и приобняла меня за плечи.

— Молодец, что пришла. Я рада, Лизок, что наконец-то мы смогли поговорить по душам.

— Я тоже, Катюш, — улыбаюсь сквозь слёзы и прячу лицо в волосах сестры, наивно

полагая, что не выдам себя. Я, конечно, не кремень, но вот плакать при родных всегда немного стеснялась. — И что посоветуйте доктор, чтобы всё это разгрести и зажить счастливо? Курс психотерапии?

— Для начала просто выспаться.

— Знаешь, в конце концов, наступает момент, когда ребенок задается вопросом — что я сделал такого, что те, кто должен любить меня без условий, не любили меня? Почему папа или мама выбрали работу? Что я сделал не так? С этими мыслями непросто жить. И ещё сложнее строить потом нормальные отношения. Поэтому то, что в твоей жизни появился такой, как Гордеев — вполне закономерное развитие событий. Но я всё равно не могу перестать себя корить, что не смогла уберечь тебя... от такого опыта.

Эти слова сестры постоянно крутились у меня в голове после нашего ночного разговора. Катюха была не виновата в том, что я полюбила подлеца. И как она говорила мне раньше, некоторые люди действительно приходят в нашу жизнь, чтобы подарить нам опыт. В случае с Лёшкой — опыт был просто бесценный. Вот хоть книжки пиши, как не надо жить. Жаль только я до сих пор не поняла, а как всё-таки надо.

Конечно, мне и без Катюхи было понятно, что без сеансов с психологом в моём случае не обойтись. Ситуация с Гордеевым, отношения в семье, все это очень сильно повлияло на самооценку и отношения с людьми. На базовое доверие к людям. И к мужчинам...

По-хорошему, мне следовало навести сначала порядок у себя в голове, а уже потом связываться в какие-либо отношения с Корсаковым. Да я так и хотела изначально задолго до появления в моей жизни Александра третьего. Правда я тогда наивно полагала, что разгрести мне придется лишь то, что успел наследить Гордеев, а оказалось, что таскаю я за собой гораздо больший багаж из прошлого... Только вот в полной мере я поняла это только сейчас. После всего, что произошло между нами с Сашей. Да, дрова уже были наломаны и даже аккуратно лежали штабелями. А я усердно продолжала махать топором, забегая всё дальше в лес, не находя в себе силы остановиться. И всё сильнее увязала в нем и в наших странных недоотношениях.

А в четверг предстоял очень важный вечер. Благотворительный приём, на котором мы должны были появиться вместе. И вероятно, предстать в глазах всего света как пара. Которой мы не являлись...

— А мы можем обойтись без статусов? — устало вздыхаю я, мрачно смотря в окно на проносящиеся мимо улицы.

Сегодня мы вновь едем на какой-то новой машине, я уже сбилась по счету какая это модель из автопарка Александра третьего. Эффект удивления уже прошел, на его место пришла лёгкая грусть и с примесью раздражения. Что Ярик ни в чем не покривил душой, и Саша действительно помешан на коллекционировании своих тачек. Правда сегодня Корсаков не за рулём, а везет нас его вежливый и молчаливый водитель.

Саша всю дорогу держит мою руку в своей, но эта нежность почему-то никак не отзывается в моей душе. Она с грохотом разбивается о стену усталости и опустошенности, которую я воздвигла за эти дни. Просто так было легче переваривать всё то, что свалилось на меня. И если Корсаков и замечал, что я стала какой-то другой, то умело скрывал это, всеми силами стараясь меня отвлечь, и как мог, сглаживал углы. Но тема со статусом наших взаимоотношений — это вечный камень преткновения, и обойти его нам вряд ли не удастся.

— Можем, — пожимает плечами Саша, задумчиво глядя на меня. — Мы никому ничего не обязаны говорить и объяснять...

Затаённое и несказанное вслух «но» повисает в воздухе, но я ощущаю его даже спиной и

потому с легким раздражением поворачиваю голову к Саше и вопросительно выгибаю бровь:

— Но? Есть ведь какое-то «но»? Я права?

— Есть определенная категория спутниц, которых никогда не представляют, — дипломатично отзывается Корсаков. — Могут даже не говорить их имена. Ты к этой категории не относишься, Лиз.

— Значит представь меня, как менеджера по продажам рекламы. Профессии своей мне стыдиться нечего.

— Что с тобой сегодня? — моя угрюмость становится настолько очевидной, что Саша всё-таки не выдерживает и решает прояснить всё до начала мероприятия.

— Ничего, — пожимаю плечами я, вырывая свою руку из плена. — Просто устала.

В этом была лишь толика правды. После той знаменательной ночи откровений спала я очень плохо. Может потому, что никак не могла утихомирить свои мысли, или потому что Корсакова не было под боком. Да и настроение было ни к чёрту. А ведь казалось бы — еду на светское мероприятие, попасть на которое я раньше могла только мечтать. С любимым мужчиной, глядя на которого дух захватывает и сердце отчаянно начинает биться, отстукивая рваный ритм. С мужчиной, о котором я не только не мечтала, а наверное, даже боялась мечтать. И выгляжу я сегодня как никогда — красиво, статусно и эффектно. И в этом нет ни капли моей заслуги: и салон красоты и мой наряд оплачен Александром третьим. Даже платье, как оказалось, выбирал мне он. Я это специально выяснила, не сплавил ли он такое важное поручение на свою личную помощницу, с которой у нас были «наичудесные» отношения. От неё я могла ожидать чего угодно и точно не из категории «хорошее». Потому что топор войны не был зарыт, а ловко припрятан с помощью формальной напускной вежливости. А мне бы очень не хотелось сегодня опозориться, или опозорить Сашу. Несмотря на моё не самое радужное настроение, в глубине души я очень хотела, чтобы всё прошло хорошо. Вот только радости и счастья во мне сейчас ни на грамм не было.

Мастерицы из салона красоты, который, кстати, у нас в журнале принципиально не размещался (Лана их пыталась безуспешно «продать» уже несколько лет), но которые радостно выкупили развороты у «Люкстайма», постарались на славу. Не зря я на часок пораньше отпросилась с работы. Макияж был вечерний, но какой-то дымчатый, не сильно яркий и вполне уместный для благотворительного ужина. Мои привычно распущенные локоны собраны в незамысловатую, но элегантную причёску, которая выгодно подчеркивала шею. Длинное чёрное платье, сидело как вторая кожа. Ассиметричный крой — длинный рукав с одной стороны, и глубокий разрез юбки спереди с другой, как оказалось мне очень даже идёт. В этом платье я чувствовала себя не по годам взрослой и даже не побоюсь этого слова — серьёзной девушкой.

Формат одежды на мероприятие был блэктай[1], и потому Корсаков, как и полагалось, облачился в чёрный смокинг и галстук-бабочку. Непривычно, но чертовски красиво. Так и хотелось себя ущипнуть, точно рядом со мной восседал какой-то голливудский актер. На какое-то мгновение я даже залюбовалась им, скользя взглядом по каждой детали его смокинга, который ничуть не скрывал широкие плечи и сильные мужские руки. А уж как сверкали в полумраке салона авто эти дымчато-серые глаза, которые оттеняла белизна рубашки...

В общем, я бессовестно поплыла и пялилась на Александра третьего сквозь полуопущенные ресницы, не в силах скрыть влюблённого взгляда. И даже о чудо — наконец-

то смогла искренне улыбнуться за сегодняшний день. Вот до чего мужская красота порой доводит! Так нужно взять себя в руки и переключиться на пейзаж за окном. Отворачиваюсь, но улыбку спрятать мне всё же не удаётся.

— Чему улыбаешься? — раздаётся рядом с моим ухом бархатистый голос, запуская табун мурашек. И не только по открытому плечу. Чёрт, всё-таки спалилась! — Вспомнила что-то смешное?

— Нет. Просто так, — смущённо прикусываю губу, и вдруг неожиданно для себя тянусь к Саше, обхватывая его лицо руками и оставляю на губах долгий, неторопливый поцелуй. На несколько минут даже позабыв о присутствии водителя. И плевать если я появлюсь на этом благотворительном вечере с опухшими губами! Этот момент всё равно того стоит!

По закону вселенской подлости машина решила затормозить именно сейчас перед красивым историческим зданием, название которого напрочь вылетело у меня из головы (ещё бы, после таких-то поцелуев!), хотя Корсаков мне точно о нём говорил.

Приехали. Пора выходить и давать пищу для пересудов великому и ужасному светскому обществу. Тяжёлый вздох вырывается не только у меня.

— Знала бы ты как я хотел сейчас растрепать эту твою причёску, — шепчет Александр третий мне на ухо и спускаясь губами вниз, к бешено бьющейся жилке на моей шее. — Да и вообще...

— Мы ведь там ненадолго? — прерываю я с улыбкой Корсакова, всё-таки вспомнив о присутствии его водителя, который сейчас сидел и смиренно ждал сигнала, чтобы выйти и открыть нам дверь.

— Да, показаться, внести свой вклад в правое дело и решить пару вопросов, — кивает Саша.

Что-то звучит не очень похоже на «ненадолго». И лишь только горящие глаза Корсакова сулили быстрое завершение дел и переход к более приятному времяпровождению.

И этот горящий взгляд затмевал всё вокруг. Красоту здания, множество лиц в зале, которые лениво перекидываясь фразами, попивали шампанское из тонких фужеров, затмевал вид спящих туда-сюда официантов, и даже приглашённый оркестр.

Здесь было много известных людей, которых я видела раньше только по телевизору и в местных журналах, но мне было всё равно. Хотя раньше я отдала бы многое, чтобы хотя бы на полчаса очутиться на таком вечера. Сейчас же я просто исполняла роль улыбчивой спутницы, в меру скромной и в меру приветливой. Хвала небесам, Корсаков был не самым общительным человеком в мире! Мы лишь поздоровались с основателями фонда, четой Свиридовых, которые и являлись хозяевами вечера, и ещё с несколькими людьми. И дальше тихо-мирно в отдалении наслаждались обществом друг друга. А ещё из нашего укрытия отлично просматривался весь зал, буквально как на ладони.

Замечаю вдали среди гостей высокую роскошно одетую женщину, которая чертами лица очень сильно напоминает мне Нику, только блондинка и на несколько десятков лет старше. Я даже пару раз моргнула, подумав, что мне показалось — в профиль это была вылитая Скворцова! Может, это кто-то из ее родственников? Хотя стала бы Ника работать в нашем журнале, имей она среди родных такие обеспеченных товарищей, входящих в светское общество? Удивительно, но за все то время, что я работаю в журнале, я о Нике так толком ничего и не знала... Если мы и общались то, только о какой-то забавной ерунде, совершенно не касаясь личных тем.

— Конкурентов высматриваешь?

— А? Нет, с чего ты взял?

— А я думал ты «Люкстайм» уже заприметила, вон они чуть далее стоят своим коллективом, — пояснил Корсаков.

Я отрицательно мотаю головой, но на всякий случай поворачиваюсь спиной к этой почтенной публике.

— Саш, а по какому поводу организовали этот вечер?

Очень своевременный опрос. Но лучше уж поздно, чем никогда.

— Да они как обычно... Борются за всё хорошее против всего плохого, — усмехается Корсаков.

— Как тебе не стыдно! А вдруг они собирают деньги на что-то очень важное? На больных детей, например!

— Лиз, наша компания много лет поддерживает фонд Свиридовых. У них чёрт знает сколько направлений в благотворительности, от чего-то действительно серьёзного и важного вплоть до спасения дикобразов в Африке. На что они собирают сейчас — правда не помню. Но не переживай, скоро они будут толкать речь, узнаем.

— Ты уже поговорил со всеми, с кем был должен? — спрашиваю я. Возмущалась я на Сашу скорее для галочки. В глубине души я была уверена, что Корсаков не против творить добрые дела. Но я, чувствовала, что налёт показухи и пафоса, который отчётливо был виден на этом мероприятии, невероятно его раздражал. Странно, что он вообще решил сюда прийти несмотря на всё это. И меня с собой зачем-то притащил.

— Ещё нет. Домбровского пока нет... хотя, вот кажется, и он наконец пожаловал с женой.

— Иди, — с улыбкой говорю я, смахивая несуществующую пылинку с его плеча. — Я немного передохну здесь в сторонке и выпью шампанского.

Целоваться тут вроде бы не принято, но Корсаков приобнимает меня одной рукой за талию и оставляет лёгкий поцелуй на щеке.

— Не скучай. Я скоро.

Хочется сказать, что и то и другое вряд ли возможно. Настолько инородно я чувствовала себя в этом обществе и настолько хорошо знала работоспособность Александра третьего. Если уж он на благотворительном приёме решил добить какой-то вопрос, то сомневаюсь, что он обойдётся парой тройкой фраз. Домбровский этот, как я вижу, производит впечатление несговорчивого и властного человека, который привык, что перед ним все бегают. Мысленно пожелав Саше удачи и от всего сердца веря в его дипломатические способности, я отправилась на поиски пропитания и шампанского. Потому что до нашего уединенного уголка, который мы облюбовали с Корсаковым, официанты практически не долетали.

Дохожу до фуршетного стола, стараясь привлекать минимум внимания со стороны гостей — ну просто ниндзя в платье, не иначе! Но уж лучше так, чем быть вовлеченный в разговор с людьми, которых я совершенно не знаю. Да и что-то мне подсказывало, не каждую из тем на этом вечере я смогу поддержать.

Заветные канапе и закуски были уже рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, как в меня со всего размаху врзается какой-то высокий амбал, обтянутый в смокинг.

— Прошу прощения! Вы в порядке? — гремит рядом со мной сочный бас. — Я не сильно вас задел?

Конечно, толчок в спину был довольно болезненным, наверняка завтра у меня там

появится синяк. Но кости целы, платье тоже. Поэтому нужно постараться успокоить человека, схватить фужер с шампанским и по-тихому ретироваться к стеночке. Пока я опять не вляпалась в очередную историю.

— Не переживайте, я в порядке, — поднимаю глаза на нарушителя моего личного пространства и впадаю в ступор. Просто стою, раскрыв рот, больше не в силах ничего произнести вразумительного и членораздельного.

Нет, ну этого просто не может быть!

— Саша... А ты тут как оказался?! — наконец-то выдавливаю из себя, все ещё с трудом веря в происходящее.

[1] Полуофициальный дресс-код для вечерних торжественных мероприятий

— Привет, Лиз, — смущённо улыбается Александр второй. В смокинге! С бабочкой! В лакированных туфлях! И без своего железного коня! Не знаю какой из этих пунктов вызвал у меня наибольшее изумление. — Ну что ж... я знал, что когда-нибудь мы с тобой обязательно пересечёмся на таких мероприятиях.

— Почему? — мне оставалось только хлопать глазами и пытаться осмыслить происходящее. Человек знакомый, голос знакомый, а вот внешний вид, речь — как будто открыли от другого персонажа и приставили к Александру второму.

— Так ты же с Корсаковым, — усмехнулся Санёк. — И это было бы логично.

— Так вы уже были знакомы с Сашей?!

— Были, но шапочно, — раздаётся рядом со мной голос Александра третьего. Под моим изумленным взглядом мужчины обмениваются вполне себе дружелюбным рукопожатием, после чего Саша встаёт сзади и кладёт руки на мои плечи. То ли снова для профилактики обозначая свои собственнические позиции, то ли стараясь меня успокоить перед надвигающейся вспышкой гнева. И да, она вполне могла скоро начаться, потому что я ни черта не понимала, что тут происходит! — Скорее я ближе знаком с его родителями. И да, каюсь, Александр Семёныч, не признал вас тогда, так сказать, в гриме. Хотя лицо показалось мне смутно знакомым.

— Ничё. Да меня мать родная иногда в мотокостюме не признаёт, — хохотнул Санек, на секунду вернув себя прежнего. Но тут же осёкся и даже опасливо посмотрел по сторонам. — В общем, я не в обиде. Да я и сам, если честно, был рад немного пошифроваться. Ладно, давайте отойдём ненадолго. Я так понимаю, у Лизаветы есть ко мне вопросы.

Лизаветы! Да я сейчас хлопнусь от изумления в обморок! И вопросов у меня целая куча! Отходим вглубь зала, аккуратно лавируя между небольшими компаниями людей.

— Откуда ты знаешь его родителей? Вы общаетесь семьями? — обращаюсь я на ходу к Корсакову.

— Да. И вообще-то ты их тоже теперь знаешь.

— Я?!

— Ну да. Это же Свиридовы.

Корсаков явно потешается над тем, как мои глаза стремительно вылетают из орбит. Хватаю Санька за рукав смокинга, чуть приостанавливая, не в силах скрыть своё изумление:

— Ты сын тех самых Свиридовых?!

— Ага. Тех самых, — усмехается Саня, и я отчётливо слышу в его словах грусть.

— Но почему... Ты же говорил, что работаешь курьером... И как это возможно...

— При таких-то родителях? — заканчивает за меня Александр второй. — Можно, Лизк. Если не понимаешь весь этот их образ жизни. А я никогда не понимал. Ну ты сама посмотри на меня, я же тут как слон в посудной лавке, на которого напялили костюм!

— Но ты же всё-таки здесь.

— Ну я как-никак единственный сын и наследник, которому потом помимо бизнеса ещё и предстоит заниматься их благотворительными фондами, — тяжело вздыхает парень. И подзывает рукой к себе одного из официантов, чтобы взять напиток. — Поэтому иногда приходится посещать такие мероприятия.

— А как родители относятся к твоему байкерству?

— А ты как думаешь? С восторгом? Нет, конечно, — смеётся Саня, пригубив свой янтарный напиток. — Просто у нас с ними договорённость — я гуляю, веселюсь и живу в своё удовольствие до поры до времени. Потом остепенюсь и приму все дела, как и положено.

— И сколько тебе осталось, вот так гулять? — зачем-то спрашиваю я. Корсаков стоит за мной, точно молчаливая тень, в наш разговор не вмешивается. Хотя на каком-то клеточном уровне чувствую, что он с удовольствием бы покинул компанию Свиридова-младшего. И самое главное, утащил бы отсюда меня.

— Пока ещё поживём... Но часики тикают.

Кстати, о времени.

— Сань, а ты мне вообще собирался говорить, кто ты такой на самом деле? Хоть когда-нибудь?

— Собирался, конечно. Ты же мне уже не чужой человек, — тёмно-карие глаза на секунду озарились лукавым блеском. А руки Корсакова на моих плечах слегка напряглись. — Но не сразу.

— Вот как? — хмыкаю я, не скрывая в голосе лёгкой обиды.

— Прости, Лизок. Просто, знаешь, иногда хочется, чтобы...

Санёк запнулся, пытаясь подобрать слова и нервно взъерошил свой уже изрядно отросший ёжик на голове.

— Видели в первую очередь тебя, — неожиданно приходит ему на помощь Корсаков. — А не твои деньги.

— Да, именно так. Тебя, а не деньги и не известных родителей, — кивает Санёк. — Лизок, ты один из самых искренних людей, которых я знаю. И твоё отношение, оно настоящее. И поверь, это действительно дорогого стоит.

Только почему никто не спешит проявлять свою искренность в ответ?! Эти слова так и рвались у меня с языка, но я лишь тяжело вздохнула и отвела взгляд. Сейчас не время и не место для разборок.

И кстати об искренности.

— Сань, насчёт той смски, что Римма тебе изменяет... Это из-за меня тебе прислали. У меня появился какой-то анонимный недоброжелатель, который зачем-то решил усложнить мне жизнь. Саше тоже такие приходили, — наконец решаюсь признаться я. Ну раз уж сегодня вечер разоблачений. — Мне очень стыдно, что из-за этого вы поссорились. Я не знаю, кто этот аноним, но я с удовольствием свернула бы ему шею. Правда! Извини, что только сейчас об этом говорю...

— Да не убивайся ты так. Мы уже помирились...

— Слава богу!

— ... и расстались, — смеётся Санёк. — Аноним твой удачливый сучонок, взял и попал пальцем в небо. Римка не так проста оказалась, как я думал. И действительно крутила пашни с одним хмырем на стороне, не из нашей компании. Причем уже давно. А параллельно решила ещё и мне дать зеленый свет, когда прознала, что я... ну тот самый Свиридов.

— Вот ведь... Чёрт! Сань, мне очень жаль, правда...

— Да чего уж тут поделывать. Дело, Лизок, житейское. Ладно, веселитесь, ребята, а я пошёл отрабатывать свою знаменитую фамилию, — Саня отсалютовал нам бокалом и

поспешил удалиться.

Бабушка однажды сказала, что сильные люди не любят свидетелей своей слабости. Глядя на удаляющуюся спину Александра второго я в полной мере осознала смысл этих слов. Хорохориться Саня умел мастерски, но грусть из его глаз сложно было изгнать с помощью напускного веселья.

Слишком много разбитых сердец становится вокруг меня. И эта мысль вызывает у меня тяжёлый вздох.

— Устала?

— Эмоционально — да, — не стала я отпираться.

— Ещё полчаса и мы сможем сбежать, — шепнул мне на ухо Корсаков с заговорщическим видом.

— Ловлю тебя на слове.

— Александр! — раздаётся совсем рядом с нами возглас. Красивый, обволакивающий голос, с лёгкой хрипотцой, который ещё больше приковывал внимание к его обладателю.

А посмотреть там было на что. Потому что красота подошедшего к нам мужчины была видна невооруженным глазом. Если бы меня попросили описать того самого древнегреческого Аполлона, то я бы не задумываясь начала перечислять те самые черты, которые наблюдала сейчас у незнакомца. Светлые, чуть волнистые волосы, тонкий прямой нос, пухлые губы, легкую женственность которых уравнивал волевой подбородок. А уж за такие модельные скулы, как у него, можно было удавиться от зависти. Завершали картину каре-зелёные глаза, на дне которых затаилось и хитрость, и самодовольство. А ещё вера в свою безграничную власть над представительницами прекрасного пола, которых он, не стесняясь их спутников, непрерывно раздевал одним лишь взглядом. Какой-то Аполлон с повадками дьявола-искусителя. Только несмотря на всю свою красоту, этот тип мне почему-то не понравился.

— Сколько лет, сколько зим! — говорит блондин, подходя к нам.

Вместо положенного приветствия Корсаков резко притягивает меня к себе, чуть загораживая от белокурого красавчика. И я могла бы в очередной раз закатить глаза о необоснованной ревности Саши, но его пылающий ненавистью взгляд, напряженный подбородок и плотно сжатые губы говорили мне, что это всё не просто так. И человек, который так неожиданно вторгся в наше общество, опасен, несмотря на всю свою внешнюю красоту и лоск. Да и моё первое впечатление об этом субъекте отнюдь не противоречили реакции Александра третьего.

— Так понятно, дружеских объятий сегодня можно не ждать. Но мог бы хотя бы поздороваться. Корс, куда подевались твои манеры, дружище? Или ты совсем одичал уже в своём офисе?

— Чего ты хочешь, Лис? — я не узнавала этот низкий голос Саши, в котором сквозила едва сдерживаемая ярость. Да кто такой этот чёртов Лис? И что за дурацкая кличка? Если они так обращаются друг к другу, значит, знают друг друга не первый день.

— Да так... пообщаться о том, о сём. Привет тебе от Яны передать.

Из моих лёгких вырывается тяжёлый болезненный вздох при упоминании этого имени. Яна. Яна Шакурова. Та самая дрянь, которая перевернула жизнь Корсакова с ног на голову и из-за которой он потерял близкого друга! Несложно догадаться теперь, что за друг стоит перед нами и почему Саша готов превратиться в огнедышащего дракона.

— Хотя с приветом, я, конечно, немного опоздал, — коротко усмехнулся мужчина, не сводя при этом пристального взгляда с Саши, будто оценивая, насколько болезненно пришёлся его словесный удар. — . Она его передавала тебе пару месяцев назад. А сейчас я без понятия, где она и кто её теперь тра...

— Чего. Ты. Хочешь.

— А что я не мог просто соскучиться по своему близкому другу?

— Нет.

— Саньчо, Саньчо... и куда делась твоя вера в людей?

— Тебе напомнить?! — взревел Корсаков. А я машинально схватила его за предплечье, чтобы хоть немного успокоить и попытаться воззвать к благоразумию. Хотя этот Лис явно нарывался. И вполне мог заслуженно получить в морду.

— Ой да было бы что там вспоминать, — отмахнулся блондин, и пригубил из бокала свой напиток. Может он уже изрядно пьян? Не может же тот, кто когда-то назывался другом, так открыто вскрывать ещё не до конца зажившую рану своего предательства? Или друг уже навсегда перешел в ранг врага? — Я так сказать, поработал чистильщиком, и вынес весь лишний мусор из твоей жизни. Нет, ты не думай, благодарности в ответ я не жду, — засмеялся мужчина. И хотя смех у него был очень приятный, но в этот момент он не мог вызвать у меня ничего кроме отторжения. — Да и как там говорят? Кто старое помянет — тому глаз долой? Всё это, Сашк, дела давно минувших дней... К тому же, у тебя, я смотрю, есть прекрасное настоящее. Не познакомишь нас?

— Нет.

— Ну на эскортницу она не тянет. Тогда к чему такая таинственность? Боишься, что уведу? — смеётся парень, своими шуточками подписывая себе смертный приговор. Потому что в следующее мгновение он уже был приподнят за грудки.

— Ещё одно такое слово и я размажу тебя по стенке! И мне плевать на то, что это благотворительный вечер!

— Саш, не надо избивать человека за отсутствие мозгов, — наконец подаю я голос, смотря с презрением на довольную физиономию Лиса, который явно был удовлетворён результатами своей провокации. — Такие люди заслуживают только жалости.

Аккуратно обхватываю чуть дрожащими пальцами напряжённую, практически каменную руку Корсакова, и пытаюсь увести её в сторону, чтобы он ослабил хватку и отпустил бывшего друга. Но мои старания не увенчались успехом.

— Да, с эскортницей я явно прогадал. Такие умные речи задвигает, я в шоке! Но я рад, что после Яны твой вкус стал значительно лучше.

Это явно была последняя капля. Саша нависает над блондином, источая какую-то нечеловеческую ярость и с силой отталкивает его в стену. Бокал выскальзывает из рук Лиса, и разбивается на мелкие осколки. Последующий удар ещё на замахе прерывается вовремя подоспевшим Яриком, который появился из неоткуда, точно чёрт из табакерки.

— Вы совсем охерели?! Здесь пресса!

Шум потасовки и звон разбитой посуды конечно же привлёк ненужное внимание со стороны гостей. Мне хотелось прижать ладони к пылающим щекам. Первый блин, говорят, комом. А мой первый выход в свет обернулся не комом, а какой-то катастрофой! И все эти перешёптывания ужасно раздражали.

— Яр, прежде чем пускать Корса в приличное общество, ему бы не помешало подлечить нервы, — усмехается блондин, который явно возомнил себя бессмертным. Корсаков вновь дёргается в сторону бывшего друга, но Мереминский твёрдо удерживал позиции, разместившись между ними, и не давал начать драку.

— Елисей, твою мать! — уже начинает закипать Мереминский. — Сейчас не время и не место для ваших разборок!

— Нет никаких разборок, — глухо отзывается Саша, отступая назад. — Мне с ним разговаривать не о чем.

— С первой частью я очень даже согласен, — продолжает паясничать Лис. — Но, если отбросить светскую болтовню, я вообще-то один момент хотел прояснить у вас, парни. Мне вот очень интересно узнать до каких пор Вишенка будет пахать в офисе за двоих? Вы уже совсем загоняли девушку, изверги...

— Ты совсем берега попутал?! Какая она тебе Вишенка! — уже начинает звереть Ярослав, резко разворачиваясь к Лису.

Господи, этот Елисей может хоть пять минут провести так, чтобы ни у кого не возникло желание его придушить?

— А что ты так всполошился, братец? Маришку я имею право называть так, как хочу...

— Это на каком основании?!

Вишенка — это же та самая Вишнякова? Теперь он зачем-то переключился на секретаршу Корсакова, что совсем не пришлось по душе Ярику.

— А вот это пускай она сама тебе расскажет, — Елисей многозначительно посмотрел на Ярика. — Я понимаю, что очень сложно расстаться с ролью собаки на сене, но ты уж постарайся.

Елисей покровительственно похлопал по плечу Мереминского. Александр третий мгновенно среагировал и уже был готов к сдерживанию Ярика, но тот находился в каком-то ступоре. И лишь непонимающе смотрел на друга и на этот снисходительный жест, будто стараясь переварить услышанное.

— В общем, Корс, будь человеком. Если у самого все тип-топ с личной жизнью, то не мешай другим её строить. Ваша контора нам с Вишенкой уже пару свиданий сорвала, — с улыбкой как ни в чем не бывало продолжает Лис. — Дядюшка Елисей скоро будет ох как зол! Очень зол!

Замечательно, у него помимо мании величия ещё и шизофрения, раз он говорит о себе в третьем лице. По мне, так пускай забирает себе эту Марину. Они отлично будут дополнять друг друга. Гармоничная пара двух психопатов.

— Он блефует, — Александр третий недоверчиво качает головой, не сводя взгляда с Ярика. Будто боялся пропустить вспышку гнева и последующий за ней армагеддон.

— Оставь её в покое! — Мереминский наконец-то немного пришёл в себя, но ещё не до конца овладел собственными эмоциями. Он даже не замечал свои сжатые кулаки, которым явно не терпелось отметелить Елисея. — Меланчук, я серьёзно.

— А то что? — усмехнулся Лис, вновь одаривая нас своей улыбкой, а которой так и

сквозила неприкрытая издевка. И не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал прочь от нашей компании.

Мне было больно смотреть на Ярика и его поникший вид. А ведь действительно, что он мог сделать? Вишнякова была ему всего лишь другом, и имела право встречаться с кем хочет, даже с таким мерзавцем, как этот Меланчук. Да и вообще, он сам вроде как с Ланой встречается, вот лучше бы о своей личной жизни и беспокоился.

Саша подошёл ко мне, но смотрел на меня каким-то странным взглядом, будто бы вскользь. И мне от этого стало дико неуютно. О чём он сейчас думал? О Яне? Или об утраченной дружбе? Очень хотелось бы сейчас залезть к нему в голову и вытряхнуть все тайны наружу. Потому что невыносимо находиться рядом с человеком и чувствовать, что он от тебя в этот самый момент максимально далёк.

Ревность гадким зверем точила изнутри мое сердце, окончательно омрачая этот вечер. Мереминский пошел разбираться с приглашенным на мероприятие фотографом, чтобы убедиться в том, что недавний инцидент не попал в объектив его камеры. Саша отправился завершать обсуждение последнего рабочего вопроса. А я позорно сбежала в дамскую комнату, чтобы охладить лицо водой и немного прийти в себя.

Вдох выдох, и так по кругу, пока грудь не перестало сдавливать тисками, и я смогла унять противную дрожь в пальцах после всего пережитого напряжения. Пока не появились силы просто вернуться к людям, улыбаться и высоко держать голову.

Вот только не успела я выйти, как заметила недалеко от двери фигуру Елисея. Меланчук стоял точно притаившийся хищник, обманчиво расслабленно облокотившись на стену и скрестив руки на груди. Но его взгляд отчетливо говорил, что наша неожиданная встреча для него явно не стала сюрпризом.

— Поговорим?

— О чём мне с тобой разговаривать? — удивленно уставилась я на Меланчука, раздраженно поправив волосы. Жалкая попытка унять вновь возникшую дрожь в пальцах и принять невозмутимо холодный вид.

— Вы отлично смотрите вместе, — расплылся в своей фирменной улыбке Елисей, обнажив идеально ровные зубы. — Рад, что вкус Корсакова значительно стал лучше.

— Ты повторяешься.

Не дождавшись от меня благодарности и даже ответной улыбки, блондин принял задумчивый вид и поинтересовался:

— Вот скажи мне Елизавета...

— Откуда...

— Я узнал твоё имя? Ой, да просто навёл некоторые справки. Так сказать, исправил оплошность твоего кавалера. Итак, Елизавета, говоря откровенно — неужели такая яркая и независимая девушка, как ты, будет довольствоваться ролью, который отводит Сашка в отношениях всем своим пассиям?

— Какой ещё ролью? — опешила я от такого поворота в нашем разговоре. Почему-то увидев здесь Елисея, я подумала, что сейчас он начнет оправдываться и обелять себя в той мерзкой ситуации с Яной. И выставить виноватым Сашу. Но то, что его волновала именно моя персона, никак не укладывалось в моей голове.

— Ну как там в песне поётся? Первым делом — самолеты. Так и у Корса. Женщина всегда должна знать своё место. Работе не мешать, внимания не требовать. Что там ещё? Быть красивым аксессуаром на мероприятиях, безотказной в постели...

— Тебе самому не противно постоянно поливать грязью тех, кого ты считаешь своими друзьями? — резко обрываю я Меланчука. Лучшее на что я сейчас была способна это перевести тему, чтобы не показать, как сильно меня задела его слова. Каждое грёбанное слово. Да нет же, Корсаков, конечно, не подарок, но нет в нём этой циничности, о которой распиался мне тут Лис. Не могла же я так конкретно ослепнуть и обмануться в человеке? Или точнее, не могла же я ослепнуть снова?.. — У меня такое ощущение, что цель твоей жизни — довести всех до ручки и получить морду!

— Мм, а ты дерзкая, детка! Мне нравится. И потому мой вопрос становится ещё более актуальным. Каково это постоянно быть задвинутой на второй план?

— Я тебе не детка, — злобно чеканю я каждое слово.

— Но ты и не ответила на вопрос, — подмигнул Елисей.

— И не собираюсь.

Вот чего ещё не хватало так это оправдываться и пытаться что-то объяснить такому нахалу как Лис!

— Скажешь, что я не прав? Но тогда почему ты здесь, говоришь со мной, а Корсаков как обычно решает дела с очередными влиятельными толстосумами?

— Жаль, что Саша всё-таки не дал тебе в морду, — говорю я, вкладывая в голос всё презрение и холодность, на которые я только была способна. — Тогда бы мне и разговаривать не пришлось.

Аккуратно обхожу Меланчука стороной, даже не смотря в его сторону. Лис — предатель и мерзавец, но доля правды в его словах есть. Сегодня я просто красивый

аксессуар, а Саша половину вечера решает дела. То, что большую часть приема, он провел со мной, почему-то совершенно вылетело из моей головы, а распаленное словами Лиса воображение только искало подтверждение его гадких слов.

— Да лучше бы он меня действительно избил до полусмерти. Может, хоть тогда бы всё вернулось на круги своя, — раздаётся голос сзади. И этот голос был совершенно не похож на голос самодовольного наглого Меланчука. Скорее это голос уставшего человека, которого изрядно потрепала жизнь. И ничего радостного впереди для себя он не видит.

Я оборачиваюсь и с удивлением отмечаю, что эта странная интонация раскаяния мне вовсе не почудилась. И на какие-то несколько секунд Елисей сбросил маску равнодушия и бахвальства. Но встретившись со мной взглядом, поспешил надеть ее вновь.

Прогулки по набережной считался одним из наших любимых маршрутов с Корсаковым. Но сегодня идти по привычным местам было для меня в тягость. Очарование вечера медленно гасло вместе с закатом, который предвещал скорое окончание этого тяжелого дня. Мы шли, держась за руки, и молчали. Каждый думал о чём-то своем. И если говорят, что с любимым человеком приятно даже молчать, то сейчас я была готова ругаться до хрипоты с тем, кто придумал эту чушь. Потому что молчать рядом с напряжённым Корсаковым мне было как-то особенно тяжело и тоскливо.

— Жалеешь? — слова вырываются сами собой.

— О чём? — Саша останавливается и внимательно смотрит на меня. Но его лицо совершенно непроницаемо.

— О том, что всё так произошло с Елисеем и вообще...

Имя Яны я произнести не смогла, но оно так и повисло в воздухе. И холодило меня оно сильнее вечерней прохлады, вызывая непреодолимое желание крепко обхватить себя руками в отчаянной попытке сохранить остатки тепла.

— Нет. Жалею, что не сдержался и потерял контроль над эмоциями, — качает головой Саша и даже ничего не спрашивая, снимает свой смокинг и накидывает мне на плечи. — Мы не виделись с ним с того самого дня...

— Зато Марина ваша похоже с ним часто виделась, — усмехаюсь я, не удержавшись от шпильки в адрес Вишняковой. Тоже мне подруга детства называется! Мутить с Лисом, после всего, что он натворил, и продолжать работать на Корсакова — это вообще ни в какие ворота не лезет!

— Лиз, я не указываю друзьям, с кем им общаться, а с кем нет. Ярик сам сократил общение с Елисеем после нашего конфликта, Маришка нет. Это её дело, её личная жизнь. И вмешиваться в неё я не буду.

— И пускай Ярик страдает от ревности?

— Возможно, именно это его и подстегнёт что-то изменить, — усмехается Александр третий. — Да и про собаку на сене Елисей в общем-то правильно заметил... Короче, пусть разбираются сами.

Медленно бредём до свободной лавочки, с которой открывается отличный вид на реку. Ну хоть в этом нам сегодня повезло.

— Ты расстроена, — Корсаков не спрашивает, а с лёгкой грустью в голосе подмечает факт.

Хочется сказать в ответ, что это мое перманентное состояние в последние дни, но вместо этого я равнодушно пожимаю плечами.

— Да, приём мы однозначно сделали нескучным, — смеётся Корсаков. И откуда у него только силы берутся смеяться после всего того, что случилось? — Надеюсь, Свиридовы на нас не в обиде. Но не переживай, Лиз, это не последний наш выход.

— Что опять придется быть просто красивым приложением к тебе?

— Не приложением, а моей красивой спутницей, — Саша явно не замечает горечи в моем вопросе и оставляет на моей щеке лёгкий поцелуй. — Ого! Как здесь пионами пахнет! Или у меня уже галлюцинации?

Вздрагиваю, выныривая из своих невеселых раздумий, и стараюсь уловить носом

знакомый любимый цветочный запах. Который всегда ассоциировался у меня с весной, теплом, а ещё с бабушкой и её садом. Ветер доносит до меня едва уловимый аромат. Но откуда здесь быть пионам?

— Да вроде тоже что-то слышу...

— Посиди тут, я сейчас, — говорит Корсаков, вскакивая с места.

Неужели пошёл грабить клумбу?

Откидываюсь спиной на лавочку и плотнее закутываюсь в смокинг Корсакова. На улице тепло, но мерзну я исключительно из-за своих расшатанных в край нервов. Закрываю глаза, пытаюсь хоть немного снять напряжение. Запах пионов становится всё более слышим.

— Надеюсь это поможет поднять настроение, и ты наконец улыбнешься, — раздаётся рядом чуть запыхавшийся голос Корсакова. Распахиваю глаза и вижу перед собой огромную охапку пионов, свежих, как будто только что сорванных.

— Откуда? — ахаю я.

— Да там ближе к дороге старушка сидит, продаёт.

— И ты решил ей сделать дневную выручку? — усмехаюсь я, принимая увесистый букет в руки, и тут же зарываюсь в него носом. Аромат был просто потрясающий!

— Почему бы и нет. Пускай идет домой, отдыхает. Она и так вон до вечера засиделась, — смеётся Саша. — А я, надеюсь, хоть как-то смогу загладить вину за этот испорченный приём.

— Никогда не дари цветы, чтобы загладить вину.

— Это ещё почему?

— Зачем? Чтобы они ассоциировались с каким-то неприятным событием или поступком? Лучше просто без повода, чтобы порадовать.

— Тогда, может, получится вот так? — Саша нежно касается своими губами моих и выжидающе смотрит на меня со своей фирменной плутовской улыбкой, ожидая вердикта.

— Неплохой вариант, — отзываюсь я, невольно улыбаясь в ответ.

А может всё-таки на горизонте для нас нет никаких разлук? И всё, что есть сейчас между нами настоящее, искреннее? Пускай Корсаков и молчит о своих чувствах, но неужели то, как он смотрит на меня сейчас снизу вверх, разместившись у моих колен, и все те жаркие и нежные слова, что он шепчет мне по ночам, сжимая в своих объятиях, или как порой он касается меня нежно-нежно, обхватив сзади и зарываясь лицом в мои волосы — всё это лишь очередной ничего не значащий эпизод в его жизни?

Может ли равнодушный мужчина вот так нестись сломя голову раздобыть цветы просто, чтобы вызвать у девушки улыбку? Да, с его постоянной работой приходится непросто. Но ведь он не рядовой работник. И вопреки словам Елисея, я не чувствовала себя «задвинутой» на второй план. Особенно сейчас, когда Саша смотрел на меня своей обволакивающей серой дымкой глаз. И я точно знала, что телефон в его кармане стоит на беззвучном.

Так может у нас всё-таки есть шанс? В тот вечер была готова в это поверить. И даже закрыть глаза на информацию, что я знала о злосчастном пари. Но предстоящая пятница перевернула всё с ног на голову.

Утро выдалось прекрасным. Может, потому что я выкинула из головы все неприятные мысли и сомнения. А может причина тому была близость с любимым мужчиной, которая бодрила и заряжала на весь день вперёд. Даже такую соню, как я, которая любила поваляться в кровати. Как там писали в одном женском журнале, утренний секс — лучший антистресс? Пожалуй, спорить с данным постулатом я не буду.

Уже по нашей устоявшейся традиции долго валяться рядом с Корсаковым по утрам никогда не получалось. Но даже это мне безумно нравилось.

Как и его внезапные сюрпризы.

«На сегодняшний вечер и выходные ничего не планируй».

«Это ещё почему?»

«Мы с тобой рванём в другой город».

Нет, он неисправим! Просто берёт и опять ставит перед фактом!

«Какой еще другой город?! Куда ты собрался лететь?»

«Лететь мы будем с ветерком на машине».

«То есть, мы едем куда-то недалеко?»

«Вечером узнаешь. Хочу показать тебе несколько красивых мест».

«Ну ла-а-а-дно... Корсаков, ты — баламут!))»

Но всё равно любимый. Правда, писать этого я конечно же не буду.

«Тебе понравится») Много вещей не бери, заеду в восемь».

Вот и как теперь дожить до вечера? Ещё только миновал обед, и значит, остаток рабочего дня придётся сидеть и стогать от нетерпения. И, как назло, нет ни одной встречи с клиентом, чтобы можно было пораньше улизнуть домой и начать готовиться к поездке! Нет, Александра третьего иногда всё-таки хочется прибить! Вот кто говорит девушке о предстоящей поездке за несколько часов до её начала?! Надо же себя привести в порядок, собрать сумку, да и кучу всего ещё успеть сделать! Но самой поездке я была конечно же рада.

Из кабинета Ксюши Косициной вновь послышались обрывки фраз на повышенных тонах. Только заседали там сейчас Татьяна и Ника, наш босс уже по устоявшейся пятничной традиции свалила с работы пораньше, правда в этот раз побив все рекорды. Никто из нас не знал, о чём Таня с Никой спорили уже битый час, но кажется, дело принимало серьёзный оборот. Разобрать обрывки их фраз не получалось — то Лана, то Настюха периодически созванивались с клиентами и заглушали голоса из кабинета.

— Дело пахнет керосином, — заметила Оксанка, напряжённо сдвинув брови. Она, как и я, периодически посматривала на закрытую дверь.

Коваленко вновь перешла практически на крик, от чего я невольно сжала голову в плечи и уткнулась в монитор. Скандалы я не любила. На рабочем месте так тем более. Да и что такого могла сделать Скворцова, чтобы вызвать гнев руководителя отдела продаж? Она и в подчинении у неё была на полставки, так как половину времени занималась инфоблоками. И только летом планировала окончательно перейти к нам в отдел продаж.

Трель мобильного заставила меня вздрогнуть. Звонила Инга. Ничего себе, а я думала, что она уже уехала обратно в северную столицу.

— Привет, Ингулёк!

— Ты на работе? — вместо приветствий спрашивает подруга.

— Что за вопрос? Конечно.

— Выйди из кабинета, разговор есть.

— Шулькевич, да сколько можно-то, — бурчу я, поднимаясь из-за стола и блокируя компьютер. — Мне и в тот раз хватило с лихвой...

— Лиз, вот объясни, ты правда ни хрена ничего не замечаешь вокруг?! — перебивает меня Инга. — Любопытство — главная женская черта. А у тебя оно развито примерно на уровне минус бесконечность!!

— Что ты несёшь?! — не выдерживаю и в ответ ору я. Что-то день сегодня какой-то склочный и скандальный. Может опять планеты встали не так, как надо, или очередные магнитные бури.

— Что я несу?! Это ты мне скажи, какого чёрта ты работаешь с бывшей Гордеева?

— Я?!

— Ты-ты! Ну давай, поведай мне, как вам вместе на одной территории живётся? Тебе ещё эта психопатка хребет не переломила?

— Инг, я не знаю в лицо ни одну из бывших Лёшки, — я замираю рядом с лестницей, крепко ухватившись за перила одной рукой. — Ну может только одну помню, и то, потому что она главной в студсовете была и какие-то конкурсы выигрывала....

— Млять, Бельская! Ты работаешь с Веркой! С той самой ненормальной психопаткой с экономического! — орёт мне в трубку Шулькевич.

От этого имени неприятно сжимается сердце и прошибает холодный пот.

— Но у нас нет сотрудницы с таким именем, — упрямо шепчу я, хотя уже не так уверенно, как в разговоре с Маратом, который сообщал о своём переманивании в «Люксайтайм».

— Да неужели?! Я вот совершенно случайно сейчас зашла на твою страницу в одной соцсети и нашла ваши с ней общие фотки с работы. Да и в друзьях Скворцова у тебя тоже есть.

— Ника?! — восклицаю я севшим голосом, невольно хватая себя за горло.

— Ах она теперь так себя величает? — язвительно протягивает Шулькевич. — Занятно. Вообще-то по паспорту она Вероника. И пускай она хоть трижды перекрасит в рыжий свои блондинистые патлы, я её узнала!

Так мне срочно нужна точка опоры! На негнущихся ногах дохожу до стены и заваливаюсь на неё, пытаюсь собрать в кучу всё то, что я узнала сейчас, и что произошло со мной за последнее время.

Так это получается Ника переманивала моих клиентов? И именно её рук дело моё несостоявшееся падение с лестницы? И Лана знала! Знала, что Ника меня ненавидит! Они же довольно тесно общаются. Только вот наша местная кукла Барби не стала вмешиваться, отделавшись одними полунамеками!

— Лиз, ау. Ты здесь? Ты как там вообще?

— В ауте.

— Ты мне скажи лучше — она точно тебе ничего не сделала? Почему тебя занесло с исторического в рекламу я знаю, но вот почему она пошла именно в ваш журнал, у меня только одно объяснение — отомстить тебе.

— А вдруг у неё проснулась любовь к продажам, — усмехаюсь я, медленно сползая по стенке. Неловко плюхаюсь на пятую точку и вытягиваю ноги. Пол на лестничной площадке довольно пыльный, но мне плевать. Хочется поскорее завершить разговор, закрыть лицо руками и не вставать несколько часов кряду. Господи, ну почему я настолько слепая и не замечаю ничего вокруг?! Права Шулькевич, тысячу раз права, ну нельзя же быть настолько ненаблюдательной! И видеть сначала в людях хорошее — это замечательная черта, только вот плохое подмечать тоже желательно. Потому что, если бы не Зубкова, моя не наблюдательность вполне могла стоить мне сломанной шеи! Или до чего ещё могла потом додуматься эта ненормальная помимо оторванных каблучков?!

— Лизок, у неё мать владелица рекламного журнала. На хрена ей в вашем быть обычным продажником?!

Опаньки. А вот и ещё и один недостающий кусочек пазла.

— «Люкстайм»?

— Вроде бы что-то такое. Я точно не помню, заугли по фамилии Скворцова, найдешь, — бурчит Шулькевич. — Ты мне так и не ответила, она точно тебе ничего не сделала?

— Ну... кое-что было, но обошлось, не переживай, — обтекаемо говорю я. — Теперь вот буду настороже.

— Лизк, ну вот как я могу со спокойной душой уехать в Питер, если у тебя под боком эта гадюка?! Да у неё крышу сорвало после расставания с Гордеевым, я отвечаю! Она же не просто так академ взяла, а потом в Москву перевелась. Она же на нём помешана была! Тут и к гадалке не ходи — когда он вернулся к тебе, она именно из-за этого кукухой поехала! Нормальный человек не будет устраиваться работать к девушке своего бывшего и следить за ней!

— С этим я спорить не буду, — тяжело вздыхаю я. Зачем только она потом осталась работать, уже зная, что мы с Лёшкой расстались? Это какая должна быть степень невменяемости у человека?

— Бельская, пообещай, что ты сейчас пойдёшь и купишь перцовый баллончик!

— Инг!

— Я серьёзно. Если ты говоришь какие-то пакости уже были, поверь, это только цветочки. Скворцова в универе ещё той стервой была, она не остановится. Уж не знаю, что у неё на уме: или покалечить тебя, или вытурить из журнала, но будь, пожалуйста, осторожна!

— Буду, — обещаю я и отключаюсь.

А вот, собственно, и ответ на вопрос, зачем Нике нужно было столько времени пробыть в стенах журнала «ГородОК». Медленно поднимаюсь и механически отряхиваю себя от пыли. Никаких сомнений у меня практически нет, но хочется прояснить ещё один момент.

— Натали, скажи, а мои звонки сейчас на Лану переводятся? — интересуюсь я у нашего офис-менеджера, но уже заранее знаю ответ.

— Нет, мы же в конце года сделали новую переадресацию. Звонки Ланы на тебя, а твои на Нику, — говорит Натали. — Ты, наверное, тогда в отпуске была, поэтому не в курсе.

— Наверное, — киваю я и кидаю взгляд на Зубкову. Прости Ланусь. Получается, зря я стикеры тогда тебе всучила. Надо было их Скворцовой дарить, а лучше — засунуть в одно место.

Возвращаюсь к себе за стол, но не спешу приступать к работе. Дверь кабинета Ксюши с грохотом распаивается. Первая из него вылетает Ника, раздраженная, но с каким-то диким огнём в глазах, под стать её ведьмовской шевелюре, и неприятным оскалом на лице. Таня выходит неторопливо, но видно, что этот разговор её вымотал. Она раскраснелась и шла, слегка пошатываясь. На наши вопрошающие взгляды начальница ответила коротко и раздражённо:

— Ника увольняется. Без отработки. Подробности на собрании. Всем работать!

И почему-то посмотрела персонально на меня долгим тяжёлым взглядом.

Девочки-продажники коротко переглянулись между собой и уткнулись в мониторы. Настюха лихорадочно стала набирать номер клиента, но по глазам было видно — она в шоке. И очень хочет скорее обсудить столь неожиданный поворот событий.

Я тоже пребываю в очередном шоке, хотя лично для меня увольнение Ники — это освобождение. Это глоток свободы и спокойствия, который я наконец смогу ощутить. Не представляю, как бы я смогла работать, после того, что узнала от Инги. Мне и так в последнее время было некомфортно подозревать всех и каждого в офисе. Уход Скворцовой — это просто подарок свыше. Не могу только понять почему она решила свалить именно сейчас? Удерживать и скучать по ней я, конечно, не буду, но вот задать пару вопросов очень хочу.

Вероника не стала собирать свои вещи. И меня это не удивило. Люди с таким достатком, как у её семьи, вряд ли будут сильно страдать из-за того, что не забрали кружку и канцелярские мелочи. Выходила она из редакции как победитель: ярко-красное платье струилось по её идеальной фигуре, рыжие волосы перекинута через плечо, а дизайнерская сумка небрежно болтается на запястье. В другой руке она держит какие-то листки.

— Заявление, — громко оповещает она, с дьявольской улыбкой обводя наши застывшие лица и бросая листок на стол Коваленко. — Татьян, не очень дальновидно с твоей стороны раскидываться ценными и перспективными кадрами. И оставлять в команде тех, кто не умеет работать.

— Свои советы и замечания можешь оставить для «Люкстайма», Ник, — Коваленко смотрит на неё в упор, скрестив руки на груди. И даже бровью не повела на её выпад. Вот

эта выдержка! Мне в очередной раз хотелось поплодировать начальнице стоя.

— Ты ещё пожалеешь, — смеётся Ника и от этого смеха у меня по спине бегут мурашки. Следом она кидает на стол Татьяны ещё какие-то листки. — Везение — штука переменчивая. Не всегда же крупных клиентов можно будет заполучать через постель. Правда, Лиз?

Я забываю, как дышать. Последний вздох застревает комом в районе горла, когда несколько пар глаз сотрудников журнала поворачиваются ко мне.

— Вот, можете полюбоваться на своего лучшего продажника года в компании владельца «Корсара», — кивает Скворцова в сторону тех самых листков. Сфокусировав взгляд, я замечаю, что это довольно крупные фотографии. На которых видимо изображены я и Саша. — Не смею вас больше отвлекать от работы. Процветания и всех благ напоследок желать не буду. Осточертело притворяться, уж извините.

Ника кидает на меня последний взгляд, в котором смешался дикий коктейль — ненависть, презрение и какое-то сожаление. Интересно о чём? Что не удалось окончательно сломать мне шею? Громко цокая высокими каблуками, она распахивает дверь и с усмешкой на губах покидает наш офис.

Звенящую тишину, в которой я отчётливо слышу звук своего сердца, прерывает робкое восклицание Ипатовой:

— Ты и Корсаков? Очуметь!

Ничего не объясняя, встаю со своего места и выхожу следом за Никой.

Догоняю эту фурию я уже на стоянке, что, пожалуй, и к лучшему. Общаться с ней на лестнице после всего того, что она мне устроила, может оказаться довольно чревато для здоровья.

— Ник, подожди! — окликаю я девушку.

Огненно-рыжая шевелюра резко взметнулась в сторону, когда Скворцова недовольно посмотрела на меня через плечо:

— Чего тебе?

Ну надо же, и куда делись все её дружелюбные улыбки и весёлые шуточки?

— А тебе не кажется, что за все твои выкрутасы можно и статью получить? — спокойно интересуюсь я, подходя ближе, но на достаточно безопасном расстоянии. От этой сумасшедшей можно ожидать чего угодно.

— Ой можно подумать ты с ним не спишь! Святую-то из себя не строй! Никакой клеветы тут нет, — презрительно фыркает Скворцова.

— А я и не о Корсакове. А о том, что твои прошлые действия могли нанести серьёзный вред моему здоровью, а это уже пахнет уголовкой, Никуль.

Чёрт знает, откуда вообще в моей голове эти знания. Может в универе какой-то курс был по юридической грамотности, вот и вспомнилось в критический момент. Заявлять в полицию я и не думала, просто надо было с чего-то начать разговор.

Держалась я действительно молодцом — спокойно и даже в какой-то степени отстранённо. Но внутри была натянута до предела как струна.

— О, прозрела наконец-то, — смеётся Вероника. — А ты докажи, Лиз, что это именно я тебе кресло сломала. В вашей шарашкиной конторе ни одной камеры нет! Хочешь болтики вынимай, хочешь телефон бери...

Кресло! Именно эта дрянь сломала мне новое кресло! А ведь Оксанка орала, что упади я чуть менее удачно, то могла напороться виском на какой-то торчащий штырь! И что касается телефона...

— Так это ты тот самый аноним, что рассылал смски об измене? — усмехаюсь я, скрестив руки на груди. И это было самое безопасное их расположение в данный момент, потому что уж очень чесались кулаки надавать Скворцовой по морде! И стереть это нагло нахальное выражение с её лица.

— Ну а что тут такого, — пожимает плечами Ника, — Я ведь ни в чём не соврала. То ты целуешься перед работой с одним, потом на набережной гуляешь с другим. Пускай твои мужики знают правду, какая ты на самом деле двуличная! А один из них обязательно бы оказался Корсаковым. Интересно, а помимо него с кем ещё из клиентов ты развлекалась? Утоли моё любопытство, Лиз! Непонятно только зачем ты Лёшу опять в свои сети пыталась заманить...

— Ты ненормальная, если ты правда так думаешь, — качаю головой, с ужасом наблюдая, как Скворцова чуть ли не брызжет ядовитой слюной в мою сторону. — И Гордеев мне на хрен не сдался! И уже довольно давно. Наблюдай ты за мной более внимательно, то знала бы это!

— Ну да конечно! И именно поэтому у тебя его день рождения до сих пор стоит, как пароль для разблокировки! — орёт Ника. А я с удивлением отмечаю, что она права. Я

действительно не стала менять пароль после нашего расставания с Лёшей. Просто эти цифры для меня перестали иметь сакральный смысл, а набирать их одним пальцем было быстро и удобно. Но эта моя маленькая лень позволила Скворцовой беспрепятственно залезть в мой гаджет. — Ты дуру, то из меня не делай! Сколько ты ходила, страдала после вашего с ним расставания и никого к себе не подпускала?! Всё надеялась, что он снова к тебе вернётся?

— Ага, конечно. Так ждала возвращения Гордеева, что одновременно крутила со всеми своими клиентами! Где логика, Ник? Тебе самой не смешно слушать весь тот бред, что ты несёшь?!

— Мать всегда говорила, что не стоит смешивать работу и личную жизнь, — Скворцова как-то невесело усмехается и достает из своей сумки сигареты. От чего у меня еще больше округляются глаза. Она же никогда не присоединялась к нашей компании антизожников во время перекуров! Получается, всё то, что она из себя изображала на работе, была сплошная ложь от и до. — Ты, судя по всему, живешь по её заветам... лучший менеджер по продажам! Оборжаться можно! Видела я тебя на тренинге в том году, и как ты потрясающе работаешь с возражениями...

Я не считала себя продажником от бога, но продавать рекламу действительно умела. Только вот на том тренинге я и правда не блистала. Потому что состоялся он аккуратно на следующей неделе после моего разрыва с Гордеевым. И я вообще смутно помню, как жила в те дни. Какие уж тут отработки возражений под руководством столичного гуру продаж... На том тренинге блистала Лана и хорошо проявила себя Настюха. А я действительно была в аутсайдерах, хотя это и не помешало мне потом добиваться успехов уже работая «в полях». Но в глазах Ники я, судя по всему, так и осталась никчемным бездарем.

Ника с наслаждением выдыхала вверх едкий дым и насмешливо поглядывала в мою сторону.

— Какая тебе разница, насколько хорошо или плохо я продаю рекламу? Ты что так мечтаешь получить звание «Продажник года»? — непонимающе уставилась я на бывшую коллегу.

— А я ненавижу несправедливость! Когда кто-то незаслуженно получает все лавры! Ненавижу, когда кто-то непонятно почему занимает чужое место! — неожиданно переходит на крик Скворцова, дрожащей от злости рукой начиная размахивать сигаретой. Отчего я невольно отступаю на шаг назад. — Вот что он в тебе нашёл, скажи?! Ты вообще себя в зеркало видела??

— Я не занимала твое место, Ник. Лёша сам ко мне вернулся, — спокойно парирую я. — Я ничего для этого не делала. Хочешь верь, хочешь нет, я вообще не знала, что вы были вместе...

— Вся такая из себя положительная девочка! Ничего-то она не знала, ничего делала! Ну просто «не виноватая я — он сам пришел!»! Ты что думаешь, я не знаю, как ты по нему убивалась и страдала, когда он тебя бросил? Да ты, сверкая пятками побежала к нему, лишь только он шаг в твою сторону сделал!

— Я просто его тогда очень любила, — зачем-то говорю я. Хотя мое откровение так и не пробудило в Скворцовой остатки здравого смысла. Для неё я по-прежнему оставалась врагом народа, который в ответе за её разрушенное счастье. Хотя после всего того, что я узнала о Гордееве, я не могла перестать задаваться вопросом — а из-за чего там, собственно, можно страдать? Неужели Ника, такая же жертва, ослеплённая Гордеевым, как и я когда-то?

— Любила? Да что ты вообще знаешь о любви?! Ты хоть понимаешь, как мы с ним друг друга любили?! Ты знаешь, как он ко мне относился? Да он... да мы жениться хотели после окончания универа! И всё разрушилось в один момент! Это родители заставили его бросить меня! А Лёша не хотел! Не хотел! Ты хоть можешь себе представить, как это, быть в разлуке с тем, без кого ты дышать не можешь? Когда тебя на год отправляют за тысячи километров «подлечить здоровье»... целый год просто вычёркивают из жизни! А ты здесь продолжала жить, как ни в чём не бывало! Вернула его, ещё и потом съехаться его заставила! Ты думаешь, мне приятно было наблюдать, как вы вместе получаете дипломы? Смотреть на фото, как он тебя обнимает, целует? Когда на твоём месте должна была быть я! Я!! Ни хрена ты ничего не знаешь! У тебя по жизни вечно всё легко и просто! Единственная драма, которая была в твоей жизни, это когда Лёшка тебя окончательно бросил, и то ты сразу сопли на кулак намотала!

Ника уже перешла на крик и откинув в сторону недокуренную сигарету, стала надвигаться на меня, направив прямо в область моего сердца указательный палец. И хотя женский маникюр не относился к категории колюще-режущих предметов, но почему-то в этот момент мне всё равно стало жутко. Инстинктивно я попятилась назад, пока не уперлась в капот чей-то машины.

— Как намотала, так и размотала. И сейчас прекрасно живу и без твоего любимого Гордеева, — уже начинаю огрызаться я. Пускай мне и некуда отступать, но просто так терпеть оскорбления от этой истерички я не намерена!

— Прекрасно живёшь? А не ты ли недавно тут в офисе на ступеньках прижималась к нему и целовала? — шипит Скворцова уже практически тыча в меня своим острым ногтем. — Что язык проглотила? Нечего сказать? А ты скажи спасибо, что ты отделалась лишь поломанным каблуком! Сука! Я еле сдержалась, чтобы не оттащить его от тебя прямо там, и не скинуть тебя с этой самой лестницы!

— Ник, мне кажется, нервы тебе до конца так и не вылечили, — тяжело вздыхаю и аккуратно, но решительно отодвигаю её руку от себя. Огрызаться и спорить со Скворцовой сейчас было подобно самоубийству, но я с каким-то отчаянием и упрямством шагала навстречу своей гибели. Потому что очень хотелось донести до этой ненормальной одну простую мысль — Гордеев мне не нужен. И во всей этой мести нет никакого смысла. — Я не отвечаю за действия Лёшки, к кому и зачем он приходит, и в кого пытается засунуть свой язык... Но если он решит провернуть подобное ещё раз со мной, то с этой самой лестницы полетит он. Потому что для меня — между нами всё кончено! Хочешь возвращать его — возвращай. Женитесь, рожайте детей, делайте что хотите. А меня оставьте в покое! Как ты правильно заметила, и сообщила всему офису — мне есть на кого тратить своё время.

— Это ты о Корсакове что ли? — смеётся Вероника, наконец перестав надо мной нависать. Не знаю, поверила ли она до конца моим словам, но выглядела Скворцова сейчас более расслабленной. — Я бы тебе не советовала особо сильно губу раскатывать.

— А я, Ник, обойдусь, пожалуй, без твоих советов.

— То, что ты к нему в койку залезла и получила контракт, ещё ничего не значит. Ты, конечно, можешь надеяться на «жили они долго и счастливо», но у нас есть общие знакомые и я знаю, что они про тебя говорят.

— Люди всегда что-нибудь да говорят, — пожимаю я плечами.

— Да? То есть тебя устраивает быть в роли цирковой собачки?

Скворцова одаривает меня снисходительно жалобной ухмылкой и продолжает:

— Ни для кого ни секрет, что он хочет позлить свою бывшую. А я думаю, ты знаешь, кем она была. Может ты и выучила какие-то навыки соблазнения и успешно их применяешь, раз он всё-таки обратил на тебя внимание, но согласишься, где тебе тягаться-то с самой мисс Поволжья? Весь это ваш так называемый роман — не больше, чем кратковременный спектакль. Просто чтобы позлить Янку. Уж прости, Лизк, но я видела их вместе. Очень красивая пара! И вот там были настоящие чувства, а ты для него не более, чем проходной вариант. А может экзотики ему захотелось после череды моделей, хрен его знает... Вопрос времени, когда ты выполнишь свою роль и он помашет тебе ручкой. Я бы на твоём месте уже потихоньку готовилась, что карета в любой момент может стать тыквой.

— Я бы на твоём месте больше бы сосредоточилась на своей личной жизни, — нахожу в себе силы сказать я, смотря прямо в глаза Скворцовой. Но где-то в районе груди уже разрастается огромная болезненная чёрная дыра. Проходной вариант — я уже не первый раз слышу эту фразу... И если Ника хотела меня добить, то у неё это отлично получилось. — Тебе же нужно ещё Гордеева возвращать.

— О, не переживай. Люди обязательно будут вместе, если они созданы друг для друга. А мы с Лёшкой созданы. С тобой я уже разобралась, мои родители... тоже своё получают. И мы с ним будем вместе, вот увидишь, — Ника гордо вскидывает подбородок. — А вотохранишь ли ты контракт, когда Корсаков тебя кинет, и звание лучшего продажника, вот это большой вопрос...

— Парковка предназначена для клиентов и работников офиса! — неожиданно раздаётся грозный возглас Ипатовой, как чудо свыше. Оборачиваюсь и вижу Настюху в компании Фары, которые решительным шагом направляются к нам с Никой. — Скворцова, ты вроде ни к первым, ни вторым больше не относишься! Поэтому давай, на выход!

Ну что ж, со всеми рабочими тайнами мы наконец-то разобрались. Осталось только Лизе найти в себе силы и откровенно поговорить с Сашей о споре. Как думаете, чего нам ждать, с учетом последних событий? Или героине вообще лучше остыть и отложить этот разговор на потом?

— О защитнички явились, — кивает в сторону моих друзей Вероника с презрительной ухмылкой.

Ипатова и Сафин встают по обе стороны от меня и выжидающе смотрят на Нику. Фара даже как будто вырос на пару сантиметров от переполняющей его серьёзности. Поддержка друзей сейчас очень кстати. Потому что после слов про нас с Корсаковым, у меня будто земля ушла из-под ног. И всё, на что я была сейчас способна, это сохранять лишь видимое спокойствие. Но стоило это мне каких-то невероятных усилий. И силы мои уже были на исходе.

— Ник, можешь идти. Мы тебя не задерживаем, — говорит Фара. И вроде бы вежливо, но с удивлением, я отчетливо слышу в его голосе стальные нотки. Оказывается, в критические моменты Сафин даже на такое способен! С ума сойти!

— Держись от него подальше, — кидает мне напоследок Скворцова. — Я тебя предупредила!

Может и не самая разумная реакция с моей стороны в данной ситуации, но я не выдержала и всё-таки закатила глаза на слова Вероники. Рискуя, конечно, вступить в новый диспут, а то и лишится пары-тройки пучков волос. Но мне правда смешно было слышать в свой адрес подобное предостережение. Не знаю, какой кирпич мне должен упасть на голову, чтобы я когда-либо добровольно решила искать общества Гордеева!

— Это про кого она? — спрашивает Фара, когда Ника наконец соизволила покинуть нашу компанию и сесть в свою машину.

— Да так... неважно.

— Ты и Корсаков, охренеть! — бурчит Ипатова, решив перевести разговор на более интересную для неё сейчас тему. Но сомневаюсь, что она обойдется в дальнейшем без расспросов о моей прощальной беседе с Никой и обо всех перипетиях наших с ней взаимоотношений. — Могла бы и сказать!

— Да что тут говорить...

Я пожимаю плечами и пытаюсь сделать глубокий вздох, чтобы прогнать непрошенные слёзы.

— Эй, ты чего, Лизк! — хмурится Настюха, прижимая меня к своему плечу. — Ну не сказала и не сказала, ладно проехали! Ты что думаешь, я серьёзно буду на тебя из-за этого дуться? И вообще забей ты на всех, кто что будет говорить. Поболтают и забудется. И на эту сучку тоже наплюй и разотри. Вон она уже уезжает, сверкая пятками. Солнц, да всё будет хорошо, вот увидишь!

Горько усмехаюсь, аккуратно освобождаясь из крепких дружеских объятий Ипатовой. Да если б ты только знала, Настюх...

Вопрос времени, когда ты выполнишь свою роль и он помашет тебе ручкой. Я бы на твоём месте уже потихоньку готовилась, что карета в любой момент может стать тыквой.

Ничего хорошего не будет. По крайней мере, точно не сейчас. И ждать, пока карета превратится в тыкву, я не намерена. Пора было взглянуть правде в лицо, какой бы она не была, и расставить всё по местам.

— И это все твои вещи? — смеётся Корсаков, перехватывая мою небольшую сумку. — Лиз, я, конечно, говорил тебе много не брать, но, по-моему, ты перестаралась. Что там у тебя? Зубная щётка и зарядник?

А я молчу и, не мигая, безотрывнозираю на красный сияющий Порше, который был вальяжно припаркован в моем дворе. Автомобиль уже успел собрать восхищенные взгляды и завистливые вздохи каждого местного мальчугана.

И если, спускаясь вниз к Саше, где-то на краешке сознания, я трусливо надеялась, что быть может всё как-то обойдётся и мы будем вместе, или что я смогу поговорить с ним спокойно без истерик и скандалов — то сегодняшней его выбор средства передвижения красноречиво сигнализировал мне о том, что назад дороги нет, а спокойного разговора у нас не получится.

— Нравится? — улыбается Корсаков, замечая моё пристальное внимание к своему авто.

— Красиво, — пожимаю плечами я.

Внутри в салоне всё тоже было красным, с небольшими чёрными и хромированными деталями. От обилия красного цвета хотелось зажмурить глаза. Уж очень он сейчас давил на мою психику.

— Нужно заехать к Мереминскому, — говорю я.

— Сейчас?! — рука Саши замирает на ключе зажигания.

— Да, Саш. Это очень важно.

— Он что ещё дома? В пятницу вечером? — с сомнением протягивает Корсаков.

Я киваю в ответ и перевожу взгляд в окно, чтобы дать своим глазам отдохнуть. И чтобы не смотреть на Сашу. Потому что от одного только его вида у меня начинало болезненно сжиматься сердце. А уверенность в собственных силах, поставить точку в этой истории, таяла на глазах.

Ярик только недавно отписался, что пребывает дома и ждёт приезда Ланы. Не хотелось бы мне, конечно, при ней разыгрывать финал этой истории, но ничего не поделаешь. На работе теперь и так все в курсе моей личной жизни. Одной главой знают больше, одной меньше...

— А объяснений зачем он тебе понадобился, кроме как «по очень важному делу» я так понимаю, не дождусь? — Корсаков кидает на меня пытливый взгляд, ловко вырвав со двора. Детвора восхищенно смотрела нам вслед и что-то энергично обсуждала между собой.

— Позже, — выдавливаю из себя загадочную улыбку. Саша бурчит, что сейчас мы точно соберём все пробки и уьём лишние полчаса на поездку к Ярику. Я отмалчиваюсь и лишь прибавляю громкость музыки, чтобы хоть немного отвлечься перед предстоящим объяснением.

Но перед смертью не надьшишься.

— Зачем тебе столько машин? — спрашиваю я, когда, как и предвещал Александр третий, мы встали в пробку.

— Зачем? Да чёрт его знает... У каждого в жизни должно быть какое-то хобби.

— Обычные люди коллекционируют марки или магниты на холодильник... Ты в детстве не наигрался в машинки что ли? — выгибаю я бровь, переводя взгляд на Сашу.

— Может и так, — Корсаков откидывается на сиденье и начинает барабанить пальцами

по обивке руля. — Не могу сказать, что их было очень много в моём детстве. Я же рассказывал — поначалу мы жили довольно скромно. Наверное, ты права. Не наигрался. Да и отец мой тоже. Мы же с ним первое время вместе что-то покупали, ковырялись в моторах, чинили, доводили до ума...

— Совместное дело отца и сына? — понимающе улыбаюсь я против своей воли. Ну вот зачем я в это лезу? Доказать самой себе, что Корсаков не совсем поехавший на своих тачках мажор? А толку-то? Что это изменит в нашем случае? Разве это перечёркивает тот факт, что он познакомился со мной только ради спора? Разве это поменяет то, что ничего серьёзного он ко мне на самом деле не испытывает? И уж совершенно точно это никак не может изменить то, что я полюбила человека, для которого я просто проходной вариант. Полюбила человека со своими достоинствами и недостатками, со своей затаённой печалью, детскими мечтами, особенностями характера. Но так и не смогла вызвать в ответ настолько же сильного чувства.

На одной физиологии далеко не уедешь. И если брать во внимание слова Ники, экзотика и новизна отношений с простой наивной дурочкой, рано или поздно ему надоест. Поэтому лучше самой сейчас завершить наши странные недоотношения.

— Вроде того, — соглашается Саша. — Потом правда это как-то ушло... а привычка вот у меня осталась — покупать как новые, так и старые авто. Ну и страсть погонять иногда, для души.

— Так что тебе мешает вернуть былые времена? Позвони отцу, предложи встретиться.

— Не буди лихо, пока оно тихо, — смеётся Александр третий. — Сомневаюсь, что он согласится. А ещё стоит мне только ему позвонить узнать, как дела, как он тут же кидает всё и прилетает перетряхивать наш офис своими проверками.

— А у него какое хобби, помимо того, чтобы всеми верховодить?

— Хобби?

— Ну да. Рыбалка там, охота... У меня дед любит что-то чинить и строить в своём доме. А твой отец, чем занимается в свободное время?

Корсаков молчит и как-то задумчиво смотрит вдаль, на бесконечный поток машин впереди.

— Даже не могу вспомнить ничего такого. Он всегда только и делал, что работал. А сейчас... и этого нет.

— Может поэтому он и приезжает к вам наводить свои порядки, — усмехаюсь я. — Чтобы чувствовать себя нужным. Позвони ему, Саш, предложи. Хотя бы просто попробуй.

Не знаю, почему я вообще сейчас подняла эту тему. Возможно, этот совет от чистого сердца, который мог вновь наладить отношения отца и сына, был моим прощальным подарком для Корсакова. Мне мало, что удавалось сделать для него за время нашего общения. По большей части, всегда помогал и поддерживал меня он. Но именно сейчас напоследок мне хотелось хоть как-то помочь ему и отблагодарить за все то хорошее, что между нами было. Несмотря на истинную причину нашего знакомства, хорошее ведь и правда было...

Отблагодарить перед тем, как зафиналить наше общение не самым приятным образом. О, женская логика, пути твои причудливы и неисповедимы!

— И в кого ты такая мудрая не по годам? — улыбается Корсаков и пытается притянуть меня к себе, но поток машин наконец-то двигается с мёртвой точки, а я ловко уворачиваюсь от его объятий. Едва уловимое касание пальцев обжигало и отдавалось внутри меня

мучительно острой болью.

Главное обойтись без поцелуев! Иначе моё сердце просто разорвёт на тысячу частей от переполняющих чувств и эмоций, которые были доведены до самого предела.

— Сегодня последний день нашего тест драйва, — говорю я каким-то чужим отстранённо холодным голосом.

— Да? А я уже и забыл, — смеётся Саша, заворачивая во двор Ярика.

— Забыл? А это, между прочим, была твоя идея...

— И согласишься, идея-то была отличная, — Корсаков одаривает меня широкой улыбкой, ловко паркуя машину. — Мы ведь теперь вместе.

Если бы это действительно было так.

С тоской оглядываю территорию вокруг, подмечая даже самые незначительные детали. Нелепая попытка отвлечься перед решающим шагом в пропасть.

Двор Мереминского на удивление пуст и нелюдим. Будто мы с Сашей два единственных оставшиеся на этой планете человека. Которым через несколько мгновений суждено разойтись в разные стороны.

Корсаков глушит мотор.

— Ну что, звони этому обалдую. Или мы сами поднимемся?

Аккуратно и неторопливо, точно в замедленной съёмке, достаю ключи из зажигания и протягиваю их Саше.

— Передашь сам это Ярику. И мои поздравления.

Вот и наступил тот самый разговор, которого мы все так ждали. Только решилась на него Лизка в довольно неустойчивом моральном состоянии и с максимально убитой самооценкой... Пишите в комментариях, как объяснит Корсаков ситуацию со спором?

Корсаков медленно переводит взгляд с ключей, зажатых в моих пальцах, на меня.

— Поздравления?

— Не знаю как ты, но для меня очевидно, что тест-драйв провален. Чувств между нами нет, настоящего доверия тоже, а значит и будущего у нас с тобой тоже никакого нет. К чему тогда это все продолжать? Поэтому да — мои поздравления с его законной победой в споре.

Каждая секунда этой гнетущей тишины отдавалась лихорадочным стуком пульса в моих висках.

— Вот значит как? То есть вы с ним всё-таки заодно? — усмехается Александр третий, откидываясь на сиденье.

Если я ждала каких-либо слов, то точно не этих.

— Заодно? — переспрашиваю я, сосредоточенно нахмутив брови. Что он несёт? Я только что уличила его в том, что он использовал меня для достижения победы в споре. Где положенное чувство стыда и вины? Или хотя бы их отголоски? Почему Корсаков смотрит на меня, как на врага народа?!

— Вместе веселее было водить меня за нос? — Александр третий с холодным любопытством поглядывает на меня, скрестив руки на груди. — Одно только не могу понять, как вам удалось подстроить саму встречу? Ярик дал мои координаты? Ты выслеживала меня? Специально ходила там, где я гулял в тот вечер, чтобы я обратил внимание?

— Ты издеваешься?! — не выдержала я, переходя на несколько децибелов громкости выше положенных при спокойной беседе. — Ты использовал меня, чтобы выиграть этот чёртов спор! И всё, что ты сейчас можешь сделать — это тупо перевести стрелки и выставить меня виноватой?!

Губы начинают предательски дрожать. Чёрт, не хватало сейчас только заплакать! Резко отворачиваюсь к задним сиденьям, чтобы достать свой миниатюрный багаж. Лучше держать сумку наготове, неизвестно ещё, как и при каких обстоятельствах закончится наш разговор.

— погоди... ты думаешь..., - Александр третий явно сбит с толку. — Но если ты знаешь о споре, то как...

Корсаков хватается за плечи и разворачивает к себе пытливо заглядывая в моё лицо. Прикосновения выбивают последний кислород из моих лёгких. Я отчаянно пытаюсь выбраться из знакомых любимых объятий, которых сейчас были для меня хуже пытки.

— Как я узнала?! Спросишь потом Ярика при каких обстоятельствах он мне сообщил столь важную информацию!

С усилием сбрасываю с себя руки Корсакова и распахиваю дверь машины. Жадно ловлю ртом воздух. Корсаков выскакивает следом за мной и в два счёта оказывается рядом.

— Ты что думаешь, я правда принимал участие в очередном безумстве Мереминского?! — взревел Саша, нависая надо мной сверху и впечатывая в меня свой тяжёлый взгляд.

— А что разве нет? И ты пошёл знакомиться со мной добровольно, а не потому что хотел что-то доказать Ярику?

— Если я и хотел что-то кому-то доказать, то только себе! — Саша со всей силы ударяет кулаком по крыше авто. От неожиданности я даже подскакиваю на месте и с ужасом смотрю

на его покрасневшие костяшки пальцев. — Неужели ты настолько плохо меня знаешь, что поверила в эти бредни?!

— Да я ничего о тебе тогда не знала! — кричу я. Несчастливая сумка только мешалась мне и дико раздражала, из-за чего была безжалостно сброшена к моим ногам. — Только вот с мозгами у меня всё в порядке! И я вполне отдаю себе отчет, что никогда в жизни, такой как ты просто так не обратит внимание на такую, как я!

— А я обратил!

Железный аргумент, на который я не нашлась, что ответить. И этот прямой открытый взгляд, который был красноречивее любых слов. Так значит для Саши все это было всерьёз?.. Сердце учащённо забилося, пытаюсь поверить в услышанное.

— Но почему ты тогда не рассказал Ярику, кто я? И почему ты подумал, что мы с ним заодно? — непонимающе уставилась я на Александра третьего.

— Лиз, я не воспринял всерьёз слова Мереминского. Знаешь, зачем он на самом деле затеял этот спор? Это он так с помощью машины решил наладить свою личную жизнь, вместо того чтобы взять и просто признаться во всём любимой девушке! Поэтому весь этот его бред и позерство я поддерживать не собирался, — Саша напряжённо всматривается в моё лицо, будто пытаюсь понять, верю я ему или нет. — Но... меня смущало несколько моментов.

— Каких?

— Вспомни, как мы с тобой познакомились, Лиз.

— По-моему, в данный момент мы именно этим и занимаемся.

— Ты знала, как меня зовут, — уточняет Корсаков и по его губам скользит лёгкая улыбка. — И это... немного сбilo меня с толку. И наводило на мысли, что в этом может быть замешен Ярослав.

А мне хочется закрыть лицо руками и застонать. И вот спрашивается, кто меня за языком тогда тянул проявлять свои экстрасенсорные способности?

— И поэтому ты подумал, что наша встреча подстроена Яриком?!

— Лиз, это вполне в духе Мереминского. И мне было любопытно, как далеко он готов зайти... Знаешь, что я подумал при нашей первой встрече? Что Ярик нанял очень хреновую актрису, которая сбилась со роли и случайно проговорила, что знает моё имя. Лиз, вспомни, как ты меня отшивала всеми способами. Дала неверный номер, а потом заявила к нам в офис... к Мереминскому. Всё это выглядело очень подозрительно. И если честно, смахивало на какие-то интриги двух заигравшихся и не сильно умных школьников.

— Да я тогда увидела Ярика первый раз в жизни! — фыркаю я в ответ.

— Тогда я в этом не был так уверен, — усмехается Саша, — А потом был тотальный игнор моих звонков. Со стороны это выглядело, как ловкий ход, чтобы подогреть мой интерес. И разыграно всё было чётко, как по нотам. Но мне действительно было любопытно и я... стал наводить о тебе справки.

— Это каким образом?

— Среди ваших клиентов есть много людей, которых я знаю лично, или с которыми мы сотрудничаем. Пришлось сделать пару звонков, чтобы узнать кто ты, чем занимаешься и что тебя связывает с Мереминским.

— И заодно попросить их не размещаться в следующий номер! — не смогла сдержать я возмущенный вопль, вспоминая как чуть не поседела от череды профессиональных неудач.

— Каюсь, грешен, — склонил голову Саша со смущенной улыбкой. — Но нужно же

было хоть как-то смотивировать тебя согласиться на встречу! Потеря процентов от продаж, мне показалась, неплохим вариантом... А потом была «якобы случайная» встреча в ночном клубе.

— «Якобы случайная»?!

— Меня туда уговорил прийти Мереминский, но сам в последний момент соскочил, — пояснил Александр третий. — Под каким-то очень левым предлогом. И представь, каково же было мое удивление, когда спустя полчаса моего там пребывания я увидел одну очень знакомую мне девушку. Которая даже не потрудилась особо замаскировать свою внешность!

На этот раз я просто беззвучно открыла и закрыла рот, подавив изнутри свой гневный возглас. Это был специально придуманный мной образ! Космос! Бескрайний космос! А этот чурбан бесчувственный так ничего и не понял!

— Ещё скажи, что я специально делала вид, что не узнала тебя!

— Вначале я именно так и подумал. Но когда ты ко мне подлетела, чтобы спастись от тех мудаков... я сразу поверил, что ты была искренней и просто не узнала меня под маской. Любой нормальный человек, который бы оказался в такой передрыге, в первую очередь думал о том, как спастись, а не о том, насколько убедительно сыграть свою роль. Поэтому я пришёл к выводу, что встреча в клубе всё-таки была совпадением. Но...

— Но?

— Ты снова начала меня «морозить». И я не понимал почему.

— Потому что я не хотела никаких отношений, — устало вздыхаю я, опираясь на капот красного спорткара.

— Это я понял уже потом. Но тогда, Лиз, ты мне просто взрывала мозг своим поведением! А потом ещё и Ярик учудил, пытаясь заставить меня ревновать. Ещё и нормально не отвечал ни на один мой вопрос про тебя! И я вконец запутался, что происходит, чему и кому мне верить...

— Так получается этот тест-драйв был не проверкой наших отношений, а меня? Ты просто хотел вывести меня на чистую воду? — тихо спрашиваю я, чуть склонив голову набок. Точно под тяжестью осознания возможно более болезненного и неприглядного факта, чем этот дурацкий спор. — Саш, а ты мне вообще хоть когда-нибудь по-настоящему доверял?..

Корсаков молчит. И эта оглушающая тишина врежется комом мне в горло, лишая возможности также произнести хоть что-то. Озвучить неприглядную правду.

Мы просто смотрим друг на друга, глаза в глаза.

— Неужели она оставила настолько сильный шрам в твоей душе, что одно только слово о доверии теперь вводит тебя в ступор?

— Я не доверял до конца, но...

— Нет никаких «но», Саш, — качаю я головой, — Это и есть недоверие. Мы не с того с тобой начали. Какие-то сомнения, недомолвки, подозрения. На таком фундаменте сложно что-то построить. Я и сама не святая... и, по сути, вела себя абсолютно также, как ты. Мы с тобой так старались вывести друг друга на чистую воду, что забыли о самом главном...

— Лиз, услышь меня, пожалуйста! Не было никакого спора! Всё было по-настоящему! Да я сглупил, когда решил построить из себя самого умного и самостоятельно найти ответы на все загадки. Нужно было просто поговорить с тобой. Но бл**ь я просто не знал с чего начать! Спросить в лоб, не подослал ли тебя мой лучший друг? Рассказать, что ссора с Яриком и его предложение поспорить сподвигли меня пойти с кем-нибудь познакомиться и что-то поменять в своей жизни? Я даже сейчас говорю это вслух и каждое слово звучит по-идиотски! И я очень сомневаюсь, что ты бы спокойно отреагировала на мои слова, особенно вначале нашего знакомства.

Александр третий начинает вышагивать вдоль машины, периодически нервно взлохмачивая свои непослушные волосы. Те самые, в которые я так любила запускать свои пальцы, когда он наклонялся ко мне и целовал. И к которым, я больше никогда не прикоснусь....

— Я каждый раз тебя выслушивала, — говорю я, наблюдая за стремительным перемещением Корсакова в попытках снизить градус напряжения. — Даже тогда, в Москве, когда ты очень сильно меня обидел. Я каждый раз давала тебе возможность всё объяснить. Я... я всё равно относилась к тебе искренне, без притворства. Даже несмотря на то, что знала о споре... Я не хотела привязываться, не хотела... Нужно было сохранять дистанцию, отстранённость! Но по-другому просто не получалось. Разве я хоть в чем-то тебя обманула, Саш? Подставила, предала, изменила? Да я даже о том навязанном поцелуе своего бывшего тебе рассказала... Разве я не заслужила своим отношением хотя бы чуточку твоего доверия?! И возможность узнать настоящую правду? Узнать настоящего тебя?

— Я и был настоящим. Я не изображал из себя кого-то ещё!

— Настоящий ты — это человек, который несёт в себе груз прошлого. Который не может открыться до конца. Или хотя бы попытаться! Даже сейчас, после всего того, что мы сказали друг другу, я не услышала в ответ «я тебе верю» или хотя бы «да, теперь я могу тебе доверять». И я не виню тебя... я и сама была такой. Знаешь, мы с тобой как два эмоционально неполноценных человека, которые встретили друг друга, барахтаясь по уши в собственных любовных переживаниях и травмах. Разница лишь в том, что я смогла преодолеть себя и рискнуть стать уязвимой, а ты — нет.

— Лиз, какая ещё на хрен эмоциональная неполноценность? Да для меня бл**ь за этот месяц открылся весь спектр эмоций! О чём ты вообще говоришь?! Да я лучшего друга избил из-за ревности! Я в Москву мчался по трассе так, как никогда ещё в жизни не гонял даже на

треке, и клялся и матери, и Ярику, что никогда больше так делать не буду!

— Да нет, всё-таки не весь спектр, — горько бросаю я, обхватывая себя за плечи и отвожу взгляд в сторону. Прикусываю губу, чтобы заглушить рвущиеся наружу слова и не сказать той самой фразы, о которой я точно пожалею. Хотя казалось бы — о самом важном можно было с лёгкостью прочитать между строк. Но мужчины не владеют этим даром.

О самом главном, о любви, Корсаков конечно же не скажет. Это не в его правилах, не в его принципах, которые он вбил куда-то себе в подкорку и неукоснительно им следует. К чему мне его жалость? И если нет любви, то хочется хотя бы сохранить остатки гордости и уйти достойно.

— Саш, в какой момент ты понял, что я тебя не обманываю?

— Наверное... когда ты раскрыла тайну порядковых номеров в своём телефоне для имени «Александр». И рассказала причину, почему ты решила нас так обозначить.

— Значит, когда получил доказательства, что я тебе не вру. А не потому, что вдруг понял, что можешь мне довериться. Я права?

— Лиз...

— Черт, тебе все это время было просто весело... все это время ты пытался вывести меня на чистую воду. А я... а я тебя, — последние слова вырвались неосознанно на грани шепота, который я окончательно попыталась заглушить, уткнувшись в свои ладони. Казалось, ещё немного или выложу ему все, что на самом деле к нему чувствовала за последнее время или просто скачусь в истерику.

— Лиз, это было по началу, но потом...

— Что потом? Саш, хватит! Ярик тебе советовал найти какой-то проходной вариант, чтобы встряхнуться. Я думаю, после всего того, что ты пережил, это правильно. Только вот я не хочу быть тем самым проходным вариантом, — из меня невольно вырывается печальный, полуистеричекый смех. Пропускаю сквозь пальцы волосы у висков и скрещиваю их в замок у груди, в отчаянной попытке унять неконтролируемую дрожь. — И мне очень жаль, что моё искреннее отношение оставило в твоём сердце менее глубокий след, чем предательство твоей бывшей...

— Господи, да при чем тут Яна!

— Знаешь, многие уверены, что твое внимание ко мне — это такой ловкий тактический ход, чтобы позлить свою бывшую, — кратко пересказываю я послание Скворцовой. — Люди из твоего окружения задаются вопросом, почему мы вообще с тобой вместе...

— Плевать я хотел, кто что говорит и придумывает...

— А ведь действительно, Саш, если задуматься — почему? — поднимаю я на него глаза, полные слёз. — Если спора на самом деле не было... Ответ на все твои сомнения и загадки ты получил. А что дальше?

— Дальше? Дальше мы выдыхаем, успокаиваемся и едем в Казань! Вместе!

— Саш, назови мне хоть одну причину, почему я должна остаться после всего того, что сейчас узнала? — тихо прошу я.

Вот и всё. Момент истины. Сердце пропускает очередной удар.

Корсаков замирает, прекращая своё бесконечное хождение по кругу и с какой-то растерянностью и отчаянием смотрит на меня. Каждая секунда равна бесконечности. Так и не дождавшись ответа, я горько усмехаюсь и подхватываю свою сумку с земли.

Не признался.

— Можешь не стараться что-то придумать. Ответ на свой вопрос я уже получила.

Разворачиваюсь и бросаюсь прочь, куда глаза глядят. К новой безрадостной странице в своей жизни. Где больше нет никаких тайн, но и счастья тоже больше нет.

Иногда жизнь становится похожей на какой-то вакуум. События, разговоры, эмоции долетают лишь отголосками, не проникая ни в душу, ни в сознание. И навсегда стираются из памяти уже на следующий день.

Я точно помню, что делала то, что должна была делать. И выполняла всё неукоснительно.

Отдраить на выходные квартиру, потому что уже давно откладывала «на потом» генеральную уборку.

Написать статью в блог для журнала, потому что взяла на себя ответственность вести колонку.

Удалить номер Корсакова, потому что так было правильно.

— Ну не было ведь никакого спора! — вздыхает Валька, подливая меня вина, но я равнодушно смотрю на полный бокал, к которому почти не притронулась. — Да, не признался в любви. И что теперь? Захотела бы, сказала сама, раз тебе это так важно!

— Признаться первой?! Райкова, ты в своем уме? — казалось ещё немного и Аринка задохнется от возмущения. — Мы и так уже всё за мужчин делаем в двадцать первом веке! Пускай уже в конце концов найдут у себя яйца, начнут использовать их по назначению, и признаются в чувствах первыми!

— Захотел бы, то удержал и без слов о любви, — упрямо поджимаю я губы. — Значит, не так уж я и нужна.

— Мне иногда кажется, что ты просто боишься быть счастливой. Вместо того чтобы решить проблему и выяснить всё до конца, ты опять раздула из мухи слона!

— Валь, ему просто было любопытно вывести меня на чистую воду! Я его полюбила... а ему просто было со мной весело!

— Лиз!..

— Он мне не доверяет! И скорее всего — не любит! Что я должна была закрыть глаза на оба этих пункта и продолжать встречаться, как ни в чем не бывало?!

— Хотя бы дать человеку шанс доказать, что теперь оба этих пункта не больше, чем твои домыслы, — упрямо возражает Валентина Сергеевна. — Ты вообще собираешься хоть что-то сегодня есть?

Девчонки помимо вина принесли пиццу и сладости. Но при одном только взгляде на так любимые мной вредные продукты, мне становилось плохо.

— Нет аппетита.

И это было правдой. Есть не хотелось. Курить не хотелось. Алкоголь тоже вставал поперек горла, из-за чего я безжалостно избавилась практически от всех своих запасов. А при взгляде на свои любимые кулинарные книги об итальянской кухне меня начинало трясти. И потому все книги были безжалостно убраны в дальний угол шкафа. С глаз долой, из сердца вон. Жаль, так не работает с людьми.

В итоге я докатилась до того, что обнаружила себя у прилавка магазина, выбирающей брокколи.

— Если ты станешь вегетарианцем, я перестану с тобой разговаривать, — пробурчала Сёмина, в очередной раз заглянув ко мне в гости, проверить не лезу ли я на стенку и не сошла ли окончательно с ума. Аринка с неприязнью посмотрела на моё овощное рагу и

отклонила все мои попытки накормить её этим блюдом.

В вегетарианцы я не рвалась, но за считанные дни неожиданно для себя уверенно ступила на путь правильного питания. И отказа от вредных привычек. Что в ситуации перманентного нескончаемого стресса было довольно странно. Но иначе на нервах меня просто начинало мутить.

— Могла бы и предупредить, — с укоризной сказала Коваленко, вызвав меня к себе в понедельник «на ковер».

— А что отношения с клиентами у нас строго запрещены?

— Чтобы я не чувствовала себя душой, когда меня ткнули носом в этот занимательный факт твоей биографии! — рявкнула начальница, не сдерживая своего праведного гнева, и стукнула кулаком по столу. — Тем более такие пигалицы как Скворцова!

Молчу, не находя в себе силы ни оправдываться, ни попытаться что-то объяснить.

— В договоре нет такого пункта. Здесь больше морально-этический вопрос, — продолжает уже в спокойном ключе Татьяна, задумчиво качая головой. И я чувствую в её голосе неподдельную обеспокоенность. И это то небольшое за день, что могло проникнуть сквозь стену окружавшего меня вакуума. — Лиз, я не люблю лезть в чужую личную жизнь. Самое главное для меня, как для руководителя — чтобы ваши отношения не мешали твоей работе.

— Не помешают, — уверенно говорю я, поднимаясь с места. — Да и не было там никаких серьёзных отношений...

— Да? Какой интересный фотошоп тогда мне подсунули, — язвит Таня, всем своим видом показывая, что грош цена моим словам. — Лиз?

— Все в порядке, Татьян. Пойду работать.

Не очень любезно с моей стороны, но по-другому в те дни я просто не могла. Это уже потом спустя несколько месяцев я случайно узнала, что Таня не поддавалась на провокации Скворцовой и не согласилась уволить меня из журнала. И не поддавалась шантажу, что в противном случае, Ника уведёт за собой в «Люкстайм» несколько крупных клиентов.

И она действительно увела. Что существенно сказалось на общем плане и финансовом благополучии всего самарского филиала. От серьёзных нападков коллег меня спасло лишь то, что большая часть этих клиентов были моими. И соответственно больше всего в процентах потеряла именно я.

Косые взгляды, конечно, тоже были. Хотя та же Лана на удивление держала нейтралитет, а наш директор Ксюша не сильно возмущалась открывшейся ей информацией.

— Лиз, девчонки помнят выкрутасы твоего Берестнева. Они уже тогда тень на плетень начали наводить про твои интересные отношения с клиентами, — призналась мне как-то Косицына. — А тут ещё и Корсаков, годовой контракт и ваш тайный роман. Спасибо Нике, чтоб ей там икалось, о котором все узнали таким замечательным образом.

— И что мне теперь всю жизнь с клеймом этим ходить? — вспыхнула я. — Которое к правде вообще никакого отношения не имеет?!

— Собаки лают — караван идет, знаешь такую поговорку? Поболтают и забудут. Не обращай внимания и не поддавайся на провокации. И кстати, постарайся не профукать совместный конкурс с «Корсаром», Лиз. А то подготовка как-то туго идёт в последнее время.

Да никак она не идёт! Даже вездесущий Мереминский и тот ушёл в подполье. Хотя признаться, в первые дни я действительно ждала от него каких-то вестей. О Саше или от

Саши... Или о том, что контракт с журналом они всё-таки разрывают.

Но ничего не происходило. И только пустота вокруг меня стала практически осязаемой. Казалось, я могла почувствовать её вкус, ощутить лёгкое прикосновение в ночи, услышать её, возвращаясь вечером в свою квартиру.

Единственное, чем я могла её заполнить — это воспоминаниями о счастливых моментах. Тех самых, которые ещё недавно составляли мою повседневную реальность. Вспоминать о них было больно, но и не вспоминать было также невыносимо.

Так миновала почти неделя. Каждый день из которой, клянусь, был равен практически году. Тяжёлему, гнетущему году, который только отнимает последние силы и всякую надежду на лучшее.

Но поздним вечером, уже почти в ночи, моя пустота разлетелась на тысячи осколков. Когда моё сердце услышало один знакомый мотив.

Я и не знала, что эту песню можно так сыграть на простой акустической гитаре. Пускай немного и не складно. Но какое это имело значение? Для меня этот простой попсовый мотив навсегда был связан с той безумной ночью и танцами в ночном клубе.

Наш первый танец.

И наш почти первый поцелуй, который был вероломно прерван необходимостью сбросить маски. Как жаль, что уже тогда нельзя было открыть друг другу не только лица, но и души. Возможно, тогда всё было бы совсем по-другому.

Распахиваю настежь балкон, чтобы лучше слышать песню. Чтобы впустить эти будоражащие сердце звуки в каждый одинокий уголок моего жилища. Возможно, хотя бы на несколько мгновений музыка сможет прогнать отсюда уныние и печаль.

Станный, конечно, выбор песни для местной шпаны. Если они и играли под окнами, то обычно что-то более популярное среди дворовых компаний.

Выхожу на балкон и слегка, морщусь уловив запах дешёвых папирос. Киваю соседу на балконе, который по традиции совершал свой вечерний перекур. А я с удивлением отмечаю, что уже который день не притрагиваюсь к пачке сигарет. Привычные способы убежать от себя перестали действовать, и вызывали лишь отторжение.

Как будто Корсаков ушёл и забрал с собой все мои пагубные привычки. Или вселенная решила, что страдание по нему и так довольно вредно отразится на моем здоровье, и лучше не добавлять.

Глаза, будто океаны и я иду ко дну,

знаю что согрею, я тебя одну,

Помнишь нашу Москву... [1]

Я вцепилась в перила балкона дрожащими пальцами, пытаюсь сохранить равновесие. Потому что узнала этот голос. И узнала бы его, наверное, из тысячи других. Тот самый голос, который сейчас в полу-дворовой, полу-рокерской манере пытался исполнить заезженный попсовый хит.

Или я уже просто схожу с ума?

[1] «Я Буду», 5sta Family 23-45

Перевожу взгляд туда, к источнику моего музыкального наваждения. И с невероятной радостью отмечаю, что нет, я всё-таки не сошла с ума.

Сердце делает сальто вниз, прямиком с пятого этажа. К нему.

Нахожу любимый сероглазый взгляд. Как же я скучала! Господи, как же я скучала!

— Лю-ю-ю-сь, иди сюда! — орёт сосед своей жене, ничуть не смущаясь моего присутствия. И несколько разбавляет нашу с Сашей романтическую атмосферу. — Тут ща продолжение сериала будет! Этот опять пришёл, вон серенаду поёт под окном!

— Чихать я хотела на их серенады! Я тебе сколько раз говорила — закрывай балкон, когда куришь! Полквартиры уже провоняло куревом! И все теперь комарах!

— Люсь, тут любовь вон какая, а ты опять со своими комарами!

А может, тут и правда любовь?

И за эту неделю Саша действительно что-то понял?

Я вижу его смущенную улыбку, когда он, слегка запнувшись, вновь начинает петь. Не могу сдержать улыбки в ответ, наслаждаясь этим радостным мгновением.

В которое безжалостно ворвалась трель мобильного. Сёмина.

Дослушать окончание песни? Или ответить?

Мне безумно хотелось дослушать. Но маленький червячок сомнения неприятно точил душу. А вдруг у неё случилось что-то серьёзное? Подруга так и не отошла от расставания со своим блондином. Её до сих пор эмоционально штормило, и в отличие от меня, тихо мирно предающейся грусти и одиночеству, Аринка могла выкинуть всё что угодно.

— Привет. Всё в порядке? — все же отвечаю я, но нерываю зрительного контакта с Сашей. Посылаю ему умоляюще извиняющийся взгляд. Надеюсь, он его увидит. А не только то, что я говорю по телефону.

— Нет, ни хрена не в порядке, Лизок! — гневно выплевывает слова в трубку Сёмина. — Я всегда была на его стороне. А он оказался, таким же козлом, как и все остальные мужики!

— Чего? Ты вообще о ком?!

— О Корсакове твоём пропащем! Не хрен по нему убиваться, Лиз! Он и мизинца твоего не стоит! Я тебе статью скинула, вон полюбуйся, где и с кем он время проводил всю эту неделю. Козлина!

В полной растерянности вешаю трубку, и покидаю балкон. Пение обрывается, гитарные аккорды замолкают в ночной тиши.

Что там такого обнаружила Сёмина? И почему это вообще появилось в сети, если Ярик активно чистит все неподобающие инфоповоды?

Захожу в соцсеть и открываю ссылку, которую прислала Аринка. И медленно оседаю на пол.

«Красивый финал не за горами! История любви самарской золушки Яны Шакуровой». Кричали на меня огромные жирные буквы заголовка, пытаюсь забрать весь мой фокус внимания. Но куда им было тягаться с огромным красочным фото, на котором Саша стоял в обнимку с длинноногой самарской красавицей и улыбался.

«Расставание пошло нам на пользу. Теперь я знаю настоящую силу наших чувств друг к другу».

Эту цитату также вынесли крупно и в отдельный абзац. Верстальщик явно потрудился

на славу. Каждый элемент статьи мастерски простреливал навывлет и без того моё изрядно раненное сердце.

«Самарская фотомодель ещё недавно покоряла мировые подиумы и, конечно же, успела разбить ни одно мужское сердце. Потому что сердце самарской красавицы уже давно занято. Его покорила известный бизнесмен Александр Корсаков, владелец холдинга «АКВИРС ГРУПП».

Вчитываться во весь текст у меня не было сил. Глаза начинали предательски слезиться, туманя взгляд. Строчки, пронизанные кичливым счастьем напоказ, смазывались в одно огромное яркое пятно.

«Мы уже давно хотели с Сашей семьёю и детей. И думаю, сейчас мы действительно готовы к этому важному шагу».

«Я так счастлива, что хочу рассказать об этом всему миру».

Зачем он пришёл, если они снова вместе? Зачем весь этот цирк перед моим окном? Поиздеваться?! Унизить меня напоследок перед объявлением их помолвки? Или это такой ловкий ход, выманить меня на улицу, и лично кинуть в лицо эту замечательную новость?

Отбрасываю прочь телефон.

Нет, издеваться над собой я не позволю!

Злость требовала выход. И я заметалась по квартире в поисках того, что смогло бы хотя бы на долю секунды заглушить мою ярость.

Забегаю в ванную. Взгляд цепляется за одиноко стоящий тазик для стирки. Трясущимися руками открываю наполную кран с холодной водой. Не отдаю себе отчёт, что творю. Всё-таки выражение «был ослеплён яркостью» это не шутки. Потому что полностью очнулась я только когда со всей дури плеснула содержимое таза на ожидающего меня под окном Корсакова.

— Забудь сюда дорогу! — выкрикнула я вдогонку и с грохотом захлопнула балконную дверь. Надеюсь, хотя бы на долю секунды ему стало также неприятно и мерзко, как мне!

Ноги меня совсем не держат, и я обессилено опускаюсь на пол. Тазик летит куда-то в сторону, напоследок осыпав меня оставшимися каплями.

Ну как так можно?! Зачем? И главное за что?!

Вновь открываю эту злосчастную статью. Может быть, Сёмина что-то напутала, и она вообще прошлогодняя? Но нет, дата публикации — сегодняшнее число. А внизу сотни радостных комментариев от фанатов Шакуровой.

Требовательный звонок в дверь и следом оглушительный стук. А вот и явился человек с подмоченной репутацией... и не только. Злость никуда не испарилась, а только набирала обороты. Подлетаю к входной двери, распаиваю её с оглушительным треском о стену.

— Чего тебе еще?!

— Ты нормальная?! — взревел в ответ Корсаков. По его лицу ещё бегут капли воды, белая футболка прилипла к телу, очерчивая красивый рельеф мышц, на которые я поневоле всё равно останавливаю свой взгляд. Гитаре, болтающаяся сбоку на ремне, тоже досталось от воды.

— Я?! Я-то нормальная, Корсаков! А вот у меня к тебе есть большие вопросы!

— А можно тогда не устраивать детский сад, а спокойно поговорить?!!

— С Шакуровой своей иди говори! — едко отвечаю я, вместо крика переходя на какой-то низкий зловещий полусшёпот. Но Александр третий глухотой не страдал.

— При чем тут Шакурова?! Ты даже ни разу с ней не встречалась! Что ты её каждый раз

езде приплетаешь?!!

— На, держи! Полюбуйся, — практически влеплю ему в лицо своим телефоном с открытой статьёй. — Совет вам да любовь!

Саша быстро пробегает глазами по первым абзацам и его дымчатый взгляд темнеет.

— А ты значит слепо веришь всему, что печатают?

— Слепо? Ты неделю не объявлялся! Неделю, Саш! И теперь понятно почему! — усмехаюсь я, забирая обратно свой гаджет. — Ты мне только, скажи, к чему весь этот цирк? Бывшую позлил, вернул — отлично. Я теперь тебе зачем сдалась?! Или ещё не наигрался?!

Корсаков со всей злости впечатывает кулак в стену подъезда, громко выругавшись. Но вместо того, чтобы следом разразиться очередными криками Саша переходит на спокойный тон. В котором отчетливо сквозит еле сдерживаемая ярость.

— Знаешь, дорогая моя, если ты собираешься стать настоящим журналистом, учись проверять факты. Прежде чем что-то заявлять, — от этого пылающего злобой взгляда мне стало не по себе. Я даже невольно отшатнулась, сделав шаг вглубь квартиры. И дорогой он меня никогда не называл, особенно в таком тоне! — И это не у меня проблемы с доверием к тебе, а как раз наоборот. И пока ты не наведешь порядок у себя в голове, всё так и будет.

Молчу, не знаю, что сказать. И злость куда-то сдулась, точно воздушный шарик. А еще хочется ему верить. Очень хочется! Ведь всё происходящее не поддается никакой логике...

— Если тебе это все на хрен не надо — то, пожалуйста. Устраивать цирк, как ты выразилась, я больше не буду.

С этими словами он резко разворачивается и сбегает вниз по лестнице, оставив меня с раздирающими на части противоречиями, тяжёлым сердцем и абсолютной кашей в голове.

Убежать от себя нельзя. Но можно очень постараться.

А если ускоряешься, до предела своих возможностей, подставляя лицо ветру, забывая о слегка сбившемся дыхании — то можно на несколько секунд достичь ощущение полёта, будто ты воспарил над всеми своими проблемами. И боль немножко ослабляет свои тиски. Хотя бы на время пробежки.

С недавних пор я полюбила бегать в центральном парке. Хотя с моим нулевым уровнем физической подготовки первые забеги давались мне с огромным трудом. Но мне нравилось это чувство изнеможения. Когда после душа падаешь на кровать, закрываешь глаза и просто вырубаетесь.

И хотя бы на несколько мгновений не вспоминаешь этот взгляд дымчато-серых глаз.

— Из крайности в крайность, — недовольно бурчала Валька на мои ежедневные отчеты, сколько я пробежала километров.

А еще Райкова с лихвой отсыпала звездюлей Аринке, за её излишнюю сердобольность и поспешность с показом статьи. В отличие от Сёминой, подруга была на стороне Александра третьего и во все эти бредни не поверила.

Саму статью, кстати, через пару дней удалили. Подозреваю, что не без помощи Мериминского.

Если можно было бы отмотать всё назад, наверное, я бы не стала так откровенно кипятиться и выслушала Сашу. Но история не знает сослагательного наклонения. Я могла бы переступить свою гордость и просто извиниться, рискнуть поверить человеку. Попытаться всё начать с чистого листа. Но какой в этом смысл? Я действительно ему не доверяла до конца, и все время боялась, что есть та, которая лучше меня. Та, которую он в итоге и выберет. Корсаков был абсолютно прав — в голове у меня творился абсолютный бардак, который я не представляла, как разгрести. А тащить с собой в отношения багаж нерешённых проблем и сомнений было бы очередной ошибкой. В результате чего мы бы снова пришли к такому же плачевному результату.

И потому — шаг, ещё шаг. Быстрее, быстрее. Закрывать глаза, и не думать. Не вспоминать.

И обходить стороной дорожку, ведущую к кинотеатру под открытым небом...

Взбираться после пробежки на пятый этаж нелегко, но я радуюсь, что с каждым днём дискомфорт становится всё менее ощутимым. И это давало слабую надежду, что с чувствами со временем будет также.

Стакан воды с лимоном для восстановления водного баланса. Идеально. Ну а сейчас — душ.

Звонок в дверь показался мне не более, чем звуковой галлюцинацией. Девчонок я сегодня не ждала. Корсаков мою скромную обитель больше посещать не намерен. Так и кого там нелёгкая принесла?

Аккуратно выглядываю в глазок. Мереминский.

Недокупидон решил вспомнить свои прямые обязанности.

— Привет.

Впервые на лице Ярика не вижу улыбки и привычного для него спокойно расслабленного выражения. Нет, как на Елисея, он, конечно, на меня сейчас не взирал. Но казалось — одно неверное слово, и Ярик вполне мог бы и ко мне вспылать ненавистью.

— Привет. Не думала, что ты в курсе, где я живу.

— Я знаком с половиной твоей редакции, Лиз, — закатывает глаза Ярослав и тяжело вздыхает. — Может пригласишь уже войти? Или прямо здесь начнем разбор полётов?

Распахиваю дверь и жестом приглашаю проследовать внутрь. Кажется, Ярик сегодня не в духе.

— Что ещё за разбор полетов?

Мереминский с грохотом захлопывает входную дверь, лишая соседей возможности погреть уши. Бедная, досталось ей за последние дни, конечно, с такими-то визитерами.

Ярослав сурово взирает на меня, скрещивая руки на груди.

— Я много дров наломал, признаю. И Маришка не зря говорит, что когда я вмешиваюсь, то становится только хуже. Но знаешь, я от тебя такого вообще не ожидал, Лиз!

Прищуриваю глаза и зеркалю его позу, скрещивая, руки на груди:

— И какие у тебя ко мне предьявы?

Вот чего-чего, а головомойки от Мереминского я этим вечером точно не ждала!

— Знаешь, я думал ты искренняя добрая девушка, и что Сашке очень повезло тебя повстречать. Но то, что ты устроила, Лиз — это уже перебор! Может, хватит уже вести себя как холодная неприступная стерва?!

— Это я себя как стерва веду?! — ахаю я. От возмущения даже забываю припечатать несколько рвущихся наружу ругательств.

— Ты! — кивает Ярик. — Да, я согласен, ситуация с вашим знакомством вышла странная. Да, я сболтнул тебе то, чего говорить не надо было. Но из лучших побуждений! Только вот зачем надо было в тихую вынашивать все эти планы мести, скажи мне? Человек к тебе искренне со всей душой, а ты...

— Ничего подобного! Он абсолютно также не доверял мне и искал во всём подвох! — возражаю я.

— Да может и были какие сомнения, но это не мешало ему впустить тебя в свою жизнь! Господи, да он тайное логово своё в Москве тебе показал! Что думаешь я не понял, где именно вы пропадали неделю после майских? Ты понимаешь, что впервые за долгое время он перестал пахать на работе вечерами, в выходные и в праздники? Когда, между прочим, именно ты была рядом!

— Тебе легко судить со стороны! Ты понятия не имеешь, что творилось у меня внутри! — не выдержала я. — Яр, мы с ним вообще из параллельных вселенных! Такие, как он, не обращают внимание на таких, как я! И уж извини, но зная о вашем в споре, мне было очень сложно поверить в такое искреннее отношение!

— Параллельных вселенных?! Лиз, очнись, пожалуйста! Корсаков практически не пользуется услугами личного водителя, только в крайнем случае выезжает с охраной! Он не кичится своим богатством и общается со всеми на равных! — Мереминский уже практически орёт и всплескивает руками, будто призывая в свидетели небеса. — Да, у них состоятельная семья. Да, всяких квартир, машин и прочего у него навалом. Но мы с самого детства выросли вместе и ни словом, ни делом меня ни разу не обидели, а принимали в своей семье как родного! Мне вот сейчас очень обидно слышать, как ты навешиваешь на него какие-то ярлыки, которые ничего общего с Сашкой не имеют!

— Яр, хватит!

— Нет, не хватит! Если тебя что-то обидело или не понравилось, надо это говорить в лицо! А не отмалчиваться, а потом обвинять человека во всех смертных грехах!

— Вот спасибо за совет! Что бы я без тебя делала-то?! Я высказала ему всё в лицо после того, как мне статью прислали. И что? Сильно это помогло?!

— Шакурова — дура тупая! Которую выбесило, что Корсаков перестал по ней страдать и наконец-то счастлив! Я больше чем уверен, что её после ваших фоток с благотворительного вечера бомбануло, и вновь захотелось его вернуть. Что ты так на меня смотришь? Такие статьи, что тебе твои доброжелатели не скидывали? А мне, между прочим, запретили чистить любые упоминания в прессе о вас с Сашей. Он тебя ни от кого не хотел скрывать. Ты вообще понимаешь, что это значит?!

— То есть... он к ней не вернулся? И вся эта статья с Шакуровой — враньё?? — вскидываю на Мереминского взгляд, полный боли и раскаяния. И надежды.

— От первого до последнего слова, — подтверждает Мереминский.

Господи, какая я же я на самом деле дура! Закрываю руками лицо. У меня невольно вырывается тяжелый стон. Но вместе с тем внутри разливается огромное чувство облегчения.

— С изданием, кто разместил статью, и с Шакуровой ещё предстоит разборки. Корсаков даже взял этот вопрос под свой личный контроль. И, откровенно говоря, я им не завидую... Он сейчас рвёт и мечет. И не только он, Лиз.

— А кто ещё? — аккуратно спрашиваю я, наконец найдя в себе силы убрать руки от лица и посмотреть на Мереминского.

— Я в бешенстве! По мне незаметно что ли?! — орёт Ярик, — Он все переговоры завалил на прошлой неделе в Москве! Все! У нас сейчас пару проектов просто на «стоп» встали, потому что господину генеральному директору стало до лампочки, что творится в его компании!

Так вот почему он пропал столько времени...

— Саша всегда был очень ответственным, — недоверчиво качаю головой я. — Он ни раз говорил, что от него и его работы зависит благосостояние многих сотрудников...

— Теперь он делегирует многие вещи на людей, которые плевать хотели на жизни и благосостояние сотрудников! Мы с Маринкой вывозим, как можем, но так дальше нельзя! Иди завтра и извиняйся за все свои глупости! И поговорите уже нормально начистоту!

Тяжело вздыхаю в ответ, прикрывая глаза. Страх того, что Корсаков меня просто выгонит, пронзает насквозь.

— Чего молчишь? Струсил? Или ты предлагаешь мне устроить похищение и закрыть вас двоих в одной комнате?! Чтобы вы наконец поговорили, как взрослые люди?

— Яр, ну что ты сразу начинаешь...

— Я говорю то, что может произойти, если ты не засунешь свой страх и гордыню куда подальше! С очень высокой долей вероятности произойдет! — рывкает Мереминский. — Лиз, не доводи до греха! Давай сегодня собирайся с духом, чисти пёрышки или что вы там женщины делаете, и приходи утром разговаривать с ним. Нечего откладывать в долгий ящик или искать идеальный момент!

— Ладно, приду, — говорю я с лёгкой улыбкой на губах. Интересно, может вернуть ему его же совет, только по части их отношений с Мариной? Хотя, пожалуй, раздражённого и уставшего Мереминского сейчас злить будет себе дороже.

— Ну всё, тогда жду тебя завтра, заодно покажу материалы по конкурсу. И да свершится великое перемирие!

— Спасибо, Яр, — улыбаюсь я краешками губ, будто всё ещё боясь поверить в

происходящее. Что счастье на самом деле ближе, чем кажется. И стоит просто откровенно поговорить, чтобы всё встало на свои места.

— Но за мою испорченную гитару вы ещё ответите, голубки! — пробурчал Ярослав, взмахнув на прощание рукой и скрылся за дверью.

Этой ночью я плохо спала, прокручивая в голове самые разные варианты развития нашего разговора с Сашей. Да, Ярик не сказал, что у Корсакова есть ко мне чувства, но это было и не нужно. Поступки и отношение действительно могли сказать о многом. А любовь... ну что ж тому чувству, которое сейчас ярким огнём грело меня изнутри, придется немного потомиться в ожидании ответа. Пока товарищ Корсаков не осознает всё сам. Да и к чему все эти признания, если можно быть просто рядом? Как же я мечтала прижаться к нему и обнять, крепко-крепко...

Мысль, что я нужна Саше, именно я, а не какие-то там идеальные фотомодели невероятно окрыляла и дарила надежду, что всё должно пройти хорошо.

Нет, всё непременно будет хорошо!

И поэтому на встречу я решила надеть то самое чёрное платье с вырезом лодочкой, в котором я щеголяла в своё первое незабываемое посещение офиса «АКВИРСа».

С утра я упростила Тёмыча сразу же отвести меня в офис Корсакова, не заезжая в редакцию. Не хотелось лишней раз накручивать себя и растерять боевой настрой. Хотя, откровенно говоря, какого-то чёткого плана, что я скажу Саше, у меня не было. Я подозревала, что стоит мне увидеть Корсакова, как все заготовленные слова просто вылетят у меня из головы. Значит, надо импровизировать по ходу пьесы. Но для начала — заскочить к Ярику. Раз он хотел показать материалы по конкурсу, то лучше сразу отстреляться и со спокойной совестью приступить к воскрешению своей личной жизни. Потом нам с Сашей явно будет не до обсуждения конкурса.

Секретарь Мериминского любезно сообщила, что Ярослав Алексеевич у себя. Не приоткрыв дверь, в кабинете я никого не обнаружила.

— Э-э-м-м, — протянула я в пустоту. И куда этот Гарри Гудини[1] подевался? Кабинет был полностью стеклянный и второго входа я не наблюдала. Не мог же он проскользнуть мимо секретарши?

— Заходи-заходи, Лизк, — донёлся голос откуда-то снизу.

— Яр?

Аккуратно закрываю дверь и направляюсь на звук голоса. И обнаруживаю... сидящего под столом Мереминского с бутылкой виски в руках.

— И по какому поводу праздник? — интересуюсь я, нахмутив брови.

И как интересно этот долговязый там вообще умудрился уместиться?!

— А что тут такого? — криво улыбается Мереминский. По голосу я понимаю, что он уже подвыпивший, но пока не сильно. Значит, нужно аккуратно выяснить причину этой странной выходки и завершить пьянку. — Тебе накапать пару капель для храбрости перед разговором?

— Нет, спасибо, — я даже немного поморщилась, когда парень вновь откупорил бутылку с янтарной жидкостью. Раньше виски было моим обычным субботним напитком в клубе, но сейчас доносившийся до меня запах алкоголя вызывал лишь раздражение. И начинало немного мутить. — А тебя ничего не смущает? Совсем?

— Если ты про моё уютное гнездышко, то это я шифруюсь от всяких любопытных офисных рож, — смеется Ярик, неловко облакачиваясь на боковину стола. — Чёрт бы побрал Корсакова со своим опен-спейсом! Никакого уединения. Ладно хоть у меня

отдельный кабинет, да и стол не прозрачный!

— А то, что сейчас утро среды и начало рабочего дня — это так мелочи?

— Ой не начинай! У кого-то налаживается личная жизнь, а кто-то празднует её крушение.

Перевожу взгляд на Ярика. А ведь и правда, помимо того, что Мереминский решил с утра пораньше податься в алкоголики, весь его внешний вид просто вопил о том, что с парнем явно что-то стряслось. Идеально уложенные волосы, которые я привыкла наблюдать, теперь торчали во все стороны, а одна непослушная прядь постоянно падала на глаза. Ярик даже одежду не сменил — на нем красовались та же самая футболка и джинсовка, в которых он заявился ко мне вчера. А ещё, о боги! — щетина, чего за Ярославом никогда мной ранее замечено не было.

Осторожно приземляюсь рядом с ним на полу, благо ковровин несколько смягчал неудобства.

— Вы что поругались с Ланой? Или вообще расстались?

— О. Тут дело не только в Ланусе... — горько усмехается Ярик, вновь приложившись к бутылке. — Хотя Светик тоже внесла свой вклад в моё отвратительное настроение. Знаешь депутата М.?

— Нет, — качаю головой я, несколько удивившись странному переходу.

— И я не знал. А вот Лануся с ним недавно познакомилась и отлично пообщалась на одном из мероприятий. На которое я её, кстати, провёл. И как-то так получилось... что она насто-о-о-лько хорошо узнала этого М., что тут же решила меня бросить и свинтить к нему. Широкой души, наверное, оказался человек. Ну и не только души...

Ага еще и кошелька, наверное. Из меня вырывается тяжёлый сочувственный вздох. Не зря я ни черта не верила в эту показную любовь Зубковой!

— И стоит так из-за неё убиваться? Свинтила и свинтила. Я уверена, она ещё сто раз пожалеет об этом!

— Да причем тут она, — отмахнулся Ярик против всякой логики и пробурчал что-то нечленораздельное. — Меня просто взбесило, что она меня использовала, как сваху! А так пускай ложиться под кого хочет. Светик вообще талантливая в этом плане... да и по жизни у неё хватка будь здоров. Она чего угодно добьется, вот помяни мое слово — мы ещё ни раз о ней услышим.

— Тогда какого хрена ты напиваешься, если тебе плевать на Зубкову?!

— Потому что есть человек на которого мне не плевать... — по губам Ярика скользит мечтательная улыбка. А ведь Саша вскользь упомянул при расставании, что именно с помощью машины Ярик решил наладить свою личную жизнь. Почему-то я тогда подумала о Лане, и её безграничной любви ко всему прекрасному и дорогому. Но похоже, речь шла о госпоже Вишняковой. И ко всяким меркантильным особам Ярика тянет уже довольно давно. — Только вот пока я на что-то решался... И с ревностью ничего не получилось, хотя они и похожи. А да ладно, похрен! Сам идиот, чего уж теперь... Опоздал, так опоздал.

Если он сейчас о своей ненаглядной Марине, то, наверное, парень точно тронулся умом. Или приложился пару раз головой о свой стол. Потому что назвать похожими Зубкову и Вишнякову можно только с очень большой натяжкой. Ну разве что обе были блондинистые красивые суки. А во всём остальном они как небо и земля.

— Ярик, езжай домой, — прерываю я его бессвязную тираду. — Возьми отгул и отоспись. А материалы по конкурсу мне в другой раз покажешь, ладно? Давай я тебе такси

вызову.

Приподнимаюсь с пола и протягиваю руку Мереминскому. Пора заканчивать этот цирк. Ещё пару бокалов и он начнёт слёзно сожалеть обо всех своих упущенных шансах и выставит себя на посмешище перед всем коллективом!

— Я в состоянии пару раз ткнуть в экран телефона и вызвать такси, мамочка. Иди к своему Ромео, — бурчит Ярослав, но все же перекачивается сначала на четвереньки, а потом вытягивается рядом со мной во весь свой могучий рост.

— Обещай, что поедешь домой, — крепко обнимаю его я напоследок. Не могу скрыть своё беспокойство. Потому что, когда ломаются такие балагуры, как Ярик — это страшно. И может привести к непредсказуемым последствиям. Ведь когда перестаёт спасать маска весельчака, ты становишься совершенно обнажён и незащищён перед этим жестоким миром. И остаёшься один на один со своими ранами.

Сможет ли с этим справиться Ярик? Я не знала. Как ни крути, мы с ним были не так близко знакомы, хотя он и сыграл в моей судьбе одну из важных ролей.

— Лиз, давай, топай на своё перемирие. Я в порядке.

Размыкаю объятия и внимательно смотрю ему в глаза. Врёт, как дышит. А дышит он сейчас алкогольными парами. Ни черта он не был в порядке! Но в одном он всё-таки был прав — нужно было идти и разговаривать с Корсаковым. А потом, когда будет сказано самое главное, нужно попросить Сашу вызвать его личного водителя, чтобы доставить Мереминского в родные пенаты.

Ярик неловко разместился на стуле, едва не смахнув со столешницы половину предметов, и безразлично уставился в свой ноутбук.

Ну хотя бы вылез из-под стола и про бутылку забыл, уже неплохо. Волнение за Мереминского перехлёстывает волнение перед предстоящей встречей с Сашей. Сердце ускоряет свой ритм, отдаваясь гулом в ушах.

Спокойствие, только спокойствие! Вытираю о подол платья свои вспотевшие ладони и берусь за ручку двери приёмной Корсакова. Нужно держать лицо. И преодолеть ещё одно препятствие в виде церберши Марины.

— Добрый день, — бодро протягиваю я и достаю из своего арсенала одну из самых лучезарных и приторно сладких улыбочек. — Александр Романович у себя?

— Добрый, — криво усмехается Вишнякова, рассматривая меня поверх экрана своего монитора. — Елизавета, к сожалению, вы с ним разминулись. Он как раз пошёл провожать... очень важного гостя. А потом должен поехать на встречу. Но если хотите, можете попробовать догнать его у лифта.

Киваю Вишняковой всё с той же фальшиво сладкой улыбкой. Но бежать сломя голову я не спешу. Нужно всё-таки сохранять достоинство, особенно перед этой злобной стервой. Но вот ускориться мне всё же стоит, чтобы успеть застать Сашу.

Стук моих каблуков вышагивает бодрый ритм, под стать моему отчаянно бьющемуся сердцу. Вылетаю в холл будто подгоняемая в спину попутным ветром. Или это то самое чувство окрылённости? Которое невозможно достигнуть даже если очень-очень быстро бежать, когда в твоём сердце нет любви.

Замечаю широкую спину Корсакова рядом с лифтом. Слава богу, кажется, успела!

Уже набираю в грудь побольше воздуха, чтобы крикнуть на весь холл любимое имя, но замираю на месте. И воздух из легких обжигает изнутри, будто я в одно мгновение вдруг превратилась в рыбу, выброшенную на берег. Прямоком на верную смерть. Потому что

рядом с Сашей я вижу её, свой главный кошмар последних дней.

Несравненная Яна Шакурова собственной персоной, точно сошедшая с очередной обложки глянца.

Которая обвивает шею Корсакова, скользя вверх по его лицу своими длинными пальцами с идеальным маникюром. Довольно улыбается, томно приоткрыв свои пухлые губы, проводит подушечками пальцев по уже довольно внушительной многодневной щетине. Будто пробует её на ощупь, жмурясь от удовольствия. Одаривает тишину холла своим залившимся звонким смехом. И привычным собственническим жестом привлекает к себе Сашу и целует.

А он её не отталкивает...

Закрываю глаза, мечтая очутиться сейчас в любом другом месте на свете.

Моя вселенная взрывается на тысячи осколков, каждый из которых норовит поглубже войти в область сердца. Забываю, как дышать. Слёзы обжигают глаза, но я прикусываю губу и приказываю себе держать себя в руках, чего бы мне это не стоило.

Больно, слишком больно. Хотя после той статьи, казалось, куда ещё больнее?..

Машинально делаю шаг назад, туда, где можно не видеть эту картину, рвущую моё сердце на куски. И тут же в кого-то врезаюсь.

— Может не будем им мешать? — раздаётся сзади знакомый противный голос. Оборачиваюсь и вижу самодовольную физиономию Марины.

Не нахожу в себе сил ни согласиться, ни послать её куда подальше. Но Вишнякова воспринимает моё молчание, как знак согласия и тянет меня за собой.

Да и плевать. Пускай ведёт, куда хочет. Главное — подальше отсюда.

[1] Гарри Гудини — известный фокусник-иллюзионист

Марина толкает дверь одного из кабинетов и где-то на краешке сознания я подмечаю, что уже бывала здесь раньше. Эта та самая комната для совещаний, где Корсаков обнаружил меня с Ярославом.

Однако, круг замыкается ещё больше.

— Сразу скажу — я не Ярик, и не верю во всю эту чушь с примирением влюбленных. И участвовать в этом не собираюсь! Как бы ты ни старалась, у вас всё равно ничего не получится.

— Да ты что-о? — протягиваю я.

Только при одном воспоминании об увиденном поцелуе начинало невыносимо печь в груди. Люди, которые по-настоящему любят и хотят вернуть отношения, не будут искать утешения у других. И не будут отвечать на поцелуй! Или Ярик ошибся и принял муки ущемленного самолюбия за какие-то мнимые чувства, или просто чувства Саши были ко мне были не настолько сильны, и потому я просто опоздала... А вот Шакурова подросла вовремя, чтобы его утешить.

Но всё же мой разум отказывался верить в происходящее!

— Янка, конечно, та ещё сука, но своего она никогда не упустит. И если надо, то пойдёт по головам, — рассмеялась блондинка, отодвигая один из стульев. Грациозно опускается на него, но даже смена позиции не мешает ей смотреть на меня презрительно свысока. — И если она себе поставила цель вернуть Сашку, то тебе силенок точно не хватит с ней тягаться.

Америку Марина мне сейчас не открыла. Но, когда обличают твои самые потаенные страхи, приятного мало.

— Ты реально предпочитаешь видеть рядом со своим другом ту, которая его предала, но только не меня? — искренне изумляюсь я. Какое-то странное у Вишняковой понятие дружбы.

— Ну-у, в отличие от тебя Янка никогда не скрывала свой интерес к банковскому счету Корсакова, — усмехается Марина. — А что касается её главного косяка... Я думаю, при правильном стечении обстоятельств она поможет Сашке о нём забыть. Сама понимаешь, сегодня поцелуй на прощание, завтра столкнутся, на каком-нибудь мероприятии. Ты ведь теперь далеко, предпочитаешь изображать из себя святую невинность, которую обидели и унизили. А есть те, кто рядом и смогут утешить в нужную минуту.

Мне хотелось закрыть уши руками и закричать, чтобы она замолчала! Чтобы перестала читать мои мысли и вытаскивать на поверхность всё то, чего я так сильно боялась. Но я зачем-то продолжала слушать, как эта холодная блондинка с непоколебимой уверенностью в своих словах разбивала в прах все мои надежды, и выставляла меня не в самом лучшем свете.

— Нет, конечно, после той истории госпожой Корсаковой ей точно не стать. Но полгода-год я им даю. А там может Саша и найдёт себе, кого получше. Из своего круга. Я, конечно, понимаю, что тебе очень не терпится туда попасть...

— А может, хватит судить всех людей по себе? — не выдержала я. Да, мы с Сашей были из параллельных вселенных, но для меня не имело никакого значения его финансовое благосостояние! Нападки Вишняковой не имели ничего общего с действительностью и потому невыносимо раздражали. — Если для тебя на первом месте деньги и статус, то далеко не все такие же, как ты!

— Давай ещё начни мне петь про свою чистую искреннюю любовь!

— А ты вообще не знаешь, что это такое! Раз не можешь представить себе, что кому-то может быть плевать на счёт в банке!

На долю секунды я увидела на лице блондинки лёгкую растерянность, но она быстро взяла себя в руки и продолжила свой эмоциональный прессинг.

— Хватит врать! Ты бы в него так не вцепилась, будь он каким-нибудь обычным электриком!

— Я бы относилась к нему точно также, — спокойно отвечаю я, глядя этой фурии прямо в глаза. — Будь он хоть простой электрик или бедный художник. Мне плевать! Перестань приписывать другим поступки и мысли, которые сама же и придумала. Займись лучше своей личной жизнью, а меня оставь в покое!

— Ну знаешь ли, — вскакивает с места Марина. И я понимаю, что наступила ей на большую мозоль. — Дуру из меня делать не надо! Ты, конечно, можешь обмануть мужиков, строя из себя невинную овечку, но меня ты не проведёшь! Ярик поведал мне вкратце историю вашего знакомства с Сашей. И что-то я не припоминаю у тебя какого-то интереса или любви с первого взгляда при вашей первой встрече. Зато как всё резко изменилось, стоило на горизонте замаячить контракту, да?

— Ты выворачиваешь факты наизнанку, так как удобно тебе, — усмехаюсь я. — Если ты не готова слышать какую-либо другую правду, кроме своей, то мне с тобой разговаривать не о чем.

Да я вообще не понимаю, почему до сих пор здесь стою!

— Правду? Правда в том, что с тех пор, как ты появилась всё пошло наперекосяк! Моя милая наивная девочка, ты со своими эмоциональными качелями всю душу ему уже вымотала, — пропела Марина, вкладывая яд в каждое свое слово. — Думаешь, я не вижу, как это отражается на работе? На общении с близкими? Хочешь сказать, Сашка сейчас счастлив? Да ни хрена подобного! Пускай уж лучше рядом с ним крутится Янка. Что при ней, что после неё у нас все показатели на высоте были. Не то что сейчас... Лиз, шла бы ты похорошему, правда. Контракт у тебя уже есть, свой кусок ты уже отхватила. Вот живи и радуйся!

Опять она с этим контрактом, чёрт бы его побрал! Вместе с самой Вишняковой и её извращенной дружеской заботой!

Как же я устала, что мой мир в очередной раз перевернулся с ног на голову. Устала чувствовать себя разбитой, слабой, никчемной, ничего не понимающей, что творится вокруг. Устала барахтаться в этом болоте из лжи, злобы, недомолвок и недоверия...

Единственное моё желание сейчас было убежать куда-нибудь на край света, попутно стерев себе память и выкинув сердце где-то на полпути. Но, к сожалению, из всех доступных мне средств, я могла только покинуть стены этого офиса.

— Ты, конечно, ещё молодая и упрямая и можешь попытаться что-то вернуть, — усмехается Вишнякова, скреживая руки на груди. — Но рано или поздно Сашка поймет, что такая, как ты не для него. Да и эмоциональные качели, знаешь ли, выматывают даже самых стойких мужчин. Советую уходить первой, это хоть по самолюбию не так сильно ударит. И остатки гордости сохранишь. Ах, да, кстати, Лиз, загляни в уборную — тушь у тебя по качеству не очень. Под глазами, я смотрю, совсем беда. Серьёзно, приведи себя в порядок. Вдруг всё-таки пойдешь потом мириться, а после Янки будет такой контраст...

Вишнякова весело рассмеялась, довольная своей шуткой и моей молчаливой

капитуляцией. Огрызаться и спорить с ней у меня не было никаких сил. Всё, что я сейчас могла, это просто стоять с прямой спиной, не стыдясь ни своей размазанной туши, которая так некстати меня подвела, ни своих растоптанных чувств, которые я ещё долго буду собирать по кусочкам.

Марина окинула меня напоследок презрительным взглядом, с примесью показного сочувствия, и царственной походкой покинула помещение.

Привожу себя в порядок уже в машине Тёмыча. На обеспокоенный взгляд водителя и его попытки выяснить, что случилось, я лишь отшучиваюсь. С трудом, со скрипом, неумело.

Прикрываю глаза, откидываясь на спинку сиденья. Нужно просто пережить этот день. И ни думать, ни вспоминать. Главное — не вспоминать... Хотя бы до тех пор, пока я не останусь дома одна.

Очередное оповещение на телефоне, вырывает меня из плена тяжелых мыслей, а дата на экране заставляет невольно нахмуриться. Последние события совершенно выбили меня из колеи. Уже давно пора перевести деньги за аренду квартиры, и проверить оплатил ли в этом месяце Гордеев кредит.

Несмотря на наше расставания Лёша исправно выполнял свои обязательства. Кредитка была моя, но вот деньги с неё пошли на его рабочее оборудование. Но с учетом последних событий и нашего откровенного разговора, нужно было убедиться, что оставшиеся два платежа будут также внесены вовремя.

Открываю банковское приложение и начинаю хмуриться ещё больше. Потому что оказывается, дату платежа я помнила неверно.

Набираю по памяти набор цифр и слушаю томительно длинные гудки. Уже на десятом гудке, когда я практически отчаялась, Лёша всё-таки соизволил взять трубку.

— Да-да, — бодро отозвался Гордеев, от чего мне ещё больше захотелось его убить.

— Гордеев, ты совсем охренел?! — ору я. — Ты дату видел?!

— Ну видел. И?

— Ты почему деньги не перевел, Лёш?!

— Ах деньги за кредит, — протягивает Гордеев, беззаботно смеясь. И от этого смеха мне становится ещё больше не по себе. А перед глазами встает сумма уже накапавших сверху процентов, за эти несколько дней просрочки. — Лиз, ты знаешь, я вот несколько раз хотел поговорить с тобой по душам, но тебе всё было некогда...

— Ты издеваешься, Лёш?! Там уже проценты идут!

— Ну ты же сама знаешь, я сейчас официально не работаю. Так перебиваюсь случайными заработками...

— Лёша, там осталось загасить всего два месяца! — воплю я в трубку. — Ты что хочешь спихнуть на меня свой платеж?!

— Так это же твой платеж, Лиз, — усмехается Гордеев. А я хочу закрыть лицо руками и зареветь в голос от досады и злости. Ведь предупреждали меня и Валька и Аринка, что не надо было ввязываться со своей помощью и брать кредит на себя! — Кредитка-то оформлена на твоё имя... Да и вообще, ты же у меня умница. Лучший менеджер по продажам, зарабатываешь нормально, премии получаешь. И на Италию у тебя прилично так отложено было, я помню. Там как раз на остаток должно хватить с учётом процентов, да?

— Ну и сука же ты, Лёшенька, — не выдерживаю я. Мысль о том, что все мои отложенные деньги на поездку в Италию пойдут на оплату чужого кредита, в очередной раз за сегодня рвёт моё сердце на куски. И я уже не обращаю внимание на Тёмыча, размазываю дорожки из слёз по своим щекам, ощущая солоноватый вкус вперемешку со злостью.

— Ой ну не хочешь тратить свой драгоценный запас, тогда попроси своего мажора. Пускай подкинет бабла. Или ты ему уже надоела, и вы больше не вместе?

— Да пошёл ты! — кидаю я трубку.

Вот теперь в нашей истории с Лёшей точно поставлена точка. Огромная жирная точка, сотканная из ненависти, предательства и скотского отношения.

Или быть может Гордеев решил таким образом прислать мне ответочку? Так сказать, небольшая месть за то, что я не кинулась в очередной раз к нему в объятия?

Как бы то ни было, но с очередной мечтой сегодня придётся попрощаться.

Потому что денег на Италию у меня действительно больше нет.

Смотрю в монитор и вместо рабочей почты вижу объёмную увесистую фигу. Мысли никак не хотят собираться в кучу, а мозг в очередной раз отказывается верить во всё происходящее.

Удивительно, но я всё-таки пережила вчерашний день. И даже скаталась на несколько встреч, с опухшим лицом после получасовой истерики, которую с огромным трудом всё-таки смог потушить Тёма. Встречи предсказуемо оказались провальными, настроение само собой опускалось ещё ниже, пробив очередное чёрт знает какое по счёту дно.

Мереминский объявился вечером, как будто протрезвевший и с претензиями — почему я так и не поговорила с Сашей.

— У Марины своей прекрасной поинтересуйся, — едко проронила я в трубку и отключилась. Ничего объяснять не было ни сил, ни желания. И друзья-помощники эти уже откровенно раздражали.

Я не хотела верить в то, что вчера увидела, но против воли с каким-то мазохистским упрямством прокручивала в голове по кругу тот момент с поцелуем. Как он мог так поступить? Как?.. И если на секунду всё-таки представить, что инициатором и главным заинтересованным лицом в этом действии была Шакурова, то всё равно слова Марины не могли не отрезвлять. С Яной мне действительно будет сложно тягаться. Во всём.

Да и уходить первой действительно легче. Даже если сейчас ты настолько морально уничтожен, что хочется волком выть. В перспективе это всё равно окажется менее болезненным вариантом. Некоторые люди приходят в нашу жизнь, чтобы подарить нам опыт. Так говорила Катюха, и я ей верю. И знала, что с Сашей всё именно так и будет. Просто в глубине души надеялась, что наше знакомство с Корсаковым случилось в моей жизни вовсе не для того, чтобы стать опытом. А тем самым редким счастьем, которое так непросто найти.

Я скучала по нему. И всё время искала его глазами: у своего подъезда, на улице, или когда ехала на очередную встречу — быть может, промелькнёт одна из его машин со знакомыми номерами. Каждый телефонный звонок на несколько мгновений дарил несбыточную надежду. Иногда мне мерещился его голос, стоило лишь услышать в толпе похожие интонации, как я тут же замирала, безуспешно пытаюсь уgomонить свой разогнавшийся до предела пульс. Когда я бегала в парке, то невольно вглядывалась в прохожих мужчин. По закону подлости, за каждым широким разворотом плеч и тёмными волосами оказывался совершенно чужой человек. А сердце отчаянно пыталось найти его... Но волшебство бесследно растаяло, и наши параллельные вселенные больше не желали пересекаться.

Ненавидеть, обижаться и обвинять во всех смертных грехах было гораздо проще, чем то, что творилось сейчас. Жить на грани, не зная в какой момент сорвёшься в пропасть — потом или сейчас. Застыть в полушаге, размышляя о том, стоит ли в очередной раз поставить на кон своё сердце, рискнуть и выяснить всё до конца. Или собственными руками поставить на всём крест, без права на какую-либо надежду.

Ситуация с Италией окончательно выбила меня из колеи, отняв последние силы и уничтожив веру в то, что на смену чёрной полосе по правилам зебры обязательно придёт белая. В целом, я была согласна и на серые будни. Лишь бы не было так больно, как сейчас.

Всё стремительно менялось. Как будто кто-то там сверху поставил жизнь на ускоренный режим, и я с трудом отдавала себе отчёт в происходящем. Сегодня с утра Коваленко огорошила нас новостью, что Лана решила уволиться. Тихо-мирно, без скандала и ругани, как Скворцова, просто совершенно неожиданно и одним днём. Зубкова даже притащила на прощание тортик и поставила его в нашей мини кухне. Но от совместных трапез и напутственных речей отказалась. А ведь она ни один год проработала в этом журнале! И вот так жечь мосты...

Не могу сказать, что буду скучать по Свете. Хотя и безмерно благодарна ей и за свою целую шею, и за то, что не выдала меня с потрохами, узнав о наших отношениях с Сашей. Подругами или приятельницами нас сложно было назвать. И всё же, сейчас я отчетливо поняла, что в отличие от Скворцовой, по-настоящему Лана меня никогда не ненавидела. Возможно, временами я её и раздражала, но не более того. А для меня Зубкова была какой-то странной, противоречивой личностью, которую познать до конца мне не хватало ни мудрости, ни жизненного опыта.

Ситуация с Яриком и их расставание не стали для меня шоком, но добавили ещё больше пищи для размышлений, какая она на самом деле эта местная кукла Барби. Хотя нет, уже не местная, уже чужая кукла с закрытым сердцем и душой.

Жара вновь набирала свои обороты, и отсутствие в офисе кондиционера становилось всё более заметным. В очередной раз отхожу в туалет умыться ледяной водой, чтобы хотя как-то настроить себя на рабочий лад. В дверях офиса сталкиваюсь с уходящей Ланой. Идеально уложенные волосы, лёгкое платье-сарафан в небесных тонах, которые подчеркивали её голубые глаза, и изящные босоножки на неизменном каблуке. Рядом с растрепанной мной она смотрелась действительно по-королевски утонченно. Зубкова держала в руках небольшой подарочный пакет, в который сложила несколько важных вещей с работы. Как и Нике, для неё не было никакого смысла забирать с рабочего места весь свой скарб. И это было вполне понятно, если она уходила туда, в роскошную и безбедную жизнь.

Смотрю на Свету и даже не знаю, что ей сказать. Пожелать счастливого пути? Хорошо устроиться на новом месте? Так она вроде и не говорила, что нашла новое место работы. Если, конечно, отношения с тем самым депутатом не приравниваются к определенному виду труда...

— Если хочешь сказать мне что-то насчёт Ярика, то говори, — прерывает молчание Лана.

— Да мне-то какое дело, — пожимаю я плечами. Неужели она ждёт от меня, что я начну читать ей нотации? — Это ваши с ним отношения... были. И это ты ему должна что-то объяснять или оправдываться, а не передо мной.

— Каждый из нас получил от этих отношений то, что хотел, Лиз, — с улыбкой отвечает Лана. — Он использовал меня, я его. И не мои проблемы, что его ставка не сыграла.

— Использовал?! Ярик?

— А ты что правда верила в эту показную влюбленность с первого взгляда? — закатывает глаза Зубкова, от чего её огромные ресницы ещё более выразительно взлетели вверх. — Это в постели у Ярика может быть проходной двор, а вот в сердце у него есть место только для одной женщины. И как ты уже поняла, это не я. И такое положение вещей меня не устраивает.

— Хочешь сказать, если бы он полюбил тебя по-настоящему, ты бы не ушла к этому М.? — хмыкаю я, не особо веря в альтруизм госпожи Зубковой.

— Нет, Лиз. Будущего у нас всё равно не было, — качает головой Лана. Возможно, это единственный момент за всё время нашего знакомства, когда мы говорим с ней по-настоящему откровенно начистоту и к тому же на равных. — У него... сложная ситуация в семье. И я не готова с этим мириться. Даже если вдруг мы действительно полюбили друг друга. Мне это не подходит.

Сложная ситуация? В очередной раз понимаю, что ни черта не знаю окружающих меня людей. Всё, что я знала о Ярике, это то, что он был из не самой обеспеченной семьи.

— Это из-за того, что он не богат?

— Нет, не из-за этого. Хотя для меня это тоже немаловажный фактор.

— Это я уже поняла, — не смогла скрыть язвительной усмешки я.

— Лиз, мне двадцать восемь лет, — внимательно смотрит на меня Лана. Она не оправдывается, не старается себя обелить, но будто пытается мне донести что-то важное. А я уже от первой фразы готова ахнуть от удивления, потому что на свои года Зубкова не выглядела от слова «совсем». — Тебе сейчас двадцать два и ты, наверное, думаешь, что пять-шесть лет разницы особой погоды не делают. Но поверь, в плане жизненного опыта, это огромная пропасть... У меня есть дочка, ей сейчас около пяти. И всё это время я её растила одна. Но я всё-таки хочу воспитать её в полной семье. Хочу, чтобы она выросла счастливой и ни в чём не знала нужды. И все свои силы я отдавала и буду отдавать на то, чтобы осуществить задуманное.

— Дочка? — только и смогла выдохнуть я. — Но ты... я никогда... у нас же никто не в курсе...

— Я особо не распространялась, да, — кивает Лана. — Если копнуть поглубже, у каждого в журнале можно точно нарыть по одному-два секрета. О которых все, конечно же, предпочитают молчать. Но если хорошо смотреть и слушать людей, то можно многое понять. И вот эту черту, Лиз, я тебе советую в себе развивать, если ты какое-то время ещё хочешь работать в продажах. Ну и так по жизни пригодится... И не судить людей только на основе какого-то своего неудачного жизненного опыта, и не навешивать на них ярлыки.

— Это ты сейчас?...

— Нет, не о себе, — смеётся Лана, своим приятным заливистым смехом, который похож на тихий перезвон колокольчиков. — Хотя готова поспорить, ты и про меня чёрт знает что думала. Я о Корсакове твоём. Такие люди, как он, попадаются, один на миллион. И тут важно разглядеть, поверить и не упустить. Я очень надеюсь, что когда ты освоишь первые два пункта, будет не слишком поздно.

— Спасибо, Лан, — чуть запинаясь, говорю я. На прощание мы не обнимаемся, но её последние напутственные слова намного важнее и полезнее объятий.

Зубкова грациозно следует вниз. Уверенная в себе некоронованная принцесса, которая сейчас отхватила счастливый билет и полцарства в придачу, а потому короне быть. И подозреваю, что жать голову она ей точно не будет.

Стою, огорошенная её последними признания, прислонившись в стене. И слышу, как с затихающим стуком каблуков, уходит настоящая эпоха в нашем журнале

— Вот ты где! — распаивается дверь и оттуда выглядывает обеспокоенная физиономия Сафина. — Лизк, выручай! У нас тут ЧП!

— Ну у тебя же всё равно нет сейчас встреч, — бубнит мне под ухом Фара, протягивая диктофон.

— Я даже не представляю, что за это за ресторан! Какая там кухня и в чём их особенности!

— Ну вот и узнаешь.

— Фар, я сейчас одета не для того, чтобы брать интервью! — в бессильной злобе топнула я ногой. — Я опозорю и себя, и журнал!

Нет, я, конечно, понимаю, помощь другу и всё такое. Наша пиарщица Алиска ушла в отпуск и поэтому все дела с телевизионщиками и радиостанциями легли на плечи Сафина. И, собственно, к этим товарищам Фарид и планировал сейчас рвануть, по одному срочному вопросу. И поэтому попросил меня подменить его с интервью. Но предупредить о нём за полтора часа до начала, когда я не готова от слова «совсем»?!

— Лизк, да нормально ты выглядишь, — Фарид смерил меня оценивающим взглядом и в подтверждении своих слов сверкнул ослепительно белой улыбкой. — Губы подкрасишь и всё!

На улице жара, и я в легком приталенном платье на тонких бретелях. Довольно коротком для деловых встреч, и чтобы появиться перед солидными людьми. Потому что сегодня у меня никаких встреч не планировалось. И даже если выстрелит какой-то холодный звонок, то я бы всё равно все переговоры перенесла на завтра. Ну не то у меня сейчас настроение, чтобы входить в горящие избы и коня на скаку останавливать!

Я с тоской взглянула на белую ткань платья в мелкий зелёный цветочек и одернула край подола. Самое главное ничем его не заляпать по дороге.

— А побольше информации можно мне дать? Чтобы я хотя бы вопросы смогла накидать, пока ехать буду?

— Да, если бы я знал! Новый крутой ресторан, или вроде даже целый ресторанный комплекс..., - задумчиво чешет затылок главный редактор, — Я и сам толком ничего не знаю, это же Алискина договоренность была. Да просто приедешь и задашь несколько стандартных вопросов.

— А на каком основании они вообще будут у нас размещаться на сайте? Они что выкупили размещение?

— Насколько я знаю, нет, — качает головой Сафин, — Вроде там или какие-то хорошие знакомые Алиски, с которыми она контакт хочет наладить для журнала. Или потенциальные клиенты с новым необычным местом, о котором стоит рассказать. Привлечём трафик на сайт, а может что и в журнал пойдёт, посмотрим...

— Ладно, чёрт с вами, — бурчу я, застегивая сумку. — Но за качество материала ручаться не буду! Что получится, то получится.

— Лизк, ты чудо! — Фара в порыве радости сжимает меня в объятиях.

Из журнала мы выходим вместе, сначала Тёма завезёт меня на интервью, потом уже Сафина разбираться с телеканалом. В машине всё-таки решаюсь подкрасить губы, чисто для проформы. Привлекать внимание или вызывать какой-то повышенный интерес к себе не хочу, наоборот настроение такое, что хочется забиться в угол подальше от всех.

Я набросала в блокноте парочку стандартных вопросов. А там дальше буду разбираться

по ситуации, может что ещё по ходу интервью придумаю. Самое главное, чтобы собеседники попались болтливыми, потому что вытягивать информацию клешнями — точно не то, что я мастерски смогу сейчас повернуть.

Ехали мы недолго. Отрываю глаза от блокнота с удивлением отмечаю, что ресторанный комплекс будет открываться на Московском шоссе. Как будто местные бизнесмены других мест на карте не знают, где ещё можно на народе денег заработать! Тот же «Корсар» где-то недалеко построили. Так, главное сейчас не думать о Саше, не думать... Нужно сосредоточиться на интервью.

— Я тебя к их пиарщику отведу, а дальше уже они сами посвятят тебя в курс дела, — говорит Фарид, галантно помогая мне вылезти из машины. — Тут правда немного придётся поплутать, они ещё не открылись, и парковка пока занята строительной техникой. Смотри внимательно под ноги, Лизк, а то мало ли.

Мы и правда пошли каким-то заковыристым путем, часть которого проходила через небольшую дубовую рощу. На удивление, её ещё не вырубил, несмотря на близость к шоссе. Я исправно смотрела под ноги, памятуя о совете Фары. Лёгкие босоножки на каблуке, как и их обладательница, явно были в шоке от того, по какой местности приходилось топтать. Но вот лучше бы я смотрела и по сторонам. А ещё желательно вверх и на вывески!

Потому что, оказавшись перед огромными стеклянными дверьми, я осознала, что место мне знакомо и даже очень. А вместе с осознанием нахлынуло и неконтролируемое чувство паники.

— Доставил в целости и сохранности, — пропел Фара, придерживая меня под локоть и заботливо подталкивая к Мереминскому. А мне хотелось упереться в землю ногами и никуда не идти!

Парни обменялись приветственными рукопожатиями и какими-то только им понятными взглядами.

— Предатель, — шумно выдохнула я, с укоризной смотря на Фару. Который обвел меня вокруг пальца и какими-то окольными путями завёл в «Корсар».

Да и Ярик тоже хорош! Сговорились сволочи! И привели меня в стан Корсакова, как козу на привязи! От бессильной ярости хотелось кричать и топтать ногами. Потому что к этой встрече я была ни черта не готова — и в первую очередь морально! И что скажет Саша, когда увидит меня при данных обстоятельствах? Что если Вишнякова уже успела ему наплести чушь, что я проявляю к нему интерес исключительно ради выгоды журнала? То тогда с контрактом, то сейчас с этим интервью?!

Сафин передал меня другу буквально из рук в руки, и одарив напоследок свой лучезарной ободряющей улыбкой, незаметно растворился в толпе. А людей здесь действительно находилось довольно много. Для какого-то липового интервью так точно.

— Может объяснишь, что ты опять задумал?

— И тебе привет, Лизк, — под стать своему поделельнику не менее лучезарно улыбнулся мне Ярик. И если бы не лёгкая грусть в глазах и залёгшие под ними тени, я бы могла подумать, что вчерашние посиделки под столом с бутылкой виски были не более чем плодом моей воспаленной фантазии. — Осуществляем идею Фары, которую ты мне презентовала при нашей первой встрече. Что тут непонятного?

— Ты смеёшься что ли? — изумленно взираю я на пиарщика, пока мы проходим какие-то бесчисленные помещения. Хочется остановиться и рассмотреть всё в деталях. Сверить по памяти с тем, что успел мне показать Александр третий. Потому что этот торговый центр действительно отличался от всего того, что мне приходилось видеть. А сейчас, как я понимала, мы находились в той части, которая была отдана под кулинарные школы и различные мастер-классы. — Ты сам же раскритиковал эту идею в пух и прах!

— Нам нужно освежить корпоративный сайт в преддверии открытия «Корсара». Интервью с Корсаковым — это отличный ход. Ну и кое-что о самом ресторанном комплексе и кулинарных школах пойдет к вам на сайт, конечно. Но мне важно не это.

— А что?

— Надо раскрыть нашего глубокоуважаемого Александра Романовича с человеческой стороны. Он всегда ненавидел давать интервью, поэтому поверь, загнать его сюда на пару часов, далось мне ох как не просто, Лизк. Но я уверен, что всё пройдет хорошо, и ты справишься!

— Я?! Ты издеваешься? — уже не сдерживаю я своего крика. — Хватит вмешиваться в наши отношения, Яр! Серьёзно! Каждый раз, когда что ты, что Марина влезаете, становится только хуже!

При упоминании Вишняковой Ярик заметно помрачнел, но всё же не отступился от задуманного и продолжил излагать свой план:

— После интервью у него есть окно в расписании. Марина смогла кое-что подвинуть...

— Ты меня вообще не слышишь, да?!

— Главное, чтобы вы слышали друг друга, — Ярослав скидывает с себя маску балагура и внимательно смотрит в мои глаза. — А остальное неважно.

Мереминский явно тяготился чувством вины за свои прошлые поступки. Иначе не стал бы с таким упорством заниматься сводничеством. И даже не знаю, если бы на самом деле

существовала какая-то канцелярия для купидонов, дали бы Ярику за все его труды и упорство медаль, или всё-таки с позором выгнали.

— Есть ещё два момента, которые ты должна знать, — резко тормозит Ярик перед какой-то дверью невероятных размеров. — Я пригласил съёмочную группу, поэтому ваше интервью будут снимать. Тоже потом выложим на наш корпоративный сайт. И ещё... Корсаков не знает, кто у него будет брать интервью...

— Не знает?! — ахаю я.

Ну Мереминский! Чёртов гений- кукловод!

— Нет. И потому ты будешь морально готова к встрече, а он нет. Так, а теперь иди, мне уже написывает визажист. Для видеосъёмки всех участников нужно немного заgrimировать, сама понимаешь.

Тяжело вздыхаю и отдаю себя в руки профессионала. Визажист, к моему огромному облегчению, попалась не болтливая, ловкая и явно не обделённая талантом. Потому что результат мне понравился. Из зеркала на меня смотрела вполне себе симпатичная и ухоженная девушка, без следов усталости и сердечных переживаний. Плюс я смогла хотя бы немного привести в порядок свои мысли.

— Готовность пять минут, — врывается к нам Ярик. — Не переживай, я скажу, где нужно будет встать и что делать.

Поднимаюсь из кресла и следую за Мереминским. Где-то в отдалении слышу голос Вишняковой. Она меня не видит, но со своего затемнённого угла я могу отлично наблюдать за всем происходящим. И она и Ярик обсуждают последние приготовления с ассистентами и съёмочной группой. Непривычно видеть их такими, серьёзными, сосредоточенными. Хотя было бы из-за чего так суетиться и переживать — какое-то липовое подстроенное интервью. Во время которого мне предстоит раскрыть человеческие стороны Корсакова. Не самая лёгкая задача для девушки, которая пару недель назад бросила героя интервью, а позже облила его с балкона водой...

Гул голосов резко усилился. По взволнованным взглядам команды не сложно было догадаться, что нас наконец-то почтил своим присутствием господин генеральный директор.

Сердце замедляет свой бег, чтобы вновь разогнаться до предела. Хотелось жадно всматриваться в знакомые любимые черты, позабыв о том, как дышать. Многодневная щетина, которую я заприметила вчера, была аккуратно сбрита. Волосы казались немного подстриженными, особенно у висков. Корсаков одет по-простому, так как чаще всего видела его я — в чёрную футболку и джинсы. Возможно, чтобы снизить градус официальности и, так сказать, быть ближе к народу.

— Репортер приехал? — раздаётся знакомый голос, невольно запуская по моему телу тысячи мурашек. Не могу не отметить твёрдые властные нотки, которые прослеживались у Саши только, когда он занимался делами. А ещё легкое недовольство, о котором предупреждал Мереминский. Корсаков вовсе не жаждал давать интервью. И судя по взгляду, который он бросил на свои часы, сейчас он явно предпочел бы потратить своё время на что-то другое.

Или кого-нибудь другого. Память предательски подкинула мне картину недавнего поцелуя с Шакуровой. Прикусываю до боли губу, чтобы прогнать болезненные образы. Нужно просто задать несколько вопросов и выслушать ответы. Я смогу, я справлюсь. И может быть, потом мы действительно сможем поговорить, как взрослые люди. И я смогу понять действительно ли он выбрал ее или у нас все-таки есть шанс...

Если Саша, конечно, вообще захочет со мной говорить.

— Да, она здесь, — отвечает Ярик. — Только это не совсем репортер...

— Только не говори, что ты позвал кого-то из блогеров, — Корсаков сурово взирает на главного пиарщика.

— Ну я же не самоубийца, Александр Романович, — отрекается Мереминский. А мне хочется хмыкнуть в ответ на столь голословное заявление. С учётом того, что выбор моей персоны на роль интервьюера будет похлеще, чем позвать какого-то непонятного блогера. — Не переживай, ты её знаешь.

Ноги сами собой сделали шаг в сторону разговаривающих друзей. Будто какая-то неведомая сила потянула меня выйти из тени и наконец предстать перед взором Корсакова. Хотя бы чтобы просто посмотреть ему в глаза.

— А вот и она! — бодро кричит Мереминский, указывая рукой в мою сторону.

Время будто остановилось.

Я делаю последние разделяющие нас шаги. Прикрываю на мгновение глаза, окунаясь с головой в знакомый аромат парфюма. И останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки. Сердце гулко стучит в висках и, казалось, его стук с лёгкостью могли сейчас услышать все окружающие. Но мне было плевать.

Саша наконец оборачивается в мою сторону. Серая дымка глаз прожигает меня насквозь, в очередной раз выбивая воздух и моих легких и точно стирая ластиком мои способности нормально дышать и мыслить.

Устало раздражённое выражение слетает с его лица. Я замечаю едва уловимый шок, там на самом дне стального взгляда, который вмиг становится абсолютно непроницаемым. Его невозможно прочесть или понять.

И от этого становится невыносимо страшно.

Мы находимся на огромной кухне. В разы больше той, на которой мы с удовольствием готовили в квартире Саши. Мне сложно сосредоточиться на интерьере, потому что всё мое внимание целиком и полностью приковано к Александру третьему. Но даже мимоходом я отмечаю продуманный до мелочей уютный дизайн. Приятные глазу природные тёплые оттенки создавали ощущение, что мы находимся не в кулинарной школе, а на кухне в своём собственном доме. И даже дрожь, которая волнами накатывала по моему телу, немного отступала под действием этой расслабляющей обстановки.

Интервью должно было проходить во время готовки. И это было просто ножом по сердцу — вот тем самым большим и острым ножом для мяса, что сейчас приветливо поблёскивал передо мной на подставке. Потому что воспоминания о таких наших совместных вечерах никак не желали уходить из моей памяти. И эти светлые радостные моменты оседали в душе той самой тяжестью, от которой нет-нет да хочется проронить слезу, и невозможно вдохнуть полной грудью. Когда как никогда в полной мере остро осознаешь, что оказывается, вот они были те самые крупницы счастья. Которые можно было собрать руками, но вместе этого ты безжалостно рассыпал их по ветру.

На нас с Сашей закрепили микрофоны. И мы двумя застывшими статуями расположились рядом с кухонным островом.

Ярик напоследок критически осмотрел нас. В глазах Мериминского я вижу всполохи веселья, а мне вот не смешно от происходящего. И Корсакову тоже.

— Вопросы приготовила? — своевременно интересуется главный пиарщик.

— Да.

— И много у тебя вопросов? — наконец разрывает тишину Саша, когда Ярик покинул наше молчаливое общество.

— Три, — честно ответила я.

Брови Корсакова иронично взлетают вверх:

— А ты неплохо подготовилась.

— Ну знаешь ли! — шиплю я, и в момент делаю боевую стойку. — Я об этом интервью узнала час назад. Но будь я в курсе, что задумал Мереминский, то ноги бы моей здесь не было!

— Вот как?

И снова это непроницаемое выражение лица.

Чёрт бы его побрал! Если он рад меня видеть, мог бы хотя бы улыбнуться разок. А если нет, и я уже опоздала со всеми этими примирениями, то нечего меня через весь этот театр абсурда прогонять!

Ярик, как заправский режиссер, даёт нам команду, что можно начинать.

Гнетущее молчание заполняет пространство. Мы с Сашей сверлим друг друга взглядом, но не произносим ни звука. Первой сдаюсь я и перевожу взгляд на камеру:

— Приветствую всех, кто заглянул к нам сюда в это невероятно уютное и атмосферное место. Меня зовут Елизавета Бельская и сегодня мне выпала честь стать первым учеником кулинарной школы «Кулинарио», которая совсем скоро распахнёт свои двери для всех желающих в новом ТРЦ «Корсар». Подробнее об этой школе и о самом торговом центре мы поговорим с генеральным директором холдинга «АКВИРС ГРУПП», который построил эт

совершенно новое для Самары место, а также идейным вдохновителем кулинарной школы — Александром Романовичем Корсаковым. Здравствуйте, Александр Романович! — выпалила я на одном дыхании, под удивлёнными взорами всех присутствующих. Клянусь, даже непроницаемая маска Корсакова и то на какое-то время была отброшена в сторону. А у Мериминского и злюки Марины и вовсе упали на пол челюсти.

Приклеиваю к себе милую располагающую улыбку и смотрю на Сашу.

— Здравствуй...те, Елизавета.

— Сегодня у нас довольно необычный формат — вам предстоит отвечать на вопросы прямо во время приготовления блюда. Расскажите, а что именно мы с вами будем готовить?

На каждое моё уважительное «вы» мне кажется, у Корсакова слегка подрагивают губы. Будто он изо всех сил сдерживает себя, чтобы не улыбнуться. Во всём остальном, он по-прежнему похож на отстраненную и холодную статую. Мог бы и подыграть, засранец! Интервью в первую очередь будут смотреть его сотрудники, а он с ними всегда дружелюбно и открыто общался, не то что сейчас со мной!

— Знаете, Лизавета, поскольку мы с вами находимся в семейной кулинарной школе, то хотелось бы приготовить то, что любят и взрослые, и дети, — наконец-то немного оттаивает Корсаков, и я отчётливо вижу, как в его глазах кружатся весёлые чертята. — А значит, это должно быть что-то сладкое. И то, что с лёгкостью смогут повторить наши зрители. Например... кекс.

— Кекс? — как попугай повторяю я, не веря своим ушам. Нет, он точно издевается!

— Именно, — Корсаков явно доволен произведенным эффектом и его губы расплзаются в широкой улыбке. Достает необходимую посуду, перечисляет все ингредиенты, которые нам понадобятся.

Саша протягивает мне поварской фартук. Лёгкое едва заметное касание пальцев пронзает меня насквозь, словно током. Как же тяжело сохранять спокойствие, когда на тебя смотрят десяток пар глаз, а каждое твоё движение фиксирует камера!

Все мои вопросы, которые я успела заготовить, сейчас были как собаке пятая нога. Они совершенно неуместны. Это ведь не обычный ресторан. Я знала, что помимо размещения стандартного фудкорта Корсаков отдал целое крыло здания под рестораны мировой кухни. И несколько кулинарных образовательных учреждений. И как я поняла потом, эта была своеобразная дань уважения его матери, которую он очень любил, и общения с которой ему порой не хватало. Но как об этом аккуратно спросить? И не выдать тайны о нашем более близком знакомстве?

— Как вам пришла в голову идея создания семейной кулинарной школы?

— Одна из главных проблем нашего века — постоянная нехватка времени на самое дорогое и важное, что есть в нашей жизни. Это наша семья, родные, близкие и... любимые люди. Мне бы хотелось, чтобы у родителей и детей была возможность забыть обо всех делах, отложить в сторону гаджеты и просто провести время вместе. Общее дело всегда объединяет. Мы не делаем упор на образовательную часть, хотя и такие программы в школе также будут представлены. Мы бы хотели просто дарить людям положительные эмоции и воспоминания о том, как они готовили вместе, и потом попробовали в одном из наших ресторанов своё собственное кулинарное творение.

— А вы готовили в детстве что-то вместе с родителями?

— Да. Моя мама профессиональный повар и само собой она делилась своими знаниями и умениями. Да и нам с отцом нравилось ей помогать...

Саша замолкает. Это очень личное. Тонкая грань, за которую если зайти, то можно пустить насмарку всё интервью.

— А какое у вас было любимое семейное блюдо? Что вам нравилось вместе готовить?

— Вы наверное сейчас ждёте от меня какого-нибудь изысканного названия, но нет. Нам всем очень нравилось лепить пельмени, — смеётся Саша, а у меня в душе всё расцветает, когда я слышу его смех. Боже, как же я по нему соскучилась! — Это всегда было очень весело.

— А сейчас вы часто готовите? Или будучи занятым бизнесменом на это совсем не остаётся времени?

— Нет, нечасто. Я довольно неприхотлив, для себя я заказываю готовую еду или что-то делаю на скорую руку, — смотрит на меня в упор Саша. — У меня редко возникает желание что-то приготовить, и делаю я это только для дорогих мне людей.

Щёки начинают предательски пылать. Опускаю взгляд вниз, собираюсь с духом и перескакиваю на другую тему, менее личную. Я задаю вопросы о ресторанах мировой кухни. С какой-то щемящей тоской понимаю, что практически всю эту информацию я уже знаю. Оказывается, Саша с удовольствием посвящал меня во многие детали. И даже не боялся делиться какими-то фишками и нововведениями, которые они внедрили в ТРЦ.

— Не могу не задать вам банальный вопрос, который я уверена, волнует многих наших зрителей. Название торгового центра «Корсар» — это производное от вашей фамилии?

— Нет, но совпадение довольно забавное. К счастью, наша семья не имеет никакого отношения к пиратству, — уже откровенно потешается надо мной и моим вопросом Александр третий, точными размеренными движениями смешивая ингредиенты. — Но как вы могли заметить, торговый центр имеет необычную форму — в виде корабля. Также некоторые морские элементы ненавязчиво присутствуют внутри самого здания.

Это как собственными руками пустить себе пулю в лоб. Добровольно и с огромным удовольствием. Потому что в память предательски взрывается картина, как я сижу у него на коленях, и мы говорим о своём детстве. Я фанатела от диснеевских принцесс, а Саша ходил с ума по пиратам.

— Все взрослые — это большие дети, у которых просто появилось больше возможностей. Я вот в детстве мечтал построить себе огромный корабль. И теперь он у меня есть, — смеялся Саша, зажигая своей улыбкой во мне искорки счастья. — И плевать, кто что об этом думает, какое это ребячество.

Сглатываю тяжёлый ком, и вновь скатываюсь на более официальные вопросы. Завороженно слушаю ответы Саши, потому что рассказчик из него отличный. Особенно, когда миновали первые напряжённые моменты интервью, и у нас понемногу стал налаживаться контакт. Хотя бы в рамках нашего делового общения. Корсаков даже доверил мне порезать фрукты для кекса! С ума сойти!

Говорим о предстоящем открытии ТРЦ. Саша приглашает всех и кратко рассказывает об интересной программе, которую смогут увидеть первые посетители. И даже наш конкурс с журналом не обходит стороной, хотя тот и находится на какой-то печальной стадии забвения. Но если я правильно поняла настрой генерального директора — конкурсу быть. Но завершить интервью мне хотелось каким-то более душевным человеческим моментом.

— Вы неоднократно упоминали о важности проводить время с близкими вам людьми, — начинаю я, аккуратно подбирая слова. — Удаётся ли вам с вашим плотным графиком уделять время своим близким? И какие необычные занятия вы можете посоветовать нашим зрителям для совместного досуга, помимо посещения кулинарной школы? Быть может вы что-то сможете рассказать из своего личного опыта.

— В последнее время я несколько по-другому взглянул на свой временной ресурс, — Саша аккуратно приоткрывает духовой шкаф и проверяет готовность нашего блюда. И только потом переводит взгляд на меня. — Конечно, мне хотелось бы уделять чуть больше времени дорогим мне людям. Я работаю над этим вопросом, пытаюсь отыскать какой-то баланс, хотя с моим плотным рабочим графиком это довольно непросто. А что касается какого-то необычного досуга, то боюсь вас разочаровать — никаких интересных или оригинальных занятий мне не приходит сейчас на ум. Мне кажется, просто нужно заниматься тем, что приносит удовольствие вам и вашим близким. Например, мы недавно с отцом провели полдня в гараже пытаюсь оживить старую «Победу»...

— О-о-о, — невольно вырывается у меня, но я тут же себя одергиваю. Почему-то на глаза предательски наворачиваются слёзы. — Это... очень интересное и необычное занятие!

— Возможно. Ну а так я вам назову вполне обычные и банальные вещи, которые радуют лично меня. Прогуляться по набережной, пересмотреть «Звездные войны» или любой другой любимый фильм, и...

— И?..

Память не щадит мои чувства и любезно подкидывает мне следующий фрагмент наших с совместных счастливых воспоминаний:

— Я усну на словах «В далёкой-далёкой галактике...»

— Давай хотя бы попробуем посмотреть. Если не понравится, то просто выключим.

— Если я захраплю, можешь меня не будить. Сиди и смотри своих Лей, Хана Соло, Чубак или по кому ты там тащишься...

Но на удивление, мне понравилось. Причем каждая из частей этой киноэпопеи по своему. И те долгие часы, что мы провели в обнимку с Корсаковым перед экраном, остались для меня одними из самых тёплых воспоминаний. Которые сейчас болезненно затронули что-то там в самом дальнем уголке сердца.

— А третий пункт, Елизавета... пускай останется моим маленьким секретом. Предлагаю нашим зрителям написать в комментариях к этому интервью их собственный топ занятий: как они любят проводить время со своими близкими и любимыми людьми. А мы с вами лично выберем два победителя, которые получат годовой абонемент на посещение любых мастер-классов и школ в ТРЦ «Корсар».

Мне остаётся только кивнуть. Но что чёрт побери он имел в виду под пунктом номер три?!

Саша достаёт кекс, и под голодно завистливыми взглядами съёмочной команды мы снимаем пробу. Без всякого лукавства со своей стороны отмечаю превосходный вкус десерта и на этой радостно-позитивной ноте завершаю интервью.

— Мо-ло-дцы! — хлопает в ладоши Ярик. — Это было реально круто, ребятки!

Так круто, что от напряжения меня едва держат ноги. Практически заваливаюсь спиной на кухонный остров и прикрываю глаза. Ассистенты съёмочной группы аккуратно снимают с нас с Сашей микрофоны. И, казалось бы, вот теперь можно спокойно поговорить. Но только слова всё никак не шли с языка, как будто говорить нам было и не о чем.

— Спасибо, — всё-таки прерываю я молчание, натываясь на сосредоточенно суровый взгляд Саши. Даже не знаю, за что именно сейчас его решила поблагодарить. За то проведенное интервью, за множество тёплых воспоминаний, которые согревали внутри и одновременно рвали мне душу, или за то, что он достойно выдержал это фарс, не издеваясь и не выставляя меня на посмешище. А быть может за всё и сразу.

— Наше общение теперь будет складываться исключительно из рабочих моментов? — интересуется Корсаков.

— Наверное, — неопределенно пожимаю плечами.

— Или ты теперь предпочитаешь все дела вести с Яриком? Марина сказала, что видела тебя вчера в офисе.

И больше ничего? Про наш незабываемый разговор она конечно же забыла упомянуть? И про маленький инцидент у лифта? Меня так и подмывало это спросить, но я себя сдержала.

— Ну почему же. Я вчера заезжала обсудить несколько моментов по конкурсу, и хотела поговорить с тобой...

— И? В своей приёмной я тебя так и не увидел.

— Ты был несколько занят, — усмехаюсь я, пряча за сарказмом скопившуюся горечь. — Мы с тобой немного разминулись у лифта... Я не стала мешать.

Саша на секунду прикрывает глаза.

— У нас с тобой снова старые песни о главном, — качает головой Корсаков. — Не

разобраться в ситуации, понять всё по-своему и принять неверное решение.

— Я тебя ни в чем ещё не обвиняла!

— Да. Но идти сюда на интервью ты почему-то не хотела, — жёстко ставит точку Александр третий, и останавливает проходящую рядом с нами Вишнякову. — Марин, предупреди Габдуллова, что я чуть раньше буду на объекте. Я сейчас выдвигаюсь.

Вот и поговорили.

— Я тебя довезу, — пыхтит рядом Ярик.

Мереминский сокрушён и сбит с толку. Потому что его гениальный план примирения не сработал. А я просто хотела убраться отсюда как можно быстрее, пока обжигающая пелена из слёз не прорвалась наружу.

— Не надо, за мной уже едет такси.

— Чёрт, ну было же всё нормально! — не выдерживает Ярослав, хватаясь за голову и в порыве злости взлохмачивает себе волосы. — Вы бы видели себя во время интервью! Это такой накал страстей был, что мы можем с легкостью Оскар отхватить за документалку или что там дают за журналистскую работу...

— Яр, хватит! — обрываю я его словесный поток. — Серьёзно. Перестаньте вмешиваться и пытаться что-то исправить! Если бы хотели помириться, мы бы уже давно это сделали!

— Сейчас опять будешь мне задвигать, как вы друг другу не подходите и какие вы разные?!

— Господи, да ему плевать! — ору я. — Если бы он хотел поговорить, то он бы это сделал, а не смотался на объект! Если бы он действительно был рад меня видеть, то сделал бы хоть какой-то шаг навстречу и хоть как-то это показал! Но единственную эмоцию, которую я у него вызвала — это бешенство, что я по-прежнему ему не доверяю! И знаешь, что? Это действительно так!

— Бл**ь да не верю я, что он целовал Шакурову! Лиз, сто процентов — она сама ему на шею вешалась!

— Ага, а весь такой святой и правильный Корсаков просто не устоял под напором очаровательной женщины!

— Ты ведешь себя сейчас точно также, как Сашка, после той истории с твоим бывшим! Одни эмоции и никакого здравого смысла! — уже закипает в ответ Ярик. — Вы — идиоты! Два несчастных идиота! И вы мне надоели, реально!

Мереминский ныряет рукой в карман и достаёт оттуда альбомный лист, сложенный в несколько раз.

— Вот держи, это последнее, что я готов сделать ради этой сомнительной и гиблой кампании! А дальше разбирайтесь сами! Я умываю руки!

— Что это? — опешила я.

— Можешь полюбоваться, на что глава компании тратит свое драгоценное время в последние недели. У него таких много, этот я без особых проблем спёр, я думаю, Сашка даже не заметил... И если до тебя сейчас ничего не дойдет, то значит уже никогда.

Ярик практически силой разжимает мои пальцы и вкладывает мне в руку бумажку. И не прощаясь, быстрыми шагами уходит прочь, оставляя меня одну в ожидании где-то явно заплутавшего таксиста.

Разворачиваю листок, на котором оказался рисунок карандашом, и замираю.

— Это же...

Не нахожу что сказать и лишь крепче сжимаю онемевшими пальцами свой портрет. Неужели это и правда я? Девушка с задумчивыми глазами и лучезарной улыбкой, которая ослепляла даже в чёрно-белой гамме рисунка. С чуть волнистыми рассыпанными по плечам

волосами... Красивая девушка. Такая, которую я никогда не замечала в своём отражении.

Я не видела раньше рисунков Саша. И только могла догадываться, насколько он талантлив. Но сейчас я просто была не в силах оторвать взгляда от своего портрета. Не обращая никакого внимания на две обжигающие дорожки из слёз, что всё-таки прорвались на свободу вместе с вихрем чувств и эмоций.

Кажется, Мереминский был прав. И мы с Сашей действительно два несчастных идиота.

С Фарой я не разговариваю вот уже два дня после того злосчастного интервью. И не разговаривала бы еще столько же, но звонок с неизвестного номера неожиданно поменял мои планы.

С некоторых пор со входящими звонками отношения у меня как-то не очень. Потому что как ни возьмешь трубку — неприятности начинают сыпаться горой. То интернет грозится отрубить, то личную жизнь с ног на голову переворачивают...

Звонили из службы доставки, интересовались на месте ли я. Вот уж интрига всех интриг. Последний раз, когда мне что-то доставляли, это был букет от Александра третьего. Подруги меня на рабочем месте сюрпризами не баловали. Лёшка, на сколько я помню, тоже. Правда этот иуда всё-таки мог опомниться и вернуть свои тридцать серебряников за кредит. Но почему-то во внезапно проснувшуюся совесть Гордеева мне верилось с трудом. А вот первая мысль оказалась самой верной. Потому что, когда мне вручили небольшой подписанный конверт, я тут же узнала почерк Саши.

Первые мгновения я просто таращилась на этот диковинный предмет, не понимая зачем вдруг Корсакову понадобилось прибегнуть к эпистолярному жанру. Да, с разговорами тет-а-тет у нас не ладится в последнее время, но в конце-то концов есть и другие, более современные способы связи!

Ничего не видя перед собой и еле волоча ноги, я всё-таки добираюсь до рабочего места. От волнения пальцы меня совсем не слушались, поэтому конверт удалось открыть далеко не с первого раза. Наконец справившись с дрожью в руках, я нетерпеливо вывалила на стол его содержимое. Из конверта выпали билеты, какой-то сертификат и небольшой листок бумаги.

«Самые искренние и заветные мечты обязательно должны исполнятся. Я помню, что у тебя был запланирован интересный маршрут по разным городам. Знай, что в этом уютном отеле на площади Тринита-деи-Монти тебя всегда будет ждать номер, потрясающе вкусная кухня и красивые закаты. Саша.»

Я ещё раз перечитала короткое послание. И ещё.

Взглянула на билеты с открытой датой и на сертификат в один из лучших отелей Рима.

Это что сейчас было? Прощание?

Откуда Корсакову известно, что все мои деньги, отложенные на Италию, были отданы для оплаты Гордеевского кредита?!

— Говори! — рявкнула я, подлетая к столу главного редактора.

— А-а-а что?! — подпрыгивает на месте Фара, который с головой ушёл в статью и пропустил моё эффектное появление в образе разъярённой фурии.

— Это ты слил инфу Корсакову, что я потратила все свои сбережения на кредит?!

— Нет! Клянусь! — Сафин округляет глаза и примирительно поднимает руки вверх. — Я изначально вообще был против куда-либо лезть. Это меня Ярик уломал.

Недовольно фыркаю в ответ. Фара в своем репертуаре, мог бы хотя бы частично взять ответственность на себя за то интервью, а не сваливать все шишки на своего несчастного подельника. Но если не Фара, то тогда кто? Ипатова лично с Сашей не знакома, Сёмина до сих пор на него зуб точит после той статьи. Значит остаётся... Валька.

— Значит, это ты, — начинаю я без приветствий, стоило Райковой взять трубку.

— Если ты звонишь мне, то это логично.

— Валь, Корсаков прислал мне оплаченные билеты и сертификат на проживание в отеле с открытой датой. Не догадываешься откуда тут ноги растут?

— У меня спросили, как твои дела и почему ты так похудела, — не стала отпираться Валентина Сергеевна. — Я рассказала о твоей вдруг неожиданно проснувшейся любви к пробежкам и ситуацию с кредитом.

— И всё?

— За остальными подробностями твоей жизни я посоветовала обратиться за разговором к тебе. Поэтому если есть желание можешь лично поблагодарить его за вклад в твой будущий отпуск. Заодно можешь рассказать, о том, что на самом деле чувствуешь после вашего с ним разрыва.

— Валь...

— Лиз, я не Сёмина и не Мереминский, и никуда лезть не буду, если только ты лично меня не попросишь. Захочешь — разберёшься во всём сама.

— Вальк, я боюсь, что разбираться здесь больше не в чем, — тихо говорю я, вдруг севшим голосом. — И это он просто сделал мне такой красивый подарок... на прощание.

Быстрее, ещё быстрее. Обогнать садящееся за горизонт солнце, убежать от самой себе и своих мыслей.

На улице духота, периодически смахиваю с лица пот, что так и норовит попасть в глаза. Чем жарче становилось на улице, тем больше народу прибывало вечером в центральный парк. Иногда мне казалось, что количество людей увеличивалось просто в геометрической прогрессии. Целенаправленно избегаю толпы и сворачиваю к самым извилистым и трудным тропинкам. Спускаюсь к самой Волге.

Взгляд равнодушно скользит по красивому закату, шум волн ничуть не успокаивает истерзанную переживаниями душу. Разворачиваюсь и бегу обратно, уже вверх по склону, молясь всем богам, чтобы мне хватило дышалки. Так далеко и долго я ещё никогда не бегала, но сегодня мой внутренний тренер-перфекционист решил умотать меня в край.

Совсем скоро наступит лето. А лето — это маленькая жизнь. Новая жизнь, в которой я, надеюсь, будет меньше поводов для того, чтобы страдать и грустить. Если повторять про себя почаще эту умную мысль, возможно я в нее действительно поверю.

С трудом, но всё-таки добираюсь до начала парка. А впереди ещё путь домой, который я обычно пробегаю уже в более расслабленном темпе. Мысленно собираюсь с силами для того, чтобы подготовиться к последнему рывку, как неожиданно мой взгляд в толпе цепляется за знакомую худощавую фигуру.

Прямо по курсу шла церберша Марина. Но сейчас этим ласковым эпитетом у меня язык не поворачивается назвать её даже мысленно. И вообще в первые секунды я её не признала. Оказывается, у нас с ней всё-таки есть одна общая черта — мы обе ни хрена не умели красиво плакать. Нет, мне это не привиделось — Марина действительно плакала. Красное опухшее лицо Вишняковой, по которому не переставая катились крупные слезы, явно свидетельствовало о том, что и у стерв порой бывают не самые удачные дни.

Ноги невольно притормозили, пока мозг отчаянно пытался переварить увиденное и придумать план действий. Подойти и спросить, что случилось? Или равнодушно пробежать мимо? Вишнякова — пожалуй, последний человек в этом мире, кому бы я хотела протягивать руку помощи. Но вдруг у человека какое-то серьёзное горе? Даже у таких, как она, есть родные и близкие, которые я уверена, занимают огромное место в её сердце. Да и сердце же у неё должно быть...

Пока я препиралась сама с собой, решая, что делать, расстояние между мной и Мариной стремительно сокращалось. Почему-то мне вспомнились слова Ланы, что если внимательно смотреть и слушать, то можно многое понять.

Глядя на Марину мне приходило на ум лишь одно определение — раненое животное. Которое ещё не оправилось от шока, и пока даже не видело ориентира, куда бежать, чтобы укрыться и залечить раны. Я не видела перед собой холодную самоуверенной стервы, будто она куда-то растворилась под действием нескончаемого потока слёз, уступив место ранимой и несчастной девушке.

Или быть может не стоит питать особых иллюзий на её счёт?

Вишнякова находит в толпе мой обеспокоенный взгляд, и пошатываясь на своих огромных каблучищах, подходит ко мне. Замираю, не в силах и произнести и слова. Да и к чему тут слова? Сейчас она скажет, чтобы я засунула свою жалость куда подальше. Или

пошлёт меня на три весёлых буквы, или отсыплет очередную порцию яда...

— Прости меня, Лиз... Если сможешь, прости, — произносит Вишнякова, медленно оседая к моим ногам. А я настолько впадаю в ступор, что только в последний момент успеваю подхватить её под руки.

Это что вообще сейчас было?! Она что пьяна?! Или меня накрыла слуховая галлюцинация?

— Так, давай, держись, — пыхчу я, пытаюсь придать мадам Вишняковой вертикальное положение. — А то я тебя сейчас уроню!

— Да плевать! — слышу я через какой-то исступленный горький плач. И с ужасом замечаю, как Марина всё же падает к моим ногам. Совершенно не заботясь о своем красивом красном платье, наверное, от какого-нибудь модного бренда. Или о том, что при падении всё содержимое её маленькой сумочки рассыпалось по асфальту. Да и о целостности и сохранности своих коленок блондинка явно думала в последнюю очередь.

Как и о том, что на наш прекрасный, но отнюдь не слаженный дуэт уже с интересом поглядывали прохожие. Со вздохом наклоняюсь вниз, собирая пожитки Вишняковой, пока та продолжает отчаянно всхлипывать. Мне кажется, ещё чуть-чуть и она скатится в натуральную истерику. И как мне тогда с ней быть?! К такому эпичному завершению вечера жизнь меня явно не готовила!

— Марин, что у тебя случилось? — аккуратно интересуюсь я, вручая ей сумку.

Вишнякова равнодушно мажет по ней рассеянным взглядом.

— Это конец. Всему.

— Ты о чем?

— Я и он... У нас всегда всё было очень... сложно, но я верила. Верила, понимаешь?! Что когда-нибудь... Но я ужасный гадкий человек... Ярик правильно всё сказал...

— Это Яр тебя так довёл?! — спорить с оценкой Мериминского я не буду, но доводить девушку до истерики это тоже не дело!

— Нет. Он просто сказал правду. А я вот решила прогуляться и подумать над ней, и меня... немного накрыло. Я не помню, когда последний раз плакала, — Вишнякова закусывает губу, будто пытаюсь перекрыть поток своих слёз, но становится только хуже. Её начинает трясти, и она обхватывает себя руками пытаюсь хоть как-то унять дрожь. В такие моменты у любого человека бы дрогнуло сердце и раскрылись утешающие объятия. Но передо мной была... Марина. И это сбивало с толку и заставляло немного притормозить в проявлении своего сочувствия. Но и просто так её оставить здесь я не могла.

— Вставай. Здесь не самое удачное место для разговоров.

— Я вообще удивлена, что ты со мной разговариваешь, — Марина поднимает на меня взгляд. И я впервые отмечаю в нём какие-то проблески человечности, а не привычные мне потоки злобы и раздражения.

— Не поверишь — я тоже! Но всё это удобнее обсуждать, не сидя на асфальте. Вставай!

Тяну Вишнякову за руку, и только со второй попытки поднимаю её. Вот вроде бы кожа да кости, а всё равно просто так с места не сдвинешь! Или это каблучищи ей пару-тройку килограмм добавляют?

— Ты меня бесила, Лиз, до трясушки всё это время...

— Я заметила, — фыркаю я, подходя к ближайшей свободной лавочке. Усаживаю сначала плачущую блондинку и только потом располагаюсь сама, скрестив руки на груди.

— Я думала, ты воплощение всего, что меня так раздражает в бабах. В тех, кто так и липли что к Ярику, что к Сашке... А оказалось...

Марина запинается и опускает голову.

— Оказалось, что тебе показалось? — не могу скрыть иронии я в своём голосе.

— Я всё голову ломала, почему он так на тебя смотрит, — Марина задумчиво качает головой, будто не находя в себе силы поверить до конца в то, что собирается произнести дальше. Откидывается на спинку лавочки, смотря куда-то вверх на небо, на деревья, а слёзы вновь заструились по её лицу с бешеной скоростью. Нет, с такой внешностью, как у неё, она всё равно была по-своему красивой, даже когда плакала. Просто сейчас было в ней что-то такое, что вызывало не жалость, а искреннее человеческое сочувствие. Когда просто не можешь встать и оставить другого наедине с его несчастьем. А быть может это банальная женская солидарность, когда разбитое сердце откликается на беду другого разбитого сердца. — Ведь ни на кого он так не смотрел, ни на одну из своих шлюх, ни на Лану даже эту... А потом я поняла.

Ага, значит речь всё-таки идёт о Мереминском. Пока мне сложно было уловить мысль из всего того бессвязного потока слов, что вываливала на меня блондинка.

— Он смотрел так только на одного человека. На свою сестру, — смеётся Марина, но клянусь — это самый горький смех, который я слышала в своей жизни. — А я-то дура придумала себе... Прости меня, Лиз. Правда. Я знаю, что это ничего не изменит, и ты скорее всего не простишь. И вряд ли до конца меня поймешь. Но я должна тебе это сказать.

— Я ничего не знаю о сестре Ярика, — прерываю я Вишнякову.

Признать свою неправоту — это действительно сложный и ответственный шаг. Особенно, если ты искренне раскаиваешься в своих действиях. И если там на скамейке в парке в искренность покаяния Вишняковой мне было сложно поверить, но спустя каких-то несколько часов я уже смотрела на неё другими глазами. И наверное, на моём месте так поступил каждый, если бы ему довелось услышать то, что услышала я. От постороннего человека, который ещё недавно не питал ко мне никаких тёплых чувств, но который неожиданно полностью обнажил передо мной свою душу, не требуя ничего взамен.

Но знала бы я, к каким последствиям это потом приведёт...

— У тебя здесь мило. Правда.

— Смеёшься что ли? — бурчу я, отчаянно пытаюсь вспомнить, куда я подевала единственную бутылку вина в моём доме. После расставания с Корсаковым я избавилась практически от всех своих запасов, но было одно коллекционное вино, которое мне привезла мама из Италии. Выкинуть его у меня не поднялась рука, потому я решила оставить его для каких-нибудь особых случаев. Кто ж знал, что этим особым случаем окажется посещение моей жилплощади самой госпожой Вишняковой!

— Я серьёзно. У меня в Москве, когда я училась, была очень похожая квартира. Тоже сталинка с высокими потолками.

— Только раза в четыре больше, ага.

— Ну не без этого.

Наконец нахожу бутылку вина, запрятанную вместе с кулинарными книгами по итальянской кухне в одном из нижних шкафчиков. Похоже, в один из своих одиноких вечеров я психанула и решила забросить всё итальянское и напоминающее мне о Корсакове в дальний угол. Ставлю перед Мариной бокал и откупориваю бутылку.

— А ты?

После первой части откровений Вишняковой даже у такой новообращенной зожницы, как я, возникло желание выпить. Я искренне не понимала, как она могла так долго прятать в себе весь этот огромный пласт эмоций, чувств и противоречий. Который уже давно окаменел и давил на неё своей невыносимой тяжестью. Даже моя личная драма казалась теперь не более, чем небольшим досадным недоразумением. Но мне нравилась моя новая жизнь без вредных привычек, и так легко сдавать позиции я не хотела.

— А я на спорте... и всё такое.

— С каких это пор? Помнится, на вечеринке Ярика мы с тобой на пару хлестали виски. Жаль, кстати, что у тебя его нет. Мне эта бутылка вина сейчас, как ребенку микстура от кашля.

— Ну, с тех пор как поняла, что от спорта меня не тошнит, а от вина — да. Как и от сигарет, — пожимаю плечами я. — Всему есть предел. Я же во все тяжкие пустилась только после расставания с бывшим — клубы, алкоголь, сигареты. Но если после каждых неудачных отношений так себя гробить, то неизвестно до чего можно дойти.

А ещё есть такой вид тоски, который ничем не заглушить, даже самым крепким алкоголем. Но об этом я вслух говорить не буду.

— Тошнит, говоришь, — склоняет голову вбок Марина, с любопытством взирая на меня, — Интересно, интересно... Кажется, сейчас я не за виски побегу, а в аптеку.

— Марина! — вырывается из меня вопль. И хочется закатить глаза куда-нибудь в стратосферу. И вообще, мы с ней разговариваем без наездов друг на друга чуть больше часа, что это ещё за странные намёки и улыбочки?! — Мы с Сашей два разумных взрослых человека, которые не забывали о контрацепции! И с циклом у меня всё в порядке, спасибо!

— Точно? — хитро поглядывает на меня Вишнякова, ощупывая взглядом область талии, будто там можно отыскать ответ беременна я или нет.

— Точно! — рываю я, и достаю из шкафчика второй бокал. С грохотом ставлю его на стол и плескаю вина себе и своей неожиданной гостье. — Пей давай!

— За знакомство? — смеётся Марина, как-то так глупо по девичьи, чего я раньше за ней не замечала.

— За знакомство, — киваю я, под звон бокалов. Сегодня получается мы с Мариной действительно узнаем друг друга заново.

Сумасшествие какое-то. Если бы кто сейчас заглянул ко мне на кухню и увидел эту картину маслом, то наверняка стал бы постояльцем психушки. Закусок к вину у меня нет, зато есть свежие овощи, авокадо и апельсин, которые я заботливо порезала кружочками. А Вишнякова на удивление — ничего, ест и не ломается. Хотя, казалось бы, та еще цаца. Нет, мир определенно сошёл с ума!

— Получается, после того что между вами было, вы много лет просто как друзья общались? И никто не пытался...

— Я пыталась, — усмехается Марина, пригубив вина и отводит свой карий взгляд куда-то в пустоту, погружаясь в воспоминания. — Я очень хотела, чтобы он видел во мне не только друга. И уж точно не «почти сестру». А девушку. Любимую желанную девушку, Лиз. Я столько шагов делала в его сторону... Я уже всё перепробовала, правда. От образа милой романтической барышни до роковой женщины-вампа. Чтобы он увидел, разглядел. Блонд этот и каре знаешь откуда взялись?

— Потому что Ярик любит блондинок, — тяжело вздыхаю я.

— Не просто блондинок, а эффектных блондинок, — поднимает указательный палец вверх девушка. — Я и так натуральная блондинка, просто подтон у меня свой более тёплый, медовый. Увидь ты меня полгода назад, наверное, подумала, что мы с этой грёбанной Ланой какие-то дальние родственницы.

Так вот что имел в виду Мереминский, почему они обе в его глазах были похожи... Наверное, для него Марина навсегда осталась той самой романтической милой девушкой, с роскошной копной медовых волос. Девушкой, которую я потихоньку открывала для себя.

Вишнякова не глядя махнула бокал вина, и потянулась за следующей порцией.

— Закусывать не забывай, — сурово ткнула я в неё вилкой с долькой апельсина. — А то ты так быстро окосеешь.

— И откуда ты такая взялась, — рука Марины замирает на полпути, а тёмно-вишневый взгляд устремляется ко мне, будто пытаюсь отыскать ответ. — Лиз, вот серьёзно. Я тебе столько гадостей делала и говорила, а ты меня сейчас вином отпаиваешь...

— Думаешь, не стоит? — усмехаюсь я.

— Ну я бы как минимум задала вопрос самой себе, а не очередная ли это подстава? И не пытается ли она таким образом обелить себя в глазах Ярика. Для этого ведь достаточно просто с тобой подружиться.

— А ты что правда дружбу со мной водить собралась? — откровенно смеюсь я. Наверное, меня уже повело от одного бокала после стольких недель примерного поведения.

— Да не умею я дружить с бабами, — вздыхает Марина. — Для меня все бабы — стервы. Каждая печётся только о своём благополучии. И никому верить нельзя. Никому! Только зазевался и тебе уже под ножку подставили или сразу в спину нож. Знаем, плавали.

— И хочешь сказать, исключений нет?

— Почему же? Есть. Мама моя — исключение, ей верить можно. Ты вот вроде нормальная, или просто блаженная, я пока ещё не разобралась.

А ну вот типичная язва Вишнякова всё-таки высунула своё жало. Только мне почему-то стало ещё больше смешно. Им бы с Ингой пообщаться, я думаю они бы отлично спелись. Ну

или перегрызли друг другу глотки, но очень задорно и с огоньком.

— Если ты каждой представительнице слабого пола будешь втирать, как мне, что она корыстная стерва, вряд ли к тебе кто-то восплает дружескими чувствами. Даже блаженные.

— Нет, ну на то они и блаженные... Ай и да ладно! Давай теперь за нас, Лизк, за нормальных! — Марина вновь отсалютовала мне бокалом вина.

Краем глаза отмечаю факт, что бутылка стремительно опустела. От госпожи Вишняковой тоже не укрылось моё наблюдение. После чего она неожиданно выдает:

— А поехали в «Мацоли»!

— Чего? Куда?!

— Классный ресторан! Только тебе придётся переодеться, там в спортивном не пускают, — кивает блондинка на мою майку и легинсы, которые я так и не сняла после пробежки. Но без какого-то презрения, а просто напоминая, что выйти из дома в таком виде будет не очень-то комильфо.

— Марин, то, что в твоём понимании классный ресторан, скорее всего мне не по карману, — качаю головой я. — И как недавно мне заявила одна знакомая нам и острая на язык дама... у меня с такими как ты и Корсаков очень сильно отличается образ жизни и уровень достатка. И это правда.

— Так, — хлопает рукой по столу Марина. — Или ты едешь со мной в «Мацоли», или я иду и скупаю половину супермаркета, в том числе алкогольный отдел и заваливаюсь к тебе сюда!

— А я тебе домофон не открою.

— Я милая скромная блондинка с тяжёлыми пакетами, поверь, не пройдет и пары минут, как мне обязательно откроют дверь, — фыркает Марина, сверкая глазами и разбивая в пух и прах образ милой скромной девочки. — А я поднимусь к тебе и начну пиршество прямо у тебя под дверью! И за уровень шума на лестничной клетке я не ручаюсь!

Ага, давно я не веселила соседей.

— Чёрт с тобой, Вишнякова! — поднимаюсь я, с каким-то смешанным чувством осознавая, что избавиться от окружения Корсакова будет намного сложнее, чем от присутствия в моей жизни самого Саши.

По-хорошему нужно было предупредить девчонок о моём неожиданном порыве выйти в свет в столь необычной компании. Но странное ощущение внутри, не поддающееся никакой логике, шептало мне, что всё будет в порядке. И что Вишняковой можно... верить.

Я никогда не встречала человека, который так откровенно вдруг ни с того ни сего решил открыть мне одни из самых важных и значимых страниц в своей жизни. По Марине было видно, что она также пребывает в некотором шоке, особенно когда я предоставила ей возможность выговориться и потом дала ей свои краткие комментарии обо всём услышанном. Что бы она там не пела про нереальность женской дружбы, женские уши Вишняковой уже давно были нужны, и это факт.

— Восемнадцать лет, Лиз, — глухо говорит Марина, опуская лоб на скрещенные пальцы. Слегка качает головой, будто не веря собственным словам. — Восемнадцать лет назад я в него влюбилась, ещё будучи маленькой девочкой. За восемнадцать лет человек вырастает и становится самостоятельным. Машину может водить, голосовать. А всё до чего мы смогли прийти за эти восемнадцать лет это один раз переспать по пьяни...

— Но ты же говорила, что была не...

— Да неважно! Не суть, — отмахивается Вишнякова. Музыка, что идет фоном в ресторане, будто почуяв наш настрой решила резко стать печально меланхоличной.

«Мацоли» смог поразить моё воображение и необычным интерьером, и кухней «Фьюжн» и крышесносными коктейлями, которые напрочь выветривали все мои недавние устои здорового образа жизни. Подозреваю, что и ценами он меня тоже поразил бы наповал, но предусмотрительная и хитрая Марина отняла у меня меню и все заказы делала сама.

— Я устала, Лиз. Устала надеяться на чудо, устала быть той самой жилеткой, в которую он плачется время от времени, когда понимает, что все бабы в его жизни не то, что ему надо. Устала наблюдать его абсолютную слепоту... Потому что я знаю, что мы с ним действительно совпадаем. Во всём. И как говорится, вот он твой идеальный вариант — только руку протяни. Но он упорно не замечает...

Нет, я уже сбилась со счёта сколько раз я мысленно просила себя молчать и не лезть. Помня главный завет Корсакова и прокручивая в голове все бесплодные попытки самого Мериминского нас помирить. Но язык мой — враг мой.

— Да с чего ты решила вообще...

— Лиз, я на пределе, серьёзно. Мне настолько больно, что эта боль уже льётся через край. Я потому на тебя так и накинулась тогда, видя, как он круги вокруг наяривает. Да и за Сашку было обидно, не хотелось повторения истории с Янкой...

— Так она же была неплохой вариант, — язвлю я, — И показатели вам никакие не рушила.

— Лиз, я когда злая, то и не такое могу сказать, лишь бы задеть побольнее. Отвратительная черта, знаю, — опускает глаза Вишнякова, — И я этим не горжусь. Это конечно меня не оправдывает, но... Когда Корсаков расставался со своей очередной бабой, все проблемы вечно приходилось улаживать мне. Сашке же вечно некогда... У него же на первом месте дела. Он и когда встречался с кем-то не всегда отвечал нормально на их звонки и сообщения, а уж потом и вовсе не ставил в приоритет. Ты знаешь сколько раз ко мне вламывались в приёмную эти ненормальные? Какие они устраивали безобразные сцены,

размахивали липовыми тестами на беременность, катались в истериках, пытаюсь прорваться на его совещания или сорвать важные переговоры?!

— Да ладно?!!

— Лиз, там такой цирк с конями иногда творился, ты себе представить не можешь! И вот чем проще и безобиднее казалась девчонка, тем потом больше от неё было проблем! С моделями и актрисами Сашка как-то без лишнего шума расставался — этих достаточно было на моря свозить, купить дорогой подарок и всё. Они тихо-мирно сваливали в закат. Ну кроме Янки... ну там особая история, ты ведь в курсе. Но при виде простых милых девочек у меня уже потом начинал дёргаться глаз, серьёзно! А тут ещё и ты, которая отхватила контракт на несколько сотен тысяч, но при этом почти каждый день выносила ему мозг. И я правда никак не могла понять, что ты по-настоящему испытываешь к Сашке, и почему к тебе вечно спешит на помощь Ярик. И если ты тогда пришла мириться к Корсакову, то какого хрена ты так мило обнимаешься в кабинете с Ярославом...

— О боже, — закатываю я глаза. Так вот с чего она тогда взбеленилась и решила поиграть в богиню возмездия! А я всего на всего-то вытатила этого долговязого из-под стола и попыталась поддержать, как сумела! — Неужели ты правда думала, что у меня что-то есть к Ярику...

— Да много чего я тогда о тебе думала! И Лана эта раздражала до зубовного скрежета! Такая вся из себя идеальная, и фоточки у них идеальные и цитатки про любовь-морковь. Ну просто тьфу! — блондинка явно не выдерживает нахлынувших воспоминаний о недавнем романе Мерминского и выпивает залпом один из своих коктейлей. — Знаешь, когда ты долго что-то терпишь, то однажды наступает момент, когда просто срывает стоп-кран. И остановиться уже нельзя, тебя просто несёт в каком-то неконтролируемом потоке. Я столько дров наломала за последнее время, ты себе представить не можешь, и не только с тобой...

— Ну а что я. Думаешь, мне делать больше нечего, как целыми днями злиться на тебя и вспоминать все твои гадости? — фыркаю я и невольно улыбаюсь при мысли, что даже такой, как Вишнякова, порой бывает очень стыдно. — Было и было. Ещё пара-тройка коктейлей и память моя сама вытеснит всё плохое.

— Мне бы твою способность забывать и прощать.

— Ну... спор тот я, может, и простила Саше. Ты, Марин конечно, скажешь, что я дура, но я всё-таки поверила ему, что он общался со мной искренне. Не из-за спора, а просто потому, что сам захотел. Но вот тот поцелуй с Шакуровой, — голос предательски дрогнул, но я заставила себя продолжить уже чуть тише, — То, что он на него ответил... этого я простить не могу.

— Погоди, какой ещё спор?! — подаётся вперед Марина, округляя глаза. — И с чего ты вообще взяла, что Сашка был рад тогда целовать Шакурову?!

— Но мы же с тобой сами всё видели...

— Да что ты там успела увидеть за пару секунд! Я же тебя увела, когда началось самое интересное! — орёт Вишнякова. — Лиз, ну прости ты меня дуру... Я ведь реально хотела, чтобы ты подумала, что с Янкой у них всё налаживается... лишь бы ты от него отстала! Только не так всё было на самом деле! Мне потом коллеги донесли, что Сашка отлепил от себя Шакурову, не без труда, конечно, но отлепил. И что-то ей сказал, что ей явно не понравилось. А Янка такой холодный прием не оценила и закатила скандал прямо там у лифта. В общем, в кое-то веки не я, а Корсаков взял огонь на себя... Ладно хоть охрана быстро подроспела. Шакурову внесли в чёрный список и вход в офис ей теперь запрещен.

А это значит... что Корсаков и не думал возвращаться к своей бывшей? А я в очередной раз выставила себя ревнивой дурой, которая ни на грамм ему не доверяет! Прижимаю пальцы к вискам, пытаюсь осознать всё услышанное. Казалось, ещё чуть-чуть и у меня просто взорвётся голова от одной мысли, сколько я всего натворила. И как много мне предстоит исправлять.

Что ж теперь я понимаю, почему мы всё-таки смогли найти общий язык с Маринкой. Ломание дров в особо крупном размере — это похоже наш любимый с ней вид спорта.

— Лиз, ну прости, правда... Хочешь я опять перед тобой на колени встану, а?

— Марин, я ещё от того раза не отошла, угомонись.

— Тогда рассказывай всё с самого начала! Что ещё за спор? И почему я о нём ничего не знаю?!

— Потому что частично он касается и тебя, — тяжело вздыхаю я, и как на духу рассказываю Вишняковой всё то, что происходило в моей жизни за последнее время. И какую роль в этом во всём сыграл Ярик.

Вишнякова слушала меня, не перебивая. Она даже не вставляла никаких междометий, но я видела, что она действительно внимала каждому моему слову. И о какой-либо реакции я могла догадываться только по её расширяющимся глазам или внезапно побледневшему лицу. Закончив свой длинный и немного сбивчивый монолог, я выжидающе посмотрела на блондинку.

Марина тяжело вздохнула, уронила голову себе на ладони и замерла на несколько мгновений. Возможно, потом я буду жалеть о том, что всё-таки вмешалась и рассказала об истинном отношении к ней Ярика. Но сейчас мне казалось самым верным и правильным решением прекратить этот детский сад.

— Ничего у вас с Сашкой не закончено, Лиз, — наконец говорит Вишнякова, поднимая на меня взгляд. — И эти билеты вовсе не означают прощание или чего ты там себе надумала.

— Да откуда ты можешь знать, что...

— Лиз, я сама заказывала эти самые билеты с открытой датой. Сашка попросил оформить билеты на двух человек. Тут и семи пядей во лбу не надо быть, чтобы догадаться — ни в какую Италию он тебя одну не отпустит, а полетите вы вместе...

— Но... а как бы он узнал, когда... мы же не помирились...

— Так помиритесь! — заявляет Марина безапелляционным тоном и смотрит на меня так, будто я сейчас сморозила какую-то несусветную глупость. — А что касается чувств с его стороны, тоже можешь не переживать — Сашка тебя любит.

— Ещё несколько дней назад ты пела совершенно другое, — недоверчиво усмехаюсь я. — Что я ему не подхожу и никакого будущего у нас с ним нет. Что тебе такого наговорил про меня Мерминский, что ты вдруг резко поменяла своё мнение на сто восемьдесят градусов?!

— Дело не в Ярике, — качает головой блондинка. — Точнее не только в нём. Понимаешь, там на интервью, я увидела... как вы смотрите друг на друга, так сыграть нельзя. Я особенно внимательно наблюдала за тобой, как ты на него смотрела, как реагировала на его касания, как ты улыбалась. А как он смотрел на тебя это... это что-то, Лиз! Я и раньше вас видела вместе, но мне кажется, именно на интервью у меня как будто упала пелена с глаз. Может это просто такая особенность видеосъемки, когда под объективом камер любые чувства можно разглядеть, как под микроскопом, я не знаю. Но я отчетливо видела то, о чём между вами не говорилось вслух. И Ярик... он просто добавил сегодня и окончательно открыл мне глаза. Я правда уверена, что всё у вас будет хорошо. Лиз, пойми, Корсаков молчит вовсе не потому, что ничего к тебе не чувствует...

— Ну да про его замечательные принципы не раскидываться просто так словами я знаю, — бурчу я, но шестеренки в моей голове отчаянно крутятся, переваривая слова Марины. А сердце с каждым ударом оттаивало все больше и больше, освобождаясь, как ото льда, от груза обид и недопониманий. А ещё меня никак не покидало чувство, будто я сплю. И весь этот разговор мне просто снится.

— Сашка — однолюб. И если он скажет «я тебя люблю», то это навсегда. Но скажет он это только своей будущей жене, Лиз, — улыбается Вишнякова. — Так что раскрою тебе маленький секрет, когда это произойдет, а это обязательно произойдет, то звон свадебных колоколов у вас будет не за горами. А пока просто наберись терпения, не накручивай себя, и

не придумывай. Такие люди, как он, встречаются очень редко, но они действительно есть...

С удивлением отмечаю, что Лана говорила мне практически то же самое, только другими словами. И все, что сейчас сказала мне Марина, конечно, хорошо, но...

Меня вдруг пронзает насквозь одна очень глубокая, но в то же время такая до ужаса простая мысль. Можно очень долго сомневаться, слушать мнения других людей, искать доказательства и подтверждения, что Саша действительно меня любит. Но этого никогда не будет достаточно, если в глубине сердца я не признаю сама, что по-настоящему ему верю и могу доверять. Что я люблю его несмотря ни на что. И любовь к этому человеку перевешивает во мне все страхи и сомнения, которые отравляли мою жизнь на протяжении всего нашего с ним знакомства.

Если любишь — значит веришь. Безоговорочно, без доказательств, добровольно отдавая свое сердце и ничего не требуя взамен. Если любишь, то ты не боишься рискнуть и впустить человека в свою жизнь, в свое сердце и свою душу. И ты не боишься мечтать, потому что где-то глубоко внутри ты знаешь, что у все у вас непременно будет хорошо. Потому что это по-настоящему твой человек.

Мне до безумия захотелось рассказать об этом Саше. О всем том, что сейчас творилось у меня внутри, о тех мыслях, что захватили мой разум и не давали сейчас усидеть на месте. Нужно просто прийти и открыть ему сердце, а еще неплохо было бы извиниться за все те глупости, что я творила из-за банального страха вновь довериться и полюбить...

И потому в этот момент в мою не самую трезвую голову приходит решение:

— Мне нужно его увидеть!

— Сейчас? — смеётся Марина. Но при этом смотрит на меня таким внимательным взглядом, как будто знает, какое открытие только что свершилось в моей душе.

— Да! — киваю я, и залпом выпиваю оставшиеся коктейли. Для храбрости, и чтобы уж наверняка довести дело до конца. Счастливого разумеется. Просто нужно прийти и поговорить, не дожидаясь идеального момента.

Если уж госпожа Вишнякова смогла осознать свои ошибки и извиниться передо мной, то и я смогу извиниться перед Сашей. И это не будет каким-то великим подвигом или жертвой, просто так хочет мое сердце.

— Ну кто я такая, чтобы препятствовать этому, — усмехается блондинка и просит счёт.

Меня немного пошатывает, когда мы садимся в такси — какую-то дорогую машину бизнес-класса, которую я вряд ли бы себе смогла позволить заказать. Но для Марины всё это было вполне нормально: открывание дверей водителем, кожаный просторный салон. Да даже этот безумно дорогой и пафосный «Мацони». Вот он тот самый высший круг и другой уровень жизни, которым она так любила тыкать мне носом во время наших перепалок. Забавно только, что в итоге она сама же меня в него и привела.

Едем мы с ветерком — я специально раскрыла окно на полную, вдыхая прохладу ночного города. Быстро — потому что ночной город предсказуемо пуст, а все светофоры, будто суля мне удачу, горят зелёным. А ещё весело — потому что мы с Вишняковой подхватываем какой-то современный хит и от души, хоть и безбожно фальшивя, где только можно и нельзя, поём его в полный голос. В целом, картина была очевидна невооруженным глазом — и я и Марина были изрядно пьяны. Вот только я с трудом себе отдавала в этом отчет. Вижу цель — не вижу препятствий! Да, это сейчас было про меня.

Никаких «а что, если», «а вдруг» и прочей ерунды. Всё будет хорошо! Если уж мне стервозную блондинку Вишнякову удалось переманить на свою сторону, то значит и Сашу я

смогу убедить — пора нам забыть все обиды и просто быть вместе. Прийти и сказать — план был гениален и прост. А для человека под градусом так тем более.

— Знаешь, Мариш, — протягиваю я, невольно хихикнув от того, какое ласковое обращение у меня только что вырвалось. — Ты вот меня бесила жутко... до трясучки.

Возвращаю ей её же слова, не переставая улыбаться. Кто ж мог подумать ещё совсем недавно...

— Тоже мне новость, — хмыкнула Вишнякова, и положила мне голову на плечо, хитро сверкнув глазами. — Главное, что сейчас топор войны между нами зарыт. Зарыт ведь?

— Да, — утвердительно киваю.

— Когда вы помиритесь с Саньком, то знай, мы обречены стать подругами, — смеётся Марина. — Ты так просто от меня не отвертишься!

— Звучит как-то не очень. Как какая-то неизбежная катастрофа.

— Катастрофа — это моё второе имя. Ты просто пока не в курсе, что я в универе творила. Но оставим эти истории на следующий раз.

Нет, ну они точно с Мереминским друг друга стоят. Тот тоже ходячая излишне активная и болтливая катастрофа. И кстати о Ярике:

— Что ты будешь делать с Мереминским? После того как всё узнала...

Марина поднимается с моего плеча и задумчиво смотрит вперёд:

— Отпущу.

— Что?!

— Он любил идеальную девочку Марину, с копной золотых волос, которая его верно и преданно ждала. Но он не готов принять уставшую обозлённую стерву, которая готова пойти по головам, лишь бы осуществить свою мечту. Если человек любит только лучшую часть тебя, то это не любовь.

— Марин!..

— Я сама всё испортила, знаю. Мне оставалось подождать совсем немного, Порше этот он не просто так решил выиграть. Это... из нашего детства, Лиз. Я даже не думала, что он помнит, — растерянно говорит Марина, на секунду прикрывая глаза. Будто задумавшись, усмешается куда-то в пустоту. А у меня ком в горле застыл от её слов.

Вишнякова натягивает на себя улыбку, в которой отчётливо отражается горечь. Но взгляд решительный и ясный. Как у провидицы, что знает свою судьбу, смирилась с неизбежным и потому твёрдо и уверенно шагает навстречу своей гибели.

— Есть такое выражение «просто не судьба». Вот и у нас с ним получается... не судьба. А мне надо учиться жить дальше.

— Что ты задумала? — еле слышно спрашиваю я. Голос предательски сел. Потому что от взгляда Вишняковой, даже не сильно трезвую меня пробрало до мурашек.

— Не переживай, всё будет хорошо. Рано или поздно, — добавляет Марина. — Приехали!

Да нет, не может же она в самом деле сдать...

Недоверчиво качаю головой. Наверно, завтра она протрезвеет и будет думать по-другому. Не верю я, что такая история любви, как у них с Яриком, вот так может взять и закончится ничем!

На подземную парковку у нас доступа нет, поэтому мы выгружаемся недалеко от главного входа с улицы. И нетвердой походкой идем к двери. Количество квартир и кнопок раз два и обчёлся, рука тянется к заветным цифрам. Но Марина меня одёргивает.

— Отвернись пока, чтобы на видеокамере не светиться, — смеётся блондинка, заговорщически мне подмигивая. — Устроим Корсакову сюрприз!

Идея мне нравится, и я, затаив дыхание, отворачиваюсь к улице. А ещё для надёжности сползаю вниз, чтобы наверняка не спалиться раньше времени. Так, главное потом суметь встать, потому что ноги меня сейчас слушались через раз. Корсаков не спешит открывать непрошенным гостям, что это и не удивительно. На дворе ночь, и я даже боюсь представить сколько сейчас времени. Поднимаю глаза вверх, туда к бесконечно далёким звёздам, что россыпью сейчас укрывали небосклон. Нежный весенний ветер окутывает меня с ног до головы, раскрывая тёплые объятия. Запомнить бы сейчас этот миг и сохранить в своей душе. Когда на сердце так хорошо, а впереди ожидает счастье.

— Да, — недовольно бурчит моё счастье, наконец, соизволив ответить.

— Сашка, открывай, — бодро отзывается Марина. — Очень важное дело, не требующее отлагательств! Давай, просыпайся!

Корсаков подвисает на несколько секунд, наверное, пытаюсь спросонок переварить полученную информацию. Пробормотав что-то не совсем членораздельное и вероятно не слишком цензурное, Саша впустил нас внутрь. Под пристальными взглядами консьержа и охранников, временами сбиваясь с траектории, мы всё-таки доходим до лифта поддерживая друг друга под руки. Не знаю правда кому из нас двоих больше была нужна помощь. Марина хоть и рассуждала вполне трезво об их взаимоотношениях с Мереминским, но её порывистые буйные движения выдавали вполне приличную степень опьянения.

Ничего не скажешь, удачно мы с ней перезнакомились заново. Определенно, будет что вспомнить.

— Готова? — интересуется Вишнякова.

— Да! — отвечаю до неприличия громко, растянув рот в совершенно идиотской улыбке. Ничего не могу с собой поделаться, ведь через каких-то пару мгновений я увижу его.

Двери лифта плавно открываются и перед нашим взором встаёт взлохмаченный, заспанный Корсаков, который, не мигая, смотрит на нас с Мариной. Нахожу усталый дымчато-серый взгляд и едва не теряю равновесие, потому что меня пронзает насквозь осознание, что вон он рядом, стоит только протянуть руку. И можно просто броситься в объятия, шепча все свои жаркие признания, извиняясь за все те глупости, что натворила из-за страха, гордости и недоверия. И целовать, целовать, целовать...

Саша переводит непонимающий взгляд с меня на Марину и обратно, будто сомневаясь в реальности происходящего. И я его прекрасно понимала, и поэтому не смогла сдержать смешок.

— Вот, получите — распишитесь, — прерывает наше немое переглядывание Вишнякова, подталкивая меня в спину из лифта к Корсакову. — С кондицией, конечно, немного прогадали. Но я думаю, ты Сашк, разберёшься. Чао!

Двери лифта практически бесшумно закрываются, оставляя нас двоих наедине.

— Привет, — выдохнула я, делая несколько нетвёрдых шагов по направлению к двери.

Корсаков молчит, и мне хочется сорвать с него эту маску равнодушия и серьёзности. Подойти и запрыгнуть на руки, взлохматить ему волосы, или наоборот вытянуть из квартиры и пойти гулять в эту тёплую звёздную ночь. Наверное, по моим глазам можно было с лёгкостью считать все эти всполохи безумства, потому что Саша тяжело вздохнул и потянул меня за руку в квартиру.

— Я даже не хочу спрашивать почему ты в два часа ночи пьяная в компании Вишняковой вывалишься из лифта под мою дверь.

— Но...

И ничего я не вываливалась! Марина задала правильный вектор движения, а я вполне себе бодро шла в нужном направлении.

— Лиз, третий час ночи. Завтра очень важный день, давай спать.

Какой спать? В смысле спать?! Я тут пришла с открытым сердцем, чтобы высказать всё то, что давно так хотела. Извиниться, чёрт бы его побрал!

Не знаю, что у меня случилось с языком и способностью изъясняться, но что-то подобное я похоже попыталась воспроизвести вслух. Но без особого успеха. Ещё и икота нагрянула! Потрясающе просто!

— Мне надо...ик! Очень важно, ик! Саш, ну правда... ик! Да послушай...

Да чёрт побери! Куда делась моя адекватная связная речь? Ведь нормально же мы с Вишняковой общались и понимали друг друга? Или со стороны это был разговор на уровне «ты меня уважаешь»?!

Корсаков меняет траекторию и вместо спальни направляется к кухне. По-прежнему практически на меня не смотрит, наливает стакан воды и молча протягивает.

— С-с-спасибо, — вода приятно охлаждает горло и утоляет жажду, но от икоты не особо помогает.

А мне ведь надо, очень надо сказать!

— Пойдем, Лиз.

— Нет, — на секунду я будто беру контроль над своим телом и способностью нормально разговаривать. — Почему ты сейчас такой? Я ведь сама пришла... чего тебе стоит просто послушать...

Ещё немного и я разревусь, как какая-то ненормальная истеричка.

Всё-таки он злится! Очень злится и потому не хочет слушать меня и мои объяснения! И поэтому единственное, что я сейчас могу сделать это...

Ставлю стакан на кухонный остров, и в считанные секунды оказываюсь возле Саши. Обхватываю его лицо руками и притягиваю к себе.

— Саш, это же я... просто посмотри на меня.

Губы начинают гореть и покалывать, потому что они уже истосковались по поцелуям с одним несносным упрямым. Серая дымка прожигает меня насквозь, и я отчетливо вижу борьбу в глазах Корсакова. Слышу наше прерывистое взволнованное дыхание. Но чего он боится? И почему медлит?

Глупенький, ведь осталось сделать просто один шаг, и всё будет хорошо!

Корсаков тяжело сглатывает и прижимает меня к себе. Отлично! Пусть и маленькая, но всё-таки капитуляция. Прикрываю глаза, отдаваясь во власть ощущений — знакомые родные руки, которые идеально устроились у меня на пояснице, жар, исходящий от тела, туманящий сознание и заставляя быстрее бежать кровь по венам. Осталось только найти любимые губы, которые каждый раз сводили меня с ума, заставляя забыть обо всём на свете...

Но выполненные последней задачи, столь важной и желанной, оборачивается для меня настоящим фиаско.

Корсаков уворачивается, и вместо головокружительного поцелуя я ощущаю лишь лёгкую дезориентацию в пространстве. Потому что Саша подхватывает меня на руки и несёт в сторону спальни.

— Ну зачем ты так?! — в отчаянии воплю я, и начинаю хаотично бить его кулачками в грудь.

— Лиз, во-первых, завтра с утра у меня переговоры с бельгийцами...

— Чёрт бы побрал твоих бельгийцев! И-и-и-к!

Кажется, гнев придал мне сил перебороть опьянение и помог нормально выразить свои мысли. Но даже и он был бессилён против икоты.

— Полностью согласен. Но засунуть их в самолет и отправить обратно я не могу. Но и это не основная причина.

— А в чём тогда дело? — шепчу я, прижимаясь к нему близко-близко. Направляю свой пылающий колдовской взгляд прямо в его серый омут, чуть приоткрываю губы... Ну не дурак же он в самом деле! И прекрасно должен понять, как я соскучилась и что я сейчас хочу! Не хочет говорить, да и не надо, оставим все разговоры на завтра. Я даже готова встать в очередь за этими растреклятыми бельгийцами.

— Лиз, ты пьяна, — тяжело вздыхает Корсаков, — Я не знаю, сможешь ли ты адекватно воспринять мои слова... Но если я тебя поцелую сейчас, то я за себя не отвечаю...

То, как он это говорит, с головы до ног окатывает меня волной жара. Не могу сдержать радостной победной улыбки:

— Саш, да и не надо...

— Лиз, секс — в нашем случае не самый удачный вариант для примирения. Потому что завтра с утра ты можешь напридумывать себе что угодно. И потом ещё полгода бегать от меня. Поэтому — нет.

Аккуратно опускает меня на кровать и ловким движением руки снимает с меня туфли. Каждое его прикосновение всё больше и больше распяляет меня, и очень трудно воспринимать всерьёз всё то, что он сейчас говорит. Какие бельгийцы, куда я должна бегать. О чём он вообще сейчас?

Просто он мне нужен, здесь и сейчас. И если никакой злости нет, то значит никуда он от меня не денется.

Гордо тряхнув головой, я отгоняю от себя любую возможную мысль о неправильности своей затеи. Резко принимаю вертикальное положение на кровати. И без секунды раздумий тяну платье вверх. А потом... погружаюсь в какую-то обволакивающую и бесконечную пустоту.

Утро наступило внезапно, вместо будильника отдавая в моей голове набатом. Не с первой попытки, но всё-таки открываю глаза и тут же закрываю их вновь. Набат сменился противным нарастающим гулом. Ко всему прочему начинала накатывать тошнота.

Прекрасно, просто прекрасно. Нужно бежать в ванную, но я даже не уверена, что

способна подняться с кровати. Значит, остается только глубоко дышать и молить всех богов, чтобы эти мерзкие ощущения поскорее покинули моё несчастное брэнное тело.

Не надо было столько пить. Чёрт бы побрал эту Вишнякову и её пафосные рестораны с их дорогими и пафосными коктейлями!

Мысль о Вишняковой заставляет меня резко распахнуть глаза и уставится в знакомый потолок, который правда никаким образом не относился к моей жилплощади. Потому что находился в квартире Александра третьего. А это значит...

Всё, что творилось ночью — это правда.

Со стоном натягиваю на себя одеяло, от всего сердца, желая спрятаться под ним, и не вылезать до скончания века. Потому что было стыдно. Очень-очень стыдно.

План соблазнения был зарублен на корню двумя разрушительными силами — гравитации и опьянения. И вместо страстной ночи я большую часть времени провела в ванной комнате в обнимку с унитазом.

Господи, какой стыд!

Вот спрашивается — зачем мне надо было пить?! Если уж начала вести правильный образ жизни, не надо было сдавать позиции. Ясное дело — организм был в шоке после такого перерыва и среагировал соответствующе. У меня ведь никогда раньше не было ни отравления, ни похмелья. И такое состояние для меня в новинку. Какая-то сокрушительная смесь жалости, беспомощности, злости и стыда.

Чёрт, чёрт, чёрт!

Безумно стыдно перед Сашей! Думаю, этой ночью я точно переплюнула Мереминского. Корсакову пришлось и воду с лимоном мне таскать и таблетки от тошноты, и кажется пару раз на руках носить меня в санузел... А ведь утром у него были важные переговоры. В голове всплывали какие-то европейцы. Но вместо того, чтобы вспоминать национальность я сосредоточила все силы на том, чтобы принять горизонтальное положение.

Комнату всю заливал солнечный свет. В обычное время я бы с удовольствием понаблюдала за скользящими по стенам бликами или понежилась в лучах солнца, но не сегодня. Нахожу на прикроватной тумбочке свой телефон, стакан воды и таблетку. Заботливый Корсаков. На кресле аккуратно сложено моё платье, а рядом стоят туфли. Если бы меня какой-то безумец решил разбудить посреди ночи подобным образом — последнее, что я захотела бы делать, это аккуратно раскладывать его вещи. Но Саша, это Саша... Не удивлюсь, что на кухне меня ждет апельсиновый сок и ещё какая-нибудь еда, полезная для неумелых алкоголиков.

Едва взглянув на часы, мне захотелось вновь заползти под одеяло. Одиннадцать утра! Я безбожно проспала работу, и от Татьяны было уже около пяти пропущенных вызовов. В обед у меня еще назначена встреча с клиентом, а я просто в хлам... Морально и физически.

Нет, так дело не пойдёт. Нужно ехать домой, отсыпаться, приводить себя в порядок. И потом извиняться перед Корсаковым за сегодняшнюю ночь и далее по списку моих великих глупостей. Но для начала — осчастливить Коваленко, что её лучший менеджер по продажам сегодня ни на что не годен.

— Ты ведь помнишь про вечер? — звонок Райковой заставил меня в очередной раз попробовать продрать глаза в этот день.

— Да-а-а, — хрипло протянула я.

Пару дней назад мы узнали, что Вальке в кое-то веки повезло выиграть в конкурсе. Чего с ней не случилось ни разу в жизни. Тот самый розыгрыш свидания на крыше, который был организован совместно с журналом «ГородОК». Главная загвоздка заключалась в том, что Валька с Гошей всю эту романтику не понимали от слова «совсем», а спихнуть свидание на Сёмину тоже не получилось — Аринка после расставания со своим блондином обозлилась на всех представителем мужского пола. Ну а у нас с Сашей... всё было сложно. Поэтому было решено собраться всем вместе — я, Аринка и Валька с Гошей, посетить интересное место и проводить закат. Ну не пропадать же в самом деле такой халяве!

Вот только сегодня мне хотелось послать всё куда подальше, в том числе и её величество халяву, и остаться дома. Но друзья есть друзья, подводить их нельзя. Да и до девяти вечера время еще есть, чтобы привести себя в порядок.

Собиралась я правда без особого настроения. Даже, грешным делом, решила натянуть джинсы и кеды, но вовремя спохватилась и вспомнила, что девчонки без красивых фоточек точно не обойдутся. А значит нужно выглядеть на все сто. Окинув придирчивым взглядом свой гардероб, я неожиданно выцепила среди груды вещей то самое платье, которое надевала на нашу первую встречу-свидание с Сашей. Оливково-зелёный цвет платья радовал глаз и немного сглаживал моё взвинченное состояние после тяжелой ночи. И навевал приятные воспоминания. Скорее всего после мероприятия мне придется поехать к Александру третьему, чтобы наконец спокойно поговорить.

От Корсакова целый день ни слуху ни духу. Возможно, нагрянувшие некстати бельгийцы его конкретно взяли в оборот и не дают продыху. В то, что он злится на меня и хочет прибить за тяжёлую ночь почему-то верилось с трудом. Слишком заботливыми и нежными жестами он отвечал на устроенное мной и моим организмом безумие.

Зато неожиданно объявилась Вишнякова, которая каким-то образом смогла достать мой телефон. Разговаривать первые мгновения было чертовски странно. Причем и ей и мне. Это отчётливо было слышно по её голосу. Но после пары фраз Марина явно взяла себя в руки:

— Сашка сегодня освобождается поздно, поэтому не накручивай себя. Я думаю, вечером вам удастся поговорить.

— Марин, мне ещё никогда не было так стыдно...

— Ой нашла из-за чего переживать, — фыркает Вишнякова, перебивая меня. — Ты — человек, а не идеальная картинка.

— Так-то да... Но больше я с тобой пить не буду!

— Это мы ещё посмотрим!

Мне в очередной раз хочется закатить глаза в ответ на её непоколебимую уверенность в нашем дальнейшем общении, но вместо этого я перевожу тему:

— Ты нормально вчера добралась домой?

Нет, мир точно сошёл с ума, иначе какого чёрта я вполне обычным будничным тоном проявляю заботу о госпоже Вишняковой? Как будто так было всегда чёрт побери!

— Ну как тебе сказать... и да, и нет, — задумчиво протягивает Маринка, распаяя моё

любопытство своей недосказанностью.

— То есть?

— Нормально, но домой я поехала не к себе...

Почему-то её тон явно намекал на то, что без приключений там точно не обошлось.

— Ма-а-р-и-ин!

— Давай подробности при встрече расскажу. Выходные оставлю за Корсаковым, а там дальше решим по времени. Чао!

Нет, а поинтересоваться хочу ли я видеть её неотразимую персону? Кажется, я теперь понимаю почему они много лет дружат с Сашей. Вишнякова — ещё один танк, против которого не попрёшь, если тот что-то решил. А эта мадам соизволила не только сменить гнев на милость, но ещё и наградить меня почётным и ответственным званием своей новоиспечённой подруги.

А я ещё не решила, надо ли мне это! Но похоже, моё мнение особой роли и не играет в данном вопросе

Город предсказуемо стоял, плаваясь в пробках и в уже определенно летнем изнуряющем зное. Я обеспокоенно посмотрела на часы. Я пока не опаздывала, но, судя по всему, приеду прямо впритык к началу сборов. А вот Сёмина похоже уже ждала меня там. Настойчивая телефонная трель громко оповещала меня о её желании выяснить, где же меня носят черти и прочая нечисть.

— Аринк, я почти на месте.

— Лиз, я отравилась. Предупреди Вальку. Меня не ждите, — отрывисто выкрикнула в трубку подруга.

Да что за день сегодня такой?! Нет, ну ладно я, сама добровольно накидывалась коктейлями в компании одной отчаянной блондинки. Но Сёмина-то как умудрилась?

— Ну ё мое, Арин... — обречённо вздыхаю я. Без Аринки и её офигительных историй атмосфера конечно будет немного не та. — Ты чем отравилась?

— Шаурмой! Открылась у нас тут рядом... Короче, шаурмечные — это зло!

— Ты вообще, как сейчас?

— Не очень. Так всё, мне опять стало плохо! Предупреди Райкову!

Тяжело вздыхаю и выхожу из такси. На часах почти девять, успела.

Свидание на крыше проходили на самом верхнем этаже недавно построенного бизнес-центра. И проводились в огромном стеклянном куполе, что располагался на крыше здания. Уж не знаю, была ли это изначально задумка архитектора или купол достроил потом владелец, но с местом они точно не прогадали. Здесь открывался просто потрясающий вид на Волгу и близлежащие окрестности, который можно было наблюдать как из самого купола, так и выйдя из него на крышу здания.

Ни Вальки, ни Гоши на месте не оказалось. Я озадаченно осмотрела всю крышу, мимоходом оценив окружающую меня обстановку, но друзей нигде не нашла.

— Лиз, мы с Гошей опаздываем, — отозвалась в трубку Валька уставшим голосом. — Пробки просто капец. Начинайте с Аринкой без нас.

— Сёмина отравилась...

— Час от часу не легче. Ну мы в лучшем случае минут через сорок-час прорвёмся к старому городу, — предупредила подруга, — Придётся тебе там пока одной наслаждаться видом...

— А куда деваться, — усмехнулась я. — Ладно, жду.

Нет, сегодня точно планеты встали в каком-то неверном порядке и запороли нам все планы. То мои ночные приключения, то отравление Сёминой. Сейчас еще и Валька с Гошей приедут уставшие и взмыленные, и толком не насладятся ни видом, ни атмосферой.

А насладиться действительно было чем. Аккуратно ступая на своих каблуках (помня, что с гравитацией у меня сегодня как-то не задалось), я прошла к перилам ограждения. Зной потихоньку сходил на нет и лёгкий весенний ветер доносил с Волги приятную прохладу, зарываясь в мои волосы, и заставляя их извиваться в причудливом танце. Подставляю лицо солнцу, с облегчением отмечаю про себя, что все следы утреннего недомогания прошли. И теперь я могу безболезненно радоваться любимым вещам. На душе радость и умиротворение.

Хочется остановить время чтобы сполна насладиться этим моментом. Жаль, что сейчас рядом нет Саши. Было бы просто идеально.

Рука сама потянулась к сумочке, чтобы достать телефон. После сегодняшней ночи мне казалось правильным сообщить Корсакову о своём предстоящем визите. И как минимум уточнить будет ли он дома часа через два, или бельгийцы принесли с собой очередной аврал. Но должен же он хоть когда-нибудь от них освободиться!

Набираю по памяти заветные цифры, и повторно создаю контакт. Пальцы привычно набирают на клавиатуре «Александр третий», а губы невольно растягиваются в широкой улыбке. Вот так думаешь, что судьба над тобой издевается, подсовывая одних Александров, а оказалось просто надо было дождаться того самого. Своего человека.

Глубоко выдыхаю и набираю номер Корсакова. Но спустя пару мгновений слышу короткие гудки. Сбросил.

Нет, сегодня явно не мой день!

— Я думаю, вживую пообщаться будет намного лучше, — раздаётся совсем рядом знакомый бархатистый голос.

А моё сердце пропускает очередной удар.

Он здесь! Здесь! И это не шутка и не моя персональная галлюцинация на почве безграничной тоски! Саша правда стоял рядом с куполом и тепло улыбался мне под стать яркому весеннему солнцу, что освещало всё вокруг.

— Согласна, — киваю я. Растворяюсь в серой ласковой дымке глаз. Забываю, как дышать, просто стою и улыбаюсь как дурочка. И в голове полный сумбур. Даже не знаю с чего начать. А впрочем, к чёрту слова!

Шаг, ещё один быстрый шаг. Не знаю, кто из нас был первый. Абсолютный синхрон: и в мыслях и чувствах, и даже дыхание, казалось, стало единым целым. Падаю в родные любимые объятия, прижимаюсь щекой к его груди. Боже, как же хорошо... Наконец-то!

— Наконец-то, — а вот это уже вторит моим мыслям Александр третий. Прижимает меня к себе так сильно, что я приподнимаюсь ногами от земли и с радостным визгом повисаю у него на шее. Корсаков подхватывает меня и начинает кружить, от чего я никак не могу перестать залиристо смеяться. И это какое-то правильное, нужно сейчас безумие, которое перечёркивает все прошлые обиды и недомолвки. А поцелуй окончательно стирает все барьеры и преграды, которые мы сами же возвели, боясь довериться друг другу.

Сейчас всё иначе. И это ощущается в каждом взгляде и в каждом прикосновении. Где-то там на уровне сердца, которое отчаянно отбивало ритм «Я верю. Я люблю».

Поцелуй-откровение. Поцелуй-признание. Настойчивые ласковые губы, которые жадно сминают мои, заставляя забыть обо всём на свете. Будто ещё не осознавая до конца, что всё происходящее не сон, а реальность. Как два путника в пустыне, которые уже отчаялись найти заветный оазис, а он вот здесь, в этом неистовом вихре чувств, что рождают наши губы. И всё происходящее — правда.

Запускаю руки в его волосы, вплетаясь и ощущая знакомую мягкость до самых кончиков пальцев. Корсаков ещё сильнее прижимает меня к себе, продолжая осыпать каждый миллиметр моего лица и шеи, до которого только может дотянуться, нежно скользит ладонями вниз. Но каждого прикосновения мало, чертовски мало. Задыхаюсь, не в силах сдержать рвущегося наружу стона. И кажется, не я одна. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

И вновь, как картинка из прошлого застывшая рука на тонкой бретели платья. Сжимается в кулак и медленно опускается вниз, пытаюсь вернуть контроль над ситуацией. Саше непросто, но как обычно, он более благоразумен. Невольно усмехаюсь нахлынувшим воспоминанием о нашем первом свидании, и прячу голову на его широкой груди. Мысленно соглашаясь с Корсаковым, что действительно лучше повременить. У нас ещё все ночь впереди... И даже больше.

— Я даже не удивлена, что ты здесь, — улыбаюсь я, переводя дыхание. С трудом, но всё-таки возвращаюсь в реальность после нашего бурного приветствия. — Кажется, с нашими неугомонными друзьями придётся провести воспитательную беседу. Пускай направят свою энергию в другое русло.

— Вообще-то Валя и Арина здесь практически не причём. Это была моя идея, а они просто не стали мне препятствовать, — Корсаков, как и я, пытается вернуться в спокойное состояние, но под моей ладонью я слышу отчаянно громкий и быстрый стук сердца.

— Но... как ты узнал, что Валька...

— Владелец этого места мой хороший знакомый, Лиз. К тому же наш холдинг построил

этот бизнес-центр. Поэтому он с радостью согласился мне помочь, — по губам Корсакова скользит хитрая улыбка. И по глазам вижу, что ему ни капельки не стыдно.

Так значит это здание построил его холдинг... С ума сойти, и как это я сразу не узнала руку мастера!

— У меня были большие планы на этот вечер. Я подготовился ко всему, к любому развитию сценария, к любой катастрофе... Но только ни к тому, что ты заявишься ко мне ночью пьяная в компании Вишняковой, — находит губами мочку моего уха и нежно спускается вниз по шее, осыпая каждый миллиметр нежными практически невесомыми поцелуями. Закрываю глаза, полностью растворяясь в моем личном неземном блаженстве. Кажется, товарищу Корсакову нравится ходить по краю и распалить меня ещё сильнее. А ведь только-только начала приходить в себя!

— Неужели ты правда думал, что мы с тобой можем поссориться после...

— Ну знаешь ли. В последние разы, как-то у нас не заладилось с разговорами, — смеётся Саша мне прямо в шею, и обхватывает меня сзади за талию, привлекая к себе. — Не хотел рисковать. Пришлось держать оборону.

— М-м-м сложно тебе пришлось, да?

— Лизонь...

Ну как у него получается так трепетно и нежно произносить моё детское прозвище! Что за наваждение такое! Он только назвал меня ласково по имени, а я уже всё поплыла. Корсаков вновь находит мои губы и неторопливо пробует их на вкус... Так, или нужно перемещаться в другое место или попытаться вернуться к конструктивному диалогу. У нас как-никак перемирие!

— Ты без гитары?

Ну а что? Юмор и сарказм очень даже кстати, если нужно хотя бы немного снизить градус страстей.

— Конечно! Ярик мне до сих пор простить не может, через что пришлось пройти его фендеру[1].

Аккуратно освобождаюсь из крепких объятий Саши и наигранно сурово скрещиваю руки на груди.

— И что даже без Шекспира обойдемся? — саркастически выгибаю я бровь. А план вплести в наш диалог немного юмора оказался очень даже рабочий!

— Увы, мои познания ограничиваются только «Ромео и Джульеттой», — разводит руками Александр третий. — А повторяться не хочется.

— Я в шоке, Корсаков, — бурчу я. — То есть на этот раз ты даже цветами решил меня не задабривать?

— Однажды одна красивая и мудрая девушка сказала, что цветы надо дарить только от чистого сердца и исключительно по радостным поводам. А не чтобы загладить свою вину, — усмехается Саша, задорно блеснув глазами в мою сторону.

Ага, запомнил значит.

— То есть ты пришел с пустыми руками? — притворно ахаю я, прижимая руки к груди. — Или думаешь, что сможешь выехать на одних поцелуях?

— Ну почему же. Я пришёл к тебе с любовью, — усмехается Корсаков. — Мне кажется, это будет посущественнее цветов и Шекспира. Ты не находишь?

— Эм-м что-о... — я пытаюсь выдавить из себя что-то членораздельное и осмысленное, но получается откровенно плохо. Вот и посмеялись называется. Вроде бы Саша и слова

произносит чётко, и со слухом у меня проблем нет, а смысл до меня всё равно доходит как-то с трудом. Только сердце стало биться в разы сильнее.

Нет, я правда не ослышалась? Это что он сейчас мне в любви признаётся?!

— Лиз, я люблю тебя.

[1] Fender — компания, производящая электрические и акустические гитары, музыкальное оборудование.

Корсаков нежно кладет ладони на талию и привлекает меня к себе. Сердце гулко стучит у меня в груди, отбивая новый невиданный ранее ритм, созвучный словам «Я люблю тебя». Господи, он ведь правда это сказал! А я... стою с широко распахнутыми глазами, позабыв как дышать.

Ведь если он сказал эти слова, то это значит... Что он уверен! Уверен, что у нас всё по-настоящему и серьезно!

Слово «навсегда» я боюсь произнести даже про себя. Но если Саша смог признаться, значит он действительно мне доверяет и хочет, чтобы я стала частью его жизни! И возможно даже хочет, чтобы это «навсегда» когда-нибудь стало реальностью!

— Знаешь, сколько я раз пересмотрел это наше с тобой интервью? Ночами напролёт по кругу, как безумный... Просто чтобы хоть так увидеть тебя, услышать твой голос...

— Саш... — я не знаю, что сказать и просто потрясённо смотрю на него, всё ещё не веря в происходящее.

— Лиз, я без тебя не могу, правда. Я долго пытался найти хоть какое-то объяснение и хоть какую-то логику, зачем я с этим контрактом тебе навязываюсь и с этим тест-драйвом... Дело ведь было не только в том, чтобы вывести тебя на чистую воду. Мне на это довольно быстро стало как-то плевать. А оказалось, логики тут нет... потому что я в тебя влюбился как мальчишка. И если тебя нет рядом, то и меня как будто нет. Вроде бы хожу, ем, сплю, а сердце не на месте. И работа не радует, и ничего не радует. А всё что было раньше — всё стало каким-то неважным, мелким, бессмысленным, — Корсаков находит мои ладони и нежно сжимает их. — Ты как маленький лучик солнца, ворвалась в мою жизнь и озарила всё вокруг своим светом. Перевернула всё с ног на голову. И показала, что такое по-настоящему жить. Жить, а не существовать от одной выполненной цели до другой. Я люблю тебя, Лиз... Только, пожалуйста, никогда больше не убегай от меня, я тебя очень прошу. Мне этих двух раз хватило с лихвой, когда всё сердце в ключья. Третий я просто не выдержу. Давай просто будем вместе: ты и я. По-настоящему. Вместе.

— Ты... ты точно уверен? — шепчу я ему, не в силах совладать с голосом после такого признания. Мы стоим так близко друг к другу, по-прежнему не размыкая рук. Смотрим в глаза, едва соприкасаясь кончиками носа и губами. Как-то так искренне и трогательно, совсем не похоже на то, как мы страстно накинудись друг на друга при встрече. Но и эта милая ласка сейчас вызывает совершенно невообразимую гамму чувств, затрагивая самые потаённые струны души.

— Да, — твёрдо отвечает Саша, а моё сердце делает очередное сальто радости и триумфа. — Лиз, и давай больше не будем валять дурака. Ладно?

— Прости меня... за всё, — наконец-то говорю я одни из тех важных слов, которые давно должна была сказать. Порывисто обхватываю Корсакова за шею, прижимаюсь к нему сильно-сильно. Хочется высказать следом тысячи слов извинений, но они кажутся сейчас такими пустыми и ненужными. Будто в этом одном «прости» совместились вся боль и раскаяние о совершённых мной ошибках. Вместо этого я смущённо прячу лицо на его груди и борюсь с подступающими слезами. Не хватало ещё запачкать его белоснежную рубашку. Но чувство невероятного облегчения требовало выход и пара слезинок всё-таки достигли своей цели.

— А ты прости меня...

— Ну это не ты ж меня окатил водой с балкона! И вообще...

— Если бы я меньше осторожничал, и вовремя говорил правильные слова, ничего бы этого не было, — усмехается Саша, нежно глядя рукой по моим волосам.

— А я не могла поверить, что ты правда такой, — поднимаю я лицо и внимательно смотрю в любимую серую дымку глаз.

— Какой такой?

— Такой, — выдыхаю я и на несколько мгновений нежно прижимаюсь его губам, вкладывая в поцелуй всю любовь и нежность, что так давно томились в моей душе. — Идеальный. Как будто созданный специально для меня. Мне всегда казалось, что это полный бред и так не бывает на свете. Ну если только в книжках или сериалах. Я всё никак не могла поверить, что ты и правда... настоящий. И что тебе действительно нужна именно я. В общем, мы с тобой оба хороши...

— Лиз, давай возьмём за правило: если в чём-то сомневаемся, что-то смущает или хотим что-то друг о друге узнать, то мы просто разговариваем. Как взрослые адекватные люди. Ну это ведь не так сложно, правда? — улыбается Саша, зажигая в моей душе очередной всполох радости.

— Саш, а откуда ты Шекспира наизусть знаешь?

И нечего так на меня смотреть, товарищ. Сам же только что сказал: если хочется что-то узнать, достаточно спросить. Вот я и спрашиваю!

Корсаков закидывает голову назад и раскатисто смеётся.

— Серьёзно? Тебя только это интересует?

— Не только, — хихикаю я.

И уже более серьёзно добавляю:

— Ещё мне очень интересно... а когда ты понял, что меня любишь? Когда мы поругались тогда у дома Мереминского? Или после нашего интервью?

Как знать, если моё прозрение наступило только после того случая с Гордеевым, когда я поняла, что могу навсегда потерять Сашу, то может у него был какой-то переломный момент. И все наши страдания были не просто так...

— Нет, намного раньше, — качает головой Саша. А я вновь смущённо улыбаюсь и жду его рассказа, затаив дыхание. — Лиз, я не помню точно когда. Просто мы сидели рядом, ты что-то мне увлечённо рассказывала. А я посмотрел на тебя и вдруг подумал: «А ведь я её люблю». Вот и всё. Не очень романтично, да?

Ой, да и чёрт с ней с этой романтикой! Зато искренне!

— Так, Корсаков, а что мы будем делать с твоими знаменитыми принципами? — наигранно выгибаю я бровь.

— Принципами?

— Ну ты мне в Москве тогда целую лекцию о настоящей любви прочитал и как не любишь разбрасываться словами. И что признаваться в любви надо, только если видишь с этим человеком своё будущее.

— А ты по-прежнему думаешь, что я его с тобой не вижу? Серьёзно? Чёрт, Лиз, мне кажется, я тогда вообще наговорил тебе какую-то дичь... — на мгновение Корсаков со стоном прячет своё лицо за ладонями, вспоминая наш разговор, — Лишь бы побыстрее соскочить с этой темы про чувства и случайно не вывалить на тебя признание.

— Погоди, так ты уже тогда... Но зачем?!

— Потому что боялся признаться даже самому себе до конца, что это так... Потому что струсил. Потому что переживал, что ты ещё не остыла после ссоры и не воспримешь мои слова всерьёз. Потому что не знал до конца, заодно ты с Мереминским или нет...

— Господи, да даже будь я с ним заодно, это бы что-то изменило?

— В конечном счёте — ничего, — сверкнул улыбкой Саша, вновь возвращая меня в свои надёжные и крепкие объятия. — Так или иначе ты была бы моя. Но у меня было как минимум три недели, чтобы ты выкинула из головы все глупости и забыла о всех своих договоренностях с Яриком.

— То есть ты был уверен, что трех недель мне хватит, чтобы в тебя влюбиться?!

— Ну... плюс-минус. После Москвы я особо не придавал значения сколько дней прошло от нашего выдуманного тест-драйва.

— Зато я их считала, — усмехаюсь я с лёгкой грустью, погружаясь в воспоминания обо всех своих мыслях и терзаниях по поводу спора.

Саша аккуратно приподнимает кончиками пальцев мой подбородок, и внимательно скользит взглядом по моему лицу, точно подмечая любое незначительное изменение в моём настроении.

— Я подарил Ярику тот красный Порше.

— Но ты же получается в итоге всё равно выиграл спор! — фыркаю я.

— Нельзя выиграть в том, в чём ты не принимал участие, — смеётся в ответ Саша. — Хотя я всё равно выиграл, просто потому что теперь в моей жизни есть ты. И пускай косвенно, но этому всё-таки поспособствовал Мереминский. Поэтому... пускай теперь налаживает свою личную жизнь. Как видишь, порой самые странные способы и идиотские решения приносят свои плоды.

Надеюсь, что это действительно так. И Мереминский не опоздает со своими красивыми широкими жестами. Кто знает, что сейчас на уме у Марины и насколько она вчера была серьёзна в своих словах...

— А ты мне ничего не хочешь сказать?

Так ну нет, он значит партизанил чёрт знает сколько времени, а теперь требует с меня спустя пять минут ответного признания. Нет уж, дудки!

— Хочу, — хитро прищурилась я. — Я очень жду твоих откровений по поводу Шекспира.

— Чёрт бы побрал эту английскую классику, — сокрушается Корсаков, но всё-таки утоляет моё любопытство. — Когда дела отца пошли в гору, меня перевели в элитную гимназию с английским уклоном. Там было куча факультативов и кружков. В том числе театральный.

— Ты что играл Ромео?!

— Мне пришлось. Никто из пацанов не мог запомнить больше четырёх строчек, — тяжело вздыхает Саша. — А я до сих пор могу целые куски декламировать. На русском и английском. Понятия не имею, зачем мой мозг столько времени хранил эту информацию, но вот видишь, пригодилось... Просто нужно было встретить одну очень романтическую барышню, которая без ума от этой веронской истории.

Эх, я бы сейчас многое отдала, чтобы взглянуть хоть одним глазком на юного Ромео в исполнении Саши!

— И если уж мы теперь с тобой полностью откровенны, — по губам Александра третьего скользит хитрая улыбка, которая явно не сулит мне ничего хорошего. — То давай

сюда телефон!

— Чего? Это ещё зачем?!

— Переименовывай! — грозно рычит Корсаков.

А я начинаю дико хохотать.

— Значит, не хочешь быть третьим?

— Не хочу.

— Хочешь быть единственным и неповторимым? — продолжаю веселиться я над столь важным требованием ревнивого Отелло.

— Да, — самодовольно кивает Саша.

— И любимым?

— Да... погоди, что ты сейчас сказала?

Мой смех как-то резко обрывается.

— А ну-ка повтори, — требовательно приподнимает мне пальцами подбородок Саша и пытливо смотрит в мои глаза.

— Любимым, — храбро повторяю я. Ну а куда деваться? Оно как-то само вырвалось в порыве веселья. Это точно проделки сердца, стоило только мозгу потерять бдительность, оно тут же провернуло свои амурные дела. — И если уж мы теперь говорим откровенно, то...

— Продолжай.

— Я люблю тебя. И никуда я от тебя не убегу, пусть и научилась теперь бегать очень-очень быстро. От себя всё равно не убежишь. Ты ведь у меня всегда здесь, — улыбаюсь и прижимаю его ладонь к своему сердцу.

— Девочка моя, — выдыхает мне прямо в губы Саша, и стремительно притягивает меня к себе. Расплывается в какой-то шальной и безумно счастливой улыбке.

Боже, а ведь он впервые назвал меня так ласково! Это уже потом я выясню, что на всяких «зай», «рыбок», «кошечек» и других представителей животного мира у Сашки была аллергия. Только «любимая», только «моя», а в особо игривом настроении — «моё солнышко». Но я не возражала, наоборот — мне это чертовски нравилось.

— Никуда я тебя больше не отпущу. Никогда, — говорит Саша, внимательно глядя мне в глаза. Что-то неуловимо изменилось в воздухе. С удивлением я почувствовала, как напряглись его руки, что еще минуту назад нежно обнимали мои плечи. И этот сосредоточенный серьёзный вздох...

В моё сознание врывается госпожа Вишнякова, которая уверенно непоколебимым тоном сообщает мне о звоне свадебных колоколов. После признания в чувствах. Но не будет же он в самом деле сейчас... Нет!

— Подожди! — воплю я, вцепившись в Сашу, уже перехватывая его на полпути к тому, чтобы встать на одно колено. — Пока ты ничего не сказал и не сделал, выслушай меня!

— Лиз, ну ты серьёзно...

— Саш, ты ведь у меня архитектор? — спрашиваю я с лукаво хитрой улыбкой.

Корсаков распрямляется и впечатывает меня изумлённый взгляд, всё еще пребывая в некой растерянности. Но словосочетание «ты у меня» конечно немножко его задобрило.

— И?

— Вот вы же сначала фундамент закладываете, а только в конце крышу кладёте, — метафорично пытаюсь я донести до него свою мысль. — Так вот, Саш, давай не будем никуда спешить...

— Лиз, ты не хочешь быть моей женой? — Корсаков по-прежнему непонимающе смотрит на меня, явно пропустив мимо ушей все мои отсылки к архитектуре.

— Хочу! Очень хочу, Саш! И девушкой, и невестой. А ещё я очень хочу насладиться всеми этими этапами в наших взаимоотношениях, — обхватываю его лицо руками и нежно целую в губы, — Вместе, с тобой. Наслаждаться каждым мигом, каждым днём, проведенным рядом друг с другом. И потихоньку строить наше совместное будущее. Постепенно, шаг за шагом.

Саша несколько мгновений молчит, явно переваривая информацию. Но потом

облегчённо выдыхает и порывисто притягивает меня к себе, целуя в висок:

— Хорошо. Не будем спешить, — всё-таки соглашается он. Но по голосу я чувствую, что эта вынужденная капитуляция будет недолгой. — Но вещи свои ты перевезёшь ко мне уже завтра!

Ну а что я говорила? Мой невыносимый, но безумно любимый упрямец.

Мне удалось продержаться неделю. Но после всё-таки состоялся мой окончательный переезд к Саше. Было немного грустно прощаться со съёмной квартирой, в которой прошёл очень непростой и важный период моей жизни. Но это был правильный и нужный шаг.

Жить вдвоем с Корсаковым оказалось довольно легко и комфортно. И даже период «притираний» каким-то образом обошёл нас стороной.

Корсаков больше не заводил вопросов о свадьбе. И я была ему за это благодарна. Ведь, помимо того, чтобы насладиться всеми этапами наших взаимоотношений, для меня было важно попробовать достичь в этой жизни чего-то самой. В той же самой журналистике, о которой я много лет мечтала. Будучи Елизаветой Бельской, а не женой того самого богатого и влиятельного Корсакова. На удивление, Саша не стал обижаться, а отнёсся к моим словам с пониманием. Потому что он, как никто другой знал, насколько сложно находиться в тени заслуг других людей. Он и сам много лет потратил на то, чтобы завоевать уважение и признание акционеров холдинга, и доказать, что он не худший управленец, чем когда-то был его отец.

Почти на исходе лета состоялось долгожданное открытие «Корсара», который произвёл настоящий фурор в нашем городе. И окончательно закрепило за Сашей лидирующие позиции в руководстве «АКВИРСа». Конкурс с журналом «ГородОК» несмотря на своё довольно странное начало в итоге имел оглушительный успех. Фара с нашей пиарщицей Алиской потом радостно отчитывались об увеличении трафика на сайте и в социальных сетях. Рекламодатели тоже активизировались чуть больше, что помогло нам не так сильно просесть в продажах после того, как Скворцова переманила несколько наших крупных клиентов.

Самой первой из нас неожиданно вышла замуж Сёмина. Которая решила особо не тянуть с брачными узами и «брать, пока еще тёпленький» своего серьёзно настроенного и отчаянно влюбленного кавалера. Свадьба получилась шумной и весёлой, под стать этой парочке. Букет невесты предсказуемо поймала я, а Саша — подвязку. А потом на обратном пути до дома я постоянно ловила многозначительные взгляды Корсакова. Да тут и к гадалке можно было не ходить, и так было понятно, что в его голове всю готовился настоящий штурм крепости.

Как оказалось, дело было в том, что Корсаков по своей натуре относился к тому редкому, практически вымирающему виду мужчин, которые были однолюбам. Он искренне считал, что слова любви обязательно должны подкрепляться конкретными серьёзными поступками. Например, предложением руки и сердца — как говорится, куда уж серьёзнее и конкретнее. Моя попытка отсрочить данный момент была встречена хоть и с пониманием, но без особого энтузиазма. Впрочем, с учётом начала наших отношений, быстрой победы в данном вопросе он и не ждал.

В этом году День Рождения журнала решили перенести на пару недель пораньше, на середину сентября, чтобы его смогли посетить наши учредители из Питера, и поздравить самарское отделение с первым крупным юбилеем.

И это награждение у меня не обошлось без небольшой нервотрёпки — накануне мероприятия Корсаков улетел в командировку к своим ненаглядным бельгийцам, и его обратный рейс задержали на несколько часов. Поэтому на награждение он явился ровно к

тому моменту, как меня позвали на сцену для вручения почётного звания. Но я на него не злилась. Я знала, что Сашка сделает всё возможное, чтобы быть рядом в этот важный для меня вечер. И если понадобится, сможет и самолет угнать и собственноручно его посадить.

Уже стоя на сцене перед Татьяной и Ксюшей, которые рассказывали об успехах журнала за прошедший год и о моём вкладе в выполнения плана продаж, я нашла в толпе взгляд любимых серых глаз. Которые светились гордостью и восхищением. Для Саши не было секретом, как много мне пришлось потрудиться, чтобы привлечь новых клиентов, после того урона, что нанесла Скворцова. И если весной кто-то и сомневался в моём соответствии званию «Лучший продажник года», то теперь им сложно было что-то возразить по этому поводу.

Одной рукой аккуратно приподняв подол своего струящегося платья и стараясь не уронить букет вместе с дипломом, спускаюсь со сцены под оглушительные аплодисменты. Но мне до них нет никакого дело, потому что я безумно соскучилась по одному сероглазому красавчику.

Вижу, как Саша направляется навстречу мне, пробираясь через толпу. Но первым неожиданно рядом со мной материализуется Берестнев.

— Мои поздравления, Лизавета, — сочится мёдом его улыбка и слова. Глаза бесстыже и нагло рассматривают меня. А я с беспокойством отмечаю, что он уже слегка выпил. Или не слегка? — Рад работать с самыми лучшими. Потанцуем? Давайте мне ваш букет, я его куда-нибудь пристрою.

С немым ужасом смотрю на его протянутую ладонь. И тут на мои плечи опускаются руки Корсакова.

— Добрый вечер, Павел Петрович. Какое удивительное совпадение. Так значит вы клиент моей Лизы? — спокойно и обманчиво доброжелательно интересуется Саша, протягивая Берестневу руку для приветствия. А второй рукой он прижимает меня к себе, мимолетно целуя в шею.

— Д-да-а, — чуть запинаясь, отвечает Павел, в миг то серея, то багровея прямо на наших глазах. — Добрый вечер, Александр Романович...

— Как идут дела по открытию нового филиала? Обживаетесь потихоньку?

— Д-да-а...

Берестнев напоминал заезженную пластинку. Расширенными от страха глазами смотрит то на меня, то на Сашу.

— Ну если что потребуется — обращайтесь. Хорошего вечера! Пойдем потанцуем, любимая, — уже чуть тише шепнул мне на ухо Корсаков. Но могу поклясться — Берестнев всё отчетливо слышал, потому постарался как можно быстрее ретироваться от нас куда подальше.

— И вот обязательно было так пугать дядечку? — вздыхаю я, впрочем, так и не сумев сдержать улыбки. Значит, Берестнев открыл новый филиал стоматологической клиники на одном из этажей «Корсара», о чём ему не поленился напомнить Саша.

— Пускай дядечка рот на чужую женщину не разевает! — отрезал Корсаков. — Всё, Лиз, пошли танцевать. Я дико соскучился!

Больше Берестнев мне не делал предложения сходить с ним в театр. Как, впрочем, и благоразумно воздерживался от любых попыток наладить со мной более близкое общение. И не он один. По некоторым другим клиентам я тоже заметила, как немного изменился наш привычный тон общения. С учётом того, что Корсаков водил знакомство с половиной

делового круга Самары, это было неудивительно. Я только тихо посмеивалась про себя, наблюдая такую чрезмерную заботу со стороны Сашки. Правда иногда мне всё-таки хотелось его прибить, когда в нём на полную мощность активизировались замашки ревнивого собственника.

Пожалуй, только к Фаре он относился доброжелательно. И в умеренных дозах мог терпимо относиться к Свиридову, который никуда не собирался пропадать из моей жизни.

Получив премию продажника года, я наконец смогла осуществить свою мечту и отправиться в путешествие по Италии. И дело было вовсе не в денежной премии — просто к октябрю вечно занятой и деловой Корсаков смог освободить несколько недель для отдыха.

Конечно же покрыть часть расходов на поездку из своей премии Корсаков мне не дал. А на мой возмущенный вопль «и зачем я тогда горбатилась целый год на работе», Саша со смехом предположил, что видимо на сувениры и подарки из Италии для всех своих друзей. С этим предложением я спорить не стала, потому что идея в целом пришлась мне по вкусу. Пускай даже и этот невыносимый упрямец опять сделал всё по-своему, не оставив мне выбора.

Те дни, что мы провели вместе в Италии, стали одними из самых счастливых дней в моей жизни. Мы действительно смогли увидеть всё, о чем я так давно мечтала. Посетить и ту самую винодельню и несколько кулинарных мастер-классов. И конечно же во Флоренции познакомиться с матерью Сашки.

Софи, как ласково называл её новый муж, оказалась очень доброй, открытой и общительной женщиной, от которой исходила просто невероятная энергетика. С первых же минут знакомства мы легко нашли с ней общий язык. Я смотрела на неё с каким-то неммым восхищением и думала, что если отец Корсакова был прав, и во мне есть хотя бы малая толика обаяния этой потрясающей женщины, то это один из самых лучших комплиментов, которые мне когда-либо делали. Конечно же не обошлось и без кулинарных вечеров, когда Софья Сергеевна с радостью делилась своими знаниями, как в итальянской, так и русской кухне.

И именно она научила меня варить супы, которые долгое время были моей ахиллесовой пятой. А когда Сашин отец Роман Сергеевич первый раз похвалил мой борщ и попросил добавки, мы с Корсаковым не смогли удержаться и дружно захохотали, вспоминая то незабываемое утреннее знакомство.

Корсаков был, конечно, рад, как тепло мама приняла его выбор. Или как он порой ворчал — даже слишком тепло, позабыв о собственном сыне. Но, конечно, это он делал так, чисто для виду. А сам целыми днями ходил довольный-предовольный.

Даже без семейных посиделок Флоренция всё равно покорила мое сердце, заняв там особое место. Казалось, мы могли часами бродить с Сашей по её мощеным улочкам, смеясь, беспрестанно целуясь, точно какие-то подростки и разговаривая обо всём на свете. Мы могли совершенно случайно забрести в какие-то тихие уютные уголки, где причудливым образом переплеталась красота старинных зданий и современный ритм жизни.

— Как же хорошо, — говорю я, но эта фраза и в сотой степени не описывает всё то, что я чувствую в данный момент. Мы стоим в каком-то небольшом уютном дворике, который относился к очередному старинному собору, а мы их повидали уже по меньшей мере с десятков. Вокруг множество зелени, ещё цветущих деревьев и... абсолютная тишина, лишь изредка прерываемая голосами птиц. На удивление, сюда ещё не добрались толпы туристов. И этот маленький островок тишины и спокойствия принадлежал только нам

двоим.

— Вот бы так было всегда, — говорит Саша, и привлекает меня к себе, удобно разместив руки на моем животе.

— Да-а, — соглашаюсь я. Откидываюсь головой ему на грудь, поднимаю взгляд в ясное насыщенно синее небо без какого-либо намёка на осень.

— Всё в наших руках, Лиз, — ловит мой взгляд Саша. — И потому у меня к тебе есть одно предложение.

— Деловое? — улыбаюсь я, уже примерно догадываясь, к чему он клонит.

— Лучше. Выходи за меня, — Корсаков медленно разворачивает меня к себе и впивается в меня внимательным сосредоточенным взглядом.

Нежно берёт меня за руки, а по его губам скользит смущенная улыбка. И понимаю, что мой решительный и упрямый Сашка сейчас нервничает, как никогда. И этот факт затапливает до краев моё сердце какой-то щемящей радостью и теплом.

— Я уверен, что мы с тобой обязательно будем счастливы. Лиз, я сделаю всё для этого. Чтобы ты ни одного дня не пожалела об этом решении. Просто давай будем вместе. Ты и я — навсегда. Я хочу просыпаться каждое утро рядом с тобой. Хочу построить наш собственный дом. Для нас и наших детей. Хочу вернуться сюда с тобой в глубокой старости и вновь пройтись по этим самым улочкам. Да много чего ещё хочу, Лиз, но только, чтобы именно ты была рядом. Я люблю тебя.

Все так же неторопливо и не сводя с меня своего внимательного взгляда, Корсаков встает на одно колено и достает бархатную коробочку, которая так долго ждала своего часа.

— Ты станешь моей женой?

— Да, — отвечаю я, на этот раз абсолютно уверенно и без всяких раздумий, готовясь открыть новую счастливую главу в своей жизни.

Вопреки приметам и пойманным трофеям на свадьбе Сёминой следующей я замуж не вышла. На этот раз меня обскакала Маришка — да-да, теперь я называла её именно так. А вовсе не блондинистая стервозина и не церберша. Вот так неожиданно Вишнякова прочно обосновалась в моей жизни, став мне настоящей подругой. И если мы с ней и вспоминали наши былые битвы, то только с юмором и бесконечными подколами друг друга. Маринка всё-таки смогла обрести своё счастье. Спустя всего год после замужества она стала мамой двух очаровательных мальчуганов. А у меня появилось два крестника.

Не обошлась без трофеев и эта свадьба. И если Корсаков выиграл свой трофей в открытой честной борьбе, то я даже не вышла ловить букет. Но это не помешало ему грохнуться мне прямо под нос, когда я сидела за столом.

— Да вы издеваетесь! — шиплю я, с возмущением глядя на тарелку, в которой ещё недавно была красиво разложена еда.

— Лиз, я играла в волейбол в университетской команде. Ты правда думаешь, что я бы до тебя не докинула букет из другого конца комнаты?

— Ты стояла ко всем спиной!

— Да хоть с закрытыми глазами и на голове, — смеётся Маринка. — Хватит уже тянуть. Или ты решишь подождать пока Валька выйдет замуж и собственноручно отметелит тебя букетом по голове?

Такая перспектива выглядела неправдоподобно и очень смешно, но проверять на практике я её не стала. Валька и Гоша весь этот свадебный бум по-прежнему не поддерживали и просто счастливо жили вместе уже в расширенном составе — Батону решили завести друга, с не менее оригинальным именем, так что ребятам стало вдвойне некогда скучать. К тому же дела в дизайн-бюро братьев Мальцевых стремительно шли в гору, и уже во всю маячил уже выход на международный уровень.

На самом деле мы не тянули, а уже давно решили с Сашей играть свадьбу в конце августа. Оставалось только решить — где. Софи конечно же зазывала нас в Италию и постоянно скидывала различные ссылки, в каких местах можно всё красиво организовать. Но после Нового года мне стало не до свадебных хлопот. Ведь под бой курантов я приняла твёрдое решение покинуть журнал и попробовать свои силы в журналистике.

Решение было непростым. И если бы не поддержка Саши, наверное, я бы ещё много лет довольствовалась только ведением колонки. Мне удалось устроиться в одну из местных газет обычным корреспондентом. Поначалу мне нравилось, и я с головой ушла в новый для себя мир. Но уже спустя несколько месяцев я с ужасом поняла — нет, это не моё. Слишком много нервов и сил отнимает у меня каждый материал, слишком маленькая зарплата — намного меньше той, к которой я привыкла, будучи продавцом, слишком склочный и недружный коллектив, по сравнению с которым даже наши бабские разборки в журнале были детским лепетом. Увольняться и уходить в никуда я не хотела, возвращаться в продажи тоже, а оставаться и терпеть нелюбимую работу было выше моих сил.

— А почему нужно обязательно писать? — спрашивает Саша, перебирая пальцами мои волосы. Мы лежим перед сном, обнявшись, а я в очередной раз делюсь с ним своими опасениями и страхами. — Ты же неплохо берешь интервью.

— Ага. У тебя!

— Если ты смогла разговорить человека, который терпеть не может давать интервью и с которым ты была в ссоре, то ты сможешь взять интервью у кого угодно.

— То есть ты мне предлагаешь пойти работать на телек?

— Не обязательно. Можно и блогером стать.

— Ты же терпеть не можешь блогеров! — подсакиваю я.

— Ты будешь моим любимым блогером, — хитро улыбается Корсаков, вновь укладывая меня рядом. — Лизонь, обещай, что хотя бы попробуешь.

И я действительно попробовала.

Я начала делать не только интервью с интересными людьми нашего города, но и видеорепортажи о необычных событиях и мероприятиях. О том что вряд ли покажут по телевизору, посчитав это незначительным и ненужным. Но у меня каким-то удивительным образом удавалось раскрыть тему так, чтобы вызвать любопытство даже у самого рядового и не сильно заинтересованного в происходящем зрителя. А помогал мне в продвижении моего канала Мереминский. Ярик продолжал трудиться в холдинге Корсакова и параллельно вёл несколько перспективных проектов, и за несколько лет смог добиться в своей профессиональной деятельности небывалых высот. Мы довольно много времени проводили вместе, что вызывало лёгкое недовольство Саши. Но мы с Яриком только смеялись в ответ на его показное бузение. К тому же, с женой Мереминского мы были в отличных отношениях. Она всецело мне доверяла и потому с лёгкой душой отпускала своего благоверного трудиться на благо моего дела.

А еще одним из продюсеров и сценаристов проекта стал Фара. Сафин со временем тоже покинул журнал, сосредоточившись на своей стендап-карьере, проведении мероприятий и продюсировании. В общем, раскрыл свой потенциал на полную. От родителей он уже давно съехал, но только до сих пор не нашел ту самую идеальную для себя девушку.

Вслед за Сафиным стали покидать журнал и другие коллеги. Через несколько лет «ГороОК» перешел на онлайн-версию, а после нескольких выпусков и вовсе закрылся.

Через несколько лет мне довелось столкнуться на одном мероприятии с Ланой, которая ни капельки не изменилась, просто добавила чуть больше лоска и шика к своему и так идеальному королевскому образу. Зубкова вышла замуж за того депутата и даже родила ему несколько детей. В свободное время, которого у Светы довольно много, она занимается благотворительностью и активно посещает светские мероприятия. В общем, она выжимала из своего нового статуса максимум, как и предсказывал Мереминский.

Не обошлось и без ещё одного «привета из прошлого», но на этот раз не такого приятного. Ника всё-таки смогла охомутать Гордеева. Роскошная стильная свадьба прогремела не только на всю Самару, но и на всю страну — организаторы и декораторы потрудились на славу. Я неоднократно натыкалась на фотоотчет с их свадьбы в светской хронике. Ника вновь вернула себе блонд и вся светилась от счастья, а вот по Гордееву сложно было сказать, рад ли он на самом деле потере (или точнее продаже) своей свободы. Насколько мне было известно, его пристроил в свою компанию отец Скворцовой на какую-то высокую и статусную должность.

К моему глубочайшему удивлению, светские сплетни об этой парочке постоянно подкидывала мне Катюха. Подозреваю, что она до сих пор не простила Гордеева за те годы, что мы с ней отдалились друг от друга из-за его пагубного влияния. Но мы с сестрой вполне успешно и довольно быстро наверстали упущенное, разрешив недопонимания и простив друг другу прошлые обиды. А под Новый год я стала тетужкой — Катюня родила настоящего

богатыря весом почти в пять килограмм, которого назвали Богданом.

С появлением Богдана, наши родители всё-таки решили осесть в Самаре, чтобы нянчить внука. Отношения с ними у меня не особенно изменились, но смотрела на это я теперь совсем по-другому. С каким-то пониманием и смирением, заостряя внимание больше на положительных моментах, чем на детских обидах. Но для этого конечно пришлось довольно много работать над собой.

Я была в шоке, когда узнала, что мама хочет принимать участие в подготовке к моей свадьбе. И даже осталась в Милане после своих очередных переговоров, чтобы помочь нам с Софьей Сергеевной выбрать платье. Толку от неё правда было мало, потому что она беспрестанно ревела от умиления, и вздыхала, как же быстро я выросла. По большей части сделать окончательный выбор мне помогла Софи. Мама Саша явно была в восторге от всех этих многочасовых примерок нарядов — и потому с огромной радостью и азартом гоняла туда-сюда бедных девушек-консультантов, распекая их на все лады на итальянском.

— Лизок, мне кажется это оно, — кивает Софи на очередной дизайнерский шедевр, который нам вынесла консультант.

Поднимаю глаза и теряю дар речи. У меня даже дыхание перехватило при виде такой красоты! Потому что да — оно то самое. То, что мне нужно. Мое идеальное свадебное платье, чтобы стать женой самого идеального и потрясающего мужчины на свете.

Тонкое плетение кружева, которое нежно обволакивало весь силуэт и красиво обрамляло глубокий вырез на спине. Огромная пышная юбка в форме русалки переходила в пышный шлейф.

Я понятия не имела, смогу ли в нём танцевать или перемещаться в течение всего свадебного дня, но знала — Корсакову точно понравится. Особенно такой пикантный вырез на спине. И пускай все говорят, что для невесты самый важный момент, когда она впервые надевает свадебное платье, лично я ещё с нетерпением и предвкушением ждала тот момент, когда руки моего любимого мужчины помогут избавиться мне в конце вечера от очень красивого, но уже совершенно лишнего предмета одежды.

Место для проведения свадьбы нашлось совершенно неожиданно благодаря одному из видеосюжетов, который я делала для своего ютуб-проекта. Это был мой первый выездной сюжет недалеко от Москвы. Заночевать мне пришлось в недавно построенном парк-отеле, который очень напоминал типичное итальянское поместье. И когда утром я решила прогуляться по огромной территории, то поняла, что нужно срочно вызывать своего дорогого жениха и показывать ему место. Хотя я на двести процентов была уверена, что Саше здесь тоже понравится.

— Папа будет доволен, что не придется ехать к макаронникам, — добавил со смехом Корсаков, когда мы подписывали документы для бронирования нашей даты.

По нашему обоюдному с Сашей решению мы обошлись скромной красивой свадьбой в кругу самых родных и близких. Без излишней шумихи, показухи и толп важных, но никому не известных гостей. Нам не нужно было никому ничего доказывать, и мы не стремились попасть на страницы светской хроники. Мы просто хотели разделить этот счастливый день с нашими любимыми людьми.

— Елизавета Корсакова, — шепчет мне на ухо Саша, медленно скользя вниз подушечками пальцев по моей оголенной спине. — Мне нравится, как это звучит.

— Мне тоже, — улыбаюсь я, пытаюсь сохранять спокойно невозмутимый вид. А внутри всё полыхало от его прикосновений. Боже, скорее бы уже вынесли этот чёртов свадебный

торт!

— Потерпи, ещё немного и мы от всех сбежим, — Корсаков без особого труда читает мои мысли, привлекает меня к себе и целует. Так как нежно и страстно одновременно, так как может только он. Каждый раз пробуждая во мне невероятную гамму чувств и эмоций, а главное — ощущение безграничного счастья. Которое возможно только когда ты полностью уверен в том, что ты по-настоящему любишь и любим.

Несколько лет спустя

В очередной раз смотрю на часы, с нетерпением отсчитывая минуты. Съёмки в другом городе — это всегда огромное испытание моего сердца на прочность. Потому что несмотря на то, что я кайфовала от своего ютуб-канала, как только работа над сюжетом завершалась, на меня накатывала безграничная, невыносимая и беспросветная тоска. И побороть её можно было только заключив в объятия двух человечков, которые навсегда украли мое сердце.

Вот и сейчас, примчавшись из аэропорта, я затаив дыхание сидела и ждала, когда в коридоре раздастся знакомый топот маленьких ножек и звонкий залиvistый смех.

Три с половиной года назад у нас Сашей появилось маленькое, но в то же время огромное счастье по имени Маруся. Вот уж кто по праву носил королевское имя и обладал королевским характером — мы с Катюхой ей даже в подметки не годились! Мария была развита не по годам, любознательна и активна. А ещё невероятно целеустремлённа и упряма, как папа, который, впрочем, ничуть не смущался этого факта и во всём ей потакал. Как, собственно, и любимый дедушка.

Роман Викторович прямо помолодел с появлением внучки. И будто бы обрёл новый смысл жизни. А я с удовольствием отмечала день изо дня, что отношения между ним и Сашей также вернули былую теплоту и привязанность.

Свёкор у меня правда был мировой — хотя многие и боялись его острого языка и тяжёлого характера, но я всегда ощущала от него только доброту и поддержку. И я ни капельки его не боялась. Именно он активно помогал нам с Сашей, когда родилась Маруся, выдворив за дверь к чёртовой матери весь штат нанятых нянь «за ненадобностью и невозможной криворукостью». Само собой и Машулька тоже обожала деда, который был не только заботливым наставником, но и активным участником всех её проделок.

С улыбкой перевожу взгляд на свой портрет, тот самый который нарисовал Саша во время нашей разлуки. Он уже много лет украшает мой рабочий стол, а совсем недавно здесь появился и другой мой портрет, который своей детской ручкой нарисовала Маруся. Судя по всему, дочурка не только характером пошла в папу, но и своими творческими наклонностями.

— Мама! — доносится требовательный и громкий возглас.

Бегу со всех ног и заключаю в объятия мою маленькую красавицу. Господи, как же я скучала!

Нежно целую ее темноволосую макушку, пухлые щёчки и упрямый носик. Машка у нас настоящая папина дочка, да и по внешности была точной копией Корсакова. Пожалуй, только глаза у нее всё-таки были ближе по оттенку к моим зелёным. А так — ну вылитый Александр Романович с задорными хвостиками и очаровательной улыбкой.

И диадемой на голове. Тяжело вздыхаю и перевожу взгляд на Сашу, выражая своё осуждающее неодобрение.

— Не смотри так на меня, — усмехается он, наклоняясь и оставляя на моих губах лёгкий практически невесомый поцелуй. — Ребенок доволен, а остальное неважно.

Уже которую неделю Маруся предпочитает ходить в садик исключительно в диадеме, как и полагается настоящей принцессе. И никакие наши доводы о том, что обычно все

девочки надевают диадему на праздники, особого влияния на неё не возымели. Как, впрочем, и предупреждение, что другие девочки в садике могут очень сильно расстроиться, ведь у них не было таких украшений.

— Пускай папа им всем тозе купит, — невозмутимо ответила Маруся. — И тогда никто не ласстроится. Папа, ты ведь купишь, плавда?

А Корсакову ничего не оставалось делать, как пойти и купить всем эти чёртовы диадемы. Ну и заодно рыцарские мечи для мальчиков. Чтобы уж точно никому не было обидно. В общем, Маруся вила из нас верёвки чисто по-королевски. И хоть мы и бурчали периодически на этот счёт, но в целом, были не против. Потому что устоять перед этой очаровательной мордашкой было очень и очень сложно.

— Мам, а у меня появился новый зыних! — довольно лопочет Маруся, обнимая меня за шею. Как обычно, приходя из садика, ей не терпелось рассказать нам все самые последние новости о прошедшем дне.

— Какой такой жених?

— Он только вчела к нам плишел, — сообщает дочка. — Он холоший — совсем-совсем не делется, пледставляешь? А ещё у него листиницы такие длинные-длинные!

Нет, ну длинные ресницы и покладистый характер — это конечно весомый аргумент.

— Поэтому тепель Саша мой новый зыних!

— Марусь, а старого ты куда дела? — не могу сдержать я в ответ улыбки. — Серёжа, кажется, был, да?

— Нет! Тозе Саша! — смеётся дочурка. А где-то в углу начинает давиться от смеха Корсаков. — Деда сказал, пускай идет в запас! Потом плигодится!

Ага Роман Викторович плохого не пожелает. Скоро такими темпами мы этих женихов, как огурцы, солить будем.

— И в кого это у неё такая любовь к Сашам, — задумчиво протягивает Корсаков, возвращаясь к нам. Кидает на меня многозначительный лукавый взгляд.

— Даже не начинай! — приподнимаюсь я с пола и шутливо толкаю его в бок.

Маруся с интересом смотрит на нас, но пока ещё не понимает причины веселья её родителей. Пройдет ещё много лет, прежде чем я расскажу ей подробно историю нашего знакомства с её папой. О том, что от судьбы никуда не убежишь. И что по-настоящему твой человек обязательно тебя найдет.

Возможно, это произойдет совершенно случайно. И твоё счастье найдёт тебя где-то по дороге домой. Нужно просто не побояться впустить его в свою жизнь, довериться и открыть своё сердце. Главное — любить. И никогда не сдаваться, несмотря на все невзгоды и трудности. Ведь настоящая любовь может преодолеть всё. Теперь я это точно знаю.

— Ладно, Марусь, покажешь нам завтра с мамой своего жениха. Заценим, что там рыцарь такой нарисовался. Хотя... если он мой тёзка, то я вполне могу быть спокоен. Как говорится, плохого человека Сашей не назовут, — добавляет без ложной скромности мой дорогой муженек, весело сверкнув глазами.

Я не могла не засмеяться в ответ на такую хвалебную тираду, но спорить не стала:

— Конечно. Только самого лучшего.

Больше книг на сайте - Knigoed.net